

Белорусский национальный технический университет
Факультет технологий управления и гуманитаризации
Кафедра «Экономика и право»
Государственный таможенный комитет Республики Беларусь
Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов
Республики Беларусь

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей

Основан в 2013 году

Выпуск 9

Минск
БНТУ
2019

Редакционная коллегия **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, председатель редакционной коллегии, Республика Беларусь;

Байнёв В. Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Басалай И. А., кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Экология» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Богатырёва В. В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Республика Беларусь;

Давыденко Е. Л., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Дроздов Г. Д., доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Санкт-Петербургский экономический институт дистанционной формы обучения», Российская Федерация;

Елкина О. С., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры безопасности Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация;

Кологривко А. А., кандидат технических наук, доцент, декан факультета горного дела и инженерной экологии Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Курегян С. В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Лемещенко П. С., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Лепеш Г. А., доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой безопасности населения и территорий от чрезвычайных ситуаций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Российская Федерация;

Лученок А. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Макарова И. В., доктор экономических наук, доцент, начальник управления по научно-исследовательской работе, Уральский государственный экономический университет, Российская Федерация;

Медведев В. Ф., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий сектором мировой экономики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Морова А. П., доктор экономических наук, профессор, член Президиума ВАК Республики Беларусь Республика Беларусь;

Никитенко П. Г., доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси, советник НАН Беларуси, Республика Беларусь;

Симченко Н. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;

Пастухов А. Л., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления, Российская Федерация;

Фаузер В. В., доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация;

Хайкин М. М., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет», Российская Федерация;

Хацкевич Г. А., доктор экономических наук, профессор, декан факультета бизнеса Института бизнеса Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Цёхла С. Ю., доктор экономических, профессор, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;

Шебеко К. К., доктор экономических наук, профессор, ректор Полесского государственного университета, Республика Беларусь;

Чижович В., Ph. D., профессор, профессор кафедры административного и финансового права предприятий Варшавской школы экономики, Республика Польша.

Адрес редакции:

Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, корп. 1, каб. 327, 220013, г. Минск, Республика Беларусь

Решением ВАК Республики Беларусь сборник научных статей «Экономическая наука сегодня» включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований» (приказ от 22.04.2015 г. № 100).

© Белорусский национальный технический университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Солодовников С. Ю. Субординационное и ординационное управление в экономических системах	5
Сергиевич Т. В. Экономическая система общества, культура, мода: категориальный субординационно-онтологический анализ	12
Мелешко Ю. В. Формирование структурной политики с учетом особенностей секторальной структуры производства в неоиндустриальной экономике	23
Курегян С. В. Проблема «собственности» в экономической теории	34
Лученок А. И. Влияние финансовой политики на экономические интересы социальных макрогрупп	39
Кузьмицкая Т. В. Эволюция организации труда и управления промышленным производством	50
Янович П. А. Ценности и предпочтения в поведении домашних хозяйств: отражение в экономических концепциях	63

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Васюченко Л. П. Перспективы новой индустриализации Беларуси в свете закономерностей технологического развития	71
Солодовников С. Ю. Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий	84
Ваўнец В. Ф., Bliznyuk O. S. The modeling of the machine-building complex development of the Republic of Belarus	93
Мелешко Ю. В., Сергиевич Т. В. Исследование социально-экономической обусловленности развития водопроводно-канализационного хозяйства	105
Курегян С. В. Инновационные векторы экономического развития	116
Солодовников С. Ю. Относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере	122
Бахмат А. Б. Регионализация отечественных предприятий водопроводно-канализационного хозяйства с целью повышения эффективности их производственно-хозяйственной деятельности	132
Дроздович Л. И. Теоретико-методологические аспекты формирования интегрированного подхода в управлении в рамках холистического маркетинга ..	145
Китиков В. О., Гурский В. Л., Болтрукевич А. О. Анализ тенденций и рисков развития водопроводно-канализационного хозяйства в Республике Беларусь на современном этапе	152
Мелешко Ю. В. Совершенствование экономического механизма оказания услуг промышленного характера в контексте повышения конкурентоспособности промышленных предприятий Республики Беларусь	169
Байнев В. Ф., Рунков Ю. Ю. Внешние факторы и условия инновационного развития предпринимательского сектора Республики Беларусь	181

Сергиевич Т. В. Технологизация в современной экономике: на примере производства товаров интенсивного обновления	192
--	-----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Клименко В. А., Калинин А. В. Создание филиалов белорусских вузов за рубежом как перспективное направление развития экспорта образовательных услуг	200
Пастухов А. Л. Развитие человеческого и социального капиталов как факторов экономической и социальной безопасности	208
Алексеева Л. Д. Некоторые актуальные аспекты учета объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации	216

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Гурский В. Л. Роль согласования промышленных политик государств – членов интеграционного объединения в условиях глобализации.....	225
Короткевич А. И., Фан Юй Инновационная деятельность в современной системе научно-технического предпринимательства Беларуси и Китая: проблемы и механизмы реализации	240

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Бахматова Е. И. Становление кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь	255
Зубрицкая И. А. Концептуальная модель организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленных предприятий Республики Беларусь	267
Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей «Экономическая наука сегодня»	278

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1

ББК 65.01

**СУБОРДИНАЦИОННОЕ И ОРДИНАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ*****С. Ю. Солодовников**

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию содержания субординационного и ординационного управления. По результатам исследования установлено, что по мере усложнения социально-экономических отношений, вызванных объективным процессом перехода от традиционного рыночного хозяйства, основанного на индустриальном технологическом укладе, к более развитым формам хозяйствования, значение социального капитала и для субординационного управления в экономических системах возрастает. Кроме того, по мере социального и технологического прогресса, неизбежно будет происходить увеличение роли ординационного экономического управления по сравнению с субординационным, а также значительное увеличение разнообразия в формах экономического управления.

Ключевые слова: экономическая система, разделение труда, управление, труд, политическая экономия, деятельность, рынок, модернизация экономики.

Введение. Белорусская политическая экономия сегодня стоит перед историческим выбором: либо преодолеть гносеологический кризис, в котором она находится с 90-х годов прошлого века, либо исчезнуть, быть вытесненной узкими экономическими дисциплинами, потеряв при этом такие важнейшие функции Экономической науки как мировоззренческая, критическая, методологическая и идеологическая. Последнее, по нашему глубокому убеждению, недопустимо. Ведь «добровольно» отказавшись от политической экономии, станет невозможным не только достоверно прогнозировать глобальные и региональные тенденции социально-экономического развития, но и защищать наше общество от все возрастающего идеологического давления со стороны. В связи с этим представляется актуальным исследование проблемы субординационного и ординационного управления в экономических системах.

Результаты и их обсуждение. При раскрытии феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах будем опираться на теоретико-методологические основы исследования экономических отношений, сформированные Н. В. Герасимовым [1, с. 174] и А. П. Моровой [2] в рамках белорусской субъектно-деятельностной политэкономической школы, позднее нашедшие свое воплощение в научной школе «Исследование модернизации экономики», сформировавшейся в БНТУ. В рамках последней были:

– разработаны теоретико-методологические основы исследования социального по-

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г18РА–011 от 30.05.2018 г. «Сетевые механизмы инновационного развития в Республике Беларусь и Республике Румыния»).

тенциала белорусского общества. Дана сравнительная оценка состояния социального капитала в стране и последствий его влияния на стабильность белорусского общества. Предложены механизмы новой стратегии развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь;

– обоснована необходимость системной реформы белорусских предприятий, которые сегодня существенно ограничены в главной функции экономической организации в рыночной экономике – функции товаропроизводителя. Для отработки механизмов реформирования госсектора предложено провести в разных отраслях экономики республики серию экономических экспериментов по использованию различных форм контрактных отношений между государственными органами и руководителями (трудовыми коллективами) предприятий;

– развиты теоретические основы трансформации трудовой мотивации, определены направления ее совершенствования в условиях модернизации экономики. При оптимистическом сценарии развития должно наблюдаться превышение темпов роста заработной платы над темпами роста производительности труда. В Республике Беларусь доля оплаты труда и доля потребления в структуре ВВП должны вырасти и приблизиться к уровню экономически развитых стран, поскольку без этого невозможно обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала.

Применительно к теме нашего исследования разработки субъектно-деятельностной политэкономической школы выступят методологической основой, а результаты, полученные в рамках школы «Исследование модернизации экономики», будут использованы при выявлении некоторых особенностей субординационного и ординационного управления в переходных обществах.

Опуская дискуссию по проблеме определения экономической системы общества, исходя из цели нашего исследования, будем придерживаться взгляда на эту систему как на «единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни» [3, с. 25–26]. Такое определение экономической системы общества позволяет сделать вывод, что «функциональное назначение экономических отношений в самом общем плане заключается в обеспечении общества необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, иначе говоря, – в обеспечении обмена общества веществом и энергией с окружающей средой» [4, с. 957].

В свое время нами было показано, что «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек» [5, с. 5]. Названный обмен возможен только на основе труда. Сегодня этот тезис является тривиальным в экономической науке. Вместе с тем, по проблемам эволюции труда и трудовых отношений, по взаимозависимости социально-экономической субординации с эволюцией разделения и кооперации труда постоянно возникают не только разночтения, но и прямо противоположные точки зрения. В результате этого реально-онтологические особенности ординационного управления в отдельных экономических системах проработаны достаточно глубоко (например, в кластерах), а в других либо поверхностно (в экономической системе общества), либо вообще специально не исследовались.

В первом приближении (на поверхности явлений) различия между субординационным и ординационным управлением кажутся очевидными. Субординация – это система

отношений, состоящая в подчинении личной воли индивида воле его начальника, выражающаяся в неуклонном выполнении его распоряжений (приказов). В основе субординационного управления в экономических системах лежит политико-экономическая иерархия, ядром которой, в свою очередь, выступает социально-классовая дифференциация общества. Соответственно, содержанием субординационного управления в экономических системах является следование установленным (обычно институционально оформленным) правилам отношений между субъектами, относящимся к различным социальным классам и/или находящимся на различных ступенях социально-экономической иерархии. При такой трактовке субординационного управления его вычленение из совокупности управленческих отношений в экономических системах представляется достаточно простым – если субъект неукоснительно подчиняется приказу, распоряжению другого субъекта, находящегося на более высокой ступени социальной иерархии, значит, это субординационное управление.

Ординационное управление – это система отношений, состоящая в добровольном совершении индивидом действий, основанных на совпадении интересов (или нахождении компромисса интересов) с индивидом или индивидами, находящимися в одном социальном классе и/или на одном уровне иерархической структуры, выражающаяся в добровольном выполнении этих действий до тех пор, пока он сам считает это целесообразным. В основе ординационного управления в экономических системах лежит объективная возможность и необходимость в условиях классово-дифференцированных обществ использовать не только институциональные возможности и экономические выгоды, порождаемые объективными преимуществами иерархических структур, но и преимущества ординационных структур, в той мере и в тех зонах социально-экономического пространства, где последние политико-экономически и/или коммерчески более выгодны, чем субординационные. Соответственно, содержанием ординационного управления в экономических системах является следование установленным (обычно институционально оформленным) правилам отношений между субъектами, относящимся к одному социальному классу и/или находящимся на одной ступени социально-экономической иерархии. При такой трактовке ординационного управления его вычленение из совокупности управленческих отношений в экономических системах представляется следующим – если субъекты, находящейся на одной ступени социальной иерархии, в процессе своей экономической деятельности самоорганизуются, значит это – ординационное управление.

На субстанционально-гносеологическом уровне рассмотрения феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах, т.е. на самом высоком уровне абстрагирования, вышеприведенные умозаключения являются истинными. Но по мере перехода на более низкий уровень абстрагирования начинают добавляться новые факты, которые требуют уточнения этих особенностей. Так, при институционально-формальной фиксации ординационных отношений между хозяйственными субъектами в холдинге (например, на основе договора) всегда предусматривается система санкций за нарушение либо не надлежащее выполнение принятых на себя обязательств. Это необходимо, поскольку потребности и интересы названных субъектов под воздействием объективных экономических процессов постоянно меняются, что ведет как к невозможности всегда своевременно и в полном объеме выполнять всеми ими ранее принятых на себя обязательств, так и к тому, что не все договорные условия по истечении времени могут соответствовать изменившимся интересам всех субъектов, участников договора. Это обусловлено тем, что экономическая система общества постоянно трансформируется, а вместе с ней и «система трудовой мотивации непрерывно, постоянно, с той или иной быстротой, эволюционирует, т.е. в ней

происходят процессы изменения (преимущественно необратимого характера)» [6, с. 297]. Очевидно, что если в рассматриваемом нами примере любой из участников холдинга сможет в любой момент отказываться от выполнения принятых на себя обязательств по отношению к другим участникам, то система этих ординационных отношений станет настолько хаотичной, что не сможет существовать. Именно поэтому при институционально-формальной фиксации (на основе договора между хозяйственными субъектами) ординационных отношений в холдинге устанавливаются санкции за несоблюдение условий этого договора. Но для того, чтобы эти санкции были реализуемыми, необходимо, как правило, наличие социально-институциональных субъектов, находящихся на более высокой ступени социальной иерархии, которые контролируют (гарантируют) наступление санкций в случае ненадлежащего выполнения условий договора тем или иным участником холдинга. Иначе говоря, ординационные экономические отношения не могут быть устойчивыми без субординационных.

В процессе социально-экономической деятельности субъекты, находящиеся на одной ступени в социальной или экономической иерархии, могут вступать в ординационные отношения с целью защиты своих политико-экономических интересов от субъектов, находящихся на более высоком иерархическом уровне. Такое ординационное управление феноменологически отличается от других бытийных форм этого управления. Более того, в данном случае видно, как субординационное управление может порождать свою «амбивалентную противоположность» – ординационное управление.

Для системного раскрытия феноменологических особенностей субординационного и ординационного управления в экономических системах следует рассматривать это управление в контексте признания труда и трудовых отношений главным фактором, обусловливающим как социально-классовую дифференциацию общества, так и систему экономического управления в нем, поскольку «именно трудовые отношения выступают в качестве основы социальной дифференциации и политико-экономической динамики общества» [7, с. 2]. Трудовые отношения – это «...отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизненности» [2, с. 8].

Важнейшей феноменологической особенностью ординационного управления в экономических системах является то, что оно возможно только на основе высокого уровня социального капитала. Субординационное управление иногда может быть достаточно эффективным и без социального капитала. Вместе с тем, по мере усложнения социально-экономических отношений, вызванных объективным процессом перехода от традиционного рыночного хозяйства, основанного на индустриальном технологическом укладе, к более развитым формам хозяйствования, значение социального капитала для субординационного управления в экономических системах возрастает. Хотя это не меняет общую закономерность: при ординационном управлении значение социального капитала намного выше, чем при субординационном управлении. При этом необходимо учитывать, что «именно на базе развития трудовых отношений в процессе становления и эволюции общества разделенного труда формировались (и сегодня продолжают развиваться) такие важнейшие составляющие социального капитала как: обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность социальной группы, первоначально созданной для одних целей, или сформировавшейся для оптимизации

своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий, трансформироваться в группу, преследующую другие цели» [5, с. 7]. Ординационное управление в экономических системах тогда выгодно, когда в основе его лежат такие вышеназванные атрибуты социального капитала, как обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций.

Современные глобальные цивилизационные, политико-экономические и технологические тенденции свидетельствуют о переходе человечества к качественно новой стадии развития (постиндустриальной, сверхиндустриальной, пострыночной, постпредпринимательской и т.д.). «При этом все ученые, изучающие закономерности возникновения и развития постиндустриального общества, едины в том, что названный процесс сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, значительным увеличением значения знаний для развития экономики» [8, с. 88]. Такого рода изменения требуют формирования нового типа работника, который помимо всего прочего, отличается более высоким уровнем образования. «Регрессионный анализ переменных социальной активности (членство в организациях, количество встреч в год в рамках клуба, работа в общественных проектах и участие в званых обедах) показывает, что образование индивида имеет решающее значение по сравнению с другими социально-демографическими показателями. Увеличение среднего уровня образования в регионе на один год приводит к росту участия в общественных проектах и в званых обедах (на 5 и 20 % соответственно), не оказывает влияния на количество встреч в клубах, снижает участие в организациях на 1 % и оказывает значимое негативное влияние только на участие в профсоюзах и церковных организациях. Таким образом, уровень образования является основной переменной, характеризующей накопление социального капитала и, следовательно, набор институциональных альтернатив, доступных каждому обществу, что и определяет необходимость выявления механизма этого влияния» [9, с. 96]. Из сказанного также следует, что по мере социального и технологического прогресса, неизбежно будет происходить увеличение роли ординационного экономического управления по сравнению с субординационным, а также значительное увеличение разнообразия в формах экономического управления. Это будет менять феноменологическую природу (существенно усложняя) и субординационного, и ординационного управления в экономических системах.

Выводы. Уточнены понятия субординационного и ординационного управления. Показано, что содержанием субординационного управления в экономических системах является следование установленным правилам отношений между субъектами, относящимся к различным социальным классам и/или находящимся на различных ступенях социально-экономической иерархии. Содержанием ординационного управления в экономических системах является следование установленным правилам отношений между субъектами, относящимся к одному социальному классу и/или находящимся на одной ступени социально-экономической иерархии. Раскрыты феноменологические особенности субординационного и ординационного управления в экономических системах на субстанционально-гносеологическом и реально-онтологическом уровне. Выявлено, что важнейшей феноменологической особенностью ординационного управления в экономических системах является то, что оно возможно только на основе высокого уровня социального капитала. Установлено, что: во-первых, по мере усложнения социально-

экономических отношений, вызванных объективным процессом перехода от традиционного рыночного хозяйства, основанного на индустриальном технологическом укладе, к более развитым формам хозяйствования, значение социального капитала и для субординационного управления в экономических системах возрастает; во-вторых по мере социального и технологического прогресса, неизбежно будет происходить увеличение роли ординационного экономического управления по сравнению с субординационным, а также значительное увеличение разнообразия в формах экономического управления.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Герасимов Николай Васильевич // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
2. Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000.
3. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
4. Солодовников, С. Ю. Экономическая система // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с. – С. 957–962.
5. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 1. – С. 5–33.
6. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296 – 308.
7. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
8. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 74–91.
9. Солодовников, С. Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2 (43). – С. 95–98.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2019 года

SUBORDINATION AND ORDINATION MANAGEMENT IN ECONOMIC SYSTEMS

S. Yu. Solodovnikov

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of "Economics and Law"
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the content of subordinate and ordination management. According to the results of the study, it was established that as the socio-economic relations caused by the objective transition from the traditional market economy based on the industrial technological structure to more developed forms of management become more complex, the importance of social capital and for subordinate management in economic systems

increases. In addition, as social and technological progress progresses, there will inevitably be an increase in the role of ordinal economic management as compared to subordinate, as well as a significant increase in diversity in the forms of economic management.

Keywords: *economic system, division of labor, management, labor, political economy, activity, market, modernization of the economy.*

References

1. Solodovnikov, S. Ju. Gerasimov Nikolaj Vasil'evich // Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija XX vek./ Glavn. nauch. red. i sost. A.A. Gričanov. – M.: AST, Mn.: Harvest, Sovremennyj literator, 2002. – 976 s.
2. Morova, A. P. Social'naja politika v sfere trudovyh otnoshenij / A. P. Morova. – Mn.: ISPI, 2000.
3. Gerasimov, N. V. Jekonomicheskaja sistema: genesis, struktura, razvitie / N. V. Gerasimov ; redkol.: Je. A. Lutohina [i dr.]. – Minsk : Navuka i tjehnika, 1991. – 349 s.
4. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomicheskaja sistema // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar': filosofija, sociologija, religija, jezoterizm, politjekonomija / Glavn. nauch. red. i sost. S. Ju. Solodovnikov. – Minsk: MFSP, 2002. – 1008 s. – S. 957–962.
5. Solodovnikov, S. Ju. Perspektivy i mehanizmy razvitija i kapitalizacii social'nogo potenciala Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – Vyp. 1. – S. 5–33.
6. Solodovnikov, S. Ju. Social'no-jekonomicheskie faktory, opredelajushhie izmenenie sistemy trudovoj motivacii v novyh social'no-jekonomicheskikh i tehnologicheskikh uslovijah v Belarusi / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 5. – S.296 – 308.
7. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdaniya social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.
8. Solodovnikov, S. Ju. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindustrial'nom obshhestve / S. Ju. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012. – № 3. – S. 74–91.
9. Solodovnikov, S. Ju. Problemy i perspektivy razvitija social'nogo potenciala v Respublike Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Problemy upravlenija. – 2012. – № 2 (43). – S. 95–98.

УДК 330.11

ББК 65.01

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА,
КУЛЬТУРА, МОДА: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ
СУБОРДИНАЦИОННО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Т. В. Сергиевич

serhiyevich@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье исследованы взаимосвязи таких феноменов как экономическая система общества, культура и мода. Культура рассматривается как фактор становления социально-экономических институтов общественных систем. Усложнение связей и отношений современного общества обуславливает актуальность категориального уточнения явлений и процессов, которые не являются чисто экономическими факторами, одним из которых является феномен моды. Если взаимосвязь культуры и моды очевидна, поскольку в научной литературе моды принято рассматривать в первую очередь как эстетическое, культурологическое, социально-психологическое явление, то условия трансэкономики (Ж. Бодрийяр) порождают необходимость теоретического осмысления феномена моды и места ее реально-онтологических форм в развитии экономической системы современного общества.

Ключевые слова: экономическая система, мода, институты, культура, социальная мобильность, потребление, экономическая мотивация, экономический рост.

Введение. В условиях увеличивающегося межстранового экономического неравенства в поле исследований в современной политической экономии все чаще попадают проблемы выявления факторов, обуславливающих или сдерживающих усиление данной дифференциации, и механизмов их действия в конкретных социально-экономических системах. Ученые ставят задачу выявить причины, по которым некоторые институты доказывают свою эффективность в экономических системах одного типа, но при этом неэффективны в других, а зачастую препятствуют их развитию. Кроме того, с течением времени и по мере эволюции конкретных социально-экономических систем, меняется эффективность присущих им институтов, в том числе, вследствие возникновения институциональных ловушек, препятствующих экономическому прогрессу. По мнению Т. Пикетти, «центральную роль в этом процессе (*росте неравенства – примечание Т. С.*) играют институциональные и политические факторы» [1]. С. Г. Кирдина-Чандлер, исследуя особенности формирования институциональных систем, отмечает: «Базовые институты, сохраняя присущую им основу, проявляют себя в различных исторически изменяющихся институциональных формах, особенности которых определяются историей и культурным контекстом конкретных обществ» [2, р. 13], что предопределяет характер взаимосвязи культуры и социально-экономических институтов.

Исторический подход к эволюции общества и экономики позволяет направить вектор внимания ученых на взаимообусловленность экономического развития и феноменов, традиционно находящихся вне поля зрения экономистов. Внимания заслуживают исследования, посвященные культуре как фактору экономической динамики. Ф. Фукуяма, исследовавший доверие в системе общественных отношений, отмечал: «некоторые этические навыки, а именно предрасположенность людей к стихийному объединению, имеют

решающее значение для возможности усовершенствования организационных форм, а следовательно, и для созидания богатства. Разные этические навыки чреватые разными типами экономической организации, и это подтверждается существующим многообразием экономического устройства общества» [3, с. 72]. Ф. Фукуяма анализировал соотношение традиционной культуры различных обществ и присущих им институтов, показывая, как культура детерминирует развитие общества и экономики. «Однако предположение, что именно культура объясняет процветание столь разных Японии, Швейцарии, Калифорнии (штат США) и что в ней же кроется причина относительной бедности не менее разнящихся между собой Эстонии, Китая и Байя Калифорния (штат Мексики), не только не гуманно, оно неубедительно, – категорично заявляет Э. де Сото. Разрыв в уровне богатства на Западе и в остальных странах мира слишком велик, чтобы его можно было списать исключительно на культурные различия» [4, с. 16]. Данный ученый, стоя на позициях институционального подхода, в качестве главного препятствия «на пути к капиталистическому процветанию» называет «неспособность бедных районов мира создавать капитал. Именно капитал является силой, поднимающей производительность труда и создающей богатство народов. Это кровеносная система капитализма, фундамент прогресса и то единственное, что граждане бедных стран не умеют производить для самих себя, причем вне зависимости от того, с какой энергией они выполняют все требования капиталистической экономики» [4, с. 17]. В качестве основного фактора, определяющего экономический разрыв между странами, Э. де Сото называет институциональный фактор, а именно использование систем легальной собственности. «Многие западные люди пребывают в заблуждении, что успешность их капиталистических обществ есть результат унаследованной трудовой этики или экзистенциальной боли, воспитываемой религиозной традицией» [4, с. 227], – пишет названный автор, указывая на сложную систему факторов, обуславливающих неспособность большинства стран третьего мира, использующих капиталистические институты, догнать по уровню экономического развития сегодняшних лидеров. «Вместо исследований, которые могли бы объяснить причины поражения капитализма за пределами Запада, мы имеем массу непроверенных и большей частью не допускающих точно оценки предположений, сводящихся исключительно к наклеиванию ярлычка "культура". Главный результат такого положения: слишком многие привилегированные обитатели разбросанных по миру островков благополучия имеют возможность наслаждаться сознанием своего превосходства» [4, с. 228].

Под иным углом соотношение культуры и экономики рассматривает С. В. Курегян: «Нельзя считать, что экономика первостепенна для развития общества, а искусство и культура – второстепенны. Искусство и культура без экономики не способны развиваться, поскольку экономика предоставляет ресурсы для их развития. Последние, в свою очередь, проникая в экономику, становятся ее составной частью. Более того, в их сфере наблюдаются экономические процессы, бизнес-операции и т. п. Поэтому следует говорить скорее об экономике искусства и культуры» [5, с. 30]. Дискуссия представителей не только различных научных школ и приверженцев различных методологических подходов, но и различных областей знаний свидетельствует о междисциплинарном характере проблематики, что обуславливает ее сложность и актуальность.

Результаты и их обсуждение. Взаимообусловленность таких феноменов как экономическая система общества и культура очевидна, при этом, как справедливо подчеркивает С. Ю. Солодовников, «при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук, но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений» [6, с. 273]. К определению культуры в

контексте настоящего исследования нами принимается подход В. С. Степина, разделяемый С. Ю. Солодовниковым [7], в рамках которого под культурой понимается «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности – всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития» [8, с. 524]. При таком понимании культуры очевидна ее взаимосвязь с экономической системой общества, под которой автором понимается «единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни» [9, с. 25–26].

Взаимосвязь культуры и экономических отношений проявляется в нескольких аспектах. Традиции, формирующие основу культуры конкретных сообществ, служат поддержанию устойчивости их экономических систем. Благодаря культуре в обществе воспроизводятся формы социальной жизни, виды деятельности, характерные для конкретного типа общества, отношение к труду. Исторически культура влияет на формирование общественных и социально-экономических институтов, которые обуславливают развитие экономической системы общества (формируют институциональную среду экономической деятельности). Культура во многом определяет вид институциональной матрицы конкретного общества. «Культурологическая парадигма предусматривает этико-нормативный поворот в интерпретации механизмов формирования и трансформации институциональной системы экономики с учетом того, что на основе доминирующих этико-экономических ценностей происходит отбор, легитимация и институционализация экономических норм и правил, которые рассматриваются как предпочтительные для обеспечения успешного роста производительности и конкурентоспособности экономической деятельности и которые, в свою очередь, влияют на формирование этих ценностей [10, с. 97–98], – говорит В. Бирюков об взаимообусловленности культуры и экономики. О взаимовлиянии экономики и культуры С. В. Курегян заключает: «Искусство и культура оказывают влияние на культуру производства, на межличностные отношения в процессе всех видов производства, повышают производительность труда работников посредством внедрения результатов дизайна, технической эстетики, делая труд более привлекательным и насыщенным, творчески содержательным» [5, с. 22–23].

Культурная среда детерминирует поведение отдельных индивидов и их групп. Существующие в обществе ценностные ориентации людей, правила и нормы во многом влияют на экономическую мотивацию индивидов, что формирует их экономическое поведение и механизмы осуществления экономического выбора. О. С. Сухарев, исследуя методологические проблемы экономической науки, справедливо подчеркивает:

«Рациональность же присутствует всегда, важен лишь ее критерий и его применимость в конкретных обстоятельствах выбора» [11, с. 70–71]. Поведение индивидов складывается под влиянием множества разнокачественных факторов – существующих ценностей, индивидуальных предпочтений, экономических критериев выбора, а также неотделимого от всего перечисленного социокультурного контекста принятия решений. В значительной степени методологическую основу исследования данной проблематики составляют постулаты поведенческой экономики, использующей достижения социологии, психологии, культурологии, нейролингвистики и других наук, что позволяет говорить о широком применении междисциплинарного подхода ученых в данной области знаний.

Относительно стабильный социокультурный контекст конкретного общества формирует присущие ему обычаи и традиции, выполняющие функцию сохранения и воспроизводства культуры и выступающие в качестве социальных регуляторов. Обычай как социальный регулятор влияет на форму реализации потребностей. «Наряду с обычаями формируются традиции, которые представляют собой общие нормы, сходные с идеей, принципом и позволяющие в границах утверждаемой ею направленности поведения более широко варьировать поступки людей» [12, с. 126–127]. Помимо обычаев и традиций («культурных ДНК»), функцию регулятора социального поведения и потребления выполняет мода, хотя понятие моды зачастую в литературе и противопоставляется понятиям «обычай» и «традиция». О соотношении понятий «мода» и «обычай» А. Б. Гофман пишет: «временные различия дополняются пространственными. Ценности универсальности (диффузности) присущей моде, противостоят ценности социокультурной замкнутости, присущей обычаю, который сильно интегрирован в определенных социокультурных системах. Отсюда резкое и однозначное противопоставление понятий "мы" и "они", "свое" и "чужое" при регуляции посредством обычая и нечеткость, "размытость" такого противопоставления при регуляции модой» [13, с. 17]. Принято считать, что мода направлена на скорейшее изменение образцов поведения, стиля в одежде, предметного окружения. В отличие от моды, обычаи и традиции направлены на закрепление норм и правил в определенных социокультурных системах. Вместе с тем обычаи и традиции, равно как и мода, формируют определенные типы потребления, включая обновления потребляемых благ и их свойств с определенной периодичностью.

А. Б. Гофман справедливо отмечает, что «в обыденном сознании мода чаще всего воспринимается как малосущественное, "поверхностное" явление, действующее в строго ограниченной сфере. В действительности же она имеет глубокие социальные основания, выполняет важные функции и охватывает самые различные стороны социальной жизни и культуры» [13, с. 3]. Мода не только оказывает влияние на различные стороны социальной жизни, культуры и экономической системы общества, но и является внутренним фактором их эволюции. Ж. Бодрийяр подчеркивает возрастающее значение моды в современном обществе: «Мы противимся признавать, что все секторы нашей жизни оказались в сфере товара, и еще сильнее – что они оказались в сфере моды. Дело в том, что здесь ликвидация ценностей идет особенно радикально. Под властью товара все виды труда обмениваются друг на друга и теряют свою особость – под властью моды уже сами труд и досуг как таковые меняются своими знаками. Под властью товара культура продается и покупается – под властью моды все культуры смешиваются в кучу в тотальной игре симулякров. Под властью товара любовь превращается в проституцию – под властью моды исчезает само отношение субъекта и объекта, рассеиваясь в ничем не скованной cool-сексуальности. Под властью товара время копится как деньги – под властью моды оно дробится на прерывистые, взаимоналагающиеся циклы» [14, с. 97]. Мода как социально-экономическое явление – это хозяйственное благо, преобразуемое в процессе творческой деятельности в целях создания товаров и услуг, массовое интенсивное

потребление которых в современном обществе обусловлено стремлением индивидов к постоянным изменениям и определенному социальному статусу на основе обновления предметного окружения и принципов поведения.

Как отмечается в литературе, «в социально значимом масштабе мода возникает в европейском обществе в XIX веке. Если раньше существовали элементы моды в отдельных элементах социальной системы, то начиная с этого времени существует система моды в социальной системе» [13, с. 65], и именно в этот период значительно возрастает влияние моды на формы экономической жизни. Эволюцию моды как социально-экономического феномена во многом обуславливает социально-классовая структура общества. «Всякое общество, – отмечает С. Ю. Солодовников, – является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп» [15, с. 4–5]. При этом под социальным классом нами предлагается понимать «солидарную совокупность индивидов, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально-имущественно-социально-правовые интересы» [16, с. 82]. Принимая во внимание то, что «социальный класс не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование» [17, с. 57], подчеркнем наличие стремления отдельных индивидов как перейти в другой, более высший, социальный класс. Такое перемещение может принимать как реальные, так и иллюзорные формы. Под иллюзорным переходом в другой социальный класс нами подразумевается симуляция повышения социального статуса индивидом на основе подражания представителям других классов, в первую очередь, в принципах поведения и потребления, представлениях (например, об искусстве, литературе и т. д.), предметном окружении (в первую очередь, формах одежды, предметах домашней обстановки) и др., требующем минимум издержек. Разрыв между реальной социальной мобильностью, все сложнее достижимой в современном обществе, и иллюзорной социальной мобильностью увеличивается. «Противоречие между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения) – это явление, присущее всем социально-экономическим системам без исключения» [18, с. 26]. Современное общество, а, как известно, «по сравнению с индустриальным обществом, система экономических отношений в постиндустриальном обществе представляется более сложной» [19, с. 254], подвластно иллюзии социальной мобильности, индикатором этой подразумеваемой мобильности является характер и уровень потребления благ. «Эфемерные и эстетические знаки моды перестали восприниматься в низших классах как нечто недостижимое и принадлежащее другим, – справедливо отмечает Ж. Липовецкий, – они стали массовой потребностью, необходимой составляющей оформления жизни, личным достоянием и личной собственностью в обществе, в котором как святыни почитаются перемены, удовольствия и нововведения» [20, с. 134–135].

В условиях иллюзии выбора общество оказывается в такой ситуации, где легко внушаемой становится мысль, что, как характеризует Ж. Бодрийяр, «функцией потребления является исправление отдельных форм социального неравенства в стратифицированном обществе» [21, с. 59], потребление и достижение счастья через потребление становится целью человеческого бытия, которое якобы символизирует сглаживание классовых

различий. Ж. Бодрийяр говорит по этому поводу: «индивиды надеются, потому что "знают", что могут надеяться, – они не надеются слишком, поскольку "знают", что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, – и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализмом, питаемым фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией – то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества» [21, с. 40]. Выражается это в искажении экономической мотивации индивидов, проявляемом в стремлении скорректировать структуру потребления на не соответствующую доходу и статусу, но позволяющую скопировать некоторые признаки потребления более высших классов. Мода при этом сужает временные и пространственные рамки этих процессов, интенсифицируя обновление потребляемых товаров и услуг.

Ж. Бодрийяр указывает на противоречие между функциональными свойствами потребляемых предметов – закреплением социального статуса и симуляции социальной мобильности: «Эта функция инертности предметов, придающая им статус чего-то длительного или даже наследственного, сегодня оспаривается функцией обозначения социальных изменений. По мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице, предметы умножаются, становятся все более разнообразными и все быстрее обновляются. Будучи даже весьма быстрым, их ускоренный кругооборот, осуществляющийся под знаком моды, должен обозначать и показывать такую социальную мобильность, которой в действительности не существует» [21, с. 46]. Интенсифицированное потребление товаров и услуг используется индивидами в качестве инструмента социальной динамики, но фактически «ускоренное обновление предметов часто становится компенсацией разочарованного стремления к социальному и культурному прогрессу» [21, с. 46]. Парадокс моды заключается в том, что она как будто позволяет стирать классовые различия, надевая всех равными шансами на реальную социальную мобильность, «но на деле она полностью управляема социальной классовой стратегией» [21, с. 48] и не только не стирает, но и порождает культурное и социальное неравенство, в чем проявляется взаимосвязь моды и культуры.

Мода относится к эстетическим явлениям, определяющим эволюцию многих составляющих культуры, поскольку именно мода определяет господствующие стили в архитектуре, живописи, дизайне, одежде и др. Однако игнорирование влияния моды на экономическую систему общества и недоучет социально-экономических аспектов сущности моды может привести к существенному теоретико-методологическому пробелу в изучении социально-экономических механизмов производства, распределения и потребления многих товаров. Экономическая природа моды – актуальная, но малоизученная тема. Ж. Липовецкий объясняет этот парадокс тем, что «мода онтологически и социально оказывается сферой низшей, как будто она не заслужила теоретических исследований; то, что вопросы моды воспринимаются как поверхностные, препятствуют концептуальному отношению к ней» [20, с. 9]. Невозможно игнорировать роль моды в механизмах производства, присвоения и социально значимого потребления благ в современной экономике, что обуславливает актуальность развития теоретических основ моды и ее функционального назначения в экономической системе общества.

Мода увеличивает скорость изменения форм удовлетворения потребностей. Соответствие товаров моде становится одним из важнейших критериев покупательского выбора в отношении товаров конечного потребления – в первую очередь, одежды, обуви, электроники, предметов для дома. Мода становится фактором, определяющим объемы и структуру спроса населения. Покупательский выбор формируется под влиянием

общественно-функциональных технологий, разнообразие форм которых и охват применения увеличивается в современном обществе. При этом становится важным «понимание специфики современной конкурентной борьбы, которая ведется теперь не только традиционными методами с помощью экономических и политических технологий, но и с применением информационных технологий, в первую очередь воздействующих на сознание людей» [22, с. 37]. Эти технологии применяются не только в политической борьбе или экономической конкуренции стран, но и при реализации стратегий продвижения товаров отдельными корпорациями. Люди формируют свои покупательские предпочтения под воздействием общественно-функциональных технологий, при этом даже не осознавая, что они сами являются объектами конкурентной борьбы. «Ценность моды, – отмечает по этому поводу Ю. Кавамура, – результат достижения согласия между всеми участниками системы моды, а наибольшим влиянием обладают те из них, кто контролирует доступ к каналам распределения. Люди стремятся обладать модными вещами, потому что их заставляют думать, будто модное всегда лучше и красивее немодного» [23, с. 119]. Это убеждение позволяет во-первых, поддерживать спрос на модные объекты на относительно высоком уровне; во-вторых, обеспечить постоянное обновление товаров; и в-третьих, многократно ускорить это обновление. Важным свойством моды является ее динамизм, т.е. постоянная смена форм и образцов. Вместе с тем в своем перманентном стремлении к смене этих форм и образцов и заключается постоянство моды.

Еще одним свойством моды является ее недетерминированность и, как следствие, цикличность, т.е. «периодическая обращенность в прошлое, к традициям» [24, с. 511], возвращение к формам и образцам, которые уже когда-то прошли весь модный цикл. Ж. Бодрийяр пишет по этому поводу: «Мода – это стадия чистой спекуляции в области знаков, где нет никакого императива когерентности или референтности, так же как у плавающих валют нет никакого устойчивого паритета или конвертируемости в золото; для моды (а в скором будущем, вероятно, и для экономики) из такой недетерминированности вытекает характерная цикличность и повторяемость, в то время как из детерминированности (знаков или же производства) следует непрерывный линейный порядок. Так в форме моды уже угадывается грядущая судьба экономики: на пути универсальных подстановок мода идет далеко впереди денег и вообще экономики» [14].

Чем выше уровень открытости общественной системы, тем в большей степени мода влияет на поведение ее социально-экономических субъектов. При этом «в политэкономии под социально-экономическим субъектом следует понимать индивида (или группу индивидов), персонифицирующего определенные экономические функции, обладающего специфическими потребностями и активностью по отношению к иным субъектам. Источником названной активности индивида (или общественной группы) выступает определенная организованность его (или ее) сознания, обусловленная его местом в системе социальных и экономических отношений, спецификой потребностей, мотивов, интересов и целей» [25, с. 23]. На первый взгляд кажется, что индивиды постоянно стремятся к новому, и мода служит для удовлетворяя их потребности к переменам и к обновлению. «В самом деле, – поясняет Ж. Бодрийяр, – мода не отражает какой-то естественной потребности в изменении: удовольствие, получаемое от смены одежды, предметов, машины, появляется, чтобы психологически санкционировать принуждение совсем иного порядка, принуждение социального различия и престижа. Эффект моды возникает лишь в обществе социальной мобильности (причем за определенным порогом экономических возможностей). Растущий или снижающийся социальный статус должен быть вписан в постоянный прилив и отлив различительных знаков. Определенный класс уже не может быть четко связан с определенной категорией предметов (или с определенным стилем в одежде): наоборот, все классы привязаны к изменению, все принимают

в качестве некоей ценности необходимость моды – точно так же, как все они (в большей или меньшей степени) причастны универсальному императиву социальной мобильности. Иначе говоря, предметы играют роль показателей социального статуса, а поскольку этот статус приобрел возможность изменяться, предметы будут всегда свидетельствовать не только о достигнутом положении (как они всегда делали), но, вписываясь в различительный круг моды, и о возможностях изменения этого социального статуса» [21, с. 45]. Более того, Ж. Бодрийяр называет приверженность масс к моде не свидетельством их мобильности и готовности к переменам, а, напротив, фактором социальной инертности.

Выводы. Феномены экономической системы общества и культуры взаимосвязаны и взаимообусловлены. Культура формирует институциональный облик конкретной социально-экономической системы. В свою очередь, экономическая система общества предопределяет условия развития культуры. Усложнение связей и отношений современного общества, его социально-классовой структуры, теоретическое отражение происходящих процессов в концепте трансэкономики требуют категориального уточнения явлений и процессов, которые не являются чисто экономическими факторами, одним из которых является феномен моды. мода как социально-экономическое явление интегрирована в названные системы, во многом влияет на их эволюцию и развивается в тесной взаимозависимости с ними. Культурный контекст формирует условия восприятия моды в том или ином обществе. Фактор моды тем более влияет на общество, чем более оно динамично, мобильно, открыто, социально дифференцировано и богато. При этом мода способна породить культурное неравенство в обществе при симуляции сглаживания социально-культурных различий.

В современной экономике наблюдаются радикальные изменения методов и инструментов конкуренции. В системе продвижения товаров и услуг активно развиваются и усложняются формы общественно-функциональных технологий, позволяющие управлять экономической логикой потребления. мода является важным фактором интенсификации потребления и производства товаров и услуг в современном обществе. Субъекты модной индустрии персонифицируют функцию производства социальных статусов и регулирования доступа к ним различных социальных групп. В условиях социального неравенства и классовых различий мода используется в качестве инструмента достижения социального консенсуса в обществе. Противоречие между функциями предметов потребления, которые состоят в фиксации социального статуса и, напротив, в отражении стремлений обладателя к его динамике, позволяет говорить о сложности механизмов социальной идентификации индивидов и групп. При понимании механизмов влияния моды на развитие общества и экономики она используется как инструмент оптимизации социальных отношений с учетом экономических интересов отдельных социально-экономических субъектов.

Список использованных источников

1. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ad Marginem Press, 2016. – 592 с.
2. Kirdina-Chandler, S. G. Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space / S.G. Kirdina-Chandler // Terra Economicus. – 2019. – № 17(1). – P.8–23.
3. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
4. Де Сото, Э. Загадка капитала / Эрнандо де Сото. – М. : Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с.
5. Курегян, С. В. Экономика и искусства и культуры / С. В. Курегян. – Минск : Право и экономика, 2019. – 132 с.
6. Солодовников, С. Ю. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, институциональной матрицы и экономической системы

общества / С.Ю. Солодовников // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV международной научно-практической конференции / Под ред. А. Е. Карлика. – 2015. – С. 273–275.

7. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5: Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2011. – № 2 (120). – С. 10-25.

8. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Всемирная энциклопедия: философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 543 с.

9. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.

10. Бирюков, В. Культурологическая парадигма видения экономической реальности / В. Бирюков // Общество и экономика. – 2018. – № 9. – С. 91–101.

11. Сухарев, О. С. Методология и возможности экономической науки / О. С. Сухарев. – Москва : Курс : Инфра-М, 2014. – 359 с.

12. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.

13. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – Изд. 5-е. – М. : КДУ, 2013. – 228 с.

14. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: "Добросвет" 2000. – 387 с.

15. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия D: Эконом. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.

16. Солодовников, С.Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С.Ю. Солодовников //

Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 74-91.

17. Солодовников, С. Ю. Политико-экономическое исследование сущности социального капитала / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2010. – № 1. – С. 54–59.

18. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23-34.

19. Мелешко, Ю. В. Трансформация определения понятия «услуг» в контексте концепции постиндустриального общества / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 245–256.

20. Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Ж. Липовецкий. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 335 с.

21. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

22. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С. 32-41.

23. Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Ю. Кавамура. – Минск : Гревцов Паблішер, 2009. – 177 с.

24. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1007 с.

25. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая сущность становления социально-экономических субъектов в контексте технологических трансформаций / С. Ю. Солодовников, О.А. Наумович // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Эконом. и юрид. науки. – 2010. – № 10. – С. 22–26.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2019 года

THE ECONOMIC SYSTEM OF SOCIETY, CULTURE, FASHION: CATEGORICAL SUBORDINATION-ONTOLOGICAL ANALYSIS

T. V. Serhiyevich

serhiyevich@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article examines the relationship of such phenomena as the economic system of society, culture and fashion. Culture is considered as a factor in the formation of socio-economic institutions of social systems. The increasing complexity of relations of modern society determines the relevance of the categorical refinement of phenomena and processes that are not purely economic factors. One of those is the phenomenon of fashion. If the interrelation of culture and fashion is obvious, since in scientific literature fashion is considered primarily as an aesthetic, culturological, socio-psychological phenomenon, then the conditions of trans-economy (J. Baudrillard) give rise to the need for a theoretical understanding of the fashion phenomenon and the place of its real-ontological forms in development economic system of modern society.

Keywords: economic system, fashion, institutions, culture, social mobility, consumption, economic motivation, economic growth.

References

1. Piketti, T. Kapital v XXI veke / T. Piketti. – M. : Ad Marginem Press, 2016. – 592 s.
2. Kirdina-Chandler, S. G. Western and non-Western economic institutional models in time and geographical space / S.G. Kirdina-Chandler // Terra Economicus. – 2019. – № 17 (1). – P. 8–23.
3. Fukujama, F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu: Per. s angl. / F. Fukujama. – M.: OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», 2004. – 730 s.
4. De Soto, Je. Zagadka kapitala / Jernando de Soto. – M. : Olimp-Biznes, 2004. – 263 s.
5. Kuregjan, S. V. Jekonomika i iskusstva i kul'tury / S. V. Kuregjan. – Minsk : Pravo i jekonomika, 2019. – 132 s.
6. Solodovnikov, S. Ju. Vzaimoobuslovennost' civilizacii, kul'tury, institucional'noj matricy i jekonomicheskoy sistemy obshhestva / S.Ju. Solodovnikov // Innovacionnye tehnologii v servise: sbornik materialov IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod red. A. E. Karlika. – 2015. – S. 273-275.
7. Solodovnikov, S. Ju. Civilizacija, kul'tura, jekonomicheskaja sistema obshhestva i institucional'nye matricy: fenomenologicheskaja priroda i vzaimoobuslovennost' / S.Ju. Solodovnikov // Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga ŭniversitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 5: Jekonomika. Sacyjalogija. Bijalogija. – 2011. – № 2 (120). – S. 10-25.
8. Stepin, V. S. Kul'tura / V. S. Stepin // Vsemirnaja jenciklopedija: filosofija / Glavn. nauch. red. i sost. A. A. Gricanov. – Minsk: Harvest, Sovremennyj literator, 2001. – 543 s.
9. Gerasimov, N.V. Jekonomicheskaja sistema: genezis, struktura, razvitie / N.V. Gerasimov. – Minsk : Navuka i tjehnika, 1991. – 349 s.
10. Birjukov, V. Kul'turologicheskaja paradigma videnija jekonomicheskoy real'nosti / V. Birjukov // Obshhestvo i jekonomika. – 2018. – № 9. – S. 91–101.
11. Suharev, O. S. Metodologija i vozmozhnosti jekonomicheskoy nauki / O. S. Suharev. – Moskva : Kurs : Infra-M, 2014. – 359 s.
12. Solodovnikov, S. Ju. Klassy i klassovaja bor'ba v postindustrial'nom obshhestve: metodologicheskie osnovy politiko-jekonomicheskogo issledovanija / S. Ju. Solodovnikov. – Minsk: BNTU, 2014. – 378 s.
13. Gofman, A. B. Moda i ljudi. Novaja teorija mody i modnogo povedenija / A. B. Gofman. – Izd. 5-e. – M. : KDU, 2013. – 228 s.
14. Bodrijar, Zh. Simvolicheskij obmen i smert' / Zh. Bodrijar. – M.: "Dobrosvet" 2000. – 387 s.
15. Solodovnikov, S. Ju. Social'nyj kapital kak jekonomicheskij resurs / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik Polockogo gos. univer-siteta. Serija D: Jekonom. i jurid. nauki. – 2015. – № 5. – S. 2–9.

16. Solodovnikov, S. Ju. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindustrial'nom obshhestve / S. Ju. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012. – № 3. – S. 74-91.
17. Solodovnikov, S. Ju. Politiko-jekonomichekoe issledovanie sushhnosti social'nogo kapitala / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomika i banki. – 2010. – № 1. – S. 54–59.
18. Solodovnikov, S. Ju. Fenomenologicheskaja priroda vzaimoobuslovlennosti jekonomichekoj konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk. – BNTU, 2015. – № 3. – S. 23–34.
19. Meleshko, Ju. V. Transformacija opredelenija ponjatija «uslug» v kontekste koncepcii postindustrial'nogo obshhestva / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – Vyp. 4. – S. 245–256.
20. Lipoveckij, Zh. Imperija jefemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshhestve / Zh. Lipoveckij. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 335 s.
21. Bodrijar, Zh. K kritike politicheskoi jekonomii znaka / Zh. Bodrijar. – M.: Akademicheskij Proekt, 2007. – 335 s.
22. Solodovnikov, S. Ju. Social'nyj kapital kak faktor jekonomicheskogo rosta / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomika i banki. – 2015. – № 1. – S. 32–41.
23. Kavamura, Ju. Teorija i praktika sozdanija mody / Ju. Kavamura. – Minsk : Grevcov Pabliher, 2009. – 177 s.
24. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar': filosofija, sociologija, religija, jezoterizm, politjekonomija / glavn. nauch. red. i sost. S. Ju. Solodovnikov. – Minsk: MFCP, 2002. – 1007 s.
25. Solodovnikov, S. Ju. Fenomenologicheskaja sushhnost' stanovlenija social'nojekonomicheskikh sub'ektov v kontekste tehnologicheskikh transformacij / S. Ju. Solodovnikov, O. A. Naumovich // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D. Jekonom. i jurid. nauki. – 2010. – № 10. – S. 22–26.

УДК 338.45

ББК 65.30

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ
ОСОБЕННОСТЕЙ СЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА
В НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ****Ю. В. Мелешко**

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье анализируется секторальная структура производства, характеризующая его с точки зрения предмета труда, в контексте становления неоиндустриальной экономики. Рассмотрены теоретические аспекты производства как основы экономической системы общества, показано место и роль труда в производстве. Доказано, что для всесторонней характеристики производства как социально-экономического феномена необходимо раскрыть особенности его секторальной, технологической и организационно-управленческой структуры. Основываясь на историческом подходе, в статье описана трансформация секторальной структуры общественного производства, обусловленная научно-техническим прогрессом и развитием общества. Показано, что отличительной характеристикой секторальной структуры производства в неоиндустриальной экономике является сохранение за индустриальным сектором роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера. Это позволило выявить направления формирования структурной политики как компонента стратегического планирования экономического развития.

Ключевые слова: производство, отраслевая структура, промышленность, сфера услуг, структурная политика, модернизация экономики, труд, экономическая система.

Введение. Производство как философский концепт представляет собой «активно-деятельностный способ бытия человека в мире» [1]. Такая трактовка термина «производство» позволяет отнести к нему не только производство средств к жизни (материальных, духовных), что раскрывает производство с точки зрения экономических дисциплин, но и производство самого человека («продолжение рода, воспроизводство человека как детерминированного культурой существа» [1]). В экономической теории преобладает более узкий подход к определению производства.

В советской политической экономии производство понималось как «процесс создания материальных благ, необходимых для существования и развития общества» [2]. Имеющий место в данном определении акцент на материальности создаваемых благ проистекает из постулата о примате материального производства, поскольку оно, по мнению Л. И. Абалкина и др., в конечном счете обуславливает «социальную структуру общества, его идеи и учреждения, развитие общества от низших ступеней к высшим» [2]. При этом подход к пониманию производства как процесса создания экономических благ сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Абстрагируясь от привязки к материальному проявлению результатов труда, некоторые советские авторы трактуют производство как «исходный пункт, в котором возникает, создается сам продукт и с которого начинается его движение. В процессе производства человек приспособливает вещества и силы природы к удовлетворению своих потребностей» [3, с. 57]. Преимуществом

такого определения является рассмотрение производства в контексте хозяйственной системы и обозначение его места как «исходного пункта» экономических отношений.

В современной экономической теории производство определяется как «регулируемый людьми процесс создания продуктов (изделий, энергии и услуг)» [4, с. 808]. Схожее определение, лишь дополненное указанием цели производства, предлагается в Словаре современной экономической теории Макмиллана: «Производство – акт преобразования факторов производства в товары и услуги, предназначенные для потребления и инвестиций» [5, с. 403]. В основе этих определений, как и определений советских авторов, приведенных выше, лежат две ключевых характеристики производства: во-первых, производство представляет собой процесс создания экономических благ; во-вторых, производство является отправной точкой экономического оборота. Вместе с тем, при описании производства только через данные характеристики складывается механистическое понимание производства как технологического процесса. Производство же, являясь частью экономической системы общества, является социально-экономическим феноменом и осуществляется только при условии взаимодействия людей.

Под производством как составным элементом социально-экономической системы общества следует понимать комплекс объективных отношений по поводу создания средств и благ для обеспечения физической жизни общества и материальной базы для всех остальных сфер общественной жизни. Целью производства является создание потребительных стоимостей, в последствии подлежащих распределению, перераспределению (обмену) и потреблению. В этом смысле производство выступает частью экономической системы общества, а именно первоначальной стадией хозяйственного оборота, находящейся в тесных двусторонних взаимосвязях с остальными стадиями.

Экономическая теория исходит из того, что содержательной основой производства выступает труд. А. М. Румянцев пишет: «Результатом труда всегда является продукт. С точки зрения своих конечных результатов труд выступает, таким образом, в качестве производительного труда, а процесс труда – в качестве процесса производства» [6, с. 31]. На этом основании процесс производства традиционно представляется как результат взаимодействия трех факторов, описывающих трудовые отношения с разных сторон: рабочая сила (совокупность физических и умственных способностей человека, используемых с целью производства благ), предметы труда (то, на что направлен труд) и средства труда (средство воздействия человека на предмет труда; к ним относятся орудия труда и условия производства). То есть производство представляет собой процесс воздействия рабочей силы средствами труда на предмет труда. Однако способы воздействия, сами средства труда и предметы труда будут значительно различаться в зависимости от выбранного исторического и социально-экономического контекстов. В. А. Медведев и др., отмечая это, пишут: «Производство вообще – это научная абстракция, представляющая собой совокупность основных всеобщих черт производства, не зависящих от его специфических социальных форм» [3, с. 37].

Для того, чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, следует рассмотреть три характеристики производства: предмет труда, технологическая структура производства и организационно-управленческие отношения. Поскольку труд, как отмечает С. Ю. Солодовников, «представляет собой особый вид субъектно-объектных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений» [7, с. 65–66], то производственных отношениях также включают в себя и субъект-объектные отношения, и объект-объектные. Предмет труда и технологическая структура производства являются основой для субъект-объектных отношений, формирующихся в процессе производства. Организационно-управленческие отношения возникают между

субъектами в процессе производства и носят субъект-субъектный характер. Субъект-объектные отношения изменяются сразу же с технологиями производства и влекут трансформацию организационно-управленческих отношений. Последние, несмотря на изначальную предопределенность технологической структурой производства, в зависимости от конкретно-исторических, национальных и иных условий могут принимать различные формы и в этой части обладают относительной самостоятельностью.

Результаты и их обсуждение. Предмет труда выступает в качестве критерия при определении секторальной и отраслевой структуры производства. А. М. Румянцев указывает на историчность «расчленения народного хозяйства на ряд различных отраслей»: «В процессе исторического развития общества эти отдельные сферы и отдельные отрасли общественного производства приобретают в границах общего развития общественных отношений такой размах и характер, что неизбежно возникает известная самостоятельность их в экономическом обслуживании общества» [6, с. 10]. Выделение конкретных секторов (отраслей) обусловлено развитием самого производства, объективной действительностью времени. Меркантилисты, считая источником умножения богатства сферу обращения, выделяли в качестве основных секторов экономики торговлю и денежный оборот. Физиократы исходили из того, что богатство создается не в сфере обращения, а в сфере производства, но относили к производству только сельское хозяйство, а именно земледелие. Именно с них началось разделение общественного хозяйства на производственную и непроизводственную сферу, содержание которых по мере развития научно-технического прогресса и производственной системы общества, однако, менялась. Начиная с работ В. Петти, А. Смита и Д. Рикардо центром производственной сферы становится промышленность. За ней признается роль не только основного источника богатства, но и базы для остальных отраслей хозяйства. По мнению классиков политической экономии к производственной сфере относятся те виды деятельности, которые создают материальную продукцию.

В рамках марксистского подхода сохраняется трактовка производительного труда как создание овеществленного товара на стадии производства. Однако К. Маркс к производственному сектору относит помимо земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности еще и транспортную деятельность, что отличает его в этом вопросе от А. Смита. К непроизводительному труду относят торговую, государственную, политическую, юридическую, банковскую, военную, религиозную деятельности.

Разделение хозяйства на два сектора – производственный и непроизводственный, – основанное на выделении материального или нематериального характера результатов труда имеет место и в советской политической экономии. Однако подход к пониманию производственного труда был переосмыслен: производственными стали признаваться не только отрасли, создающие материальный продукт, но и отрасли, «являющиеся продолжением процесса производства» [8, с. 335] и способствующие «использованию созданных продуктов для удовлетворения общественных потребностей» [8, с. 335] – материальные услуги. Под производственной сферой понималась «совокупность отраслей народного хозяйства, объединяющая материальное производство и материальные услуги» [8, с. 335]. Такие услуги как торговля, транспорт, связь, материально-техническое снабжение, общественное питание были отнесены наравне с промышленностью, сельским хозяйством, лесным хозяйством, строительством к материальному производству, так как считались составной частью процесса производства материальных благ. К непроизводственной сфере относили жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание населения, пассажирский транспорт, связь, здравоохранение, физическую культуру и социальное обслуживание, просвещение, культуру, искусство, науку и научное обслуживание, управление. А. М. Румянцев пишет: «Главные отрасли приложения

человеческого труда – это промышленность, сельское хозяйство и транспорт – в сфере производства, торговля и финансы – в сфере распределения» [6, с. 10]. Такая секторальная и отраслевая структура (предполагающая разделение народного хозяйства на производственный и непроизводственный сектор и относящее к производственному сектору отрасли, производящие материальные блага и оказывающие материальные услуги) является отражением доминирующей роли промышленности в практике экономических отношений того периода.

Теоретические подходы к структурированию экономики в зависимости от предмета труда были значительно переосмыслены в связи с появлением работ А. Маршалла, который считал нецелесообразным разделение труда на производительный и непроизводительный, так как в результате труда человек так или иначе преобразовывает материю с целью удовлетворения потребностей. В результате таких рассуждений сфера услуг была выделена наравне с сельским хозяйством и промышленностью как самостоятельная сфера общественного производства. В период с 1935 г. по 1949 г. А. Фишером, К. Кларком и Ж. Фурастье была разработана трехсекторная модель экономики, согласно которой экономика состоит из трех секторов: добыча сырья (первичного), производственного сектора (вторичного) и сферы услуг (третичного). Указанные авторы считали, что исторически преимущественное развитие сначала получает первичный сектор экономики, затем вторичный и наконец третичный в соответствии с изменениями в структуре потребительского спроса по К. Кларку или в соответствии с изменениями в структуре занятости по Ж. Фурастье. Переход доминирующего положения от первичного сектора ко вторичному рассматривается как переход общества от доиндустриальной (аграрной) к индустриальной стадии развития, от вторичного к третичному – от индустриальной к следующей, более продвинутой – постиндустриальной стадии. По мнению указанных авторов, эти три стадии развития проходит каждая страна по мере роста доходов. Теоретическая модель трехсекторной экономики легла в основу постиндустриальной концепции экономического развития, основывающейся на доминировании третичного сектора в общественном производстве. Практической основой для этой концепции стал резкий рост объема оказываемых услуг в экономике, обусловленный увеличением уровня доходов домашних хозяйств и ростом спроса на сервисные услуги, наблюдаемые в последней трети XX века в Европе и США. Следует отметить, что в советской политической экономии более позднего периода также признавалась возрастающая роль услуг, однако только услуг, связанных с промышленностью, что и отражается в отнесении к производственному сектору материальных услуг. В этой части советские экономисты, настаивающие на сохранении индустриального сектора в качестве базиса экономического развития, расходятся во мнении с западными.

Изменение структуры экономик развитых стран и мировой экономики в целом в сторону увеличения доли услуг (по показателям занятости и ВВП) породило множество дискуссий о переходе роли главного источника экономического роста в современной экономике от индустриального сектора к сфере услуг. Ссылаясь на статистические изменения в пользу третичного сектора, некоторые экономисты делают вывод о деиндустриализации экономики. Формально с ними можно согласиться, поскольку доля промышленности (включая строительство) в мировом ВВП по добавленной стоимости в 1994 г. оставляла 33,3%, в 2016 г. она упала до 25,4% [9]. Однако не все экономисты с этим согласны: «Ошибочны предположения, что в связи с увеличением роли сферы услуг в экономике, будет происходить пропорциональное снижение роли промышленного сектора в объеме ВВП в стоимостном выражении» [10, с. 184], – справедливо отмечает Т. В. Сергиевич.

Во-первых, не следует преувеличивать универсальность тенденции: снижение доли промышленного производства в секторальной структуре характерно, в первую очередь, для стран с высоким уровнем доходов. В соответствии с методологией Всемирного банка к ним относятся страны, в которых ВНД на душу населения в 2016 г. составил 12 235 долл. США или более. В период с 2000 г. по 2016 г. в странах с высоким уровнем доходов доля промышленности в ВВП по добавленной стоимости снизилась с 26,4% до 22,9% [11]. Внутри группы стран с высоким уровнем доходов темпы снижения доли промышленности в ВВП примерно одинаковы: в Европейском союзе – 3,2% (с 25,1% в 2000 г. до 21,9% в 2017 г.); в Северной Америке – 3,5 % (с 22,3% в 2000 г. до 18,8% в 2016 г.). Для стран с низким уровнем дохода в целом характерна обратная тенденция – доля промышленности в ВВП по добавленной стоимости растет. В 1990 г. этот показатель составлял 20%, в 2000 г. – 25%, в 2016 г. вырос до 29,7% [12].

Одна из причин географической неоднородности структуры производства заключается в переносе стадий производства промышленной продукции из стран с высоким уровнем дохода в страны с низким уровнем дохода. Как пишут А. А. Быков и А. М. Седун, «процессы расширения третичного сектора в странах Запада протекали параллельно с индустриализацией стран Востока, в том числе посредством переноса в восточные страны производственных мощностей, ранее базировавшихся в США и Европе» [13, с. 7]. Выводя менее доходные и экологически нагруженные производства за рубеж и оставляя за собой такие виды деятельности как научную и опытно-конструкторскую разработку, маркетинговое и сервисное обслуживание продукции, финансовые услуги (то есть виды деятельности с наибольшей долей добавленной стоимости), экономически развитые страны добились полного доминирования сектора услуг.

Во-вторых, анализируя статистические изменения соотношения сектора услуг и промышленного производства, необходимо учитывать причины таких изменений. В зависимости от того, вызвано ли уменьшение удельного веса промышленности в ВВП ростом сектора услуг или стагнацией промышленного производства, характер структурных изменений будет кардинально отличаться. О. С. Сухарев и Е. Н. Ворончихина отмечают, что в западных странах «рост сектора услуг сопровождается увеличением интеллектуального капитала, что становится закономерным результатом индустриальной революции» [14, с. 30–31]. Выводы о деиндустриализации экономик этих стран базируются лишь на росте статистических показателей доли сектора услуг в общем объеме создаваемого продукта в стране. Указывая на методологическую ошибку, заключающуюся в отождествлении отраслевой и технологической структуры труда, данные авторы справедливо называют «деиндустриализацию западного типа» условной. По мере возрастания доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности, доля третичного сектора также возрастает за счет услуг промышленного характера, развивающихся опережающими темпами. Это, однако, не означает снижение роли промышленного производства в экономическом развитии страны; реальный сектор экономики остается базисом экономического роста.

В противоположность этому если «... доля сектора услуг в валовом продукте страны растет при исчезновении отдельных производственных секторов, уменьшении интеллектуального капитала, снижении общего уровня технологичности, то это совершенно иной тип деиндустриализации. Он был характерен для российской экономики в 1990-е годы» [14, с. 31–32]. В этом случае структурные изменения являются следствием упадка промышленного сектора, проявляющегося, в том числе, в сокращении объемов промышленного производства как в натуральных, так и в долевых показателях. Рост третичного сектора при этом обеспечивается преимущественно за счет спекулятивных услуг.

Таким образом, под деиндустриализацией следует понимать увеличение доли третичного сектора в структуре экономики, обусловленное ростом услуг, не связанных с реальным сектором экономики. Говорить о деиндустриализации как о тенденции развития мирового хозяйства неправомерно. Трансформация процесса промышленного производства, одним из последствий которого является рост сферы услуг за счет опережающего развития услуг промышленного характера, свидетельствует о модернизации промышленности, поскольку такие изменения «касаются не отраслевой, а технологической основы производственных процессов» [15]. Повышение уровня технологичности и наукоемкости производства, то есть изменение его технологической основы, лежит в основе формирования новой модели индустриального развития.

В экономическом дискурсе для обозначения экономики, базирующейся на современном промышленном производстве, используются различные дефиниции: «неоиндустриальная экономика» [16], «сверхиндустриальная экономика» [17], «Индустрия 4.0» [18] и т.п. В. Т. Рязанов характеризует политико-экономический смысл неоиндустриализации следующим образом: «Он выражается в нацеленности на возрождение ведущей роли реального сектора, эффективное функционирование которого поддерживается и обеспечивается финансовым сектором. За этим стоит признание приоритетности производственного капитала, а не спекулятивного, ставка на созидательный и творческий труд, создающий реальные блага для личного и общественного потребления и обеспечивающий условия для достойной занятости» [19, с. 68–69]. Акцент на создание реальных благ и отказ от спекуляции как от основного источника экономического роста является, наряду с высокотехнологичным и наукоемким промышленным производством, неотъемлемой частью неоиндустриальной концепции.

Значение промышленного производства в неоиндустриальной экономике обусловлено, как отмечается в докладе Национального исследовательского института Высшей школы экономики, высоким абсолютным уровнем производительности труда, а также развитостью прямых и обратных межотраслевых связей [20, с. 12]. По мнению О. С. Сухарева и Е. Н. Ворончихиной, роль промышленности в современной экономике возрастает: «хотя новой модели индустриального развития присуще снижение доли промышленности в ВВП, но значение "технологической" индустриализации резко возрастает. Например, в Европейском союзе около 17% ВВП приходится на промышленность, которая создает 32 млн. рабочих мест (Tsai, 2018). Одновременно конкуренция со стороны развивающихся стран вытесняет промышленное производство в Европе (Andergassen et al., 2017). Суммарная доля промышленности в ВВП Китая, Индии и Бразилии составляет более 40% (Romano, Trau, 2017). В западноевропейских странах в 1990–2000-е годы доля промышленности в ВВП снизилась с 36 до 25% на фоне резкой интенсификации внедрения новых технологий (Fu et al., 2011)» [14, с. 30–31]. Следует согласиться с О. С. Сухаревым и Е. Н. Ворончихиной в том, что изменение характера производства и формирование «новой модели индустриального развития» будет способствовать дальнейшему увеличению значения промышленности. При этом необходимо подчеркнуть, что статистически в структуре экономики доминирующее положение будет сохраняться за третичным сектором, поскольку новый индустриальный тип хозяйствования требует опережающего развития услуг промышленного характера. Иными словами, особенность секторальной структуры неоиндустриальной экономики заключается в сохранении за промышленным производством роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера.

Переход к новой модели индустриального развития вызвал в странах «золотого миллиарда» реиндустриализацию (решоринг), то есть возврат ранее переданных третьим

странам производств (после получения экономического и экологического выигрыша). С. Ю. Солодовников пишет: «После длительного перерыва в Западных странах под влиянием мирового финансового кризиса и бурного экономического развития новых индустриальных государств возрождается интерес к проблемам развития реального сектора экономики в контексте обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, обеспечения ее устойчивости в условиях мирохозяйственной нестабильности» [21, с. 43]. В последнее десятилетие страны активно разрабатывают национальные стратегии развития промышленности: «в России была принята Национальная технологическая инициатива, в Германии – Industrie 4.0, в Китае – China Manufacturing 2025, на уровне Европейского союза – Digitising European Industry Strategy, в Великобритании – Building our Industrial Strategy» [22, с. 318]. Каждая их программ имеет национальную специфику, обусловленную «исходным индустриально-технологическим уровнем, задачами экономического развития, моделями их экономического роста и потенциалом их технических изменений (Su, Moaniba, 2017), на который оказывают влияние различные структуры, институты, циклические колебания (Coccia, 2018), наличие ресурсов, состояние системы образования и науки и другие факторы» [14, с. 31]. Общей для них является теоретико-методологическая база, в качестве которой принята концепция неоиндустриализации.

Успех построения новой индустриальной экономики напрямую зависит от проводимой структурной политики государства, являющейся «важнейшим компонентом стратегического планирования хозяйственной деятельности на уровне общества» [23, с. 84]. Основой структурной политики в контексте новой индустриализации должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад, на котором основываются и традиционные, и новейшие отрасли экономики. Последовательное приведение структурной политики в жизнь требует современной системы государственного планирования и управления, с широким привлечением к этому процессу институтов общественно-государственно-частного партнерства и мобилизации для этого процесса необходимых социальных, человеческих, материальных, финансовых, предпринимательских и институциональных ресурсов [24], – отмечает С. Ю. Солодовников. В своих исследованиях указанный автор пришел к выводу, что «предпосылками и объективными ограничителями проведения современной структурной политики по-прежнему выступает состояние и перспективы развития социально-научного сообщества» [25, с. 110].

Процесс новой индустриализации и структурная политика государства находятся в тесной взаимосвязи, и первое, и второе претерпевают изменения под воздействием друг друга. Как пишет С. Ю. Солодовников, по мере реализации структурной политики будет эволюционировать «не только этот сектор, его технико-технологическая база, но и сама структурная политика» [23, с. 86]. При этом «новая индустриализация (иначе говоря, технико-технологическая и институциональная модернизация реального сектора экономики), развивая производственные способности и потребности индивидов, сама будет выступать важным фактором, определяющим границы, направления и темпы структурной эволюции экономики» [24]. Структурная политика требует постоянного мониторинга эффективности и корректировки по мере углубления модернизации экономики. Выбор конкретных видов деятельности в качестве направлений структурной политики должен быть научно обоснован и учитывать научный и технический потенциал национального промышленного комплекса. Так, С. Ю. Солодовников указывает, что «если структурная политика государства направлена на научно обоснованное опережающее развитие услуг промышленного характера, то модернизация реального сектора экономики будет проходить быстрее, последовательнее и потребует относительно меньших издержек, чем в случае, когда структурная политика ориентируется на достижение мифологизированной (т. е. научно не обоснованной) цели достижения шестого, седьмого

или ещё какого-то более высокого технологического уклада в стремлении идти по пути экономически развитых стран» [26, с. 61]. Это обуславливает критическую зависимость эффективности структурной политики от уровня развития социально-научного сообщества, от наличия как фундаментальной, так и прикладной науки. В целом же, в качестве направления структурной политики следует выбирать поддержку не конкурентной технологии, а ключевых компетенций и человеческого капитала, которые будут востребованы при разных сценариях технологического развития.

Выводы. Учитывая, что содержательной основой общественного производства выступает труд, то для того, чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, следует рассмотреть структуру производства с секторальной (предмет труда), технологической (орудия труда) и организационно-управленческой (способ воздействия человека орудием труда на предмет труда) точек зрения. По мере общественного развития предмет труда, а следовательно и секторальная структура производства, претерпевали изменения. На смену подходу к разделению экономики на производственный и непроизводственный сектор (содержательная характеристика которых также менялась) пришла трехсекторная модель общественного производства. Статистический рост сектора услуг, характерный для мировой экономики в целом, породил множество дискуссий о деиндустриализации как новом этапе общественного развития. Однако, говорить о деиндустриализации как о мировой тенденции, неправомерно, поскольку, во-первых, данная тенденция не носит универсальный характер (рост третичного сектора в структуре ВВП характерен, как правило, для стран с высоким уровнем доходов, в странах с низким уровнем дохода наблюдается обратная тенденция – рост доли индустриального сектора), во-вторых, в зависимости от причин роста сферы услуг деиндустриализация может быть реальной или носить условный характер. Вывод о деиндустриализации экономики, базирующийся лишь на росте статистических показателей доли сектора услуг в общем объеме создаваемого продукта, является результатом методологической ошибкой, заключающейся в отождествлении отраслевой и технологической структуры труда. В неоиндустриальной экономике, основанной на высокотехнологичном и наукоемком реальном секторе, рост услуг обусловлен не спекулятивными финансовыми услугами, а услугами промышленного характера. В силу высокого уровня производительности труда, а также развитостью прямых и обратных межотраслевых связей промышленное производство по-прежнему остается базой экономического развития. Изменяющаяся технологическая основа производства требует опережающего роста услуг промышленного характера, которые обеспечивают повышение уровня технологичности и наукоемкости как новых, так и традиционных отраслей промышленности. Таким образом, особенностью секторальной структуры неоиндустриальной экономики является сохранение за промышленным производством роли ключевого драйвера экономического развития при статистическом доминировании третичного сектора за счет опережающего развития услуг промышленного характера.

Список использованных источников

1. Производство // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.

2. Производство // Политическая экономия / Л. И. Абалкин, Е. М. Аветисян, М. М. Авсенева

[и др.]. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 494 с.

3. Политическая экономия / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев [и др.]. – М.: Политиздат, 1990. – 735 с.

4. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: И-т новой экономики, 2002. – 1280 с.

5. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 608 с.
6. Румянцев, А. М. О предмете политической экономии / Высш. Парт. Школа при ЦК КПСС. Кафедра полит. Экономии. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 2960. – 126 с.
7. Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С. Ю. Солодовников. – Мн.: 2003. – 274 с.
8. Производственная сфера // Политическая экономия / Л. И. Абалкин, Е. М. Аветисян, М. М. Авсенов и др. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 494 с.
9. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: - data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?end=2017&start=1960&view=chart – Date of access: 10.01.2019.
10. Сергиевич, Т. В. Роль промышленности в экономическом развитии Республики Беларусь в контексте перехода к постиндустриальному обществу / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов IX Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 184–186.
11. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=Nv.IND.TOTL.ZS&country=#>. – Date of access: 10.01.2019.
12. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank/ Mode of access: www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=Nv.IND.TOTL.ZS&country=#. – Date of access: 10.01.2019.
13. Быков, А. А. Перспективы пост- и неиндустриального развития в условиях возможной трансформации системы международного разделения труда / А. А. Быков, А. М. Седун // Белорусский экономический журнал. – 2015. – №2. – С.4-23.
14. Сухарев, О. С. Факторы экономического роста: эмпирический анализ индустриализации и инвестиций в технологическое обновление / О. С. Сухарев, Е.Н. Ворончихина // Вопросы экономики. – 2018. – №6. – С. 29-47.
15. Зеленская, О. А. Формулирование новой парадигмы конкурентоспособности: кластерно-сетевой подход / О. А. Зеленская // Terra Economicus. 2011. –Т. 9. –№ 1–2. – С. 17–20.
16. Губанов, С. Державный прорыв / С. Губанов. – М. : Книжный мир, 2012. – 223 с.
17. Симченко, Н. А. Трансформация моделей трудовой мотивации в условиях модернизации экономики России и Беларуси / Н. А. Симченко, С. Ю. Солодовников // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации: сборник трудов международной научной конференции. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – 2016. – С.100–103.
18. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.
19. Рязанов, В. Т. Экономическая стратегия России: неоиндустриальный императив / В. Т. Рязанов // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. – Екатеринбург, 2018. – С. 62–81.
20. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка/ Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – №6. – С. 5–28.
21. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С.42–48.
22. Горбачева, Н. В. Оценка экономического неравенства в государственно-частных партнерствах в промышленности / Н. В. Горбачева // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2018. – Т.34. Вып. 2. – С. 317–339.
23. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 7. – С. 84-94.
24. Солодовников, С. Ю. Противоречие между структурной политикой государства и текущими целями предприятий в условиях модернизации реального сектора белорусской экономики / С. Ю. Солодовников // Менеджмент предпринимательской деятельности: материалы XVI Междунар. научн.-практ. конф. преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2018. – С. 346–350.

25. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5-10.

26. Солодовников, С. Ю. Структурная политика и модернизация реального сектора / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2018. – № 20 (25). – С. 58–65.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2019 года

FORMATION OF STRUCTURAL POLICY TAKING INTO ACCOUNT THE FEATURES OF SECTORAL STRUCTURE OF PRODUCTION IN A NEO-INDUSTRIAL ECONOMY

Yu.V. Meleshko

meleshkojv@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department of Economics and Law

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the sectoral structure of production, which characterizes it in terms of the subject of labor, in the context of the formation of a neo-industrial economy. The theoretical aspects of production as the basis of the economic system of society are considered, the place and role of labor in production is shown. It is proved that for a comprehensive description of production as a socio-economic phenomenon, it is necessary to reveal the features of its sectoral, technological, and organizational and management structure. Based on the historical approach, the article describes the transformation of the sectoral structure of social production, due to scientific and technological progress and the development of society. It is shown that the distinctive characteristic of the sectoral structure of production in the neo-industrial economy is the preservation of the role of the key driver of economic development for the industrial sector, with the statistical dominance of the tertiary sector due to the priority development of industrial services. This made it possible to identify directions for the formation of structural policies as a component of strategic planning for economic development.

Key words: production, industry structure, industry, services, structural policy, modernization of the economy, labor, economic system.

References

1. Proizvodstvo // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar': filosofija, sociologija, religija, politjekonomija / Glavn. nauch. red. i sost. S.Ju. Solodovnikov. – Mn.: MFCP, 2002. – 10008 s.

2. Proizvodstvo // Politicheskaja jekonomija / Abalkin L. I., Avetisjan E. M., Avsenev M. M. i dr. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 2981. – 494 s.

3. Politicheskaja jekonomija / Medvedev V.A., Abalkin L. I., Ozherel'ev O. I. i dr. – M.: Politizdat, 1990. – 735 s.

4. Bol'shoj jekonomicheskij slovar' / Pod red. A.N. Azrilijana. – 5-e izd.dop. i pererab. – M.: Institut novoj jekonomiki, 2002. – 1280 s.

5. Slovar' sovremennoj jekonomicheskij teorii Makmillana. – M.: INFRA-M, 1997. – 608 s.

6. Rumjancev, A. M. O predmete politicheskij jekonomii / Vyssh. Part. Shkola pri CK KPSS. – M.: Izd-vo VPSH i AON, 2960. – 126 s.

7. Solodovnikov, S.Ju. Transformacija social'no-klassovoj struktury belorusskogo obshhestva: metodologija, teorija, praktika / S.Ju. Solodovnikov. – Mn.: 2003. – 274 s.

8. Proizvodstvennaja sfera // Politicheskaja jekonomija / Abalkin L. I., Avetisjan E. M., Avsenev M. M. i dr. – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1981. – 494 s.

9. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?end=2017&start=1960&view=chart>

10. Sergievich, T. V. Rol' promyshlennosti v jekonomicheskom razvitii Respubliki Belarus' v kontekste perehoda k postindustrial'nomu obshhestvu / T. V. Sergievich // Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy: sbornik trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - 2015. - S. 184-186.

11. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank. – <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NV.IND.TOTL.ZS&country=#>

12. Industry (including construction), value added (% of GDP) [Electronic resource] // World Bank/ - <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NV.IND.TOTL.ZS&country=#>

13. Bykov, A. A. Perspektivy post- i neoindustrial'nogo razvitija v uslovijah vozmozhnoj transformacii sistemy mezhdunarodnogo razdelenija truda / A. A. Bykov, A. M. Sedun // Belorusskij jekonomicheskij zhurnal. – 2015. - №2. – S.4-23.

14. Suharev, O.S. Faktory jekonomicheskogo rosta: jempiricheskij analiz industrializacii i investicij v tehnologicheskoe obnovlenie / O.S. Suharev, E.N. Voronchihina // Voprosy jekonomiki. – 2018. – №6. – S. 29-47.

15. Zelenskaja, O. A. Formulirovanie novoj paradigmy konkurentosposobnosti: klasterno-setevoj podhod/ Zelenskaja O. A. // Terra Economicus. 2011. T. 9. № 1-2. S. 17-20.

16. Gubanov, S. Derzhavnyj proryv / S. Gubanov. – M.: knizhnyj mir, 2012. – 223s.

17. Simchenko, N.A. Transformacija modelej trudovoj motivacii v uslovijah modernizacii jekonomiki Rossii i Belarusi / N. A. Simchenko, S. Ju. Solodovnikov // Metodologija ustojchivogo jekonomicheskogo razvitija v uslovijah novoj industrializacii: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo. – 2016. – S.100-103.

18. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

19. Rjazanov, V.T. Jekonomicheskaja strategija Rossii: neoindustrial'nyj imperativ / V. T. Rjazanov // Novaja industrializacija Rossii: strategicheskie prioritety strany i vozmozhnosti Urala. - Ekaterinburg, 2018. - S. 62-81.

20. Strukturnaja politika v Rossii: novye uslovija i vozmozhnaja povestka/ Doklad NIU VShJe // Voprosy jekonomiki. – 2018. – №6. – S. 5-28.

21. Solodovnikov, S. Ju. Sovremennaja strukturnaja politika i krizis nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Pravo. Jekonomika. Psihologija. - 2017. - № 3 (8). - S. 42-48.

22. Gorbacheva, N.V. Ocenka jekonomicheskogo neravenstva v gosudarstvenno-chastnyh partnerstvah v promyshlennosti / N.V. Gorbacheva // Vestnik SPbGU. Jekonomika. – 2018. – T.34. Vyp. 2. – S. 317-339.

23. Solodovnikov, S. Ju. Vzaimosvjaz' strukturnoj politiki gosudarstva i modernizacii real'nogo sektora jekonomiki // Jekonomicheskaja nauka segodnja. - 2018. - № 7. - S. 84-94.

24. Solodovnikov, S. Ju. Protivorechie mezhdju strukturnoj politikoj gosudarstva i tekushhimi celjami predpriyatij v uslovijah modernizacii real'nogo sektora belorusskoj jekonomiki / Solodovnikov S. Ju. // Menedzhment predprinimatel'skoj dejatel'nosti: matly XVI Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. prepodavatelej, doktorantov, aspirantov i studentov. - 2018. - S. 346-350.

25. Solodovnikov, S. Ju. Novaja strukturnaja politika i izmenenie institucional'noj dinamiki nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Resursy Evropejskogo Severa. Tehnologii i jekonomika osvoenija. - 2018. - № 1 (11). - S. 5-10.

26. Solodovnikov, S. Ju. Strukturnaja politika i modernizacija real'nogo sektora / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik KRAGSiU. Serija: Teorija i praktika upravlenija. - 2018. - №20(25).- S.58-65.

УДК 330.101

ББК 65.011

ПРОБЛЕМА «СОБСТВЕННОСТИ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

С. В. Курегян

kuregyan@bntu.by

доктор экономических наук, доцент,

профессор кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье раскрывается современная проблема «собственности» как экономической категории. «Собственность» является как экономическим, так и юридическим (правовым) отношением. Существуют противоречия между экономическим отношением собственности и юридическим (правовым) отношением собственности, часто они не совпадают. Современное понимание собственности не может обойтись без понятия «интеллектуальная собственность». Собственность в общем плане – это не только присвоение материальных благ, но и духовных ценностей.

Ключевые слова: *собственность, капитал, право, частная собственность, государственная собственность, интеллектуальная собственность, экономическая система.*

Введение. Собственность как экономическая категория играет ключевую роль в экономической теории и при трансформации экономики. Именно коренные изменения в собственности приводят к возникновению, становлению, формированию и развитию новых общественных отношений. Развитие частной собственности, создание различных форм собственности и организации общественного производства на их основе освобождает человека от пут государства, формирует товарное производство и рыночные отношения. Последнее касается не только внутренней экономики, но и национальной экономики в целом, позволяет стране стать полноценным членом международного разделения труда, международных экономических отношений и разворачиваемых интеграционных процессов на экономической основе. «Именно в таких условиях и происходит развитие экспортно-импортных отношений страны» [1, с. 5].

Интеграционные процессы усиливают роль транснациональных корпораций и банков, которые способствуют созданию собственности на глобальном уровне путем слияния различных форм собственности. В этой связи существует два различных подхода к проблемам собственности и пониманию самой сущности категории «собственность». А. И. Лученок правильно раскрыл их отличия [2, с. 51–59].

В этой статье мы коснемся проблем «собственности» в несколько ином аспекте, а именно: с точки зрения сближения материальных и нематериальных форм собственности как основы развития креативной и цифровой (электронной) экономики. В статье подчеркивается также роль интеллектуальной собственности в современной экономике и становлении интеллектуального рынка.

Результаты и их обсуждение. Собственность как исходное отношение общества определяет и пронизывает все другие отношения, лежащие в основе экономических категорий, которые и позволяют обнаружить новые причинно-следственные связи между ними. Мы разделяем методологическую позицию С. Ю. Солодовникова, согласно которой «отношения собственности рассматриваются и как субъект-субъектные (поведенческие или эгональные) и как субъект-объектные (продукционные)» [3, с. 85].

Собственность также определяет социально-экономические закономерности развития различных сфер и секторов общественного производства и экономики. Именно частная собственность является причиной порождения денег и капитала как экономических отношений и категорий зарождающегося, а, точнее, возрождающегося капитала. Деньги и капитал позволяют раскрыть суть современных процессов, происходящих в нашем обществе. В. Ю. Катасонов в своей интересной книге «Метафизика истории» напоминает нам о понятии «денежная цивилизация», частным случаем которого, по его мнению, является капитализм 19 – 20 вв. [4, с. 39]. Мы ничего не имеем против того, чтобы это положение было использовано не только в христианском мировоззрении, основанном на исследовании Священного Писания и творческих творений Святых отцов, но и в экономической науке. В конце концов, деньги и денежное обращение имеют более долгую историю, чем капитализм, но, к сожалению, из этой работы В. Ю. Катасонова непонятно, относит ли он деньги и денежное обращение, имеющие место в условиях старой экономической системы, к денежной цивилизации или нет, и если да, то до какой степени. От этого во многом зависит осмысление состояния нашего общества. Для этого надо было бы акцентировать внимание на проблемах собственности. Только с трансформацией собственности мы вновь возвращаемся в лоно «денежной цивилизации» с ее пороками и недостатками, через преодоление которых мы можем перейти к деньгам как нематериальному явлению, в основе которого лежат нематериальные отношения. Одной из форм последних являются «электронные деньги», являющиеся атрибутом электронной, цифровой экономики [5, с. 49]. Увы, от «денежной цивилизации», независимо от ее объяснений мы не можем избавиться в обозримом будущем.

Итак, о трансформации собственности. Как известно, в старой экономической системе господствовала государственная собственность. На наш взгляд, суть государственной собственности правильно раскрывает А.В. Бондарь: «Право государственной собственности означает, что всеми правомочиями по отношению к объектам собственности обладает государство. При этом его интересы представляет бюрократический аппарат, подчиняющийся государственной политической элите» [6]. В переходный период происходит разгосударствление и приватизация государственной собственности, в результате которых возникают различные типы и формы собственности. Главным, конечно, является появление, а точнее, легализация частной собственности (поскольку частная собственность существовала в нелегальной форме, что и служило главной основой теневой экономики) и ее расширение. Это позволяет устранить монополию государственной собственности, служащей основой жесткой командно-административной системы управления (последнее фактически полностью не устраняло стихийные формы развития общественного и необщественного производства и индивидуального планирования частного, нелегального бизнеса). Развитие частной собственности позволяет вывести экономику из тупикового положения и постепенно наладить производство на этой основе.

С. Ю. Солодовников отмечает: «Частная форма собственности, отличаясь законченной персонификацией хозяйственных благ, однозначно вызывает имущественную дифференциацию субъектов в зависимости от того, лишены они функций хозяина по отношению к тем либо иным хозяйственным объектам или обладают этими функциями в полном объеме» [7, с. 95]. Когда мы выступаем за частную собственность, это не означает, что выступаем против других форм собственности, наоборот, в этих условиях развиваются другие формы собственности и, самое главное, организуется общественное и необщественное производство на их основе. Последнее служит возникновению и развитию бизнеса в различных организационно-правовых формах. Задача государства – создание правовых, экономических и организационных условий для сдерживания частных эгоистических интересов. «Экономическая система общества представляет собой живой

организм, включающий в себя огромное количество социально-экономических субъектов с различными потребностями и, соответственно, интересами, – справедливо отмечает С. Ю. Солодовников. – Это субъектное разнообразие выступает важным фактором адаптивности экономической системы к изменению окружающей среды. Для эффективного функционирования национальной экономики необходимы агрегированные субъекты, выступающие носителями государственных, уравнивательных, эгональных, экологических (природосберегающих) и других интересов. Как только в экономической системе общества политически и экономически необоснованно (чрезмерно или полностью) подавляются интересы каких-либо классов, система снижает свой адаптационный потенциал и становится критически уязвимой к внешним шокам. Так было в СССР и многих других странах. Чтобы этого избежать, надо стремиться обеспечивать экономический рост эколого-синергетического типа с сохранением конкурентных преимуществ экономики» [8, с. 61]. Сдерживанию частных эгоистических интересов способствует всемерное поощрение коллективных форм собственности и бизнеса, коллективных интересов, которые могут служить противовесом проявления частных, индивидуальных интересов и устремлений. Одним из главных социально-экономических критериев оценки функционирования различных форм собственности и бизнеса должны служить их эффективность и повышение благосостояния работников. Другими словами, развитие частной собственности не должно стеснять и сдерживать развитие других форм собственности, они должны взаимно дополнять друг друга и служить развитию производственных сил и общественных отношений.

С трансформацией собственности связано также развитие «интеллектуальной собственности», поскольку собственность действует не только в материальном производстве, но и интеллектуальном производстве и прежде всего в виде права на результаты интеллектуальной деятельности. Поэтому в широком смысле собственность – это не только присвоение материальных, но и духовных благ, причем в специфической форме.

Следует согласиться с И. Я. Левяшом в том, что в современных условиях на первый план выдвинулся вопрос об интеллектуальной собственности, ее противоречивой природе и все более возрастающей роли в модернизационном процессе [9, с. 50]. Действительно, интеллектуальная собственность – это та категория, которая может синтезировать различные формы собственности, существующие в материальном и нематериальном производстве. Интеллектуальная собственность позволяет также снять (преодолеть) существующие противоречия между экономической собственностью и правовой собственностью.

Еще один момент следует учитывать с точки зрения интеграции частной и государственной собственности. Там, где это необходимо и эффективно, следует объединить государственную и частную собственность для решения конкретных социально-экономических задач. Организационной формой такой интеграции может служить государственно-частное партнерство (ГЧП). «ГЧП представляет объединение материальных и нематериальных ресурсов государственного сектора и частных предприятий на долгосрочной и взаимовыгодной основе для создания общественных благ (территориальной, инженерной, социальной инфраструктуры) или оказания общественных услуг (образовательных, здравоохранительных и т. д.). Обоюдовыгодность является одним из основополагающих принципов ГЧП» [10, с. 282]. Такое партнерство, безусловно, сказывается и на качестве управления бизнесом. Государственные организации имеют большой опыт управления производством, а частные – больше ориентируются на рыночные методы, менее бюрократизированы. Необходимо брать все положительное, имеющееся в двух моделях управления, особенно с точки зрения повышения эффективности и практической отдачи. В этом деле важную роль играет стимулирование и мотивация

труда: «в условиях изменения содержания и характера труда, трансформации социальной структуры общества, появления новых профессий, изменений требований, предъявляемых к работнику XXI века, остро стоит проблема создания мотивационной системы работника» [11, с. 53]. В. А. Клименко справедливо отмечает, что «право собственности является основой всей системы экономических отношений, ибо формы собственности и формы хозяйствования определяет и обеспечивает главный двигатель развития – личную заинтересованность и мотивацию» [12, с. 446–447]. В свою очередь мотив – это то, ради чего трудится человек. Это те блага в различном виде, которые побуждают человека действовать, творить, созидать, создавать. Результатом последних и выступает собственность. Поэтому собственность – это прежде всего тот материальный и духовный потенциал, который использует человек для создания собственности внутри себя (развитие рабочей и интеллектуальной силы) и вне себя (средства производства, технологии, инновации и т.д.), причем как для себя, так и для других, и для общества в целом.

Выводы. Из сказанного выше становится ясно, что проблема «собственности» как экономической категории остается одной из сложных и важных в экономической теории. Она как и прежде будет оставаться в центре внимания экономистов и потребует совместных творческих идей различных школ и направлений, имеющих различные подходы к феномену «собственность». Главное, чтобы эта собственность «работала» эффективно и на благо общества.

Список использованных источников

1. Медведев, В.Ф. Экспорт в системе реализации стратегии национального суверенитета Республики Беларусь: оценки и прогнозные ориентиры – 2030 / В.Ф. Медведев, В.В. Почекина, Т.А. Тканич; под ред. В.В. Медведева. Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2017. – 194 с.
2. Лученок, А.И. Институты правят экономикой / А.И. Лученок; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск, Белорусская наука, 2018. – 279 с.
3. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис : политико-экономические очерки / С.Ю. Солодовников // Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси. Минск, 2006. – 530 с.
4. Катасонов, В.Ю. Метафизика истории. – М.: Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарাপова, 2018. – 272 с.
5. Беляцкая, Т. Управление электронной экономикой / Т. Беляцкая // Наука и инновации, 2018. – № 5 (183). – С. 48-55.
6. Экономическая теория : учеб. пособие / А.А. Рудак [и др.]; под ред. А.В. Бондаря. – Минск: БГЭУ, 2013. – 254 с.
7. Солодовников, С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников ; под науч. ред. П.Г. Никитенко.– Мн.: 2003. – 274 с.
8. Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимоотношенность / С. Ю. Солодовников // Вестник КРАГСИУ. Серия Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 56–63.
9. Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь / Е.М. Бабосов [и др.]; науч. ред. И.Я. Левяш. – Минск: Белорусская наука, 2015. – 387 с.
10. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с.
11. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сб.науч.работ №6. Под ред. Г.Д. Дроздова. – СПб.:СПбГЭУ, 2015.– С. 50-55.
12. Клименко, В.А. Социальная рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития // Экономическая наука сегодня. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 445–464.

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2019 года

THE PROBLEM OF "PROPERTY" IN ECONOMIC THEORY

S.V. Kuregyan

kuregyan@bntu.by

Doctor of Economics, Assistant professor,
Professor of the Department "Economics and Law"
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article reveals the modern problem of "property" as an economic category. "Property" is both an economic and legal (legal) attitude. There are contradictions between the economic relation of ownership and the legal (legal) relation of ownership, often they do not coincide. Modern understanding of property cannot do without the concept of "intellectual property." Property in general terms is not only the appropriation of material goods, but also spiritual values.

Key words: property, capital, law, private property, state property, intellectual property, economic system.

References

1. Medvedev, V.F. Jeksport v sisteme realizacii strategii nacional'nogo suvereniteta Respubliki Belarus': ocenki i prognoznye orientiry – 2030 / V.F. Medvedev, V.V. Pochekina, T.A. Tka-nich; pod red. V.V. Medvedeva. Institut jekonomiki NAN Belarusi. – Minsk: Pravo i jekonomika, 2017. – 194 s.
2. Luchenok, A. I. Instituty pravjat jekonomikoj / A.I. Luchenok; Nac. akad. nauk Belarusi, In-t jekonomiki. – Minsk, Belorusskaja nauka, 2018. – 279 s.
3. Solodovnikov, S.Ju. Institucio-nal'nye matricy: sushhnost', personi-fikacija i ee genezis : politiko-jekonomicheskie ocherki / S.Ju. Solodov-nikov // Nacional'naja akademija nauk Belarusi, Institut jekonomiki NAN Belarusi, Centr sistemnogo analiza i strategicheskikh issledovanij NAN Belarusi. Minsk, 2006. – 530 s.
4. Katasonov, V.Ju. Metafizika isto-rii. – M.: Biblioteka RJeO im. S.F. Sha-rapova, 2018. – 272 s.
5. Beljackaja, T. Upravlenie jelektron-noj jekonomikoj. – Nauka i innovacii, 2018, №5 (183). – S. 48-55.
6. Jekonomicheskaja teorija : ucheb. posobie / A.A. Rudak [i dr.]; pod red. A.V. Bondarja. – Minsk: BGJeU, 2013. – 254 s.
7. Solodovnikov, S. Ju. Transformacija social'no-klassovoj struktury belorusskogo obshhestva: metodologija, teorija, praktika / S.Ju. Solodovnikov ; pod nauch. red. P.G. Nikitenko. – Mn.: 2003. – 274 s.
8. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomicheskiy rost i istinnye investicii: sushh-nost' i vzaimoobuslovlennost' / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik KRAGSiU. Se-rija «Teorija i praktika upravlenija». – 2017. – № 18 (23). – S. 56–63.
9. Intellektual'nyj kapital i po-tencial Respubliki Belarus' / E.M. Ba-bosov [i dr.]; nauch. red. I.Ja. Levjash. – Minsk: Belorusskaja nauka, 2015. – 387 s.
10. Gorizontalnaja kul'tura soci-al'nyh vzaimodejstvij – potencial raz-vitija jekonomiki i obshhestva v XXI veke / S. Ju. Solodovnikov [i dr.]. – Minsk : BNTU, 2018. – 325 s.
11. Sergievich, T. V. Trud v neointustrial'nom obshhestve / T. V. Sergievich // Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tehno-logii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i kriminalisticheskoy jekspertizy» Sbor-nik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova. – SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2015. – S. 50-55.
12. Klimentko, V.A. Social'naja rynochnaja jekonomika: genezis i principy stanov-lenija i razvitija / V.A. Klimentko // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej / BNTU; redkol.: S.Ju. Solodovnikov (predsedatel' redkol.) [i dr.]. – Minsk, BNTU, 2017. – № 5. – S. 445-464.

УДК 336.7

ББК 65.261

**ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ИНТЕРЕСЫ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП****А. И. Лученок**

a.luchenok@gmail.com

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обоснована необходимость использования финансовой политики для согласования экономических интересов с учетом ограниченной рациональности поведения экономических агентов и возможности их оппортунистического поведения для реализации собственных интересов. Дана авторская агрегированная классификация потребностей и интересов физических лиц, организаций и общества в целом исходя из цели обеспечения согласования интересов.

Обоснована необходимость ориентации приоритетов государственного регулирования в восточной институциональной матрице на согласование и сбалансирование экономических интересов социальных макрогрупп. При этом ни одна из социальных макрогрупп не должна выступать единственным представителем общенациональных интересов, подчиняя себе интересы других социальных макрогрупп.

Ключевые слова: институциональная матрица, инфляция, социальные макрогруппы, финансовая политика, центробанк, экономические интересы.

Введение. Для решения стоящих перед Республикой Беларусь социально-экономических проблем необходимо повысить эффективность финансовой политики. На макроэкономическом уровне следует улучшить результативность проведения денежно-кредитной, бюджетно-налоговой и антимонопольной политики. Проблема заключается в том, что они базируются на теориях кейнсианского и монетаристского направления, разработанных еще в 30-50 годах прошлого века. Признавая их роль как важного этапа развития экономической науки, следует их дополнить современными теоретическими исследованиями и практическими рекомендациями, проводимыми на основе неинституциональной теории. В частности, при совершенствовании финансовой политики целесообразно учесть ограниченную рациональность поведения экономических агентов и возможность их оппортунистического поведения для реализации своих интересов.

Институциональный подход к исследованию проблем регулирования экономики применялся в трудах Д. Норта [1, 2], М. Олсона [3], П. Мауро, К. Поланьи, Э. де Сото и других авторов. В России институциональной методологии исследования макроэкономических проблем уделялось усиленное внимание Г. Б. Клейнером [4], В. М. Полтеровичем [5], Некипеловым [6] и др. В проведенных научных исследованиях в основном рассматриваются общие закономерности и лишь отдельные авторы, например, С. Г. Кирдина [7] и О. Э. Бессонова [8] учитывают специфику институциональных систем, обусловленных особенностями X- и Y-институциональных матриц. При этом недостаточно внимания уделяется проведению макроэкономической политики в целях согласования экономических интересов на макроэкономическом уровне.

Проблемы государственного регулирования экономики в Республике Беларусь исследовались в трудах М. В. Мясникова, П. Г. Гусакова, П. Г. Никитенко, А. А. Быкова, Л. Н. Нехорошевой, Н. И. Богдан, Г. А. Хацкевича, Т. В. Сорокиной, Е. Ф. Киреевой,

М. М. Ковалева, В. Ф. Байнева, В. В. Пинигина и др. авторов. Однако в этих исследованиях не поднимались вопросы влияния институтов на согласование экономических интересов, не рассматривались проблемы влияния институциональных факторов на качество макроэкономического регулирования в аспекте проведения единой согласованной и сбалансированной экономической политики.

Институциональные аспекты экономического развития рассматривались в трудах белорусских ученых П. С. Лемещенко [9], Т. В. Садовской [10], С. Ю. Солодовникова [11]. Указанными авторами определены основные характеристики белорусской институциональной системы, проанализирована эффективность действующих формальных и неформальных институтов. Проблемы проведения эффективной институциональной политики с учетом специфики институциональной матрицы, трактовки институциональных инструментов, а также развития институтов стимулирования экономического развития исследованы в трудах сотрудников Института экономики НАН Беларуси [12]. Однако следует признать, что проблемы развития институциональных инструментов, а также их влияния на потребности экономических агентов изучены пока недостаточно.

Результаты и их обсуждение. В основе поведения экономических агентов лежит стремление реализовать свои потребности. А. Маслоу в сороковых годах прошлого века построил так называемую «пирамиду потребностей» и тем самым создал основу для теории иерархии потребностей, которая касалась потребностей людей [13].

На современном этапе развития общества пирамиду А. Маслоу рисуют по-разному. Для задачи эффективного стимулирования деятельности людей упростим имеющиеся классификации и выделим наиболее важные в этом отношении потребности. В результате агрегирования потребности человека можно свести к следующим.

1. Физиологические потребности, направленные на удовлетворение запросов конкретного тела:

- устранение голода и жажды;
- обеспечение безопасных условий существования, включая наличие жилья.

Реализация этих потребностей эффективно поощряется системами экономического стимулирования, которые элементарно увязывают получаемое вознаграждение с результатами труда.

2. Социальные потребности выражаются в:

- стремлении к общению, формированию взаимных привязанностей как на дружеской основе, так и для самовоспроизводства в виде детей;
- заботе о близких исходя из родственных чувств, а также в надежде получить аналогичную заботу о себе в старости;
- желании получить признание другими людьми заслуг конкретного индивида с последующей их конвертацией в должности, денежный эквивалент, внимание потенциальных сексуальных партнеров. Стремление к общественному признанию может стать важной социальной потребностью само по себе и выражаться в повышенной активности в социальных сетях и блогах;
- у людей с повышенными амбициями стремление участвовать в общественной жизни трансформируется в стремление к власти, к руководству другими людьми.

В данном случае система простого экономического стимулирования может оказаться малоэффективной, поскольку общественное признание человека далеко не всегда увязывается с уровнем его материального благополучия.

3. Интеллектуально-духовные потребности являются достаточно сложным понятием, поскольку определенный интеллект нужен для удовлетворения любых, в том числе

физиологических, потребностей. Но достаточно простым критерием выделения интеллектуальных потребностей является постановка вопроса: «Что для вас важнее: купить на оставшиеся деньги дополнительные запасы продуктов питания, или же потратить их на получение информации, которая непосредственно не связана с выживанием?». По сути дела, интеллектуальные потребности – это желание познавать мир на уровне, выше принятого в обществе стандарта, стремление к самовыражению и самоидентификации. Специфика этих потребностей ограничивает возможность их стимулирования чисто экономическими методами и предполагает поощрение предоставлением более широкого доступа к новой информации с последующей самореализацией как личности. Причем интеллектуальные потребности достаточно сильно коррелируются с социальными потребностями, но в отдельных случаях могут и не совпадать. Мы знаем достаточное количество людей, которые самозабвенно занимаются наукой, искусством, другим творчеством, не имея от этого значительных доходов или общественного признания.

На духовные потребности также слабо влияют системы экономического стимулирования. Исходя из религиозных воззрений человек может отказаться от многих материальных благ и вести аскетический образ жизни. Реальная духовная потребность обращения к Богу обычно является стремлением по-новому самоидентифицироваться с ослаблением воздействия на человека приземленных физиологических и даже социальных потребностей. Походы же в церковь руководителей различного уровня исходя из политических соображений вряд ли можно рассматривать как духовные потребности.

А. Маслоу также активно использовал термины «интересы», «заинтересованность», но рассматривал их с чисто психологической точки зрения как внимание к кому-то или чему-то. При этом он был склонен отождествлять интересы с осознанными потребностями более высокого уровня по сравнению с физиологией. Он писал, что «в общих чертах предполагалось, что биологическое начало и подобные инстинктам стороны человеческой природы сводятся к физиологическим потребностям в пище, сексе и т. п. Высшие порывы к истине, любви и красоте расценивались как отличающиеся по сути от названных животных потребностей. Более того, предполагалось, что эти интересы носят антагонистический взаимоисключающий характер и находятся в постоянной борьбе друг с другом [13, с. 108]. Он также писал, что «все великие ученые отличались широтой интересов. От Аристотеля до Эйнштейна, от Леонардо до Фрейда великий первооткрыватель был чрезвычайно разносторонней личностью, с гуманистическими, философскими, социальными и эстетическими интересами [13, с. 248]. Очевидно, что трактовка интересов с точки зрения психологии фактически сводится к интеллектуальным потребностям и достаточно ограничена для понимания роли интересов в экономике.

Для рассмотрения связи с потребностями интересы более обоснованно увязывать с осознанием необходимости направлять свою деятельность не на прямую добычу питания на охоте или в огороде, а на работу, например, в офисе или на заводе. Хотя такая деятельность немедленно не удовлетворяет конкретные физиологические потребности, но позволяет получать деньги, которые и обеспечат конкретные нужды человека.

Экономические интересы – это осознанная необходимость участия в экономической деятельности для последующего удовлетворения физиологических, социальных и интеллектуально-духовных потребностей. Специфика экономических интересов заключается в том, что они выражают необходимость в деятельности, которая напрямую не связана с удовлетворением потребностей, а обеспечивает их удовлетворение опосредованно, обычно через получение денег с последующей тратой на конкретные нужды. Вместе с тем, при отсутствии системы рыночных отношений денежная стадия может отсутствовать. В этом случае человек будет работать за еду, одежду, постель. Другие могут работать волонтерами для удовлетворения своих высоких социальных, духовных потребностей.

Исходя из задач стимулирования экономического развития можно выделить следующие основные виды интересов физических лиц:

– экономические интересы или интересы в получения денежных доходов. Стремление заработать деньги для удовлетворения физиологических потребностей и частично социальных и интеллектуально-духовных потребностей является первейшей задачей индивида после появления общественного разделения труда. Такая направленность действия является основной у преобладающей части населения;

– обеспечение собственной безопасности. Этот вид интересов также тесным образом связан с удовлетворением физиологических потребностей, но системы стимулирования влияют на этот вид интересов двояко. С одной стороны, увеличение вознаграждения позволяет лучше защитить квартиру, пересесть на бронированный автомобиль и даже нанять охранников. Но, с другой стороны, рост вознаграждения далеко не всегда обеспечивает безопасность. В 90-е годы прошлого века многие вполне успешные бизнесмены были вынуждены уйти из бизнеса из-за опасений за жизнь не только собственную, но и родственников. То есть заманивание рублем на рискованную работу не всегда оказывается результативным;

– интерес к росту социального статуса. В рациональном обществе рост социального статуса обеспечивает не только увеличение доходов, но и качественное изменение роли конкретного человека в обществе, позволяет повысить удовлетворенность работой. Далеко не все работники выбирают любую доступную работу с максимально высоким доходом. Например, многие отказываются от работы ассенизатором, прежде всего, из-за определенного реального и социального душка, связанного с этой деятельностью, который не компенсирует относительно высокая зарплата. Другой пример. Многие десятилетия молодежь охотно шла в науку на низкую стипендию в надежде защитить диссертацию и стать социально уважаемым доцентом или профессором и быть хорошо оплачиваемым специалистом. Сейчас статус ученых и преподавателей серьезно упал в первую очередь из-за оплаты их труда на уровне кассирши супермаркета. В результате ситуация с молодыми научными кадрами резко ухудшилась. Попытки их поощрения на практике оказываются малоэффективными из того, что научная молодежь понимает, что все ее льготы закончатся после достижения 33 лет. Тем не менее, определенный приток научных кадров в стране еще сохраняется.

– интеллектуально-духовные интересы теснейшим образом связаны с соответствующими потребностями. Поэтому на людей, стремящихся к познанию, к саморазвитию, склонных к ярко выраженной религиозной самоидентификации, материальные стимулы действуют в ограниченной мере.

Таким образом, существуют виды интересов, которые делают поведение человека с точки зрения мейнстримовской методологии нерациональным и это затрудняет решение социально-экономических проблем в обществе исключительно воздействием на экономические интересы.

Работников организации (юридического лица) в агрегированном (укрупненном) виде можно идентифицировать как социальные микрогруппы. Хотя такая микрогруппа может состоять из достаточного большого количества иерархически организованных работников, но они действуют на уровне предприятия. Члены такой микрогруппы уже не выступают как субъекты, желающие удовлетворить свои физиологические, социальные или духовные потребности. Ими движут интересы, связанные с необходимостью обеспечения воспроизводства собственной организации. Индикатором степени реализации воспроизводственных интересов в нормально функционирующем предприятии может быть доля созданной добавленной стоимости, остающейся в распоряжении предприятия.

На практике достаточно часто встречаются случаи оппортунистического поведения руководителей и рядовых работников организаций. В частности, известны случаи, когда директора предприятий активно привлекали посредников для увеличения личных доходов за счет заниженных цен на свою продукцию и их завышения на приобретаемые товары и услуги с получением «отката». На низовом уровне встречаются случаи хищения материальных ценностей. Однако это не меняет общей направленности деятельности микрогрупп на согласованное поведение в целях реализации своего воспроизводственного интереса.

Для обеспечения постоянного функционирования своей организации работники противодействуют попыткам ее ликвидации или трансформирования. Для этого они взаимодействуют с руководящими инстанциями, выдвигаются в выборные органы, дают интервью в СМИ и осуществляют другие меры по защите социальной микрогруппы в социуме.

Имеются интересы и у социальных макрогрупп. Это понятие было введено в научный оборот нами ранее и под ним понимается объединение людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированного на реализацию групповых и личных интересов членов социальной группы с использованием формальных и неформальных норм (институтов), и обладающее влиянием, которое позволяет ему участвовать в определении специфики монетарной, фискальной и институциональной политики, влиять на основные макроэкономические пропорции, существенно корректировать финансовые потоки в экономике [14, с. 19-20].

Лишь отдельные социальные макрогруппы (СМГ) имеют жестко закрепленную на всех уровнях структуру. Например, в СМГ «Вооруженные силы» министр обороны является формальным лидером. Но на практике в меру своих способностей любой наделенный полномочиями представитель может выражать интересы макрогруппы.

Другие макрогруппы структурированы частично и могут иметь своих сторонников в правительстве и в других макрогруппах. Например, в Республике Беларусь есть Министерство архитектуры и строительства, но в СМГ «Строительный комплекс» входят также работники смежных отраслей, благополучие которых зависит от темпов строительства. Вне зависимости от ведомственной подчиненности их интересам соответствует расширение программ льготирования процентных ставок на строительство жилья за счет бюджета, которые в свое время успешно лоббировал заслуженный строитель П. П. Прокопович.

Особо больших успехов в лоббировании интересов строительной отрасли П. П. Прокопович достиг после его назначения в 1998 г. на должность Председателя Правления Национального банка, что позволило ему путем выдачи льготных кредитов на строительство накачать в экономику инфляционные деньги. В результате доля централизованной эмиссии в общей сумме финансирования жилья в год прихода П. П. Прокоповича в Нацбанка составила 37,8 %, а в 1999 г. – 32,9 %. Находясь под давлением заслуженного строителя Республики Беларусь, специалисты по монетарной политике были вынуждены оправдываться следующим образом: «В период глубокого экономического спада в первые перестроечные годы, когда финансы предприятий находились в критическом состоянии и резко упали денежные доходы населения, денежная эмиссия на цели жилищного строительства была, что называется, наименьшим злом» [15, с. 6]. На самом же деле, наименьшим злом было бы ограничение льготного кредитования жилья, которое в условиях плохой отработанности нормативных документов позволило многим ловкачам со связями построить по две и более квартир. В тот период многие предприниматели, осознав, что на практике реализовалась поговорка об одном животном, запущенном в огород с капустой, изменили направление

своей деятельности на строительство и торговлю строительными материалами, в результате чего обеспечили себе высокие доходы период активного использования льготных процентных ставок по кредитам.

В последующие годы кадровые работники Национального банка Республики Беларусь сумели убедить своего председателя в рискованности проводимой им политики. В результате доля централизованной эмиссии в общей сумме финансирования жилья в 2001 г. снизилась до 16,4 %, а в 2002 г. – до 15,4 % [15, с. 6]. Хотя принятые меры позволили снизить динамику индекса потребительских цен с 268,6 % в 2000 г. до 142,6 % в 2002 г., темпы инфляции оставались высокими [16], чему способствовала пусть и ограниченная, но сохраняющаяся практика денежной эмиссии исходя из интересов макрогруппы «Строительный комплекс».

Имеются и практически не структурированные макрогруппы. Это, прежде всего, относится к СМГ «Домашние хозяйства». Хотя члены этой макрогруппы имеют финансовую поддержку со стороны государства, но практически не организованы, что усложняет защиту ими своих интересов.

Несмотря на различную степень структурированности, все социальные макрогруппы в той или иной степени имеют следующие интересы.

Важнейшими интересами социальных макрогрупп являются следующие.

1. Участие в распределении добавленной стоимости на макроуровне.

Социальные макрогруппы обычно формируются для участия в дележе созданной в стране добавленной стоимости. При этом ставится задача как можно меньше отдавать созданную в курируемой отрасли добавленную стоимость и, по возможности, получать часть добавленной стоимости из внешних источников, прежде всего из бюджета.

Поскольку в макрогруппах вольно или невольно объединяются разные организации, часто имеющие не только общность интересов, но и формальную соподчиненность, они имеют достаточно большие возможности для координации своей деятельности. Но при этом интерес в превышении доходов каждой входящей в нее микрогруппы над ее расходами как бы размывается. Социальные макрогруппы могут позволить иметь в своем составе достаточное число убыточных организаций в том случае, если общая сумма денежных поступлений будет превышать их расход. Более того, банкротство отдельных предприятий их не пугает. Но их весьма интересует возможность активизации своего перераспределения бюджетных и внебюджетных фондов, а также внутренних и внешних кредитов в свою пользу.

2. Улучшение финансового воспроизводства социальной макрогруппы.

Такое воспроизводство связано с обеспечением бесперебойного кругооборота финансовых ресурсов с возможностью выделения большего количества денег не только на хозяйственную деятельность, но и на решение стратегических задач СМГ, а также рост благосостояния каждого члена группы. Причем лидеры СМГ обеспечивают значительно лучшие условия своего существования по сравнению с пассивными участниками (которые могут даже не подозревать, что их трудовая деятельность способствует процветанию какой-то СМГ. Например, обычные нефтяники в России в целом живут хорошо, но уровень их благосостояния кажется весьма скромным по сравнению с нефтяными олигархами. По СМГ «Домашние хозяйства» также наблюдается неравномерная динамика доходов по децильным группам.

3. Повышение эффективности функционирования макрогруппы.

Для получения доступа к бюджетным деньгам и льготным кредитам требуется обоснование. Лучшим таким обоснованием является повышение общей эффективности функционирования макрогруппы. Она выражается, прежде всего, в показателях «эффект-затраты». Могут также применяться и другие показатели, например, меньшие

затраты на производство товаров при аналогичных потребительских качествах. Но в этом плане белорусским предприятиям обычно трудно показывать свои преимущества. Поэтому начинают использоваться показатели, имеющие отдаленное отношение к реальной эффективности. Например, строители могут начать гордиться количеством построенных домов. Но рост величины этого показателя может происходить вследствие снижения качества строительства. Кроме того, объем жилищного строительства сильно зависит от величины господдержки домохозяйств, а также величины процентных ставок по кредитам, которые далеко не всегда являются показателями эффективности.

4. Формирование положительного имиджа социальной группы.

В тех случаях, когда деятельность макрогруппы в целом слабо обеспечивает рост эффективности (когда рост результатов существенно отстает от динамики затрат), лоббисты начинают формировать положительный имидж своей СМГ как в органах государственного управления, так и средствах массовой информации. Например, строители начинают говорить о социальной важности улучшения жилищных условий, о красоте городов, которую создает их деятельность. Это, конечно, важно, но не свидетельствует об эффективности деятельности макрогруппы.

5. Стремление к самореализации лидеров социальной макрогруппы.

Формальное или неформальное лидерство в социальной макрогруппе создает хорошие возможности для карьерного роста. Именно такой рост часто рассматривается как успешная самореализация. В этом случае часто проявляется оппортунизм и экономически нерациональное поведение лидеров СМГ, когда они начинают действовать не на пользу, а во вред своей макрогруппе.

Мейнстримовские экономические теории исходят из парадигмы рационального поведения экономических агентов. При этом предполагается, что их основным экономическим интересом является получение максимального эффекта от имеющихся в их распоряжении ресурсов. Как писал Аузан, «*homo economicus* – всеведущая эгоистичная сволочь, которая обладает сверхъестественными способностями по рационализации и максимизации своей полезности... Однако человек, который преследует исключительно эгоистические цели и делает это без каких-либо ограничений, потому что он всеведущ, как боги, и всеблаг, как ангелы, – это существо нереальное» [17, с. 14]. Но на практике человек является ограниченно рациональным. Например, тот же волонтер, тратящий свое время, а иногда и свои деньги и не получающий результатов в виде денежных знаков, не может рассматриваться как экономически рациональный субъект.

Обычно под ограниченной рациональностью понимаются целенаправленные действия хозяйствующего субъекта, проводимые им в условиях, когда принятие наиболее эффективных решений затруднено в связи с отсутствием возможности располагать требуемым временем, информацией, а также недостаточностью ресурсного обеспечения [18].

Ограниченная рациональность поведения экономических агентов и склонность их к оппортунистическому поведению усложняет возможности согласования экономических интересов

В практическом плане необходимо разработать эффективные институты согласования интересов экономических агентов. Необходимость устранения или хотя бы ослабления противоречий в интересах позволит более полно использовать факторы производства и увеличить темпы экономического роста.

Это требует разработки системы институциональных инструментов, которые будут базироваться на формальных и неформальных институтах и охватят более широкий круг проблем по сравнению с классическими экономическими теориями мейнстримовского направления. В основу формирования институциональных инструментов должна быть

положена разработка институтов, учитывающая специфику институциональной системы и стимулирующая экономическое развитие на основе баланса интересов с приоритетом роли государственного регулирования.

Если мейнстримовские теории связывают макроэкономическое регулирование с показателями экономического роста через влияние производственных факторов (инвестиций, инноваций, человеческого капитала и т.д.), то институциональный подход предполагает рассмотрение проблемы через определение эффективности сложившихся в обществе институтов. При этом признано, что возможность дальнейшего поддержания высоких темпов экономического развития требует серьезных институциональных преобразований.

Слабая отработанность теоретических вопросов приводит к недостаточному вниманию на практике к стимулированию экономического развития, что проявляется, в частности, в чрезмерно жесткой монетарной политике, которая не поощряет, а сдерживает экономический рост в реальном секторе экономики, в серьезных недостатках в реализации стимулирующей функции бюджетно-налоговой политики.

Главное, что необходимо сделать для обеспечения эффективного хозяйствования – заинтересовать в этом всех участников экономической деятельности. Если в западной институциональной модели происходит согласование интересов государства с основными социальными макрогруппами через систему их влияния на государственные органы управления, в том числе через официально признаваемый лоббизм, то в восточной институциональной матрице при ведущей роли государства приоритет получают проекты, наиболее важные с точки зрения государственных служащих. В этой матрице проще осуществлять крупные инвестиции, находить финансовые ресурсы для престижных проектов. Соответственно осуществляется и распределение централизуемых финансовых ресурсов, объем которых всегда лимитирован. Но при этом ослаблены инструменты обратной связи, которые бы показывали, что в результате предложенного правительством перераспределения централизованных ресурсов ослабляется сбалансированность экономических интересов социальных макрогрупп.

В результате отдельные макрогруппы чувствуют себя ущемленными, что может сказаться на эффективности их деятельности. Из-за ограниченного развития рыночных отношений в централизованной системе законные возможности получения дополнительных финансовых ресурсов, например, бюджетниками, весьма ограничены. Поэтому крайне необходимо обеспечить согласование интересов государства с основными социальными макрогруппами. Недостаточно качественное согласование интересов всех участников экономической деятельности является одной из центральных проблем обеспечения эффективного функционирования стран на основе восточной институциональной матрицы.

В устранении противоречий в интересах между различными социальными макрогруппами серьезную роль может играть грамотная финансовая политика. Она должна, прежде всего, обеспечивать распределение бюджетных и внебюджетных ресурсов между социальными макрогруппами на принципах:

- эффективности использования выделяемых ресурсов;
- обеспечения социальной защиты наиболее бедных слоев населения;
- согласования экономических интересов основных социальных макрогрупп с недопущением социальных конфликтов.

Выводы. В восточной институциональной матрице согласование интересов различных социальных макрогрупп при проведении финансовой политики осуществляется не на основе действия рыночных сил, а преимущественно путем принятия решений органами государственной власти. Поэтому главное, что необходимо государственным

администраторам в восточной институциональной матрице, – научиться считаться с интересами социальных макрогрупп. Ведь общенациональные интересы – это не только интересы органов государственной власти, это и агрегированные в социальных макрогруппах потребности граждан.

При этом следует принять меры, чтобы ни одна из социальных макрогрупп не брала на себя функции единственного представителя общенациональных интересов, подчиняя себе интересы других социальных макрогрупп. В частности, признавая роль центробанка (Национального банка) как выразителя общенациональных интересов по обеспечению монетарной сбалансированности, следует с осторожностью относиться к попыткам подчинения интересов реального сектора и домашних хозяйств политике сдерживания внутреннего спроса. Такая политика ведет к долговременному экономическому спаду, кризису реального сектора экономики и снижению уровня жизни населения.

Согласование экономических интересов на макроуровне должно проводиться с помощью институциональных инструментов, которые должны входить составными элементами в денежно-кредитную, бюджетно-налоговую и антимонопольную политику. Основными целями согласования экономических интересов должно быть обеспечение сбалансированности основных народнохозяйственных пропорций, ориентация макроэкономического механизма на поддержание экономического равновесия и соблюдение баланса интересов социальных макрогрупп. Особая роль должна уделяться реализации интересов макрогруппы «Домашние хозяйства».

Список использованных источников

1. North, D. C. *Structure and Change in Economic History* / D. C. North. – New York: Northon, 1981. – 228 p.
2. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997. – 180 с.
3. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – пер. с англ. – М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.
4. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 240 с.
5. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35. – № 2. – С. 3-30.
6. Некипелов, А. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве / А. Некипелов. – М.: Экономистъ, 2006. – 328 с.
7. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина – Изд. 3-е, перераб. и ил. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
8. Бессонова, О. Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции / О. Э. Бессонова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 151 с.
9. Лемещенко, П. С. Институциональная экономика: теория, политика, практика: учеб. пос. / П. С. Лемещенко. – Мн.: Мисанта, 2015. – 699 с.
10. Государственное регулирование институционального развития экономики Беларуси / Т. В. Садовская и [др.]: под науч. ред. Т. В. Садовской. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 299 с.
11. Солодовников, С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников. – Мн.: Право и экономика, 2006. – 530 с.
12. Лученок, А. И. Институты правят экономикой / А. И. Лученок. – Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 278 с.
13. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд. / А. Маслоу. – Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
14. Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики / А. И. Лученок [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 371 с.

15. Алымов Ю., Строительство жилья: новые подходы / Ю. Алымов, Н. Левенков, Г. Мойсейчик // Банковский вестник. – 2003. – №25. – С. 4-13.

16. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Индексы потребительских цен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/> potre-

bitelskie-tseny/godovye-dannye/indeksy-potrebitelskikh-tsen – Дата доступа: 26.02.2019.

17. Аузан, А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / А. А. Аузан. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 160 с.

8. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2019 года

THE IMPACT OF FINANCIAL POLICY ON ECONOMIC INTERESTS OF SOCIAL MACROGROUPS

A. I. Luchenok

a.luchenok@gmail.com

Doctor of Economics, Professor,

Head of the Department of Macroeconomic and Financial Policy
The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article justified on the need to use financial policy to coordinate economic interests, taking into account the limited rationality of the behavior of economic agents and the possibility of their opportunistic behavior to realize their interests. The author provides an aggregated classification of the demands and interests of individuals, organizations and society as a whole, based on the goals of ensuring the coordination of their interests.

The necessity of reorienting of the priorities of state regulation in framework of the eastern institutional matrix to harmonize and balance the economic interests of social macrogroups is substantiated. At the same time, none of the social macrogroups should act as the sole representative of national interests, subduing the interests of other social macrogroups.

Keywords: *institutional matrix, inflation, social macrogroups, financial policy, central bank, economic interests.*

References

1. North, D. C. Structure and Change in Economic History / D. C. North. – New York: Northon, 1981. – 228 r.

2. Nort, D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki / D. Nort. – per. s angl. A. N. Nesterenko– M.: Fond jekonom. knigi «Nachala», 1997. – 180 s.

3. Olson, M. Logika kollektivnyh dejstvij. Obshhestvennye blaga i teorija grupp / M. Olson. – per. c angl. – M.: FJel, 1995. – 174 s.

4. Klejner, G.B. Jevoljucija institucional'nyh sistem / G. B. Klejner. – M.: Nauka, 2004. – 240s.

5. Polterovich, V. M. Institucional'nye lovushki i jekonomicheskie reformy / V. M. Polterovich // Jekonomika i matematicheskie metody. – 1999. – T. 35. – № 2. – S. 3-30.

6. Nekipelov, A. Stanovlenie i funkcionirovanie jekonomicheskikh institutov: ot «robinzonady» do rynochnoj jekonomiki, osnovanoj na individual'nom proizvodstve / A. Nekipelov. – M.: Jekonomist, 2006. – 328 s.

7. Kirdina, S. G. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii: vvedenie v H-Y-teoriju / S. G. Kirdina. – SPb.: Nestor-Istorija, 2014. – 468 s.

8. Bessonova, O. Je. Rynok i razdatok v rossijskoj matricе: ot konfrontacii k integracii / O. Je. Bessonova. – M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2015. – 151 s.

9. Lemeshhenko, P. S. Institucional'naja jekonomika: teorija, politika, praktika: ucheb. posobie / P. S. Lemeshhenko. – Mn.: Misanta, 2015. – 699 s.

10. Gosudarstvennoe regulirovanie institucional'nogo razvitija jekonomiki Belarusi / T. V. Sadovskaja i [dr.]: pod nauch. red T. V. Sadovskoj. – Minsk: Belarusskaja navuka, 2017. – 299 s.
11. Solodovnikov, S. Ju. Institucional'nye matricy: sushhnost', personifikacija i ee genezis (politiko-jekonomicheskie ocherki) / S. Ju. Solodovnikov. – Mn.: Pravo i jekonomika, 2006. – 530 s.
12. Luchenok, A. I. Instituty pravjat jekonomikoj / A. I. Luchenok. – Nacional'naja akademija nauk Belarusi, Institut jekonomiki. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2018. – 278 s.
13. Maslou, A. Motivacija i lichnost' / A. Maslou. – 3-e izd. Per. s angl. – SPb.: Piter, 2008. – 352 s.
14. Makrojekonomicheskie aspekty obespechenija sbalansirovannosti nacional'noj jekonomiki / A. I. Luchenok [i dr.]. – Minsk: Belaruskaja navuka, 2015. – 371 s.
15. Alymov, Ju. Stroitel'stvo zhil'ja: novye podhody / Ju. Alymov, N. Levenkov, G. Mojsejchik // Bankovskij vestnik. – 2003. – №25. – s. 4-13.
16. Belstat. Indeksy potrebitel'skih cen. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitel'skie-tseny/godovye-dannye/indeksy-potrebitel'skikh-tsen> – Data dostupa: 26.02.2019.
17. Auzan, A. A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredelajut nashu zhizn' / A. A. Auzan. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. – 160 s.
18. Rajzberg, B. A. Sovremennyj jekonomicheskij slovar' / B. A. Rajzberg, L. Sh. Lozovskij, E. B. Starodubceva. – 2-e izd., ispr. M.: INFRA-M, 1999. – 479 s.

УДК 338.45+331.101.5

ББК 65.011

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

Т. В. Кузьмицкая

kuzmitskaya@bntu.by

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Рассмотрена эволюция организации труда и управления производством на основе механизмов изменчивости, наследственности, отбора в адаптационные и полифуркационные периоды при переходе от ремесленного к промышленному и далее к постиндустриальному производству. Показаны преимущества групповой и командной организации и управления трудом в современном мире в сравнении с системами, выстроенными на принципах жесткой иерархии.

Ключевые слова: эволюция, модернизация экономики, организация труда, управление, постиндустриальное производство, экономическая система, труд.

Введение. Термин «эволюция» (в переводе с латинского «развертывание») первоначально использовался в военной лексике и означал разворачивание армии в боевой порядок. Позднее, в XVIII в. швейцарским философом и натуралистом Ш. Боне это понятие было введено в эмбриологию и впоследствии распространено на область филогенеза (историю видов), а в конце XIX в. данный термин стал применяться также в сочетании с новым понятием биосферы [1, с. 73]. В настоящее время в широком смысле «эволюция» по своему содержанию близка к слову «развитие», т.е. означает процессы, изменяющие живую и неживую природу и социальные системы, приводящие к переходу от одного состояния к другому. В общественных науках под эволюцией понимают происходящую во времени трансформацию, в результате которой появляются качественно новые социальные формы или структуры. Современные исследования движущих сил и механизмов эволюции показывают, что процессы мирового развития не случайны, постоянное усложнение организации общества происходит в результате взаимодействия объективной необходимости со столь же объективной стохастичностью нашей Вселенной. Реальность такова, что необходимость вовсе не исключает случайность, но определяет потенциальные возможности развития, которые согласовываются законами природы [2, с. 35]. Отметим, что при исследовании сущности эволюции мы исходим из того, что история развития общества это не универсальный, нелинейный, а поливариативный процесс, при котором прогресс достигается не за счет наращивания универсализма, а путем умножения разнообразия социальных форм бытия и позитивных результатов их взаимодействия [3, с. 8].

«Целостность процесса развития противоречива, – пишет по этому поводу С. Ю. Солодовников, – она включает взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Целостность выступает существенной характеристикой развития. Она проявляется как в самоорганизации процесса, так и в его самоуправлении, базирующемся на обратной связи. Прогресс и регресс в развитии неотделимы друг от друга и предполагают один другого» [4, с. 9]. При рассмотрении механизмов эволюции в организации труда и управления производством нами будет использоваться

цивилизационный и синергетический подход на основе научного наследия Н.Н. Моисеева [2] и Ф. Хайека [5], которые широко применяются для описания становления и развития форм общественной жизни в нашей стране и за рубежом.

Результаты и их обсуждение. В исследовании механизмов эволюции Н.Н. Моисеев отмечал: «единый процесс развития охватывает неживую природу, живое вещество и общество» [2, с. 35] и предлагал для исследования эволюции на всех трех уровнях организации материального мира – неживых материальных структур, живого вещества и организации общественной жизни – использовать единый язык, в основе которого находятся элементы дарвиновской триады: изменчивость, наследственность и отбор. Хотя и в контексте эволюции общественных отношений эти понятия будут нести более широкий смысл, чем в эволюционной теории, их применение справедливо в частности и для эволюции организации труда и управления производством. Под изменчивостью принято понимать разнообразие признаков среди представителей одного вида. Развитие общественной жизни, рост числа организационных форм системы общества или ее элементов происходит вследствие разнообразных стохастических процессов при активном воздействии человека. Безграничность возможных вариантов, форм и видов деятельности человека, детерминировано его социобиокультурной сущностью и обуславливает постоянную изменчивость общественных отношений в целом и организации труда и управления в частности. Трудовые отношения характеризуются взаимозависимостью человека и природы. «Воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, – писал о взаимодействии человека и природы К. Маркс, – он в то же время изменяет свою собственную природу» [6, с. 188]. Повышая эффективность трудовой деятельности, направленной на создание необходимых для обеспечения экономической жизнестойкости общества и его членов благ, человек создает условия для самосовершенствования, развития собственных способностей.

Основными составляющими трудовых отношений (видовыми группами) являются функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства, разделение и кооперация труда и перемена труда [7, с. 26], а основными видами трудовых отношений являются общественное разделение и кооперация труда [8, с. 66]. Все составляющие трудовых отношений взаимосвязаны, поэтому изменение одного из указанных компонентов неизбежно приводит к изменению других. Так, разделение труда на элементарные операции и кооперация в мануфактурах создали предпосылки для изобретения простейших механизмов. Развитие средств производства обуславливает необходимость повышения профессиональной подготовки работников, формирования необходимых знаний и умений, появления новых профессий, что, в свою очередь, приводит к еще большему углублению и дифференциации разделения и кооперации труда. Исходя из того, что трудовые отношения, являясь частью экономической системы, находятся в непрерывном взаимодействии с другими видами экономических отношений, а также подвержены воздействию внешних факторов, можно говорить о практически неисчерпаемых источниках изменчивости. Наследственность в общественном ведении рассматривается как влияние прошлого на будущее. Будущее определяет прошлое не напрямую, а под влиянием все тех же стохастических процессов, тщательное изучение прошлого, способствует лучшему пониманию возможного будущего. В контексте исследования эволюции организации и управления трудом наследственность проявляется в формировании и закреплении в виде традиций, законов и институтов трудовых отношений. Отбор позволяет осуществить фильтрацию связей и элементов трудовых отношений, в результате которой сохраняются и закрепляются признаки и особенности, наиболее способствующие повышению их жизнестойкости. В общественной жизни критериями отбора могут служить конкурентная борьба, экономическая эффективность, социальная устойчивость. Например, углубление разделения труда и кооперации

на мануфактурах позволило обеспечить повышение производительности и изготовление продукции качественнее и дешевле, в сравнении с отдельными ремесленниками. Это привело к росту численности мануфактур и вытеснению ими «одинок».

Исторически сложилось две формы становления мануфактур: в результате комбинирования самостоятельных ремесел (производство часов, каретное производство) и в результате кооперации однородных ремесленников (иглочное производство). Первый тип мануфактур характеризуется комбинированием качественно разных видов трудовой деятельности. Примером мануфактуры второго типа является изготовление булавок, широко известное благодаря его описанию А. Смитом. «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет её, третий обрезает, четвёртый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трёх самостоятельных операций; насадка её составляет особую операцию, полировка булавок – другую; самостоятельной операцией является даже завёртывание готовых булавок в пакетики» [9, с. 10] В результате сложный процесс изготовления булавок разделен примерно на восемнадцать самостоятельных элементарных операций, выполняемых разными рабочими. Кусок проволоки проходит последовательно через руки рабочих различных специальностей, но все эти рабочие заняты одновременно, в результате за счет кооперации и разделения труда происходит рост производительности и за равные промежутки времени изготавливается больше товаров. Если ранее единоличный работник, не владеющий навыками по осуществлению всех операций технологического процесса изготовления булавок, мог их изготовить в количестве не более 20 штук в день, то при расчленении производства на 18 простейших операций, выполняющихся разными работниками, производительность выросла до 48 тысяч штук в день. По мнению А. Смита, такой результат был достижим за счет развития ловкости в результате специализации на однотипной операции, экономии времени на перемену труда (переключение на другой вид деятельности), он же способствовал появлению машин и механизмов, поскольку создание приспособления для несложного действия требует меньше общественных затрат. Толчком к механизации рабочего процесса послужило разделение труда в мануфактурах, в результате которого стало возможным расчленить производственную технологию на элементарные процессы. Это дало возможность наглядно проследить этапы пути от сырья к готовому изделию, а отсюда оставалось сделать лишь один шаг к механизации отдельных процессов.

Необходимо отметить, что одновременно с мануфактурным было широко распространено кустарное производство (представляющее собой децентрализованную раздаточную мануфактуру) в России или аналогичная ему европейская система «выкладывания сырья» [10]. Многими исследователями (И.М. Кулишер [11], М.М. Ковалевский [12], М.В. Белоусенко [12]) опровергался тезис А. Смита, позднее развитый К. Марксом, об обязательности мануфактурной стадии развития капитализма, которая послужила толчком для дальнейшей эволюции на основе развития разделения труда. Общими тенденциями в становлении мануфактур, кустарей и системы «выкладывания сырья» было усиление коллективизации и централизации в формах организации труда.

В процессе эволюции определенные способы организации трудовых отношений в борьбе за экономическое пространство проявляют свои сильные и слабые стороны, и, или побеждают и становятся доминирующими в хозяйственном укладе, или проигрывают и исчезают либо становятся периферийными. При этом, каждая сохраняет гибкость, между ними отсутствует четкая граница, они продолжают эволюционировать и взаимодействовать. Таким образом, изменчивость, наследственность и отбор определяют механизм эволюции общественной жизни, т.е. совокупность логических связей, предопределяющих возникновение изменений, их разнообразие, закрепление

или отмирание в развивающейся общественной системе. Любая экономическая система не бывает полностью однородна, обычно ее основу составляют наиболее прогрессивные виды и типы экономических отношений, которые окружены эксплоятными образованиями. Другими словами, «любое доминирование той или иной хозяйственной системы воплощается в действительности в асимметричном образовании "центр-периферия" с наличием множества метапозиций между крайними точками» [3, с. 9]. Сочетание неравнозначных хозяйственных структур наблюдается на всех срезах экономической системы. Наиболее передовые отрасли, которые составляют основу экономики, сосуществуют одновременно с менее передовыми хозяйственными укладами, «подпитываясь» ими. «Экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать трансакционные издержки» [13, с. 14], – отмечается по этому поводу в литературе. Например, в индустриальном обществе ядро экономики составляет промышленное производство, однако это не приводит к исчезновению аграрного сектора. Такое положение вещей сохраняется на протяжении всей истории развития человечества, однако в различные периоды времени роль доминирующего уклада играют разные сферы хозяйственной деятельности, сначала развиваясь, затем отмирая и замещаясь новыми. В результате преодолевается тупик, связанный с исчерпанностью ресурсной базы. Достоинства нового доминирующего уклада могут выражаться либо в экстенсивном расширении социального сообщества в ходе освоения традиционных ресурсов, либо в более интенсивном характере их использования, либо во внедрении в экономику новых ресурсов.

Н. Н. Моисеев справедливо полагал, что эволюция любой развивающейся системы состоит из чередований адапционных (спокойных «дарвиновских») периодов развития с бифуркационными периодами (периодами стремительных катастрофических перестроек) [2, с. 43]. Адапционные периоды характеризуются определенной стабильностью развивающейся системы, приспособленной в результате самонастройки для конкретных условий внешней среды. Основная особенность таких периодов заключается в том, что, изучив свойства и характеристики внешней среды можно довольно точно прогнозировать тенденции в изменении параметров системы, потому что за счет механизмов адаптации эта система сохранит свою устойчивость, невзирая на внешние и внутренние возмущения. В бифуркационный период эволюции система в результате своего развития, либо под воздействием внешних факторов достигает некоей критической точки, преодолеть которую невозможно без резких качественных эндогенных изменений. В условиях бифуркации система может практически потерять «память», и вследствие этого ее дальнейшая судьба будет практически не зависима от характера ее предыдущего развития. В этот момент система находится как бы на перепутье и значительную роль начинают играть стохастические факторы, поэтому при анализе возможного постбифуркационного состояния имеет смысл говорить только о некоторых возможных сценариях или общих тенденциях дальнейшего развития на основе общих законов материального мира. Предугадать точно, по какому пути будет развиваться система, становится невозможно. В качестве примера бифуркационных механизмов эволюции можно привести любые социальные катаклизмы, революции, войны, или кардинальное законодательное реформирование общества.

Эволюция может вести к усложнению, дополнительной дифференциации, повышению или же наоборот, понижению степени общественного разделения труда. В своей совокупности этот процесс может иметь следующие последствия для социально-экономической жизни субъектов трудовых отношений и экономической системы общества в целом: упрочнение жизни субъектов трудовых отношений и (или)

экономической системы общества в целом; отсутствие каких-либо изменений; снижение жизненности трудовых отношений и деградация общественного производства. В свое время Ф. Хайек считал одним из основных критериев экономического отбора – принцип выживания или репродуктивного преимущества. Можно согласиться с его трактовкой эволюции общества, которая происходит на основании процессов изменчивости, приспособления и конкуренции. Основными факторами, влияющими на развитие человека, являются инстинкты, обычаи (моральные нормы), разум. Кроме того, «наряду с обычаями формируются традиции, которые представляют собой общие нормы, сходные с идеей, принципом и позволяющие в границах утверждаемой ею направленности поведения более широко варьировать конкретные поступки людей» [14, с. 73]. Инстинкты служат первоначальным критерием выживаемости человека и вытекают из его биологической сущности. Однако в процессе социального развития зарождаются обычаи, нормы, табу, которые находятся в противоречии с инстинктами конкретного человека, и не совсем понятны его разуму, но соответствуют интересам группы, в которую он входит, и повышают ее выживаемость. «Те группы, которые придерживаются наиболее полезных обычаев, в процессе постоянной межгрупповой борьбы будут получать преимущество над теми из соседних групп, которые придерживаются менее полезных обычаев» [5, с. 304], – писал по этому поводу Ф. Хайек. По его мнению, параллельно с возникновением спонтанного расширенного человеческого порядка, создаваемого рыночной конкуренцией (капитализм), возникла сознательная организация человеческих взаимоотношений с центральной властью, строго следующая разуму и научному мышлению (коммунизм). Для объяснения преимуществ капитализма, основанного на либеральной рыночной экономике, над коммунизмом, использовавшим административно-рыночные рычаги, Ф. Хайек акцентирует внимание на противопоставлении разума и традиций. Ученый полагал, что в силу ограниченности нашего восприятия человеческий разум не может выступать эффективным критерием отбора, поэтому системы правил человеческого поведения, основанные на разуме, являются порочным механизмом эволюции и не смогут конкурировать с системами организации, основанными на обычаях и традициях, прошедших проверку временем и доказавшим на практике свои преимущества [5]. На наш взгляд, такое умозаключение не достаточно обосновано. В процессе конкуренции коммунизма и капитализма, последний несколько гуманизировался, т.е. сознательно ограничил сферу действия «невидимой руки рынка» (через ограничение рабочего времени, труда детей, деятельность профсоюзов, пособия безработным, социальную защиту, пенсионное обеспечение), тем самым снизив классовую напряженность, в то время как коммунизм продемонстрировал меньшую адаптивность к изменяющимся условиям. Иначе говоря, возникла социально-рыночная экономика, вобравшая в себя элементы из двух конкурирующих систем: основанная на исторически сложившихся институтах рынка, частной собственности, но применяющая государственное вмешательство и социальную политику. С Ф. Хайеком следует согласиться в том, что «для определения того, какая система правил поведения будет доминировать, решающим является количество человеческих жизней, поддерживаемых той или иной системой» [5, с. 304]. По его мнению, эти практики не обеспечивают сохранение конкретных жизней, они скорее повышают шансы данной группы: перспективы роста, вероятность расширения. Между тем, представляется спорным утверждение Ф. Хайека о том, что, лишь следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка, мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы которой претендуют на строгое следование «разуму» [5]. Капиталисты в поисках более дешевых трудовых ресурсов вовлекают население третьего мира в мировое разделение труда,

давая возможность прокормиться и выжить большему количеству людей. Однако, Ф. Хайек, отмечая улучшение уровня жизни по всему миру в процессе глобализации, приписывает это в заслугу «абсолютных» преимуществ «конкурентного рыночного порядка», игнорируя влияние повсеместного использования достижений научно-технического прогресса, развития производственных отношений и роста производительности труда, сопровождающих переход от традиционного (аграрного) к индустриальному, и далее к постиндустриальному производству. «Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, – пишет по этому поводу С. Ю. Солодовников, – постольку и значительное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет существенного повышения производительности общественного труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов» [15, с. 30].

Необходимо отметить, что важную роль в развитии трудовых отношений играет эволюция целей производства. В рыночном хозяйстве цели определяются на основе изучения спроса. Но так как спрос непостоянен и подвержен циклическим колебаниям, то это периодически приводит к кризисам перепроизводства. Появление кейнсианства направило вектор внимания исследователей на решение этой проблемы и обеспечение устойчивого спроса путем его стимулирования. Однако практика показала, что такие инструменты также имеют ограниченный ресурс применения. В настоящее время спрос формируется под влиянием сложно структурированной системы потребностей, для удовлетворения которых более приспособлена рыночная система хозяйствования, так как дает большую свободу и мобильность для бизнеса, более широкое разнообразие выбора и альтернатив. Так как трансформация экономической системы общества находит отражение в целях и технологиях труда, то через рассмотрение эгональных характеристик труда (субъект-субъект), т.е. через эволюцию организации труда и управления, можно выделить следующие формы производства: традиционное (в рамках общины на основе традиции), индустриальное, постиндустриальное. Поскольку на современном этапе развития наблюдается становление постиндустриального производства, то сконцентрируем свое внимание на этом переходе. Индустриальное производство характеризуется следующими признаками: наемный, главным образом физический труд в условиях массового стандартизированного производства, работники продают рабочую силу и получают заработную плату, а результатами их труда распоряжается собственник; разделение на управляющих и исполнителей. В постиндустриальном производстве по-прежнему сохраняется значительная доля наемных работников, но большее значение приобретают «белые воротнички» (т.е. растет значимость интеллектуального, творческого, управленческого труда), за счет снижения доли физического труда происходит феминизация рабочей силы и рост сферы услуг. «При переходе к постиндустриальному обществу, – справедливо отмечает С. Ю. Солодовников, – повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают знания и информация) и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом)» [16, с. 5]. Стандартизированное производство вытесняется мелкосерийным, с узкой специализацией продуктов и специальностей. На смену экономии за счет увеличения масштабов приходит экономия размаха, т.е. снижения издержек за счет роста вариативности выпускаемых номенклатуры с общей элементарной базой; использования новых информационных технологий. Работники продают не способности к труду, а конкретные результаты интеллектуальной

деятельности, информационный продукт. Наемные работники привлекаются в разных формах к управлению организации. Все большее распространение получают комбинированные формы оплаты за труд в виде заработной и доли в прибыли.

Наиболее значимой сферой применения труда в современном мире по-прежнему является расцветший при индустриализации наемный труд. «Систематизация опыта управления началась еще на рубеже XVIII-XIX веков, когда в мировом хозяйстве наблюдался стремительный рост производительных сил на базе крупной машинной индустрии и утверждался капитализм, – отмечает Т.В. Сергиевич. – Развитие торговли, накопление капитала, протекционистские меры в английской экономике, научный прогресс, распространение применения наемного труда, развитие институтов частной собственности привели к промышленной революции, которая связана была не только с началом массового применения машин, но и с изменением всей структуры общества» [17, с. 212], включая трудовые отношения. Эпоха индустриализма (вплоть до окончания Второй мировой войны) – это период доминирования массового производства, эффективность функционирования экономической системы в котором определялась снижением издержек и ростом прибыли за счет расширения производства. Так как при наемном труде цель труда формирует наниматель, то это дает возможности ему в полной мере персонифицировать функцию по организации труда, в том числе организовать его на научной основе. Достигнуть максимальной прибыли за счет роста производительности в этот период удалось путем интенсификации труда (тейлоризм, фордизм) на основе разделения труда на операции, стандартизации, типизации и конвейерной системы, а также формирования массовых рынков сбыта.

Ф. Тейлор одним из первых попытался увеличить производительность труда рабочих через пошаговую стандартизацию процессов на основе хронометража времени и движений каждого работника, тщательного их изучения и определения лучшего способа их выполнения. Широко известен эксперимент Ф. Тейлора, проведенный им в 1899 г., на примере организации погрузки в вагоны 40-килограммовых стальных чушек. Путем умножения продолжительности времени работы в день на максимальную скорость погрузки на коротком участке, полученную хронометражем движений грузчиков и их небольшой оптимизацией, Ф. Тейлор вычислил «научно обоснованную норму». Согласно его расчетам, дневная выработка, которая до этого составляла 12,5 т на человека, могла быть увеличена до 47,5 т в день, т.е. выросла почти в четыре раза. За выполнение этой нормы он предложил оплату на 60% выше прежней. Как утверждает М. Стюарт, эксперимент провалился, так как люди разбежались после первого дня – работать на износ за относительно небольшую прибавку никто не захотел [18]. Предложения Ф. Тейлора столкнулись с существенным противодействием со стороны профсоюзов, в первую очередь государственных оружейных и судостроительных, которые в тот период имели сильное влияние в США. При разложении физического труда на простейшие операции отпала необходимость квалификации и обучения рабочего, и таким образом подрывались цеховые профсоюзные монополии, в которые принимались только родственники действующих членов, а для достижения необходимого уровня мастерства, делиться секретами которого за пределами профсоюза запрещалось, требовалось длительное персональное профессиональное обучение, осуществляющееся без какой-либо системы и научных методик. Ранее высоко ценившиеся квалифицированные работники, изучавшие ремесло в течении нескольких лет, легко могли быть замещены необученными. По словам Г. Форда: «Большая часть занятых у нас рабочих не посещала школ; они изучают свою работу в течение нескольких часов или дней» [19]. В результате этого противостояния победили профсоюзы, добившиеся запрета на проведение «исследований рабочих операций», который действовал даже после Второй мировой войны.

Для повышения производительности труда и снижения издержек нестандартное решение было использовано Г. Фордом, который в 1914 г. увеличил заработную плату до 5 долл. за восьмичасовую смену, тогда как на других заводах за аналогичную работу платили в 2 раза меньше. Это позволило ему отобрать лучшие кадры, снизило их текучесть и количество прогулов, более мотивированные работники трудились старательнее, и рост производительности превысил увеличение издержек на оплату труда. Одновременно такая политика значительно расширяла рынок сбыта, так как стоимость знаменитой «Модели Т» равнялась 360 долл., а рабочий за год зарабатывал около 1250 долл., т.е. мог позволить покупать новый автомобиль ежегодно. Г. Форд по этому поводу отмечал: «Повышая зарплату, я создаю покупателя» [19]. Все эти меры в комплексе увеличивали производительность в несколько раз, но для рабочего это был тяжелый монотонный труд на износ. В художественной литературе такая организация производственного процесса нашла следующее отражение: «Меньше непроизводственных потерь, больше надсмотрщиков, соглядатаев, провокаторов и осведомителей (15 минут на ланч, три минуты на туалет)... поднимай, заверни гайку, завинти болт, вгони шпонку... и повторяй эти монотонные быстрые операции до тех пор, покуда не отдашь все свои жизненные соки до последней унции» [20]. Для этого исторического отрезка справедливо утверждение К. Маркса по поводу специфики рабочей силы как товара при капиталистическом способе производства: «Носитель рабочей силы является ее собственником и юридически свободен распоряжаться ей. В то же время у него нет средств производства для самостоятельного хозяйствования и для получения средств к существованию он вынужден продавать свою рабочую силу» [7, с. 178]. Уровень производства при тейлоризме и фордизме определялся технической вооруженностью предприятия, при этом требования к квалификации и образованию работников были минимальны, поскольку перечень осуществляемых работ был строго регламентирован, а выполнявшие их люди почти не имели свободы действия и находились под строгим контролем. В социологии такие системы называют системами низкого доверия, их недостатками являются эмоциональная выключенность работников, бюрократизм, избыточность контроля, текучесть кадров и др.

Дальнейшее развитие сферы научной организации труда на основе «системы изучения движений» получило в теоретических и экспериментальных работах Ф. Гилбрета. Ф. Гилбрет, в отличие от Ф. Тейлора, решал задачу роста производительности не только за счет строгой регламентации и ускоренного выполнения операций, но и через эргономику, т.е. использование приспособлений и совершения таких движений, при которых необходимо прикладывать меньшее количество физических усилий. Ф. Гилбретом были сконструированы и запатентованы подъемные подмости «Прямая спина», используя которые, рабочим не приходилось нагибаться, в результате одновременно достигались рост производительности и улучшение условий труда. Помимо этого, заслугой Ф. Гилбрета стало вовлечение рабочих в организацию и управление производством: рабочих обучали менеджменту, они участвовали в совещаниях по обсуждению внедрения новых технологий и получили возможность вносить свои идеи по совершенствованию производственных процессов в «книгу предложений», а если их удавалось эффективно реализовать на практике, то автору полагалась ежемесячная награда.

Рост благосостояния после Второй мировой войны привел к расширению потребностей, население стало более требовательным и привередливым в отношении предлагаемых благ. Данные тенденции нашли свое отражение в индивидуализации и непостоянстве спроса, который становится сложнее удовлетворять, массово производя стандартный продукт. При переходе к мелкосерийному производству труд рабочего становится более сложным и разнообразным, что приводит к необходимости применения новых

форм мотивации, при которых поощрение за высокие достижения выражается не только через заработную плату. Происходит своего рода «гуманизация» труда, в ходе которой уничтожается монотонность и бессодержательность работы, а разрозненные рабочие процессы объединяются в совместную инновационную деятельность. Повышается роль «человеческих отношений» внутри коллектива, участия рабочих в управлении, которое позволяет включить их инициативу в результат и ощутить свою важность для предприятия. По этому поводу ученые-экономисты отмечают: «роль основного механизма в развитии систем переходит к кооперации в коллаборативных формах, когда она связана с интерактивной координацией действий коллектива участников, обеспечивая синергию их совместных усилий» [21, с. 205]. В качестве примеров организации участия рабочих в управлении можно привести создание специальных рабочих комитетов, японские «кружки качества», «план Скэнлона» и другие. Программа Скэнлона представляет собой систему финансового вознаграждения путем стимулирования повышения групповой производительности через развитие сотрудничества и кооперации рабочих, руководителей и представителей профсоюзов; включение сотрудников в рационализаторское движение и ежемесячное распределение части прибыли между рядовыми работниками, за счет которого достигается демонстрация как положительного, так и отрицательного влияния их участия на общие результаты организации. Другими словами, происходит реальное включение рабочих в участие в формировании целей и технологий труда.

Дальнейшее внедрение новых технологий и рост уровня жизни приводит к более радикальным сдвигам и становлению постфордизма: «изменения в технологической базе приводят и к модернизации сферы труда» [22, с. 102]. Запросы потребителей диверсифицируются и для того, чтобы их удовлетворить, предприятия децентрализуются и фрагментируются, от массового типа производства переходят к мелкосерийному выпуску постоянно модифицирующегося широкого ассортимента товаров. «Стандартность» повсеместно вытесняется «гибкостью»: гибкая специализация, гибкая занятость, гибкость производства, гибкость управления. Узкая специализация продуктов и специальностей требует новых форм организации труда, при которых более эффективными и востребованными становятся самостоятельные, нестандартные и инициативные работники, для включения которых в систему принятия решений и управления, требуется децентрализация менеджмента и передача полномочий на самый низкий уровень. Одной из важнейших задач в управлении предприятием становится создание условий для роста и развития каждого работника совместно с развитием компании, при этом каждый сотрудник, выполняя свою работу, должен оценивать свой персональный вклад в общее дело и нести личную ответственность в пределах своей компетенции. Изменение характера труда отражается в трансформации принципов управления. В индустриальном производстве начальник, как правило, досконально представлял производственный процесс, осуществляемый его подчиненными, поскольку сам ранее работал на этой должности, и, соответственно, четко понимал, какие необходимо отдавать распоряжения и какой результат реально достижим. В таких условиях наиболее эффективными методами управления были командно-административные, основанные на вертикальных связях, приказах и контроле за их исполнением. Сегодня ранее преобладавшие системы управления, выстроенные на жесткой иерархии, вытесняются групповой и командной организацией труда. При групповой организации труда руководители автономных рабочих групп уже могут не различать всех тонкостей и нюансов деятельности подчиненных, но при этом все еще способны дать ей оценку. В качестве примера можно привести работу оркестра под управлением дирижера, который не обязательно умеет играть на всех музыкальных инструментах, но при этом должен представлять, какой вклад в общее звучание оркестра вносит каждый из них. Т.е. в основе организации работы такой группы лежит

комплиментарность социальных и профессиональных ролей, ориентация на единую цель, автономность в рамках компетенции, групповая мотивация с гибкой системой стимулирования в зависимости от результата, взаимопомощь, партнерство, доверие, лояльность.

Дальнейшая информатизация и усложнение труда приводит к тому, что руководитель становится все менее способным разобраться в специфике деятельности своих подчиненных и объективно оценить их результаты. Поэтому современная организация, в которой основным фактором производства являются информация и знания, требует, чтобы каждый взял на себя ответственность за ее цели, внося свою лепту в их достижение, и по сути, за ее поведение, т.е. функционирует как команда. По мнению П. Друкера, каждый член такой компании должен задавать себе вопрос: «Какой вклад я могу внести в эту организацию и ее миссию в данный конкретный момент?» [23]. Сотрудники должны действовать одновременно и как ответственные лица, принимающие решения, и как исполнители принятых совместно решений, т.е. в такой организации нет «подчиненных», есть только «единомышленники» [23]. Другими словами, в современных компаниях ответственность приобретает иной качественный характер, становится коллективной, независимо от сложности и важности работы каждого сотрудника, а организация труда строится на принципах командной работы. Специфика командной организации, в отличие от групповой, состоит в акценте на более высоком качестве, большей гибкости и внутренней коммуникации, усиленной ответственности за результат и преданности коллективным целям.

Условием трансформации трудовых отношений послужил произошедший под влиянием развития информационно-коммуникативных технологий и глобализации радикальный сдвиг от сферы материального производства к сфере услуг, сопровождавшийся феминизацией рабочей силы и ростом «белых воротничков», под которыми понимаются служащие (инженеры, бухгалтеры, секретари и т.д.), т.е. наемные работники, занятые нефизическим трудом в промышленности, в торговле и в сфере услуг. С. Ю. Солодовников справедливо подчеркивает, что «все ученые, изучающие закономерности возникновения и развития постиндустриального общества, едины в том, что названный процесс сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, значительным увеличением значения знаний для развития экономики» [24, с. 88]. Кроме того, в этот период возросла роль малого предпринимательства и самозанятости, поскольку эти сегменты характеризуются высокой гибкостью и мобильностью, конкурентоспособностью, эффективностью и быстрой окупаемостью инвестиций, прибыльностью, глубокой специализацией, что позволяет быстро перестраиваться под изменяющийся спрос.

Выводы. Эволюцию организации труда в промышленном производстве можно определить как процессы преимущественно необратимого характера, происходящие в трудовых отношениях, совершающиеся в силу общих принципов системы (механизме эволюции, основанном на изменчивости, наследственности, отборе), состоящих из адаптационных и полифуркационных периодов, и выявляющиеся в определенных общезначимых тенденциях, ведущих к тем или иным новообразованиям в трудовых отношениях. Индустриальное производство характеризуется следующими признаками: наемный, главным образом физический труд в условиях массового стандартизированного производства, работники продают рабочую силу и получают заработную плату, а результатами их труда распоряжается собственник; разделение на управляющих и исполнителей. В постиндустриальном производстве по-прежнему сохраняется значительная доля наемных работников, однако все большее значение приобретают «белые воротнички» (т.е.

растет значимость интеллектуального, творческого, управленческого труда). Стандартизированное производство вытесняется мелкосерийным, с узкой специализацией продуктов и специальностей. В индустриальной экономике процесс труда был организован на принципах жесткой регламентации, стационарности рабочих мест и закреплении за ними работников, материальное стимулирование и развитие которых ограничивалось уровнем, достаточным для выполнения стандартных трудовых задач. В таких условиях требовались среднеквалифицированные работники, дисциплинированные и исполнительные, строго подчиняющийся решениям контролирующего их работодателя. Современный рабочий процесс формирует новые требования к квалификации рабочей силы, делает востребованными нестандартных, творчески мыслящих работников, для повышения эффективности деятельности которых необходимо вовлечение в организацию и управление производством и стимулирование через участие в прибыли компании. В результате на смену командно-административным приходят системы, в основе которых лежат групповые и командные принципы организации труда и управления.

Список использованных источников

1. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: Синергетика, психология и футурология / А. П. Назаретян – М.: ПЭР СЭ, 2001. – 239 с.
2. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев – М.: Мол.гвардия, 1990. – 351 с.
3. Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики / А.Л. Подгайский // Гуманитарно-экономический вестник. – 2008. – №3. – С. 8–13.
4. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 5–18.
5. Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Gatallaxu», 1992. – 304 с.
6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга первая: Процесс производства капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2е изд. : в 50 т. – М., 1960. – Т. 23. – 908 с.
7. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко [и др.]; под науч. ред. А. П. Моровой. – Минск: Наука и техника, 1992. – 191 с.
8. Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры общества переходного периода: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика, 2003. – 274 с.
9. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. / А.Смит. – М.; Л.: Госсоцэкгиз, 1935. – Т. 1. – 371 с.
10. Корсак, А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России / А. Корсак. – М., 1861. – 311 с.
11. Кулишер И. М. Промышленность и рабочий класс в Западной Европе в XV-XVIII ст. – Типография Брокгауз и Ефрон, 1922. – 266 с.
12. Белоусенко, М. В. Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики / М. В. Белоусенко. – Донецк : ДонНТУ, 2006. – 432 с.
13. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
14. Трудовая мотивация и модернизация экономики: Россия и Беларусь: монография / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла, С. Ю. Солодовников и др. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 224 с.
15. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.

16. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

17. Сергиевич, Т. В. Эволюция трактовки понятия «управление трудом в промышленности» / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. – Минск: БНТУ, 2015. – № 3. – С. 211–217.

18. Стюарт, Мэттью. Мифы о менеджменте / Мэттью Стюарт ; пер. с англ. И. Е. Румянцев. – Москва : Акваринарная Кн., 2010. – 351 с.

19. Форд, Г. Моя жизнь / Г. Форд. – М.: АСТ, 2014. – 352 с.

20. Собрание сочинений : В 3 т. : [Пер. с англ.] / Джон Дос Пассос. Т. 3 : 1919: Роман:

Окончание ; Большие деньги: Роман / [Коммент. В. Бернацкой, Л. Каневского] 654 [1] с.

21. Васюченко, Л. П. Предпосылки ренессанса социально-экономического феномена кооперации / Л. П. Васюченко, Т. В. Кузьмицкая // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 198–206.

22. Современные формы капитализации экономических (хозяйственных) ресурсов и новое качество экономического роста / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – 226 с.

23. Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1995. – P. 66.

24. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91

Статья поступила в редакцию 6 марта 2019 года

EVOLUTION OF WORK ORGANIZATION AND MANAGEMENT INDUSTRIAL MANUFACTURING

T.V. Kuzmitskaya

kuzmitskaya@bntu.by

Senior Lecturer of the department of "Economics and Law"

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The evolution of labor organisation and production management based on the mechanisms of variation, heredity, selection, adaptation and politur certification periods during the transition from handicraft to industrial and further to post-industrial production. The advantages of group and team organization and labor management in the modern world in comparison with the systems built on the principles of rigid hierarchy are shown.

Key words: *evolution, modernization of the economy, labor organization, management, post-industrial production, economic system, labor.*

References

1. Nazaretjan, A.P. Civilizacionnye krizisy v kontekste universal'noj isto-rii: Sinergetika, psihologija i futurolo-gija / A.P. Nazaretjan – M.: PJeR SJe, 2001. – 239 s.

2. Moiseev, N.N. Chelovek i noosfera / N.N. Moiseev – M.: Mol.gvardija, 1990. – 351 s.

3. Podgajskij, A.L. Vzaimodejstvie dominirujushhij i periferijnyh ukkladov kak sostavljajushaja social'no-jekonomicheskoy dinamiki / A. L. Podgajskij // Gumanitarno-jekonomicheskij

vestnik. - 2008. - №3. – S.8-13.

4. Solodovnikov, S. Ju. Ponjatje haosa i ego mesto v razvitii slozhnyh sistem / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 5. – S. 5–18.

5. Hajek, F. Pagubnaja samonadejannost'. Oshibki socializma / F. Hajek. – M.: Izd-vo «Novosti» pri uch. izd-va «Gatallah», 1992. - 304 s.

6. Marks, K. Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii. Tom pervyj. Kniga pervaja: Process

производства капитала / К. Маркс, Ф. Жюльен // Соch. 2e izd. : v 50 t.- M., 1960. - T.23. – 908 s.

7. Karakter, struktura i faktory formirovaniya jekonomicheskikh otnoshenij / L.P. Vasjuchenok [i dr.]; pod nauch. red. A.P. Morovoj. - Minsk: Nauka i tehnika, 1992. – 191 s.

8. Solodovnikov, S.Ju. Transformacija social'no-klassovoj struktury obshhestva perehodnogo perioda: metodologija, teorija, praktika / S.Ju. Solodovnikov.- Minsk: Pravo i jekonomika, 2003. – 274 s.

9. Smit, A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov : v 2 t. / A.Smit. - M.; L.: Gos-socjkgiz, 1935.- T. 1. - 371 s.

10. Korsak A. O formah promyshlennosti voobshhe i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoj i domashnej promyshlennosti) v Zapadnoj Evrope i Rossii. – M., 1861. – 311 s.

11. Kulisher I.M. Promyshlennost' i rabochij klass v Zapadnoj Evrope v HV-HVIII st. – Tipografija Brokgauz i Efron, 1922. – 266 s.

12. Belosenko, M.V. Obshhaja teorija jekonomicheskoi organizacii: organizacionnaja jevoljucija industrial'noj jekonomiki. - Doneck: DonNTU, 2006. - 432 s.

13. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija vzaimosvjazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnoshenij / S. Ju. Solo-dovnikov, T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2016. – № 5. – S. 12–16.

14. Trudovaja motivacija i modernizacija jekonomiki: Rossija i Belarus': monografija / N. A. Simchenko, S. Ju. Cjohla, S. Ju. Solo-dovnikov i dr. – Simferopol': IT «ARI-AL», 2016. – 224 s.

15. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija social'nogo kapitala kak politiko-jekonomicheskogo fenomena / S. Ju. Solodov-nikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk,

2017. – Vyp. 5. – S. 6–56.

16. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdaniya social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solo-dovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.

17. Sergievich, T. V. Jevoljucija traktovki ponjatija «upravlenie trudom v promyshlennosti» / T. V. Sergievich // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej. – Minsk: BNTU, 2015. – № 3. – S. 211–217.

18. Stjuart, Mjett'ju. Mify o menedzhmente / Mjett'ju Stjuart ; [per. s angl. I. E. Rumjanceva]. - Moskva : Akvama-rinovaja Kn., 2010. - 351 s.

19. Ford Genri. Moja zhizn'. - M.: AST, 2014. - 352 s.

20. Sobranie sochinenij : V 3 t. : [Per. s angl.] / Dzhon Dos Passos. T. 3 : 1919: Roman: Okonchanie ; Bol'shie den'gi: Roman / [Komment. V. Bernackoj, L. Kanevskogo] 654 [1] s.

21. Vasjuchenok, L. P. Predposylki renesansa social'no-jekonomicheskogo fenomena kooperacii / L. P. Vasjuchenok, T. V. Kuz'mickaja // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija. Serija: Teorija i praktika upravlenija. – 2017. – № 18 (23). – S. 198–206.

22. Sovremennye formy kapitalizacii jekonomicheskikh (hozjajstvennyh) resursov i novoe kachestvo jekonomicheskogo rosta / S. Ju. Solodovnikov [i dr.]. – Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU, 2017. – 226 s.

23. Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1995. P. 66.

24. Solodovnikov, S. Yu. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindustrial'nom obshhestve / S. Ju. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012 – № 3. – S.74–91.

УДК 330.16

ББК 65.011

**ЦЕННОСТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ПОВЕДЕНИИ ДОМАШНИХ
ХОЗЯЙСТВ: ОТРАЖЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ****П. А. Янович**

yanovich@bntu.by

заместитель декана факультета технологий управления и гуманитаризации
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается подход к вопросу о рациональности поведения и способе определения домохозяйства в неоклассическом направлении, в неоавстрийской школе, поведенческой и экспериментальной экономике. Даны определения домашних хозяйств как субъектов, максимизирующих свои преимущества, как результат максимизации полезности отдельных членов, а также максимизации общей полезности для общего блага. Рациональность рассматривается с точки зрения индивидуального поведения разных единиц домашних хозяйств так и с точки зрения всего домохозяйства.

Ключевые слова: домохозяйство, рациональное поведение, поведенческая экономика.

Введение. Теоретические предположения об экономическом поведении домашних хозяйств можно рассмотреть с точки зрения неоавстрийской школы и поведенческой экономики. «Поведенческая экономика, подчеркивая ограниченную рациональность сущностей, определяет области субрационального поведения (поведения, которые максимизируют ожидаемую полезность) в результате ограниченной способности людей обрабатывать информацию, роли эмоциональных и перцептивных факторов» [1, с. 66–90]. Этот подход открывает область исследований для анализа субъективных затрат и выгод в структуре распределения ограниченных ресурсов домохозяйств, использующих в основном экспериментальные и квазиэкспериментальные подходы в экономике. Неоавстрийская школа, акцентирующая внимание на целенаправленных действиях отдельных лиц, учитывает реляционный характер ценностей как влияние взаимосвязи между иерархией целей и ресурсов, обусловленной ограниченными ресурсами семьи, и процессом обучения на основе предпринятых действий. Обе экономические школы в анализе ценностей и предпочтений противостоят неоклассическому подходу. Однако они принимают другие решения рациональности поведения. «Поведенческая экономика подчеркивает скорее ограниченную рациональность отдельных лиц, связанную с неопределенностью и неопределенностью будущих событий, ограниченную компетентность и способность принимать решения лиц, принимающих решения, низкую мотивацию в обработке информации, использование эвристики или психологических правил восприятия» [2, с. 509–511]. В неоавстрийской школе предполагается, что действия индивидов по определению рациональны, а вопрос рациональности действий рассматривается как своего рода плеоназм – если единица домашнего хозяйства совершает действия, то есть использует ограниченные ресурсы для достижения своих целей, оно по определению поступает рационально.

Результаты и их обсуждение. Представители классической школы в экономике были основаны на предположении рационального поведения хозяйствующих субъектов. «Рациональность выбора заключалась в максимизации полезности доступной комбинации купленных товаров и услуг» [3, с. 56]. Полезность была определена как мера удовлетворения в процессе удовлетворения потребностей. Осознавая субъективность

измерения удовлетворения, основное внимание уделялось определению моделей общего и частичного равновесия. Выбор обусловлен предпочтениями, которые, подобно математическим свойствам, характеризуются полнотой, маневренностью и транзитивностью. Чтобы достичь максимизации полезности, субъект, делающий выбор, должен иметь полную информацию обо всех альтернативах и иметь возможность изучать и использовать его. Достижение цели осуществляется путем расчета с учетом предпочтений субъекта. Особые психологические и социальные факторы не влияют на сделанные выборы.

Было признано, что предоставление этих условий возможно только в условиях совершенной конкуренции и неограниченных возможностей участников рынка принимать и обрабатывать информацию. Однако несоблюдение этих условий представляло собой незначительный недостаток, который не оказывает влияния на ключевые выводы теорий. Сущность, применяющая эти принципы, была определена как «*homo economicus*, рациональный человек, принимающий оптимальные решения с точки зрения затрат и выгод» [4, р. 127]. Неоклассическая школа привлекла представителей австрийской школы к так называемому маржинализму. «Маржинализм предложил идею предельных приращений, благодаря которым - с использованием дифференциального исчисления можно было бы разработать математическую модель рыночного равновесия» [5, с. 275–305]. В области поведения потребителей маргинальные полезности, то есть увеличение удовлетворения последними (последующими) частями купленных товаров, равны, что определяет баланс потребителя. В неоклассическом отношении домохозяйство не анализировалось подробно, а рассматривалось как другие субъекты, которые максимизируют свои преимущества. Оптимизация деятельности домашних хозяйств приводит к результату максимизации полезности отдельных членов, а не посвящению некоторых другим членам домашнего хозяйства для общего блага. Такой способ понимания деятельности семьи и применения методов математической оптимизации к их описанию и объяснению иногда назывался «экономическим империализмом» [6, с. 24–40].

Наблюдения, подтверждающие невозможность выполнить все критерии неоклассической школы, привели к частичным отклонениям от этих предположений. Понятие селективной рациональности, разработанное Х. Лейбенштейном, предполагало, что «можно действовать рационально, не увеличивая при этом полезность» [7, р. 48–51]. Что касается потребителей, Г. Катона заявил, что «подходы, навыки и привычки могут стать существенным препятствием в достижении максимальной полезности» [8, р. 325].

Следует отметить, что неоклассическая школа по отношению к потребительскому поведению сочетает в себе субъективную полезность (удовлетворение потребляемых или использованных товаров) с объективными ценами на эти товары и доходы потребителей.

Как показывают представители институциональных теорий в экономике, домохозяйства создаются для эффективного достижения индивидуальных целей. Это связано с минимизацией операционного риска и сокращением транзакционных издержек, а специфические инвестиции членов домохозяйства связаны с определенными компетенциями и навыками. Экономическое поведение домохозяйств связано, в частности, с двумя подходами. В классическом подходе анализ экономического поведения связан с оценкой отношений между целями и ограниченными средствами с альтернативным их использованием и связанная с этим проблема ограниченности ресурсов для альтернативного использования. Эта проблема связана с проблемой рационального поведения потребителей, вызванной так называемым максимизирующим поведением.

Проблема поведенческой рациональности является «предметом конкретных рассуждений в поведенческой экономике, которая затрагивает проблему экономического поведения с точки зрения психологических предположений процесса оценки» [9, с. 74].

Поведенческая и экспериментальная экономика часто идентифицируются друг с другом, но первая привлекает больше внимания к анализу отклонений от неоклассического принципа максимизации полезности, что указывает на неточности и систематические аномалии в формировании предпочтений потребителей. С другой стороны, экспериментальная экономика фокусируется на поиске закономерностей в тех областях поведения, которые не достаточно объясняются и прогнозируются неоклассическими подходами.

Как поведенческая, так и экспериментальная экономика не ставят домашнее хозяйство на передний план своих исследований. Ошибки и отклонения от рациональности поведения описываются в контексте отдельных лиц, а не в комплексе. Ссылка на домашнее хозяйство производится только в том случае, если наблюдаемые явления возникают в соответствии с исследованиями из социального, группового или воспринимаемого контекста. Например, «несогласованность данных с теорией дохода, которая частично объясняет поведенческую теорию жизненного цикла» [10], обусловлена «самоконтролем» [11], «обеспечением долгосрочных финансовых обязательств» [12], «созданием правил принятия решений в домохозяйстве» [13]. В то же время лица, принимающие решения, могут руководствоваться как доходами домохозяйства (то есть увеличение ресурсов, повышающих уровень жизни и полезность), так и подверженные влиянию очень субъективных факторов, таких как их собственная склонность к риску или несовершенство в оценке вероятностей событий.

Рациональность действий следует оценивать по-разному в случае конкретного человека и всего домашнего хозяйства. Дефиниция рациональности поведения потребителей требует разных данных (в отношении индивидуальных потребностей, предпочтений, целей и расходов), в отличие от домашних хозяйств. Поэтому рациональность может рассматриваться на двух уровнях: индивидуальном и в рамках домашнего хозяйства. Однако, хотя изучение потребностей, мотивов и целей возможно на обоих этих уровнях, их сочетание затруднено и часто невозможно в эмпирической сфере. Рациональное действие индивида, которое направлено к достижению конкретных интересов, может противоречить рациональной деятельности домашних хозяйств. Тогда следует предположить, что индивидуальные цели служат целями всего домохозяйства или общие цели служат индивиду. Однако не всегда можно согласовать цели с обоих уровней или согласовать критерии рациональности. Например, с точки зрения индивида, разумно добиваться успеха и удовлетворять потребность в амбициях в самореализации посредством участия в работе, но это может помешать потребностям всех членов семьи, ослабляет семейные связи и не способствует достижению общих целей, таких как совместное свободное время, образование, дети и т. д. Попытка принять общий критерий рациональности в этом случае (например, увеличение доходов в домохозяйстве) может привести к противоречивой интерпретации поведения на рынке. Например, покупка товаров, которые не всегда нужны и которые стимулирует свободное расходование средств, вместо того, чтобы вкладывать средства в инвестиции с высокой вероятностью прибыли в определенный период, является нерациональной с точки зрения максимизации доходов домашних хозяйств, но рациональной с точки зрения семейных связей.

Покупки недвижимости и дорогостоящих товаров и услуг длительного пользования (дома, квартиры и их оборудование, автомобили, отдых и образование) касаются большинства или всех членов семьи. Бывает так, что важное решение затрагивает только одного члена семьи напрямую, но даже тогда это оказывает влияние на всех членов семьи. Поэтому, если лицо, принимающее решение, учитывает это, хотя он сам делает все виды деятельности в этой области, можно предположить, что его поведение на рынке связано с домохозяйством. Это не меняется даже в случае домохозяйств с одним

человеком, в которых покупки связаны с управлением домохозяйством. Обоснование заинтересованности, отсутствие рациональности в поведении домашних хозяйств, можно найти в работе И. Фишера, который связывает это «с доходом, процентной ставкой, а также близорукостью в межвременном выборе» [14, р. 98]. Также Дж. Кейнс, говорит о «мотивах сбережения, перечисляет те, которые далеко не считаются благоприятными для максимизация полезности» [15, р. 31] .

Начатое А. Симоном рассуждение на ограниченную способность человека принимать оптимальные решения, указывает на «использование упрощенных правил в поведении рынка и возможность различного поведения людей, в зависимости от контекста или начального пункта» [14, р. 101]. Принимая такие условия поведения, члены семьи могут принимать неоптимальные решения ни при условии их предполагаемой полезности, ни при условии сложно усложнённого определения полезности всей семьи. Впоследствии было возвращение к взглядам классической политэкономии с учетом социальных связей в поведении индивидов.

В поведенческой экономике предполагается, что имущество домашнего хозяйства оказывает влияние на поведение его членов. При этом не уточняется понятие собственности. «Это может быть как недвижимость и денежные средства, банковские депозиты, облигации, акции, различные товары» [16, с. 6–7].

В исследованиях поведения домохозяйства накладывается необходимость проводить разумное различие между активами, например, из-за ликвидности. Готовность использовать имущество и финансовые активы для увеличения текущего потребления зависит от их ликвидности. Первая категория с самой высокой ликвидностью включает в себя: денежные средства, текущий счет и т.д. Вторая категория - срочные вклады, облигации, акции, инвестиционные фонды, третья - сбережения или погашение кредитов на недвижимое имущество, а четвертая включает в себя будущие счета доходов или, например, сбережения собранные для выхода на пенсию.

Финансовый кризис укрепил стремления экономистов, приверженцев поведенческой теории, исследовать детерминанты изменений в потреблении и, следовательно, условий для накопления сбережений для различных целей. Дефицит сбережений и потребление, превышающий доходы, как в частном секторе, так и в государстве, вызвали резкие последствия, приводящие к различным последствиям. В данном контексте снижаются чувства ответственности людей за свои собственные решения в ситуации, когда государственная система или организации, с которыми они имеют дело, берут на себя хотя бы часть такой ответственности в своих действиях. Пенсионная система, не требующая личных решений, ослабляет тенденцию к сбережению для старости. Кредиты, предоставленные с легкостью, льготы и временные трансферты при погашении платежей и процентов, лишают должника обязательств, превышающих возможности погашения. Конечно, культурные, региональные, социальные и личные различия усиливают или ослабляют данные эффекты. Влияния этих различий в микро масштабах на макроэкономический эффект стал проблемой для экономики поведения. Например, важной «причиной снижения совокупного уровня сбережений в Соединенных Штатах Америки в период, предшествовавший кризису, было увеличение стоимости жилья» [17, р. 277–380] и «возможность получения кредита под залог повышающейся стоимости недвижимости» [18], что облегчило, внедрение инновационных финансовых продуктов.

В литературе отмечается, что «во время кризиса прогнозирование улучшения или ухудшения экономической ситуации (уровень безработицы, рост ВВП, инфляция) и изменения в размере собственного дохода и стоимости активов привели к изменению склонности к сбережению и методу инвестирования активов. Например, в Польше важным фактором, противодействующим последствиям кризиса, был сильный внутренний

спрос, связанный с убеждением потребителей в том, что кризис не повлияет на их доход» [19].

Неоавстрийская критика исторических и эмпирических подходов в экономике (в основном позитивное и историческое экономическое учение) была связана с «принятием веберовской концепции сознательно-рациональных действий и катонской гносеологии. Этот подход был обусловлен предположением о теории социального действия, которая не зависит от конкретного времени или места ее принятия, но зависит от опыта исследователя» [20, с. 387]. «Праксеологический метод, свойственный неоавстрийской школе, объясняется не столько анализом содержания, либо содержанием индивидуальных предпочтений или мотивов, ведущих к ним, а анализом чистой логики выбора» [21, с. 132].

Предположения, лежащие в основе объяснения экономического поведения людей в неоавстрийской школе, гораздо менее строги по сравнению с неоклассическим подходом. Предположение о том, что рациональность поведения потребителей происходит непосредственно из предположения о целеустремленности человеческого действия. Методологический индивидуализм, преобладающий в этой тенденции, также предполагает, что субъектом действия является только индивидуум, поэтому поведение домохозяйств равносильно действиям единиц, представляющих их. В этой школе есть три основные парадигмы: а) классическое – Л. Мизес, связанный с праксиологическим принципом действия и выбора, б) подход Ф. Хайек, связанный с «созданием знаний» и «узнать» действующие единицы и с) неясность человеческой деятельности [22, р. 1718–1749].

В классическом подходе подчеркивается, что «действие всегда рационально, когда мы ссылаемся на конкретную цель действия, с другой стороны категория рациональности или иррациональности не имеет смысла» [23, р. 18]. Цель действия, всегда связана с достижением состояния удовлетворенности. Поэтому все действия рациональны в том смысле, что люди действуют только для улучшения своего благосостояния и принятия рационального поведения потребителей, в этом смысле не поддаются проверке (всякая деятельность человека преднамеренна и по определению - рациональна) [23, р. 19]. Второе из важных предположений теории вытекает из ее временной размерности. Поскольку все действия должны по определению проходить во времени (когда принято решение действовать для достижения определенной цели, эта цель может быть достигнута только в определенный момент времени в будущем), поэтому статический метод неоклассического сравнительного анализа не применяется к объяснению действий. Время также является «редким добром» в этом подходе, средством достижения поставленных целей. Третье предположение касается эффекта действия (потребительского баланса). В неоклассическом подходе анализ основан на предположении о безразличии в оценке сравниваемых товарных корзин. Неоавстрийская школа подчеркивает, что «безразличие» не может стать основой действия, действие отражает выбор, сделанный на основе предпочтений, а не безразличия. Действие, заключающееся в сделках купли-продажи, является результатом предпочтений и воспринимаемой разницы в масштабах стоимости оцениваемых мер, а не безразличия, обусловленного эквивалентностью оценки. Цели, реализуемые отдельными лицами, являются результатом существующей иерархии ценностей. Оценка мер основана на субъективных масштабах потребительских предпочтений, вытекающих из полезности данной меры для реализации наиболее желательной в данный момент цели, поэтому «предпочтения продуктов являются результатом иерархической структуры значений целей, для которых они служат» [24, р. 133].

Теория полезности неоавстрийской школы предполагает только то, что люди принимают действия для достижения своих целей. Следовательно, все неравномерности и отклонения от неоклассических допущений, проверенных в экспериментальных подходах к поведенческой и экспериментальной экономике, согласуются с неоавстрийской

теорией. Целенаправленная деятельность домашних хозяйств наиболее полно, на основе неоавстрийской школы, объясняется в контексте теории игр. Моделирующие эксперименты, проведенные в контексте теории игр, представляют собой связь между классическими умственными экспериментами и подходом поведенческих и экспериментальных школ в теории экономики. Они позволяют объяснить логику рыночной деятельности домашних хозяйств.

Под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества «радикально изменилась, невероятно усложнившись» [25, с. 14]. Для современной экономической науки зачастую характерен «недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, которые могут кардинальным образом воздействовать (что и происходит в современном глобальном мире) на классическое протекание экономики, быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки» [25, с. 16].

Выводы. Домашнее хозяйство, несмотря на различные достижения и принимающие во внимание в своей деятельности социальные, психологические и внутренние взаимодействия между его членами, до сих пор не анализируется столь же глубоко, как комплекс предприятия. В поведенческой и экспериментальной экономике исследователи сосредотачиваются на воздействии индивидуального поведения и отсылают их к домохозяйству только в том случае, если данные последствия производят более сильные или качественно различные эффекты для субъекта в целом. Изучение взаимодействий внутри домохозяйства и их влияние на контекст восприятия экономических явлений и выбор использования конкретных эвристик могут дать интересные выводы как в эпистемологической сфере, так и в руководящих принципах для проведения социальной политики. В учении о человеческой деятельности, о реализации человеческих ценностей в реальной жизни, субъектом экономической деятельности является индивидуальная единица, способная выразить свои предпочтения, оценить свои цели и потенциал. Принимая во внимание взаимодействие между членами домохозяйства, это позволяет включить их в процесс обсуждения и изучения домашних хозяйств в неоавстрийском направлении.

Список использованных источников

1. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2013. – № 9. – С. 66–90.
2. Науки о человеке: история дисциплин : коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 651 с.
3. Экономическая теория. Микроэкономика-1, 2. Мезоэкономика. Под ред. Г.П. Журавлевой 6-е изд., испр. и доп. – М.: 2014. – 934 с.
4. M. Blaug, *Metodologia ekonomii*, PWN, Warszawa 1995.- 398 p.
5. Блауг М. Маржиналистская революция // Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – 627 с.
6. THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 1. Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. *Studies in the Theory of Economic Development* // New York. – 1957.
7. Blaug M. *Who's Who in Economics: a Biographical Dictionary of Major Economists 1700–1986*, 2nd edition. – Brighton:Harvester Press, 1986. – 935 p.
8. R.H. Thaler, H.M. Shefrin *The Behavioural Life-cycle Hypotesis*, „Economic Inquiry” 1988.
9. Талер, Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. Москва: Изд. Эксмо – 2017. –384 с.
10. J. Benhabib, A. Bisin, *Modeling Internal Commitment Mechanisms and Self-Control: A Neuroeconomic Approach to Consumption-Saving Decision*, „Games Economic Behavior” 2005, 52(2).
11. F. Gul, W. Pasendorfer, *Self-control and the Theory of Consumption*, „Econometrica” 2004, 72 (1).

12. J. J. Choi i in., Optimal Defaults and Optimal Decision, NBER Working Paper, 11074, Cambridge 2005.
13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. – М.: «Дело Лтд», 1994. - 645 с.
14. J.M. Keynes, The General Theory of Employment, Interest, and Money, Macmillan, London 1936; wydanie polskie: Keynes J.M., Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza, wyd. 2, PWN, Warszawa 1985.
15. A. Simon, Herbert, A Behavioral Model of Rational Choice, „The Quarterly Journal of Economics” 1955, Vol. 69, No. 1.
16. Воробьев В.А., Майборода Т.Л. Либертарианский патернализм Р. Талера: основания, возможности, концептуальные провалы. Белорусский экономический журнал. 2017. №4.
17. G. Zezza, U.S. Growth, the Housing Market, and the Distribution of Income, „Journal of Post Keynesian Economics” 2008, Vol. 30, iss. 3.
18. V. Klyuev, P. Mills, Is Housing Wealth an „ATM”? The Relationship Between Household Wealth, Home Equity Withdrawal and Saving Rates, „IMF Staff Papers” 2007, Vol. 54, iss. 3.
19. E. Anoruo i in., The Effect of Consumer Expectations on Portfolio Asset Allocation, „Journal of Financial Planning” 2003, Vol. 16, 9.
20. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 - 602с.
21. Tadeusz Kotarbiński, Traktat o dobrej robocie., Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1982 s.552.
22. George A. Selgin and Lawrence H. White Journal of Economic Literature. How Would the Invisible Hand Handle Money? Vol. 32, No. 4 (Dec., 1994).
23. L. Von Mises, Human Action, Scholar’s Edition, Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 1998 – 952 p.
24. M. N. Rothbard, Ekonomia wolnego rynku, t. 1-3, Fijor Pub., Warszawa 2008 – s.830.
25. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5.

Статья поступила в редакцию 11 декабря 2019 года

VALUES AND PREFERENCES IN HOUSEHOLD BEHAVIOR: REFLECTION IN ECONOMIC CONCEPTS

P. A. Yanovich

yanovich@bntu.by

Deputy Dean of the Faculty of Management Technology and Humanitarization
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the approach to the issue of rationality of behavior and the ways to define a household in the neoclassical direction, in the neo-Austrian school, behavioral and experimental economy. The definitions of households as agents that maximize their benefits, as the result of maximizing the utility of individual members, as well as maximizing the overall utility for the common good are given. Rationality is considered in terms of the individual behavior of different household units and in terms of the whole household.

Key words: household, rational behavior, behavioral economy.

References

1. Kapeljushnikov R. I. Povedencheskaja ekonomika i «novyj» paternalizm. Chast' I // Voprosy jekonomiki. – 2013. – No 9.
2. Nauki o cheloveke: istorija discipline : kollekt. monogr. / sost. i otv. red. A. N. Dmitriev, I. M. Savel'eva . – М.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. – 651 s.
3. Ekonomicheskaja teorija. Mikroekonomika. Mezoekonomika. Pod red. Zhuravlevoj G.P. 6-e izd., ispr. i dop. – М.: 2014. – 934 s.

4. M. Blaug, *Metodologia ekonomii*, PWN, Warszawa 1995.- 398 p.
5. Blaug M. *Marzhinalistskaja revolucija // Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive = Economic Theory in Retrospect.* – M.: Delo, 1994 - 627 s.
6. THESIS: teorija i istorija jekonomičeskikh i social'nyh institutov i sistem. 1993. № 1. Leibenstein H. *Economic Back-wardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development // New York.* – 1957.
7. Blaug M. *Who's Who in Economics: a Biographical Dictionary of Major Economists 1700–1986, 2nd edition.* – Brighton:Harvester Press, 1986. – 935 p.
8. R.H. Thaler, H.M. Shefrin, *The Behavioural Life-cycle Hypothesis*, «Economic Inquiry» 1988.
9. R. Taler. *Novaja povedenčeskaja jekonomika. Počemu ljudi narušajut pravila tradicionnoj jekonomiki i kak na jetom zarabotat'.* Moskva: Izd. Jeksmo – 2017 - 384 c.
10. J. Benhabib, A. Bisin, *Modeling Internal Commitment Mechanisms and Self-Control: A Neuroeconomic Approach to Consumption-Saving Decision*, „Games Economic Behavior” 2005, 52(2).
11. F. Gul, W. Pasendorfer, *Self-control and the Theory of Consumption*, „Econometrica” 2004, 72 (1).
12. J. J. Choi i in., *Optimal Defaults and Optimal Decision*, NBER Working Paper, 11074, Cambridge 2005.
13. Blaug M. *Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive. Per. s angl.* – M.: «Delo Ltd», 1994. – 645 s.
14. J.M. Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money*, Macmillan, London 1936; wydanie polskie: Keynes J.M., *Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza*, wyd. 2, PWN, Warszawa 1985.
15. A. Simon, Herbert, *A Behavioral Model of Rational Choice*, „The Quarterly Journal of Economics” 1955, Vol. 69, No. 1.
16. Vorob'ev V.A., Majboroda T.L. *Libertarijskij paternalizm R. Talera: osno-vanija, vozmožnosti, konceptual'nye prova-ly.* Belorusskij jekonomičeskij zhurnal. 2017. №4.
17. G. Zezza, U.S. *Growth, the Housing Market, and the Distribution of Income*, „Journal of Post Keynesian Economics” 2008, Vol. 30, iss. 3.
18. V. Klyuev, P. Mills, *Is Housing Wealth an „ATM”? The Relationship Between Household Wealth, Home Equity Withdrawal and Saving Rates*, „IMF Staff Papers” 2007, Vol. 54, iss. 3.
19. E. Anoruo i in., *The Effect of Consumer Expectations on Portfolio Asset Allocation*, „Journal of Financial Planning” 2003, Vol. 16, 9.
20. Veber M. *Osnovnye sociologičeskie ponjatija // Veber M. Izbrannye proizvedenija.* – M.: Progress, 1990 - 602c.
21. Tadeusz Kotarbiński, *Traktat o dobrej robocie.*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1982 s.552.
22. George A. Selgin and Lawrence H. White *Journal of Economic Literature. How Would the Invisible Hand Handle Money?* Vol. 32, No. 4 (Dec., 1994).
23. L. Von Mises, *Human Action*, Scholar's Edition, Auburn, AL: Ludwig von Mises Institute, 1998 – 952 p.
24. M. N. Rothbard, *Ekonomia wolnego rynku, t. 1-3*, Fijor Pub., Warszawa 2008 – s.830.
25. Solodovnikov, S. Yu. *Teoretiko-metodologičeskie osnovy issledovanija vzaimosvjazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnošenij / S. Ju. Solodovnikov, T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D, Jekon. i jurid. nauki.* – 2016. – № 5.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 330.341(476)

ББК 65.05

**ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ
В СВЕТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ****Л. П. Васюченко**

vlp2010@tut.by

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры «Экономика и право»,

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Показано, что слабая тенденция к росту уровня технологий основной массы отраслей белорусской экономики – пост эффективный этап эволюционного развития технологий. Но в сложной структуре технологических систем присутствуют операции и процессы, потенциал эволюционного развития которых еще далеко не исчерпан. Для обеспечения эффективности серии мелких нововведений, обладающих при незначительности каждого в отдельности кумулятивным действием, предлагается особый организационно-экономический механизм, аналогом которого может служить известный «план Скэнлона». Для развития технологий новых производств рекомендован организационно-экономический механизм по модели тройной спирали.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, новая индустриализация, технологическое развитие, закономерности, план Скэнлона, тройная спираль, модернизация экономики.*

Введение. Инновационная модель экономического развития заявлена к реализации сегодня большинством экономик мира, в том числе Республикой Беларусь. «Стратегической целью устойчивого развития Республики Беларусь является обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности на основе перехода к высокоэффективной экономике, основанной на знаниях и инновациях, при сохранении благоприятной окружающей среды для будущих поколений» – отмечено в принятой 2 мая 2017 года Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [1, с. 21] «В теоретических исследованиях данная модель чаще всего ассоциируется с постиндустриальным обществом, в экономике которого преобладает инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью и индустрией знаний. Главной движущей силой экономики становятся научные разработки, наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и творческий подход работника, что в совокупности формирует человеческий капитал как главный интенсивный фактор развития постиндустриального общества» [2, с. 5]. Концепция постиндустриального общества является чрезвычайно широким научным обобщением. И главной характеристикой постиндустриального общества, наряду с ростом значения науки и технологий, господством «креативного класса», считается сокращение сферы производства товаров и увеличение сферы производства услуг. Однако такая трактовка особенностей постиндустриального развития не учитывает пространственное размещение сфер производства, приведших к новому межгосударственному разделению труда. Расширение сферы услуг в развитых странах сопровождалось ростом индустриальных производств в развивающихся странах. Транснациональные корпорации

перераспределили свои производственные потенциалы в пространстве, разместив трудоемкие и ресурсоемкие звенья цепочки создания ценности в странах с более низким уровнем развития. В развитых экономиках были сосредоточены наиболее значимые и доходные этапы производства продуктов. «В США компании в бизнес и производственной сфере концентрируются на НИОКР, дизайне и инжиниринге, системной интеграции, маркетинге и сбыте. В технологической – на производстве передовых, наиболее сложных и ориентированных на потребности клиента решений в сфере ИКТ и биотехнологий, приборов, высокотехнологических компонентов и подсистем. Немалая часть снижения доли обрабатывающей промышленности в структуре ВВП (менее 12% ВВП) и в структуре занятости (около 7,1%), опустошение промышленного ландшафта объясняется концентрацией промышленности США на наиболее перспективных направлениях за счет отказа от низкодоходных и непрофильных видов деятельности» [3, с. 32]. Поэтому к признакам постиндустриального общества, как верно отмечают А. А. Быков и А. М. Седун, следует отнести «не только повышение роли информационного сектора в экономике и увеличение финансирования научной сферы, но и монополизацию развитыми странами и транснациональными корпорациями рынка высоких технологий» [2, с. 7]. Глобальный взгляд на современную экономику предполагает несколько иную оценку основного признака постиндустриального общества – утверждение о доминировании сферы услуг в развитых странах необходимо дополнить констатацией роста индустриальных отраслей в развивающихся.

В качестве альтернативы постиндустриальному обществу исследователи выдвигают идею новой индустриализации, под которой понимают тоже очень разные явления, например, возвращение в страну традиционных индустриальных отраслей на новом технологическом уровне или создание новых высокотехнологичных и наукоемких производств в обрабатывающей промышленности. На наш взгляд, новая индустриализация не является альтернативой инновационной экономики, эти понятия, скорее, улавливают разные стороны современного социально-экономического развития. Понятие инновационной экономики указывает на главный фактор развития – инновацию, а новая индустриальная экономика – на сферу действия этого фактора. В отличие от концепта постиндустриального общества ключевая роль в новой индустриальной экономике принадлежит промышленности, а не сфере услуг, хотя статистические исследования могут и не показывать снижение доли сферы услуг в экономике. Новая индустриализация организационно реализуется, как нами отмечалось ранее [4, с. 67], в рамках концепции распределенного производства. Производственные комплексы в форме независимых компаний в разных странах выстраивают сетевые кооперационные отношения по всей цепочке создания продукта – в маркетинге и НИОКР, в закупках, в производстве, в сбыте, оптимизируемых в мировом масштабе. Новое интеллектуальное производство работает по индивидуальным заказам, изменяются и применяемые технологии. Вместо массового производства однородной продукции заводами-гигантами продукт изготавливается сетью производителей, концентрирующих усилия в сфере избранных компетенций. «Производство на склад замещается производством под заказ покупателя, логистика и цепочка снабжения выстраивается под сборочное производство, планирование структурировано иерархически и включает объемно-календарный план на основе прогнозов, планирование ресурсов производства и оперативное производственное планирование. Производство организуется с низким уровнем запасов (вытягивающая стратегия). Активные контакты с партнерами поддерживаются в режиме реального времени, сфокусированы на оптимизации планирования, работе с материалами и комплектующими, управлении запасами, финансовых

расчетах. Гибкая и устойчивая сеть межфирменных отношений обеспечивает участникам кооперации снижение издержек, сокращение времени выполнения заказа, лояльность потребителя» [5, с. 93].

По сути своей инновационная и кастомизированная, новая индустриальная экономика нуждается в том, чтобы центры принятия решений были распределены среди широкого круга заинтересованных сторон и при этом издержки координации (в том числе временные) не были бы чрезмерными. Интернет и цифровые технологии позволяют перевести систему экономических взаимодействий в форму, основанную не только на достаточно ограниченных рыночных ценовых сигналах и административных решениях. В новой индустриальной экономике ведущая роль в развитии систем переходит к сетевым кооперационным взаимодействиям в коллаборативных формах. Коллаборация представляет собой интерактивную, в реальном времени координацию действий коллектива субъектов в сети. Переход от иерархических структур с вертикальной соподчиненностью субъектов, от господства государственной бюрократии и корпораций-гигантов к кластерно-сетевым формам взаимодействия - организационный ответ бизнеса и власти на запросы новой индустриальной экономики.

Идеи постиндустриального развития и новой индустриализации выглядят весьма привлекательно, но требуют для реализации условий и ресурсов, которыми белорусская экономика располагает в очень ограниченных размерах. Кроме того, обсуждаемые концепции носят скорее общесоциологический и общепhilosophический характер, и несмотря на декларируемую высокую оценку роли технологий в социально-экономическом развитии, закономерности технологического развития практически никак не учитываются при построении теоретических выкладок. Более того, наличие таких закономерностей как-то даже и не предполагается, технологии развиваются эвристично и произвольно. Приведенный ниже краткий анализ теории развития технологий позволяет утверждать, что у технологий есть внутренние закономерности развития и следование им позволит оптимизировать ресурсы, направляемые на технологическое развитие страны. Но для этого нужно остановиться на теоретических основах развития технологий.

Результаты и их обсуждение. «Если обратиться к самому определению термина технология, к его изначальному значению (техно – мастерство, искусство; логос – наука), то цель технологии заключается в том, чтобы разложить на составляющие элементы и сделать устойчиво воспроизводимым процесс достижения какого-либо результата. Техника – общее название различных приспособлений, механизмов и устройств, не существующих в природе и изготовляемых человеком. Технология - способ преобразования исходных сырья, полуфабрикатов или данных в конечный продукт с заданными свойствами», – наиболее общее определение технологии, сформулированное нами ранее [6, с.17]. Оно опирается на трактовку технологии, предложенную М. В. Белоусенко в работе «Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики». Согласно автору, «производство индустриального типа – это, прежде всего, применение искусственных материалов и орудий труда, и именно они задают последовательность и методы собственного использования (хотя и в широких пределах). Поэтому под технологиями понимается совокупность технической системы, приемов ее применения, знаний и опыта (профессий, социальных ролей), необходимых для ее эксплуатации. Техническая система... представляет собой инструменты или, точнее, средства производства, используемые для превращения исходного материала в продукт, и включает: (1) орудия труда, (2) передаточный механизм, (3) источник энергии, (4) коммуникационные устройства, (5) вспомогательные устройства, (6) контрольно-логические элементы. Такое определение избавляет от необходимости делать оговорки в процессе

употребления категории «технология» об объективном, заданном технической системой характере приемов и методов использования средств и предметов производства, и в то же время указывать на субъективный элемент технологий – человека, выполняющего эти приемы. ...Определение объединяет человека и технические элементы технологического комплекса, фактически уже показывает их неразрывную связь и позволяет протянуть логическую нить от производства, понимаемого как физическая трансформация ресурсов в продукт, к социальным отношениям, в которых оно протекает» [7, с. 195–196]. Но и наше определение технологии как специально организованной последовательности действий, приводящих к устойчиво воспроизводимому результату, и определение технологии Белоусенко как совокупности технической системы и приемов ее применения, слишком общи и не предоставляют инструментария для определения закономерностей изменения технологий.

Ответ на поставленный вопрос кроется в организации современных технологий, описанной, в частности, Е. П. Туромшей. «Основной частью элементарного акта преобразования предмета труда в продукт является процесс непосредственного воздействия инструмента на предмет труда. Эту элементарную часть технологического процесса называют рабочим ходом. Рабочий ход приводит к изменению свойств предмета труда в сторону получаемого продукта. Инструмент обычно приводится в действие средствами производства, сам являясь при этом их важной составной частью. Вспомогательной частью акта преобразования предмета труда в продукт является процесс пространственного совмещения инструмента с предметом труда. Эту часть технологического процесса называют вспомогательным ходом. Вспомогательный ход изменяет, как правило, пространственные характеристики инструмента и предмета труда, предполагает управление последними. Его назначение – подготовить инструмент и предмет труда к выполнению рабочего хода. Вид вспомогательного хода предопределяется видом рабочего хода и функционально зависит от последнего. Вид рабочего хода изменяется при изменении вида инструмента, типа воздействия инструмента на сырье, а также режима такого воздействия. Совокупность рабочих и вспомогательных ходов образует технологический переход. Для выполнения технологических переходов, как правило, необходимо осуществить свою группу вспомогательных действий более высокого иерархического уровня. Она включает действия по перезакреплению инструмента и деталей, переналадке оборудования и т.д. Все эти действия называют вспомогательным переходом. Технологический и вспомогательный переходы объединяются в следующий иерархический элемент технологического процесса – технологическую операцию. Для ее выполнения также необходима своя относительно обособленная группа вспомогательных действий. Технологической операции предшествует транспортирование предмета труда от одного вида оборудования к другому, загрузка и выгрузка, закрепление и снятие деталей и т.д. Эту группу вспомогательных действий называют вспомогательной технологической операцией. Пройдя ряд технологических и вспомогательных операций, предмет труда преобразуется в продукт, т.е. совокупность операций приводит к изготовлению продукта, что и является целью технологического процесса. Вся эта совокупность действий образует технологический процесс» [8, с. 43–44]. Технологические процессы объединяются в технологические системы, в основном, на предприятиях. Технологические системы формируют технологические уклады.

По отношению к преобразуемому предмету труда все действия в рамках технологии объединяют в две группы: прямо воздействующие на предмет труда (рабочие) и обслуживающие это воздействие (вспомогательные). «По большому счету, для повышения эффективности любого технологического процесса необходимо сокращать время его

осуществления, то есть на уровне элементов технологического процесса нужно стремиться к снижению времени выполнения его вспомогательных и рабочих ходов. Вспомогательные элементы технологического процесса не изменяют предметов труда, осуществляется только перемещение исполнительных механизмов или действия человека, которые сводятся к простым и сложным перемещениям. Сокращение затрат времени на вспомогательные ходы возможно при ускорении движения элементов оборудования или замене действий человека движениями механизмов. Это направление совершенствования технологического процесса связано с применением дополнительных механизмов или с заменой используемых на более мощные и многофункциональные орудия» [8, с. 55]. Рабочие операции при этом не изменяются, но увеличиваются масштабы прошлого труда, применяемого в производстве, растет фондовооруженность, а производительность труда увеличивается за счет сокращения времени осуществления вспомогательных ходов.

«Отсутствие изменения сущности технологического процесса при совершенствовании вспомогательных ходов позволяет определить этот путь развития как эволюционный. Характерной особенностью такого пути развития можно считать достаточную очевидность мероприятий по его реализации, так как в каждом конкретном случае можно наметить пути совершенствования конкретных вспомогательных ходов, а реализация поставленных задач вполне осуществима. Подобная схема развития технологического процесса носит рационалистический характер. Соответствующий тип технических решений, совершенствующих технологический процесс, называют рационалистическим. Технические решения рационалистического типа обладают следующими свойствами: повышение производительности труда за счет уменьшения доли затрат живого труда на единицу продукции; рост прошлого труда, затрачиваемого на единицу продукции для обеспечения повышения производительности труда; падение эффективности рационалистических решений по мере развития технологического процесса; ограниченность во времени и по эффективности технических решений рационалистического типа. Рационалистические решения обеспечивают снижение затрат живого труда за счет увеличения доли прошлого, что соответствует варианту ограниченного развития» [8, с. 56].

Рабочие ходы изменяются в результате решений, которым присуща принципиальная новизна, они отличаются от решений рационалистического типа содержанием. «Непредсказуемость результатов при совершенствовании технологических процессов принципиально новыми способами, разработка нетрадиционных решений позволяют определить это направление развития как революционное. Новая технология появляется либо в результате оригинальных научно-исследовательских разработок, либо является продуктом применения известных технологических процессов из иных сфер деятельности. Эвристические решения, в отличие от рационалистических, имеют следующие свойства. Любое эвристическое решение в отличие от рационалистического требует дополнительных затрат, связанных с научно-исследовательской разработкой и внедрением. Уменьшение суммарных затрат труда при эвристических решениях может осуществляться за счет уменьшения как живого, так и прошлого труда на единицу продукта. Предельные скорости выполнения рабочего хода зависят не только от используемого в технологическом процессе оборудования, но и от внутренних возможностей самого принципа осуществления процесса. Поэтому ускорить рабочий ход можно не только совершенствованием оборудования, но и коренным изменением технологии ведения процесса, то есть его природной сущности. Революционный путь совершенствования технологических процессов не обязательно приводит к увеличению количества механизмов, росту энергоемкости и стоимости используемых орудий труда. В ходе реализации технических решений эвристического типа в общем случае происходит как снижение затрат живого труда, так и прошлого. Это – вариант неограниченного развития» [8, с. 56-57].

Итак, согласно подходу Е. П. Туромши, вся работа по изменению технологий, за которой стоит множество технических находок, глубина научных открытий и детальная проработка сети конкретных производственных операций, группируется в два направления, имеющих разные закономерности. Практическое преобразование реального технологического процесса всегда содержит действия по эволюционному и революционному изменению технологий. Но если опираться только на эволюционные закономерности, то развитие технологий остановится, при доминировании технических решений эвристического типа технология пойдет по революционному пути неограниченного развития.

Эволюционное развитие технологий экономически оправдано, когда затраты на рост технической вооруженности ниже, чем увеличение производительности труда, то есть фондоотдача должна расти. При революционном развитии возможны сценарии, при которых новые технологии еще не достигли экономически эффективных масштабов применения, и на начальных этапах их использования фондоотдача и уровень технологического развития будут снижаться. По достижении экономически эффективных масштабов применения должна расти и фондоотдача и производительность труда. Если фондоотдача растет, это означает, что производительность труда увеличивается быстрее фондовооруженности – и это эволюционный этап развития технологии. Если фондоотдача снижается, это значит, что рост фондовооруженности опережает рост производительности труда – и это либо *пост* эффективный этап эволюционного развития технологии, требующий революционных изменений хода технологических процессов, либо *до* эффективный этап революционного развития технологии, срочно требующий активных действий по ее эволюционному развитию.

Проведенное нами ранее исследование уровня технологического развития белорусской экономики показало, что уровень технологического развития по экономике в целом и уровень технологического развития промышленности имеет слабую и неустойчивую тенденцию к росту. Уровень технологического развития экономики в целом выше уровня технологического развития промышленности, что обусловлено более быстрым развитием технологий в коммуникациях, торговле и финансовом секторе. Но и по экономике в целом и по промышленности он очень невысок – 10-17 млн. руб. знаний и умений на человека в год, и при курсе доллара в 2010 году 3000 руб. за доллар, уровень технологий, используемых одним занятым в год, оценивается в 3-5 тысяч долларов. Белорусская экономика не демонстрирует скачкообразного роста уровня технологий ни при статистическом, ни при функциональном подходах к исследованию технологического развития [9, с. 13-14]. Поэтому можно утверждать, что фактический застой в уровне технологий основной массы отраслей белорусской экономики – *пост* эффективный этап эволюционного развития технологий. И это означает, что наращивание вложений в техническую вооруженность производственных процессов будет приносить прирост производительности труда меньший, чем рост вложений. Выходом из положения представляется революционный путь развития технологий, основанный на инновациях.

Системный подход к анализу развития технологических процессов предложил американский ученый Д. Сахал. В 1981 году доктор Девендра Сахал (индус, профессор Нью-Йоркского университета) опубликовал книгу: Devendra Sahal, «Patterns of Technological Innovations». В восьмидесятых эта книга была переведена на русский язык, получив странное название «Технический прогресс: концепции, модели, оценки», и издана очень малым тиражом. В ней Д. Сахал излагает свою версию законов развития технологических систем, ориентированную на изучение процессов «дожимания» (в изложенном выше нашем понимании – эволюционного развития) систем, более чем на процесс создания новых идей.

Основной постулат теории технологического развития Д. Сахала – «отказ от трактовки инновационного процесса как случайного, зависящего только от фантазии гениев, признание накопленного производственного опыта как главного фактора, определяющего развитие» [10]. И его подход к трактовке технологического развития опирается на глубокое понимание технологии как сложной сети рабочих и вспомогательных ходов, операций, процессов и укладов.

Основные закономерности – паттерны – технологического развития по Д. Сахалу кратко можно сформулировать следующим образом. В технологической сфере синтез знаний важнее, чем анализ. Об этом, по его мнению, свидетельствует то, что задачи и ограничения, возникающие перед разработчиком технологии, чаще всего формулируются как неравенства, а не как уравнения. Наука больше опирается на методики анализа и гораздо меньше зависит от синтеза. Наука и технология взаимно дополняются, но не совпадают. Технология специфична, даже идеосинкразична, она определяется культурой организации, ее целями, ограничениями, ресурсами и ценностями. Сеть рабочих и вспомогательных ходов, операций, процессов, укладов всегда привязана к месту, времени, предмету и цели. Это всегда осложняет прямую передачу технологий, иногда такой трансфер вообще невозможен.

Диффузия технологий больше связана не с первичным творческим актом создания, а с «переходом на сторону победителя». Решение о переходе на новую технику принимаемое отдельной фирмой зависит от количества фирм уже перешедших. Из этого следует S-образный вид кривой развития. Процесс диффузии новой технологии тесно связан с развитием старой. Применяемая техника быстро совершенствуется при возможности ее замещения новой технологией. Переломные моменты в развитии технологий – появление образцов, которые вытесняют все остальные и становятся «базовыми» для последующего развития. Поскольку технология – сеть, в процессе развития технологии технический прогресс принимает форму серии мелких нововведений, обладающих при незначительности каждого в отдельности кумулятивным действием. Общая схема выполняемых операций меняется мало, но происходит постоянное совершенствование практически неизменной конструкции. Процесс развития технологии представляет собой фактически процесс «обучения на опыте», при котором выявляются проблемы, отбираются их решения, решения совмещаются друг с другом и т.п. И все это путем метода проб и ошибок, трудами многих людей за долгие годы. Просто наличие производств, использующих ту или иную технологию, становится важнейшим фактором ее эволюции. В свете этой закономерности само существование белорусской промышленности – необходимое условие ее технологического развития, и все разговоры об отказе от неэффективных производств в республике фактически означают лишение страны перспектив технологического развития. Тем не менее, неэффективные производства не должны таковыми оставаться.

Еще одна закономерность, подмеченная Д. Сахалом, – значительное отставание во времени разработки сети технологических процессов от полученного нового опыта. Это нелинейность, которая приводит к возникновению колебательных явлений, вносящих свой вклад в экономические колебания. Для сглаживания цикличности, для поддержания устойчивого долговременного экономического роста более пригодна политика стимулирования «малых шагов» в развитии основных технологий, чем политика поощрения радикальных технологических сдвигов. На первых этапах развития технология подобна раствору, который может принять любую форму, но по мере использования технологии раствор затвердевает, как бетон. Развитая технология способна сопротивляться изменению формы. Поэтому дальнейшее технологическое развитие идет на периферии системы. «Затвердевание» технологии является одним из ограничивающих факторов, и это

означает, что первоначальный выбор технологии очень важен, он определит будущие траектории развития.

Рост системы сопровождается дифференциацией и разным ростом ее подсистем, а это ведет к необходимости новых согласований между элементами, повышению сложности системы, изменению ее структуры. «Принцип созидательного симбиоза», объединение дополняющих систем или гибридизацию Д. Сахал рассматривает как метод борьбы с размерными эффектами. Краткосрочная эволюция определяется динамикой самой системы, а долгосрочная – динамикой надсистемы. Подсистема может развиваться в направлении повышения сложности, при этом вся система в целом будет двигаться в сторону упрощения. В начале развития системы расходятся на разные области, и каждая развивается относительно самостоятельно, потом начинается обратный процесс переносов эффективных решений и идей между областями. Появляются более универсальные орудия и технологии, и этот процесс может повторяться неоднократно. Указанная закономерность технологического развития может служить ответом критикам стимулирования развития информационных технологий в республике. Политику государства в отношении ПВТ и IT-сектора в целом критикуют за создание преференций для сферы, оторванной от экономики республики. Но закономерности технологического развития показывают, что новые технологии вследствие эффекта «застывания» уже используемых могут появиться только на периферии системы (или в результате катастрофических разрушений, расчищающих поле для их применения). И в начале своего развития эти новые технологии относительно автономны. Если мы хотим эффектов переноса новых технологий, если мы хотим их диффузии, надо обеспечить благоприятные условия для этого автономного развития.

Выводы. Из закономерностей технологического развития, сформулированных Д. Сахалом, следует, что новая индустриализация Беларуси не может быть ни чем иным как продуктом практического опыта работы всей индустриальной системы республики и ее инженерно-конструкторского персонала. Наш анализ технологического развития Беларуси показал «застывание» технологий в традиционных отраслях экономики (так называемые производства средне высокой, средне низкой и низкой технологий) и развитие технологий в периферийных. Он также позволил констатировать относительную завершенность эволюционного этапа развития технологий традиционных отраслей и еще не использованные возможности эволюционного развития информационных технологий, фармацевтики, медицинских приборов, работы в космосе – производств высокой технологии. Конечно, идеальным решением проблем технологического развития республики был бы переход к революционному пути совершенствования технологических процессов. Но закономерности технологического развития и положение нашей страны в мировой технологической пирамиде как чистого акцептора второсортных технологий [11] свидетельствуют о существенных ограничениях. Чтобы «революционизировать» технологии традиционных отраслей белорусской экономики, их, по логике мирового развития, следовало бы сначала вывести из республики («расчистить поле»), оставив у себя промышленные услуги, а затем вернуть производство в страну на новой технологической основе. И хотя реализация такой стратегии в полном объеме для белорусской экономики выглядит фантастически, для некоторых производств, например, сельскохозяйственного машиностроения, отечественного автомобилестроения вынос сборочных производств в места потребления белорусской продукции – это реальная и частично уже осуществляемая политика.

Относительная завершенность эволюционного этапа развития технологий традиционных отраслей не означает, что в этих отраслях не осталось возможностей для эволюционного развития. Как было показано ранее, технологии имеют сложную структуру,

в которую включены рабочие и вспомогательные ходы, рабочие и вспомогательные операции, основные и вспомогательные процессы, соединяющиеся в технологические системы и уклады. И в этой структуре присутствуют ходы, операции, процессы и системы, потенциал эволюционного развития которых еще далеко не исчерпан. Расширение их производственных возможностей позволит повысить продуктивность производственной системы в целом. Такое «точечное» развитие технологий гораздо менее капиталоемко, чем масштабные процессы модернизации, но оно соответствует закономерностям технологического развития, более эффективно с точки зрения соотношения затрат и выгод, позволяет накопить опыт совершенствования технологий и инновационной деятельности. Для серии мелких нововведений, обладающих при незначительности каждого в отдельности кумулятивным действием, необходим особый организационно-экономический механизм, поддерживающий субъектов на нелегком пути рационализаторства.

В нашей стране накоплен определенный опыт организации и стимулирования рационализаторства и изобретательства. Так, еще в 1996 году было принято Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 24 июня 1996 г. № 417 «О мерах по развитию изобретательской и рационализаторской деятельности в Республике Беларусь». С 2010 года действует новое «Положение о рационализаторстве в Республике Беларусь», утвержденное Постановлением Совета Министров № 209. В нем определен порядок признания предложения рационализаторским, новым, полезным, установлен регламент подтверждения авторства рационализаторского предложения, права на вознаграждение за использование рационализаторского предложения и т.д. В постановлении утверждены общие правила установления приоритета, размеров вознаграждения за рационализаторское предложение и порядок его выплаты, регламент решения спорных вопросов, связанных с рационализаторством.

Поддержкой творчества изобретателей, оказанием материально-технической, научной и правовой помощи, защитой прав рационализаторов занимается общественное объединение «Белорусское общество изобретателей и рационализаторов» (БООИР). Анализ данных государственной статистической отчетности, постоянно проводимый обществом, показывает, что на многих предприятиях изобретательская и рационализаторская деятельность отсутствует вовсе. Председатель республиканского совета общественного объединения «Белорусское общество изобретателей и рационализаторов» А. Скворчевский отмечает: «Из 589 субъектов хозяйствования около 40% представили отчеты (*о рационализаторстве – примечание Л. В.*) с прочерками, а по 15 министерствам и ведомствам отчитались одно-два предприятия или не отчитались вообще. Это говорит не только о безответственности руководителей данных структур и отсутствии контроля со стороны министерств, концернов, но и о том, что министерства, ведомства не занимаются вопросами организации изобретательства и рационализации в отрасли. Коренного улучшения эта работа требует в подразделениях Минторга, Минкультуры, Минсельхозпрода, Белкоопсоюзе и некоторых других. Здесь трудятся талантливые новаторы, создающие и совершенствующие технику, технологические процессы, но им не оказывается помощь в оформлении, не выплачиваются вознаграждения. В результате страдает и производство, и автор, и страна не получает дополнительной прибыли. А если учесть, что многие организации крупных министерств по разным причинам не представляют отчеты (например, в Минпроме отчиталось только 89 предприятий, Минстройархитектуры – 36, Минжилкомхозе – 19, Минздраве – 8, Белгоспищепроме – 4), то можно сделать вывод о больших резервах технического творчества. Согласно анализу, из 235 структур, представивших отчеты, объекты промсобственности использовали только 15. Причем ежегодно этим занимаются одни и те же организации – Минпром, Белнефтехим, Минздрав, Минобразования, НАН Беларуси и некоторые другие. А где же Минтранс,

Минсвязи, Минжилкомхоз, концерн «Белпищепром»? Ряд предприятий Минжилкомхоза, Минсвязи, Минсельхозпрода, Минэнерго, концерна «Белбиофарм», Белорусской железной дороги, имеющих большой научно-технический потенциал, не занимаются патентованием изобретений. Такая ситуация возникла из-за недопонимания отдельными руководителями значимости подобной деятельности, а также отсутствия патентных служб, высококвалифицированных специалистов, заинтересованности и льгот для предприятий при использовании изобретений. Успешному развитию технического творчества мешают отсутствие отраслевой системы научно-технической информации, недостаточная пропаганда достижений изобретателей и рационализаторов. Но главная проблема – использование изобретений. Ежегодно НциС выдается более 1 тыс. патентов, а используется от 300 до 370 с учетом изобретений прошлых лет. Изобретатель остается практически один на один с полученным патентом. В стране нет организации, которая могла бы помочь новатору в использовании его ноу-хау, прекратить его «хождение по мукам» [12].

Недостаточное внимание к мелким нововведениям, практически развивающим технологии, проявляется в отсутствии целостной системы поддержки изобретателей на уровне экономики в целом и субъектов хозяйствования в частности. Еще одним слабым звеном является механизм стимулирования – он тоже не существует как система. С одной стороны, в некоторых нормативных актах заявляется, что размер вознаграждения ничем не ограничен (что совершенно не логично) или ограничен размерами экономического эффекта от внедрения изобретения (что абсолютно оправдано с точки зрения экономической логики). С другой стороны, в иных нормативных актах указывается, что премия, выплачиваемая конкретному работнику за, например, рационализацию использования материальных ресурсов, не может превышать 50% его тарифной ставки в текущем квартале, или, например, премия руководителю за содействие внедрению изобретения не может превышать трех его должностных окладов в год.

Примером организационно-экономического механизма, поддерживающего субъектов на нелегком пути рационализаторства на предприятии, может служить «План Скэнлона», известный в литературе как система распределения доходов, но действительное значение которого гораздо глубже. «В конце 30-х годов XX века американская компания Lapointe Machine and Tool находилась на грани банкротства. Усилиями руководителя профсоюза Джозефа Скэнлона (Joseph Scanlon) и управляющих компании был разработан план по спасению компании за счет уменьшения затрат на труд (зарплату). План начинался с определения расчетной заработной платы по всей фирме. Рабочие, объединенные в бригады, премировались за любое уменьшение заработной платы ниже этого установленного уровня. Успех плана зависел от комитетов рабочих по всей фирме, в чью задачу входило определить области, где можно уменьшить затраты и разработать мероприятия по рационализации. Предложений по улучшению поступило много, и этот план, по существу, спас компанию. План Скэнлона был осуществлен при помощи двух комитетов – производственного и проверяющего. Производственный комитет организовали для поддержки предложений работников относительно увеличения производительности, улучшения качества, уменьшения отходов. Проверяющий комитет состоял из высших менеджеров и представителей рабочих; он распределял месячные премии, обсуждал производственные проблемы и рассматривал предложения по улучшению» [13, с. 447]. Ключевым в плане Скэнлона было наличие именно этих двух комитетов, позволивших направить активность субъектов в нужное русло и создавших положительную обратную связь.

Для развития технологий новых производств необходим организационно-экономический механизм по модели тройной спирали (Triple Helix Model), суть которой достаточно подробно изложена нами ранее [14, с. 92–96]. Хочется лишь добавить, что

ни Стратегия технологического развития Республики Беларусь, ни Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, ни Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, ни другие документы, определяющие направления технологического развития страны, не формулируют даже подходов к созданию организационно-экономических механизмов, соответствующих закономерностям технологического развития и стимулирующих повышение уровня развития технологий в республике.

Список использованных источников

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск, 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/>. – Дата доступа: 22.02.2019
2. Быков, А. А. Перспективы пост- и неиндустриального развития в условиях возможной трансформации системы международного разделения труда / А. А. Быков, А. М. Седун // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 2. – С. 4–23.
3. Данилин, И. В. Промышленно-технологическая политика США при Б. Обаме: вызовы, итоги, возможности / И. В. Данилин // Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 18 мая 2016 г.
4. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: БНТУ, 2018. – 325 с.
5. Добрынин, Н. А. Инновационные формы межфирменной кооперации в цепи «автопроизводитель-поставщик» / Н. А. Добрынин // Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров: материалы международной научно-технической конференции АИИ «Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров», г. Москва, 17 нояб. 2010 г. – М. : МГТУ «МАМИ», 2010. – С. 85–94.
6. Васюченко, Л. П. Трансфер технологий как экономический ресурс / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня. сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 15–22.
7. Белоусенко, М. В. Общая теория экономической организации: организационная эволюция индустриальной экономики / М. В. Белоусенко. – Донецк: ДонНТУ, 2006. – 432 с.
8. Туромша, Е. П. Производственные технологии: учебно-методический комплекс/ ГИУСТ БГУ. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2014. – 342 с.
9. Васюченко, Л. П. Оценка уровня технологического развития белорусской экономики / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня. сб. науч. ст. / БНТУ.– Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 5-15
10. Д. Сахал. Технический прогресс: концепции, модели, оценки. Москва, «Финансы и статистика», 1985.
11. Медовников Д., Оганесян Т. Неявное знание строителей пирамиды // Эксперт. 26 марта 2012. №12 (795). [Электронный ресурс] Режим доступа: m.expert.ru/expert/2012/12 – Дата доступа: 08. 10. 2014.
12. А. Скворчевский. Техническое творчество – залог эффективности производства // Наука и инновации. – 2008. – №1. [Электронный ресурс] http://innosfera.by/technical_art – Дата доступа: 08. 02. 2019.
13. Чейз Р., Эквилайн Н., Якобс Р. Производственный и операционный менеджмент. – М., 2003. – 950 с.
14. Васюченко Л.П. Некоторые вопросы теории развития сетевых структур // «Менеджмент предпринимательской деятельности». Материалы XVI Междуна. науч.-практ. конф. преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2018. – 522 с.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2019 года

PROSPECTS OF NEW INDUSTRIALIZATION OF BELARUS IN THE LIGHT OF PATTERNS OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

L. P. Vasiuchonak

vlp2010@tut.by

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Law,
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

It is shown that a light trend towards an increase in the level of technology of the some branches of the Belarusian economy is a post effective stage of the evolutionary development of technology. But in the complex structure of technological systems there are operations and processes, the potential of evolutionary development of which is far from exhausted. To ensure the effectiveness of a series of small innovations that possess cumulative action when each individual act is insignificant, a special organizational and economic mechanism is proposed, analogous to which is the well-known Scanlon plan. For the development of new production technologies, an organizational-economic mechanism is recommended according to the Triple Helix Model.

Key words: *postindustrial society, new industrialization, technological development, patterns, Scanlon plan, Triple Helix Model, modernization of the economy.*

References

1. The national strategy for sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus for the period up to 2030. - Minsk, 2017. [Electronic resource] - Access mode: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/> - Access date: 22.02.2019
2. A.A. Bykov, A.M. Sedun. Prospects for post-and neo-industrial development in the context of a possible transformation of the system of international division of labor // Belarusian Economic Journal. 2015, No. 2. — P. 4–23.
3. Danilin I.V. US Industrial and Technology Policy under B. Obama: Challenges, Results, Opportunities. Abstracts for the meeting of the Academic Council of the IMEMO RAS on May 18, 2016.
4. Horizontal culture of social interactions - the potential for the development of the economy and society in the XXI century / S. Yu. Solodovnikov [and others]. - Minsk: BNTU, 2018. - 325 p.
5. Dobrynin, N. A. Innovative forms of inter-company cooperation in the chain of “automaker-supplier” / N. A. Dobrynin // Automotive and tractor construction in Russia: development priorities and personnel training: materials of the international scientific and technical conference of the AII Automotive and tractor construction in Russia: development priorities and personnel training”, November 17, 2010 —M.: MGTU “MAMI”, 2010. - P. 85–94.
6. Vasyuchenok L.P. Technology transfer as an economic resource // Economics today. Collection of scientific articles. - 2015. - Issue number 3. - p. 15-22.
7. Belousenko, M. V. The General Theory of Economic Organization: The Organizational Evolution of the Industrial Economy / M. Belousenko // Donetsk: DonNTU, 2006. - 432 p.
8. Turomsha, E.P. Production technologies: teaching and learning complex / GIUST BSU. - Minsk: GIUST BSU, 2014. - 342 p.
9. Vasyuchenok L.P. Evaluation of the level of technological development of the Belarusian economy // Economics today. Collection of scientific articles. - 2017. - Issue number 6. - p. 5-15.
10. Sahal. Technical progress: concepts, models, evaluations. Moscow, "Finance and Statistics", 1985.
11. Medovnikov D., Oganessian T. Implicit knowledge of the builders of the pyramid // Expert. March 26, 2012. No. 12 (795). [Electronic resource] - Access mode: <http://m.expert.ru/expert/2012/12> - Access date: 08. 10. 2014.
12. Skvorchevsky. Technical creativity - a pledge of production efficiency // Science and In-

novation. -2008. - №1. [Electronic resource] - Access mode: http://innosfera.by/technical_art - Date of access: 08. 02. 2019.

13. Chase R., Equiline N., Jacobs R. Industrial and Operational Management. - M., 2003. – 950 p.

14. Vasyuchenok L.P. Some questions of the theory of development of network structures // «Business Management». Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference of teachers, doctoral students, graduate students and students. - Simferopol, 2018. - 522 p. - p. 92-96.

УДК 330.34

ББК 65.011

СЕТЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК НОВЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

С. Ю. Солодовников

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья направлена на ликвидацию пробела в исследовании сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных технологий. В результате исследования определено понятие сетевых механизмов экономического управления как принципиально новых формы общественно-функциональных технологий, отличающихся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Исследовано влияние сетевых механизмов экономического управления на возникновение принципиально новых механизмов экономической и политэкономической конкуренции.

Ключевые слова: сетевая экономика, инновации, технологии, модернизация экономики, новое качество экономического роста, управление, политическая экономия, деятельность, рынок, экономическая система.

Введение. На сегодняшний день проблемам инновационного развития, технологической кооперации, общественно-функциональных технологий, сетевой экономики посвящено огромное количество исследований. Так, проблемы переходной экономики, ее адаптивности к изменению технологической базы производства рассмотрены в работах О. Т. Богомолова, С. Ю. Глазьева, Р. С. Гринберга, А. Н. Илларионова, П. Ковеоса, А. П. Левкович, Дж. Сакса, Г. В. Турбан, С. Фишера, Г. А. Шмарловской и др. Технологическая кооперация и ее влияние на инновационное развитие стран и регионов под разным углом зрения освещены в трудах зарубежных ученых: Я. Берман, Г. Блаир, Д. Вэйгер, Я. Лафурже, Э. Ловелл, Р. Миллер, Г. Мэйсон, К. Райан, Д. Форд, Х. Шульте, которые определили значение международного трансфера технологий в деятельности коммерческих организаций; Р. Вернон, Дж. Даннинг, К. Коджима, А. Левин, Т. Озава, М. Портер, В. Тинг рассматривали влияние международного трансфера на экономику стран-экспортеров и импортеров технологий. П. Баккли, У. Зандера, М. Кассона, Ч. Киндельбергера, Б. Когута, С. Хаймера подробно рассматривали отдельные аспекты международной технологической кооперации. Отечественные ученые также активно исследовали проблемы международных технологических трансфертов (Н. И. Богдан, Е. Л. Давыденко, Л. Н. Давыденко, А. В. Данильченко, В. Ф. Медведев, Л. Н. Нехорошева, П. Г. Никитенко, Г. В. Турбан, В. Н. Шимов и др.). Л. Н. Нехорошева, А. Г. Шумилин и др. содержательно охарактеризовали белорусскую инновационную систему, факторы, определяющие ее динамику и ресурсную базу. Исследованием сетевых механизмов

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г18РА-011 от 30.05.2018 г. «Сетевые механизмы инновационного развития в Республике Беларусь и Республике Румыния»).

управления экономическими процессами занимались зарубежные ученые Jones C., Hesterly W. S., Borgatti S. P., Ж. Смирнова и др., а также белорусский исследователь Л. П. Васюченко на основе экономики транзакционных издержек и теории социальных сетей. Вместе с тем до настоящего времени в этом направлении ученые-экономисты не смогли продвинуться дальше описания условий, при которых развитие сетевых структур управления наиболее вероятно, и того, когда они имеют сравнительные преимущества. Сегодня удалось теоретически доказать, что сетевое управление позволяет коммерческим организациям получать конкурентные преимущества в условиях повышенной рыночной неопределенности и резких скачков волатильности на глобальных и локальных рынках. Однако до настоящего времени недостаточно исследованы сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий.

Результаты и их обсуждение. Технологии бывают двух типов: технические и общественно-функциональные. Оба этих типа тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Говорить о первичности одного из этих типов можно только условно, исходя из целей и задач, стоящих перед ученым, либо в зависимости от его идеологических установок. Так, например, К. Маркс использовал сформулированный им же принцип зависимости надстройки (социальных технологий) от базиса (техники) для объяснения смены общественно-экономических формаций и неизбежности коммунистической революции. В данном случае можно наблюдать своеобразный парадокс: марксистская идеология, являющаяся общественно-функциональной технологией, обусловила возникновение и длительное существование аксиомы о том, что общественно-функциональные технологии являются «производными» от уровня развития техники. Поскольку приведенный пример не является единичным, прежде чем переходить к определению понятия сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных технологий, сделаем ряд методологических уточнений.

Экономическая наука традиционно на протяжении многих десятилетий, даже столетий, была и продолжает оставаться идеологической доктриной. Выбор модели хозяйствования, направлений и способов ее трансформации всегда предопределяется сложившимся в обществе балансом политико-экономических интересов, расстановкой сил социальных классов и социально-классовых группировок, а также организованностью и сплоченностью последних. Общественное сознание, его базовые ценности всегда идеологически оформляются и защищаются государством. Без государственной идеологии, патриотизма не может быть социальной стабильности и эффективной экономики. Идеология (как разновидность общественно-функциональных технологий), как известно, – это совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу и либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии). Если государственная идеология не разделяется большинством населения, то такое государство и политическое устройство теряют свою гражданскую легитимность и быстро уходит с исторической арены. Достаточно, например, вспомнить бескровное изгнание британских колонизаторов из Индии (политика ненасилия «Махатма» Ганди – сатьяграха) и распад Советского Союза. Если в первом случае сформировавшийся в начале XX века патриотизм индусов привел к созданию независимой Индии, то во втором случае на фоне резкого снижения патриотизма советского народа и формирования устойчивого дефицита предложения в горбачевскую эпоху произошла величайшая геополитическая катастрофа – распад СССР, приведшая к потере миллионов человеческих жизней и десятков миллионов искалеченных судеб.

При выборе модели хозяйствования приоритетной является господствующая идеологическая. Выбор между гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса как снижение социального каннибализма, и идеологией рыночного либерализма, в основе которой лежит социальный каннибализм, — именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства.

Распад СССР, не соответствовавший экономическим интересам большинства населения Советского Союза (поскольку это неизбежно вызывало разрушение устоявшейся системы внутрисоюзного разделения и кооперации), тем не менее был воспринят достаточно большим количеством советских граждан как позитивное событие. Главная субъективная причина этого — резкое снижение социального капитала на уровне общества, разрушение господствующей государственной идеологии и снижение патриотизма населения. Во многом повторилась ситуация 1917–1922 гг., конечно же, не в столь кровавых формах, как после октябрьской революции, но сопровождаемая все той же сменой собственников. Происходили усиление классовой, национальной борьбы и быстрый (часто криминальный) передел собственности, когда эгоистическое стремление увеличить свое, частное материальное богатство со стороны правящей элиты значительно снизило продукционную отдачу экономической системы общества. В Беларуси и других постсоветских странах начинается экономический кризис, который сопровождается значительным абсолютным снижением ВВП на душу населения, отставанием по этому показателю даже от таких стран третьего мира как Венесуэла, Аргентина и т.д., а также увеличением технологического разрыва с индустриально развитыми государствами. Резко ухудшились социальные и материальные условия жизни людей, у большинства из которых пропала вера в завтрашний день. Естественно, что это не могло не привести к сокращению продолжительности жизни и снижению ее качества.

Усиливающаяся в Беларуси классовая борьба, сопровождаемая массовыми выступлениями рабочего класса, на фоне перманентной деградации экономической системы и «грубыми» (неумелыми) попытками принесения в страну рыночных институтов в формах, не соответствующих основным направлениям развития современной цивилизации, белорусской культуре и базовым институтам, привела к разочарованию в рыночных реформах большинства населения.

Сформировавшееся у большинства населения к 1994 году неприятие либерально-рыночного пути социально-экономического и политического развития, по которому пошла страна в начале 90-х гг., обеспечило избрание Первого Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, что предопределило изменения социального и экономического курса страны. Новая экономическая стратегия в Республике Беларусь, начатая с приходом к власти А. Г. Лукашенко, заключалась в создании социального государства, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. Этот путь развития соответствовал сложившейся социально-экономической ситуации, чаяниям белорусского народа, белорусской культуре и базовым институтам, обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение уровня жизни большинства населения.

У белорусов развивается чувство патриотизма, формируется государственная идеология, национальная модель хозяйствования доказывает свою эффективность и устойчивость. В этих условиях внешние дестабилизирующие силы начинают все более активно применять против Республики Беларусь информационное оружие. Последнее сегодня главным образом направлено на снижение политико-экономической «конкурентоспособности» нашей страны за счет неудачных (но повторяющихся) попыток разрушения единства нации, государственной идеологии, чувства патриотизма путем навязывания чуждой нам либерально-рыночной идеологии.

Некоторые ученые-экономисты, а вслед за ними ряд представителей СМИ и некоторые политики, предлагали на веру принимать утверждения о необходимости автоматически принимать постулаты западных «экономиксов» и надеяться, что свободная конкуренция автоматически решит наши непростые проблемы. Как результат, в экономической теории начали возникать работы, исследующие не реальные, а виртуальные социально-экономические отношения. Становятся популярными модели экономического роста, ориентированные на рост потребления и вещного накопления без учета необходимости поддержания экологического равновесия, социальной справедливости и устойчивости инновационного развития в целом. Разделение всех существующих сегодня экономических научных школ и направлений необходимо проводить не по критерию «план или рынок», а по тому, какие они исследуют объекты: реальные социально-экономические процессы или виртуальные (идеальные) модели. Зачастую последние модели используются как идеологическое оружие, которые продвигаются и усиливаются за счет применения манипулятором сетевых механизмов экономического управления поведением больших групп индивидов как новых форм общественно-функциональных технологий.

До настоящего времени в общественных науках остается дискуссионным, какая функция сетевого управления была первичной – манипуляционная или продукционная. Задача нашего исследования (определить понятие сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных технологий) не требует выяснения того, что было первичным в этом процессе. Тем более, как свидетельствует история человечества, развитие военных технологий (на которые как правило не жалели и не жалеют ресурсов) всегда выступали важным толчком для совершенствования гражданских технологий.

Для нас важно, что в настоящее время во всех экономически развитых, новых индустриальных и во многих развивающихся странах сформировалась сетевая экономика, которая может выступить в качестве важнейшего фактора перехода к опережающей модели развития как в Республике Беларусь, так и во всех странах ЕАЭС. Отрасли, входящие в сетевую экономику, способны «выступать как движущая сила и детерминанты опережающей модели модернизации, – справедливо отмечает Е. В. Логинова, – поскольку внедрение здесь инноваций имеет синергетический эффект, суть которого заключается в распространении инноваций не только по всем сферам общественного производства, но и в стимулировании внедрения инноваций в социальной и властно-правовой сферах» [1, с. 20]. Далее Елена Викторовна поясняет: «причинами возникновения синергетического эффекта от внедрения инноваций в сетевой экономике являются: во-первых, глобальная информатизация экономических и социальных процессов, которая способствует появлению инновационных форм взаимодействий субъектов, позволяющих им в режиме реального времени получать информацию из внешней среды и оперативно реагировать на полученные импульсы; во-вторых, ускорение процесса обмена информацией по вертикали и горизонтали производственных, общественных и властных структур, что приводит к возникновению инновационных форм организации социума на всех его уровнях (сетевая организация) и развитию инновационных бизнес-процессов; в-третьих, ускоренные темпы развития сетевой экономики делают данную сферу общественного производства инновационной по своей природе, а поскольку все большее и постоянно растущее число субъектов социальных и экономических отношений опосредуют свои взаимодействия сетью Интернет, то распространение цифровых инноваций принимает глобальный характер и стимулирует появление инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества» [1, с. 21]. Названный автор также указывает, что «специфика современного общества, основанного на знании, заключается в интегрировании в

его рамках информационного и сетевого обществ, так как первое характеризует роль, отводимую информации в процессе социально-экономической эволюции и развитии общественного производства, а второе показывает приоритет сетевых связей при передаче информации субъектами социально-экономических отношений. Проецируясь друг на друга, информационная и сетевая составляющие общества знания создают специфичную среду для передачи знания – сетевое информационное пространство, в рамках которого осуществляются различные взаимодействия между людьми, в том числе, взаимодействия и экономические. Отличительными чертами данного пространства являются: отсутствие территориальных границ; безграничность межсубъектного общения; осуществление трансакций в режиме реального времени» [1, с. 24].

Как известно, выделяются три основных типа социального управления в широком смысле этого слова: 1) властное; 2) стимуляционное; 3) информационное (информационно-идеологическое). Основу властного управления составляет власть, под которой понимается «возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии» [2, с. 147]. Власть может быть политической, экономической, идеологической и т.д. Власть авторитарна, т.е. она требует обязательной подчиненности со стороны объекта власти воли ее субъекта. «Власть представляет собой, – как справедливо отмечал Н.В. Герасимов, – совокупность специфических базопределяющих директивных функций управления поведением субъектов, состоящих в предании нормативным модулям социально-экономических отношений обязательного характера, в обеспечении их гарантированного осуществления и защиты посредством потенциального или реального принуждения» [3, с. 64]. Во властном управлении большую роль играет государство – важнейший политический институт обществ, основанных на социально-классовой дифференциации. Большое значение во властном управлении традиционно имели отношения собственности, при этом в экономической теории подчеркивалось, что «собственность на условия производства – высшая суверенная экономическая власть. Это значит, что собственник управляет хозяйством по своему усмотрению, независимо ни от кого. Его власть безусловна» [4, с. 69]. Дифференциации индивидов в отношениях собственности в современном обществе не только существенно дифференцируются, но и под воздействием сетевой экономики претерпевают революционные изменения. Например, в системе интернета можно передавать объект собственности, при этом оставляя его себе.

Стимуляционный тип управления характеризуется предоставлением выгод за позитивное и не предоставлением выгод за негативное поведение. Как отмечается в литературе, данный тип управления находит выражение в функционировании различных политико-институциональных форм. Прежде всего, это «касается государственных органов социально-экономического управления, которые располагают значительным "арсеналом" рычагов воздействия на субъектов и экономические институты» [5, с. 87]. В этом случае речь идет «о предоставлении последним исключительных прав на что-либо (занятие определенным видом деятельности, производство какой-либо продукции, использование природных ресурсов); об определенной налоговой и кредитной политике государства; об осуществлении трансфертных платежей и государственных закупок; о прямом финансировании государством каких-либо проектов и т.д.» [5, с. 87]. Стимулирующее управление представляет собой действенную форму реализации целей социальных субъектов в экономической сфере. Сетевые механизмы экономического управления позволяют значительно исказить стимуляционное предложение, заменяя реальное стимулирование (т.е. стимулирование, способствующее реализации экономических интересов стимулируемого субъекта) его симуляцией.

Информационно-идеологический тип управления основан на знаниях, сознании и убеждении индивидов. Этот тип управления направлен не на внешнее принуждение субъектов, а на формирование у них некоей целостной совокупности внутренних идеологических установок, позволяющих субъекту управлять своими действиями. Основу данного субъектного ориентационно-регулятивного комплекса, составляет система ценностей субъекта, которая предопределяет характер всех других его компонентов – целей, установок, стереотипов, убеждений, моделей поведения и т.п. Современные сетевые механизмы экономического управления активно используются для манипулирования поведением управляемого субъекта за счет применения различных общественно-функциональных технологий, в своей совокупности представляющих не летальные формы информационного оружия, нацеленного как на отдельных индивидов, так и на большие группы людей, социальные классы, общество в целом.

Таким образом, сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий, могут использоваться как в производственных (для роста социально-экономической эффективности общественного производства), так и в эгональных (для производства необходимого Манипулятору поведения социальных и экономических субъектов) целях. Последняя цель неизбежно порождает необходимость защиты от такого рода информационно-идеологической агрессии в интернет-пространстве, в результате чего быстро развиваются сетевые механизмы защиты от нее.

В производционном плане сетевые механизмы экономического управления формируют новый тип инновационных сетей, имеющих следующие особенности: «в отличие от традиционных инновационно-активных предприятий, субъекты, входящие в инновационную сеть, совместно используют общие активы, что делает сетевую структуру более гибкой, увеличивая ее способность адаптироваться к изменчивой экономической среде; в управлении потоками ресурсов инновационная сеть активно использует рыночные механизмы, базирующиеся на обмене информацией и активном взаимодействии участников сети; инновационные сети практикуют разработку совместных проектов, что усиливает заинтересованность участников сети и приводит к повышению эффективности функционирования всей сети; инновационные сети становятся объединением поставщиков, производителей, компаний, финансовых и кредитных организаций на основе взаимного владения акциями, что создает дополнительные возможности для реализации экономически эффективного взаимодействия, разработки совместной рыночной стратегии и повышения заинтересованности всех участников сети» [6, с. 18]. Как справедливо отмечает Л. Ю. Титов, «сравнение различных моделей инновационного процесса позволили выделить преимущества сетевой модели (*сетевых механизмов экономического управления – примечание С. С.*), для которой характерна более высокая организационная и системная интеграция, гибкая организационная структура, эффективные внешние каналы связи, мобильность ресурсов, эффективные механизмы обмена внутренними и знаниями, механизмы идентификации, измерения и управления нематериальными активами, вовлеченность высшего руководства» [6, с. 20].

В свою очередь, Е. В. Логинова отмечает, что «сетевое информационное пространство (*сетевых механизмов экономического управления – примечание С. С.*)» [1, с. 24] характеризуется такими отличительными чертами как «отсутствие территориальных границ; безграничность межсубъектного общения; осуществление трансакций в режиме реального времени» [1, с. 24]. Названный автор также отмечает, что в результате развития сетевого информационного пространства возникает сетевая экономика, «особенностью которой является не столько доминирование информации, сколько преобразование вариантов ее использования. При этом ведущую роль в обществе приобретают глобальные сетевые структуры, развитие которых создает условия для формирования более

совершенной и прозрачной среды для информационной активности экономических субъектов, обеспечивающей более высокий уровень эффективности экономической деятельности, трансформирует производственные и организационно-хозяйственные системы, модифицирует экономические, социальные и властно-правовые институты» [1, с. 24–25]. Значительное увеличение вариантов использования информации в рамках глобальных сетевых структур постоянно усложняет сетевые механизмы экономического управления, приводит к возникновению все новых и новых рисков и угроз. Последние порождаются не только по причине постоянного увеличения эгонального использования новых форм общественно-функциональных технологий, но и в результате расширения продукционного применения этих технологий во взаимосвязи с принципиально новыми технико-технологическими решениями и расширения мобильности глобальных финансов.

Расширение сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных инноваций порождает новые формы межстрановой конкуренции. Международный опыт последних лет показал, что целенаправленный подрыв экономической безопасности на государственном уровне происходит главным образом через международные санкции, направленные часто на отдельные предприятия и конкретных предпринимателей. Зачастую нормативная база, система обеспечения экономической безопасности к этому не готовы, в результате противодействовать приходится главным образом на государственном уровне в режиме ручного управления. Рост технологической неопределенности и глобальных спекулятивных финансов, быстрое развитие общественно-функциональных технологий манипулирования (через интернет и традиционные СМИ) поведением индивидов, порождают принципиально новые вызовы и угрозы для национальной и экономической безопасности. Последние зачастую могут быть своевременно выявлены и нейтрализованы только на уровне предприятия. Общественно-национальные индикаторы экономической безопасности могут зафиксировать постфактум только последствия для экономической безопасности от негативного воздействия на конкретное промышленное предприятие (например, экономико - или градообразующее). Причем названное негативное воздействие может быть осуществлено без явного нарушения законов. Правомерно говорить о тенденции «атомизации» угроз для экономической безопасности.

Развитие сетевых механизмов экономического управления вызывает значительное увеличение институционального разнообразия, что ставит перед социально-научным сообществом новые задачи. «Социальная парадигма инновационного развития Республики Беларусь должна учитывать глобальные цивилизационные тенденции, которые неразрывно связаны с нарастанием институционального разнообразия и пониманием значительной частью научного сообщества невозможности познания современных реалий на основе упрощенных, механистических подходов» [7, с. 4].

На основании всего вышесказанного можно определить сетевые механизмы экономического управления как принципиально новые формы общественно-функциональных технологий, отличающиеся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Сетевые механизмы экономического управления, в основе которых лежат производственные отношения, связанные с получением и использованием информации, усилили значение поведенческой экономики, обеспечивая при этом более высокие темпы экономического роста по сравнению с традиционными отраслями информационной экономики. Вместе с тем, значительное упрощение процедур обмена информацией в режиме реального времени

и лавинообразный рост социальных контактов породили принципиально новые механизмы экономической и политэкономической конкуренции, упростили применение информационного оружия не только в военных целях, но и в интересах отдельных хозяйствующих субъектов. Все это породило новые финансовые, экономические, социальные, технико-технологические, экологические и иные угрозы, а также вызвало необходимость находить инструменты им противодействовать. В результате чего реальностью начала XXI века становится своеобразная «гонка вооружений» в сетевой сфере.

Выводы. Определено понятие сетевых механизмов экономического управления как принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, отличающихся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Выявлено, что сетевые механизмы экономического управления значительно упростили процедуры обмена информацией в режиме реального времени и породили лавинообразный рост социальных контактов, что привело к возникновению принципиально новых механизмов экономической и политэкономической конкуренции, породило новые риски и угрозы, а также вызвало необходимость находить инструменты им противодействовать.

Список использованной литературы

1. Логинова, Е. В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Е. В. Логинова ; ФГБОУВПО «Волгоградский государственный университет». – Волгоград, 2012. – 51 с.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
3. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
4. Дементьев, В. Е. Собственность в системе производственных отношений социализма / В. Е. Дементьев, Ю. В. Сухотин // Коммунист. – 1987. – № 18.
5. Подгайский, А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / А. Л. Подгайский. – Мн., 1993.
6. Титов, Л. Ю. Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа: теория и методология : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01/ Л. Ю. Титов ; Орловский государственный технический университет. – Орел, 2010. – 50 с.
7. Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С. Ю. Солодовников // Вестник ПГУ. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8.

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2019 года

NETWORK MECHANISMS OF ECONOMIC MANAGEMENT AS NEW FORMS OF SOCIAL AND FUNCTIONAL TECHNOLOGIES

S.Yu. Solodovnikov

solodovnicov_s@tut.by

Doctor of Economics, Professor,

Head of the Department of "Economics and Law"

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article aims to eliminate the gap in the study of network mechanisms of economic management as new forms of social and functional technologies. As a result of the study, the concept of network mechanisms of economic management is defined as fundamentally new forms of social and functional technologies, characterized by a significant acceleration of management processes, receiving and exchanging information through the use of the latest Internet technologies, which leads to changes in the behavior logic of the network economy subjects and ideological competition. The influence of network mechanisms of economic management on the emergence of fundamentally new mechanisms of economic and political economic competition has been investigated.

Keywords: network economy, innovation, technology, modernization of the economy, new quality of economic growth, management, political economy, activity, market, economic system.

References

1. Loginova, E. V. Setevaja jekonomika kak innovacionnyj faktor modernizacii sovremennogo rossijskogo obshhestva : avtoref. dis. ... d-ra jekon. nauk : 08.00.01 / E. V. Lo-ginova ; FGBOUVPO «Volgogradskij gosudarstvennyj universitet». – Volgograd, 2012. – 51 s.
2. Veber M. Osnovnye ponjatija stratifikacii / M. Veber // Sociologicheskie issledovanija. – 1994. – № 5. – S. 147–156.
3. Gerasimov, N. V. Jekonomicheskaja sistema: genesis, struktura, razvitie / N. V. Gerasimov; redkol.: Je. A. Lutohina [i dr.]. – Minsk : Navuka i tjehnika, 1991. – 349 s.
4. Dement'ev, V. E. Sobstvennost' v si-steme proizvodstvennyh otnoshenij socia-lizma / V. E. Dement'ev, Ju. V. Suhotin // Kommunist. – 1987. – № 18.
5. Podgajskij, A. L. Vzaimodejstvie politich-eskoj organizacii obshhestv i jekonomicheskoy sistemy : dis. ... kand. jekon. nauk : 08.00.01 / A. L. Podgajskij. – Mn., 1993.
6. Titov, L. Ju. Jekonomicheskie innova-cionnye struktury i instituty setevogo tipa: teorija i metodologija : avtoref. dis. ... d-ra jekon. nauk : 08.00.01 / L. Ju. Titov ; Orlovskij gosudarstvennyj tehnic-eskij universitet. – Orel, 2010. – 50 s.
7. Solodovnikov, S. Ju. Novaja paradigma innovacionnogo razvitija belorusskoj jekonomiki i podhody k ee formirovaniju / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik PGU. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2011. – № 14. – S. 2 – 8.

УДК 338.27

ББК 65.011

**THE MODELING OF THE MACHINE-BUILDING COMPLEX
DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS****V. F. Baynev**

baynev@bsu.by

Doctor of Economics, Professor

Head of the Department of Innovation Management

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

O. S. Bliznyuk

olgabliznyuck@yandex.ru

Lecturer of the Department of Innovation Management

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Machine-building complex of the Republic of Belarus plays a special role in the country's industry. This article is devoted to the construction of predictive models of growth of the machine-building complex of the Republic of Belarus on the basis of factors, which directly affect it. While writing the article, the author has used such tools as PEST-analysis, correlation analysis, graphical analysis and modeling.

Key words: machine-building complex, modeling, growth rate, correlation matrix, PEST-analysis, graphic analysis.

Introduction. Machine-building complex of the Republic of Belarus occupies a special place in the industry of the Republic of Belarus. More than 60% of Belarusian machine-building products are sold abroad. Experts predict in the medium term growth of demand of Belarusian engineering products in Russia and Kazakhstan, which together account for about 73% of Belarusian engineering exports. Experts note that good prospects for the export of these goods create prerequisites for the overall development of the industry in the country [1].

An important role in the formation of the machine-building complex of Belarus has played its scientific and technical potential (research, design organizations, pilot production). The main links of this complex were the automotive industry, tractor and agricultural machinery production, machine tool construction, electrical and radio engineering industry, instrument making, production of electronic and computer equipment. A significant place was occupied by the production of the military-industrial complex [2]. Thus, the study and forecast of the development of the machine-building complex is very important.

Results and its discussion. To select independent variables for modeling, the author has used such tools as PEST analysis and correlation matrix. To build the models, the has chosen the indicators, which characterize the development of mechanical engineering since 2004 until 2004-2017 (14 years) years, because this period is characterized by relative stability of development, the absence of sharp fluctuations (the average annual chain growth rate of mechanical engineering is 132,319%), as well as a relatively favorable environment for strengthening the position of the machine-building complex and the growth of its competitiveness, which is expressed in the presence of strong support from the state, regular investment revenues, the development of innovative approaches to the management of product sales, etc.

In the models, the dependent variable Y is the chain growth rate of production of machinery, vehicles and equipment, because this indicator most fully reflects the dynamics of the engineering industry. Also, based on the opinions of experts and economists, independent

variables (X1,..Xn), which reflect the factors directly influencing the development of the machine-building industry "(see "table 1 - PEST analysis of the machine-building industry)". These are such variables as, growth rate of investments in fixed capital,% (X1); growth rate of economically active population,% (X2); growth rate of initial cost of fixed assets,% (X3); growth rate of real wages of workers,% (X4); growth rate of the index of prices of producers of industrial products, % (X5); the growth rate of total costs of environmental protection,% (X6); the growth rate of internal costs of research and development, % (X7); the growth rate of the volume of research, % (X8); the growth rate of costs of industrial organizations for technological innovation, % (X9); the growth rate of the number of organizations performing research and development, units,% (X10).

Table 1 – PEST analysis of the machine-building industry of Republic of Belarus

Political factors	Economic factors
<p>1. The high level of government support of the industry (tax benefits, customs benefits, direct government financing, inclusion in the government procurement programme);</p> <p>2. The creation of the Common economic space leads to a reduction in costs of trade between the countries included in it, and the emergence of new opportunities for cooperation; also, the common customs tariff creates barriers for foreign suppliers of engineering products, increasing the demand for import-substituting products of enterprises of the Bank's member States;</p> <p>3. After Russia's accession to the WTO, measures to jointly create regulations for scientific and technical activities of machine builders of the Union state and the CES continue. In particular, the Joint Institute of mechanical engineering of the NAS of Belarus is developing new national standards, which in the framework of the formation of a unified system of technical regulation and standardization of the SES should be consistent with international standards;</p> <p>4. Increased competition among manufacturers in the Russian market of both Russian origin and foreign production;</p> <p>5. Globalization of the world market of mechanical engineering in the form of large production giants with a full production base (chain) and huge sales opportunities;</p> <p>6. Strengthening of intercultural conflicts in the middle East.</p>	<p>1. The obvious advantage is used by manufacturers that combine high quality machines at the best price;</p> <p>2. Strong dependence on the macroeconomic situation in Belarus and Russia as the largest consumer of Belarusian engineering products;</p> <p>3. The emphasis on the use of preferential public financing of large machine-building enterprises has led to problems with the renewal of production assets of medium and small enterprises in the industry, which were not available investment resources of both public and private sectors;</p> <p>4. Sharp fluctuations in the national currency;</p> <p>5. Chronic foreign trade deficit and current account deficit;</p> <p>6. Wages are set by the government regardless of the profitability of organizations and their economic results;</p> <p>7. Global economic crisis;</p> <p>8. Strong emphasis on the production of quality import-substituting products and ignoring the fact of future significant costs for the promotion of products and efforts to "win" the client;</p> <p>9. Reduced economic growth in Russia, tougher competition (due to Russia's accession to the world trade organization), as well as Russia's transition to the new environmental standard Euro-5, Euro-6 (in 2020).</p>

Ending of the table 1

Social factors	Technological factors
1. The global consumer has become more demanding, forcing producers to produce diversified products; 2. Special requirements are imposed by consumers to reliability and resource; 3. Loss of the target audience of engineering products of the middle and lower-middle price segment (development of effective demand and transition of the main consumers to a more expensive price segment).	1. The limitations of own raw material base; 2. High prices for fuel and energy resources (TER)); 3. Due to the orientation of domestic products mainly on the Russian market, the prospects for the development of the Belarusian machine-building complex in the medium term will be determined by the level of competitiveness compared to similar Russian enterprises; 4. Depreciation policy of Belarus has a predominantly tactical focus, i.e. it focuses on the implementation of the ongoing tasks that ensure survival in a crisis or solve the problem of preservation of business in General (solving the problem of permanent lack of working capital and reduction of production costs). Therefore, the depreciation policy is not progressive, as it is its strategic purpose, aimed at solving long-term problems of innovative orientation, associated with the timely technical re-equipment of production and the creation of competitive products, is practically not developed and not developed. As a result, such tactics dooms mechanical engineering to technological dependence on foreign suppliers of production equipment and technologies; 5. Machine-building industry needs constant innovative development for successful functioning.

Source: authors' self-development

Thus, as it has been rightly stated in the monograph prepared by the team of authors under the guidance of the famous Belarusian scientist S. Yu. Solodovnikov, "the weakest link (national innovation – clarification of the authors of the article) of the system is business sector, and significant efforts should be directed precisely to its development because the business sector is a "filler" for the created innovation infrastructure, and also forms the market of innovations" [3, p. 175].

In scientific and educational literature traditionally highlights the issues concerning the external environment of business operation [4, p. 7; 5, p. 21-23]. Unfortunately, the parameters of the external environment are traditionally considered as a kind of objective reality, with which business should be passively considered and to which, alas, it can only fatally adapt.

At the same time, the study of the current stage of technical and technological progress, in the most developed countries of the world characterized as the "fourth industrial revolution" (the development strategy of Industry 4.0), shows that now these countries are fiercely competing with each other not so much in the markets of goods and services as in the sphere of purposeful creation of extremely favorable conditions for the innovative reproduction of production capital. In our opinion, this is the main economic function of the state in the modern market economic system.

A matrix of pair correlation coefficients was constructed to identify factors that directly affect the dynamics of the growth rate of production of machines, vehicles and equipment, as

well as to eliminate the prerequisites of multicollinearity or strong interdependence between exogenous variables of the model"(see "table 2 - pair correlation coefficient Matrix.").

Analysis of the coefficients of pair linear correlation allows us to establish that the greatest impact on the development of the engineering industry is the growth rate of investment in fixed assets, % (X1) – $rx1y = 0.891$; the growth rate of the initial cost of fixed assets, % (X3) - $rx3y = 0.711$; the growth rate of total costs for environmental protection, % (X6) - $rx6y = 0.839$; the growth rate of internal costs for research and development, % (X7) - $rx7y = 0.835$; the growth rate of the volume of research work performed, % (X7). x8) - $rx8y = 0.821$ [6, 7].

Table 2 – Pair correlation coefficient Matrix

Indicators	(Y)	(X1)	(X2)	(X3)	(X4)	(X5)	(X6)	(X7)	(X8)	(X9)	(X10)
(Y)	1										
(X1)	0,891	1									
(X2)	-0,324	-0,355	1								
(X3)	0,711	0,701	-0,392	1							
(X4)	0,44	0,305	-0,101	-0,173	1						
(X5)	0,65	0,648	-0,203	0,949	-0,277	1					
(X6)	0,839	0,826	-0,527	0,622	0,232	0,57	1				
(X7)	0,835	0,723	-0,339	0,556	0,437	0,536	0,82	1			
(X8)	0,821	0,812	-0,458	0,409	0,571	0,325	0,861	0,771	1		
(X9)	0,583	0,61	-0,196	0,854	-0,162	0,891	0,403	0,437	0,233	1	
(X10)	-0,141	-0,217	0,256	-0,002	-0,274	0,026	-0,1	-0,2	-0,206	-0,022	1

Source – authors’ self-development

Let's carry out the graphic analysis. (see Figure 3, Figure 4, Figure 5).

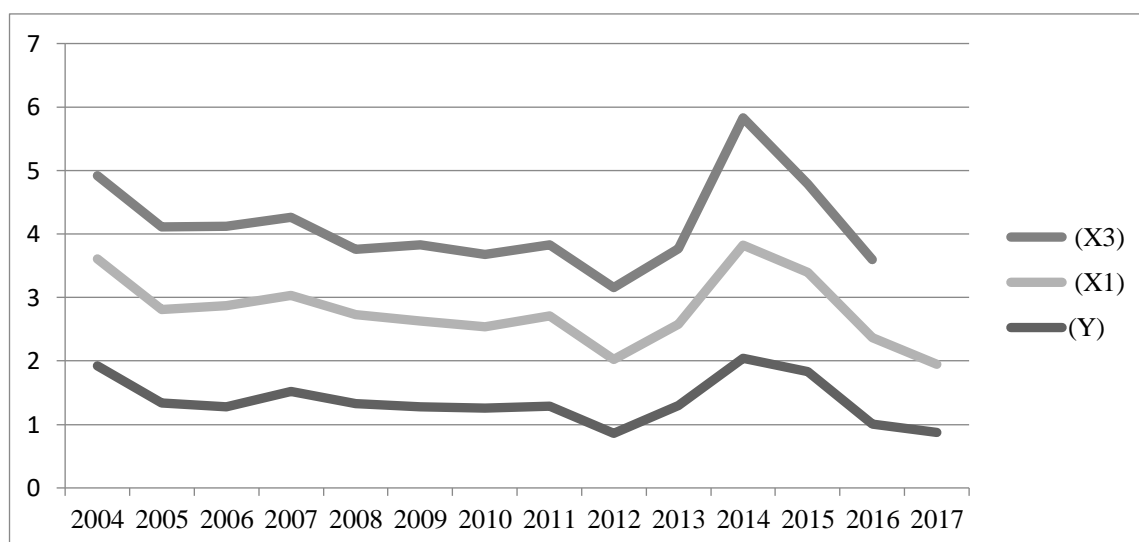

Figure 3 – Dynamics of growth rates of production of machinery, vehicles and equipment (Y) and growth rate of investments in fixed capital,% (X1), growth rate of initial cost of fixed assets,% (X3) from 2004 to 2017 years

Source – authors’ self-development

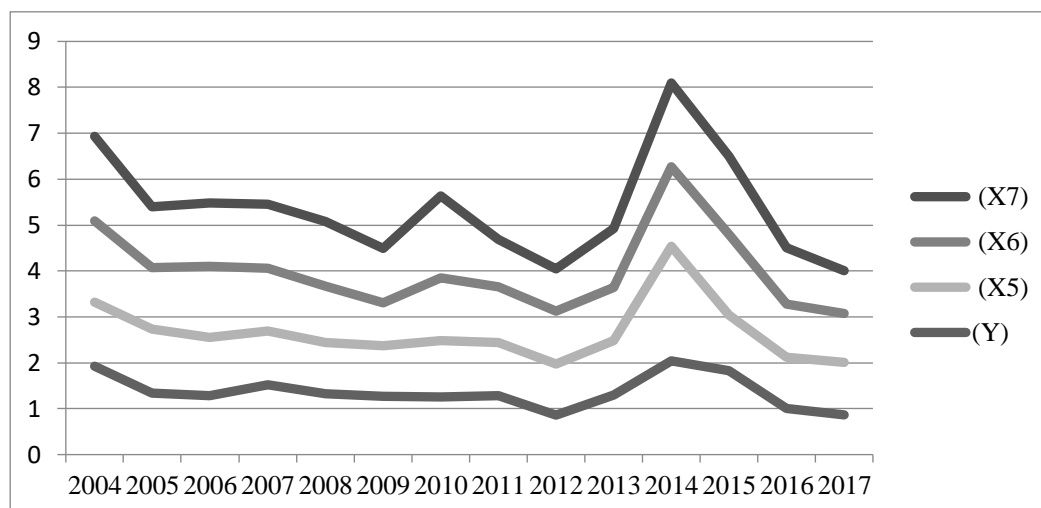

Figure 4 – Dynamics of growth rates of production of machinery, vehicles and growth rate of the index of prices of producers of industrial products, % (X5), the growth rate of total costs of environmental protection, % (X6), the growth rate of internal costs of research and development, % (X7) from 2004 to 2017 years

Source – authors' self-development

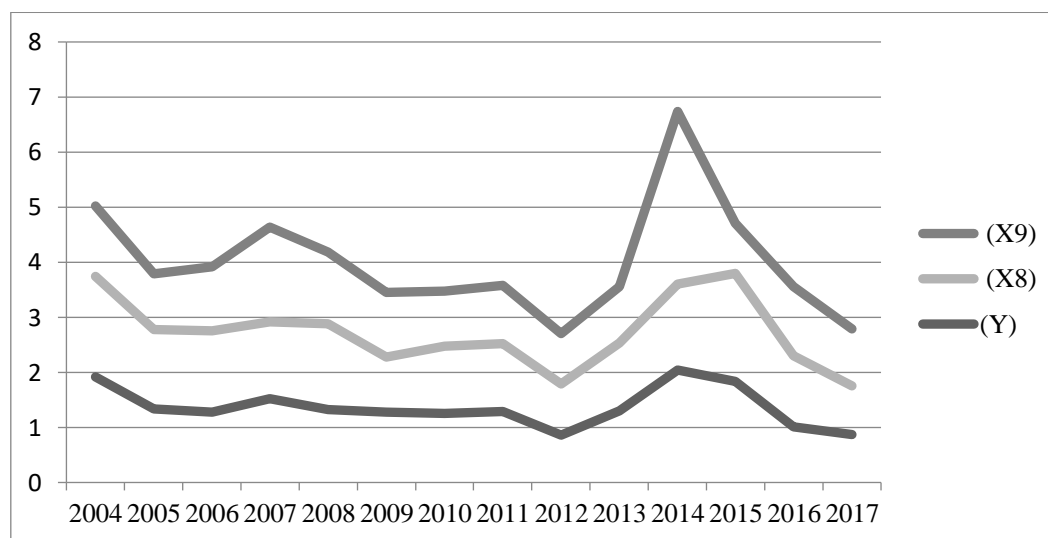

Figure 5 – Dynamics of growth rates of production of machinery, vehicles and equipment (Y) and the growth rate of the volume of research, % (X8), the growth rate of costs of industrial organizations for technological innovation, % (X9) from 2004 to 2017 years

Source – authors' self-development

Conclusion: Thus, the presented analysis results demonstrate that the selected exogenous model variables (X1, X3, X5, X6, X7, X8, X9) have similar development trends as the dependent variable (Y).

Based on the results of the analysis, the author constructed the following models describing the influence of exogenous variables on the development of the engineering industry:

1) the First model has the following form:

$$Y = -0,971 + 1,641X1 + E_i, i=1, \dots, n$$

In it, the growth rate of investments in fixed assets, % (X1) acts as an exogenous variable.

Conclusion:The first model is statistically significant, starting with a 20 per cent significance level, i.e. it is significant at both 10 and 5 per cent (see “Table 6 - Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the first model” “Table 7 - Analysis of variance in the first model”, Figure 8 -Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 1, where the growth rate of investments in fixed assets is an exogenous variable, % (X1) from 2004 to 2017).

Table 6 – Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the first model

Multiple R	0.891
R - square	0,793106821
The normalized R-squared	0,775865723
Standard error	0.170119445
Observations	14

Source – authors’ self-development

Table 7 – Analysis of variance in the first model

	df	SS	MS	F	F-significance			
Regression	1	1,3318	1,331	46,120	1,92685E-05			
Balance	12	0,3465	0,028					
Total	13	1,678						
	Coefficients	Standard error	T-statistics	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95%	Upper 95%
Y-intersection	-0,9719	0,3472	-2,79	0,016	-1,728	-0,215	-1,728	-0,215
Variable X1	1,64138	0,241	6,791	1,93E-05	1,1147	2,167	1,1147	2,1679

Source – authors’ self-development

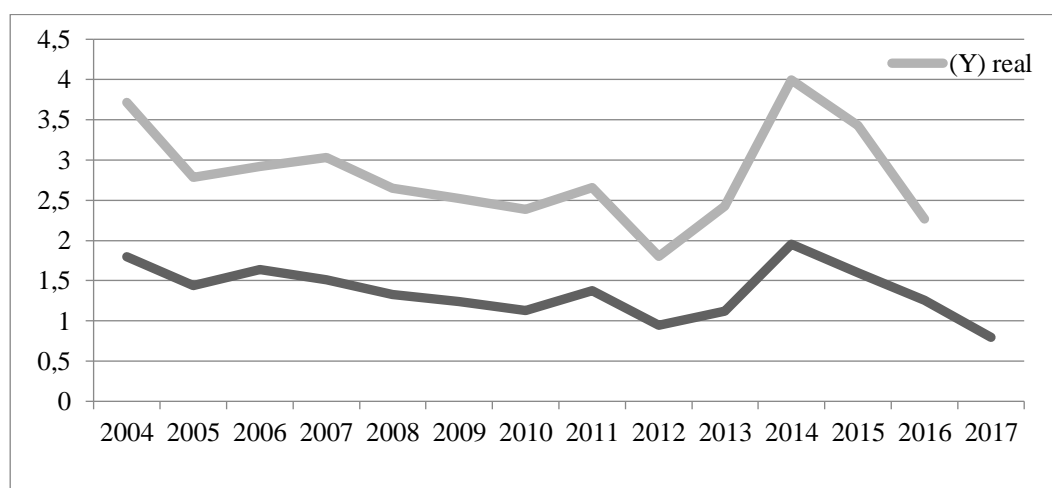

Figure 8 – Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 1, where the growth rate of investments in fixed assets is an exogenous variable, % (X1) from 2004 to 2017

Source – authors’ self-development

2) Model 2 shows the dependence of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment on the growth rate of investment, % (X1) and the growth rate of the original cost of fixed assets, % (X3):

$$Y = -0,989 + 1,42X1 + 0,263X3 + Ei, i=1, \dots, n$$

Table 9 – Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the second model

Multiple R	0,898871
R - square	0,807969
The normalized R-squared	0,773055
Standard error	0,171183
Observations	14

Source – authors' self-development

Table 10 – Analysis of variance in the second model

	df	SS	MS	F	F-significance			
Regression	2	1,3562	0,67812	23,141	0,000114			
Balance	11	0,322	0,0293					
Total	13	1,6785						
	Coefficients	Standard error	T-statistics	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95%	Upper 95%
Y-intersection	-0,9887	0,3502	-2,82	0,016	-1,759	-0,217	-1,759	-0,217
Variable X1	1,42015	0,341	4,1599	0,0015	0,668	2,171	0,6687	2,171
Variable X3	0,263	0,2854	0,922	0,375	-0,364	0,891	-0,364	0,891

Source – authors' self-development

Conclusion: the analysis of Variance shows that the variable X3 is statistically insignificant ($P\text{-value} = 0.376 > 0.05$) and, therefore, it should be excluded from the model.

3) Model 3 shows the impact of the growth rate of the initial cost of fixed assets, % (X3) on the development of the engineering industry:

$$Y = -0.016 + 1,096X3 + Ei, i=1, \dots, n$$

Table 11 – Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the third model

Multiple R	0,71124
R - square	0,505862
The normalized R-squared	0,464684
Standard error	0,262909
Observations	14

Source – authors' self-development

Table 12 – Analysis of variance in the third model

	df	SS	MS	F	F-significance			
Regression	1	0,8491	0,8491	12,2847	0,004342			
Balance	12	0,829	0,0691					
Total	13	1,678						
	Coefficients	Standard error	T-statistics	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95%	Upper 95%
Y-intersection	-0,015	0,4004	-0,039	0,969	-0,888	0,856	-0,888	0,856
Variable X3	1,0959	0,3126	3,504	0,0043	0,4146	1,777	0,414	1,777

Source – authors’ self-development

Conclusion: the analysis of Variance indicates the statistical insignificance of the free term (P-value = 0.969 > 0.05), which suggests that it can be excluded from the model. Thus, the model has the form:

$$Y = 1,096X3 + Ei, i=1, \dots n$$

Thus, the final model is significant at 5, 10 and 20 percent significance level (see “Table 11 - Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the third model” “Table 12 - Analysis of variance in the third model”, “Figure 13 - Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 3, where the growth rate of the initial cost of fixed assets is an exogenous variable, % (X3) from 2004 to 2017”).

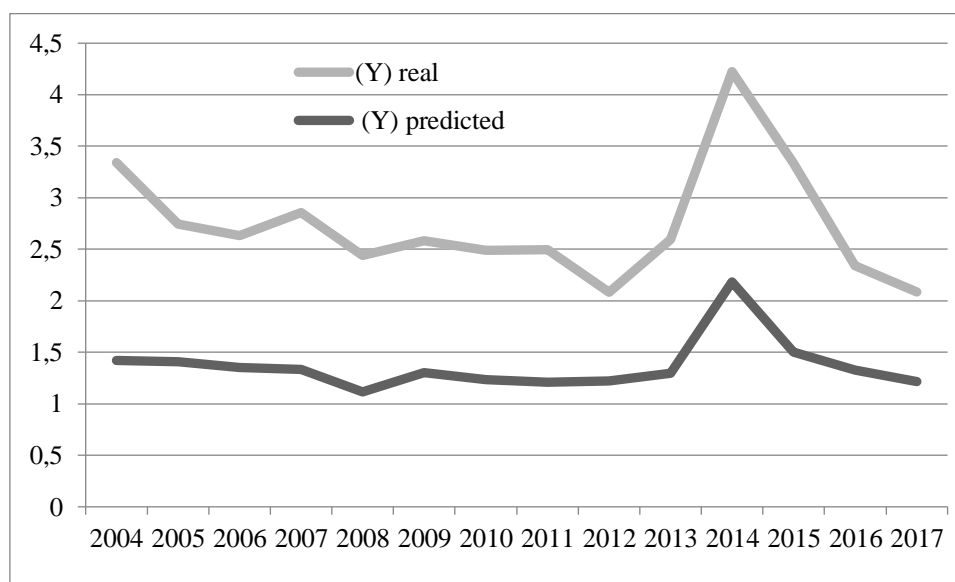

Figure 13 – Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 3, where the growth rate of the initial cost of fixed assets is an exogenous variable, % (X3) from 2004 to 2017

Source – authors’ self-development

4) Model 4 describes the impact of the growth rate of the initial cost of fixed assets, % (X3) and the growth rate of internal costs for research and development, % (X7) on the development of the engineering industry:

$$Y = -0.329 + 0,551X3 + 0,727X7 + Ei, I=1,...u$$

Table 14 – Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the fourth model

Multiple R	0,886251
R - square	0,785441
The normalized R-squared	0,74643
Standard error	0,180946
Observations	0,886251

Source – authors' self-development

Table 15 – Analysis of variance in the fourth model

	df	SS	MS	F	F-significance			
Regression	1	0,8491	0,8491	12,28	0,004342			
Balance	12	0,829	0,0691					
Total	13	1,678						
	Coeffi- cients	Standard error	T-statis- tics	P- value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95%	Upper 95%
Y-intersec- tion	-0,328	0,2877	-1,142	0,277	-0,96	0,3044	-0,96	0,3044
Variable X3	0,5510	0,2588	2,128	0,056	-0,018	1,120	-0,0187	1,1208
Variable X7	0,726	0,1919	3,785	0,003 0	0,3041	1,1490	0,3041	1,1490

Source – authors' self-development

Conclusion: all variables x of this model are significant at 20 and 10 percent significance levels, since $t_{0,2,12} = 1.3562$ and $t_{0,1,12} = 1.7823$, and the value of t for X3 in the model is 2,128, which is more than 1,3562 and 1,7823. Only for $v_{zt} = 1.1428$ and $P\text{-value} = 0.2774 > 0.05$, which indicates the statistical insignificance of the free term and that it can be excluded from the model (“Table 14 - Qualitative characteristics of the model and analysis of variance in the fourth model” “Table 15 - Analysis of variance in the fourth model”, “Figure 16 - Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 4, where the growth rate of the initial cost of fixed assets, % (X3) and the growth rate of internal costs for research and development, % (X7) are exogenous variables from 2004 to 2017”). Therefore, the resulting model has the form:

$$Y = 0,551X3 + 0,727X7 + Ei, I=1,...u$$

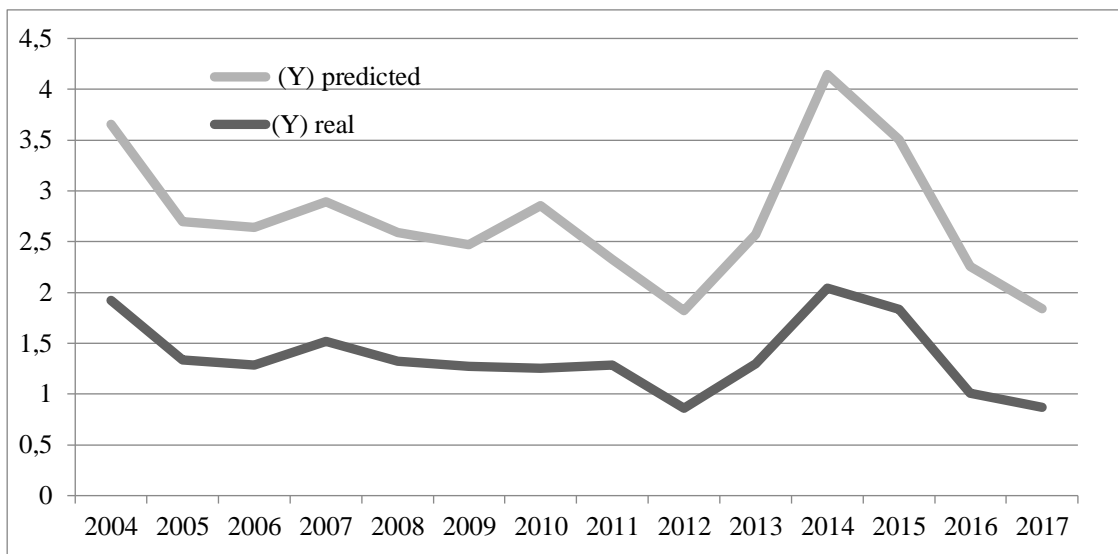

Figure 16 – Real and predicted values of the growth rate of production of machinery, vehicles and equipment (Y) in model 4, where the growth rate of the initial cost of fixed assets, % (X3) and the growth rate of internal costs for research and development, % (X7) are exogenous variables from 2004 to 2017

Source – authors' self-development

The author made similar calculations and analysis for other exogenous variables selected using the correlation matrix.

Thus, the regression analysis allowed the author to select the following models that describe in detail the dynamics of the machinery industry, depending on the factors, which directly influence it.

Based on the statistical significance of exogenous variables, the author has compiled and proposed the following systems of equations for different levels of significance: 20%, 10%, 5%, accordingly.

System of equations significant at 20, 10 and 5 percent level:

$$\left. \begin{aligned}
 Y_1 &= -0,971 + 1,641X1 + e_i, i=1, \dots, n \\
 Y_2 &= 1,096X3 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_3 &= 1,124X6 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y &= Y_4 = 0,954X7 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_5 &= -0,841 + 0,457X7 + 1,11X1 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_6 &= 0,944X8 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_7 &= 0,694X3 + 0.732X8 + E_i, i=1, \dots, n
 \end{aligned} \right\}$$

System of equations significant at 20, 10 percent level:

$$\begin{cases}
 Y_1 = -0,971 + 1,641X_1 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_2 = 1,096X_3 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_3 = 0,551X_3 + 0,727X_7 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_4 = -0,503 + 0,694X_3 + 0,732X_8 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y = Y_5 = 1,124X_6 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_6 = 0,954X_7 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_7 = -0,841 + 0,457X_7 + 1,11X_1 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_8 = 0,944X_8 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_9 = 0,503X_8 + 0,568X_7 + E_i, i=1, \dots, n
 \end{cases}$$

System of equations significant at 20 percent level:

$$\begin{cases}
 Y_1 = -0,971 + 1,641X_1 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_2 = 1,096X_3 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_3 = 0,551X_3 + 0,727X_7 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_4 = -0,503 + 0,694X_3 + 0,732X_8 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_5 = 1,124X_6 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y = Y_6 = 0,865X_6 + 0,477X_3 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_7 = 0,954X_7 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_8 = -0,841 + 0,457X_7 + 1,11X_1 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_9 = 0,944X_8 + E_i, i=1, \dots, n \\
 Y_{10} = 0,503X_8 + 0,568X_7 + E_i, i=1, \dots, n
 \end{cases}$$

Conclusion. 1. This system of equations clearly shows the extent to which each of the exogenous variables selected by the author on the basis of PEST-analysis, graphical analysis and correlation matrix has an impact on the development of machine-building complex of the Republic of Belarus. The system of econometric equations developed by the author demonstrates high quality characteristics, since all models have a high coefficient of determination ($R^2 \geq 0,7$) and a high level of significance. All models are statistically significant at 5, 10 and 20 per cent, respectively, indicating that the probability that the models are unreliable is only 0.05, 0.1 and 0.2.

2. Thus, the analysis allows us to conclude that the state should not only take into account macroeconomic factors, but also should purposefully influence them for the purpose of innovative development of the industrial sector of the economy, including the machine-building complex.

3. Thus, the results of the study can be used to assess and develop forecasts for the development of the machine - building industry of the Republic of Belarus in the short and medium term.

References

1. Machine building [Electronic resource]. – Mode of access: http://belarusfacts.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/engineering/ – Date of access: 01.12.2018.
2. Machine-building complex [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.economy-web.org/?p=336> – Date of access: 01.12.2018.
3. New resources of economic modernization: monograph / S. Yu. Solodovnikov [and oth.]. under the editorship of S. Yu. Solodovnikov. - Minsk: BNTU, 2016. - 324 p.

4. Korotkevich, L. M. Economy of the enterprise of the industry / L. M. Korotkevich. - Minsk: BNTU, 2015. - 118 p.

5. Rusak, E. S. enterprise Economics: answers to exam questions / E. S. Rusak, E. I. Sapelkina. - Minsk: Tetralite, 2014. - 144 p.

6. R – Correlation coefficients matrix [Electronic resource]. – Mode of access:

<https://www.mathworks.com/help/matlab/ref/corrcoef.html> – Date of access: 01.12.2018.

7. Understanding Correlation Matrix With Tools, Examples and Guided Sources [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.writeawriting.com/research/correlation-matrix/> – Date of access: 01.12.2018.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2019 года

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Ф. Байнев

baynev@bsu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой инновационного менеджмента
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

О. С. Близнюк

olgabliznyuck@yandex.ru

преподаватель кафедры инновационного менеджмента
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Машиностроительный комплекс Республики Беларусь играет особую роль в промышленности страны. Данная статья посвящена построению прогнозных моделей роста машиностроительного комплекса Республики Беларусь на основе факторов, непосредственно оказывающих на его влияние. При написании статьи авторы использовали такие инструменты, как PEST-анализ, корреляционный анализ, графический анализ и моделирование.

Ключевые слова: машиностроительный комплекс, моделирование, темп роста, корреляционная матрица, PEST-анализ, графический анализ.

References

1. Машиностроение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belarusfacts.by/ru/belarus/economy_business/key_economic/engineering/ – Дата доступа: 01.12.2018.

2. Машиностроительный комплекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy-web.org/?p=336> – Дата доступа: 01.12.2018.

3. Новые ресурсы экономической модернизации / С. Ю. Солодовников [и др.]; под ред. С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2016. – 324 с.

4. Экономика предприятия промышленности: пособие / Л. М. Короткевич. – Минск:

БНТУ, 2015 – 118 с.

5. Русак, Е. С. Экономика предприятия : ответы на экзаменационные вопросы / Е. С. Русак, Е. И. Сапелкина. – Минск : Тетралит, 2014.

6. R – Correlation coefficients matrix [Electronic resource]. – Mode of access: www.mathworks.com/help/matlab/ref/corrcoef.html – Date of access: 01.12.2018.

7. Understanding Correlation Matrix With Tools, Examples and Guided Sources [Electronic resource]. – Mode of access: www.writeawriting.com/research/correlation-matrix/ – Date of access: 01.12.2018.

УДК 338.242 (465)

ББК 65.050

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОДОПРОВОДНО-
КАНАЛИЗАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА****Ю.В. Мелешко**

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Т. В. Сергиевич

serhiyevich@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию системы внешних и внутренних факторов, обуславливающих развитие водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь. Данный сектор экономики остро нуждается в проведении системной модернизации, научное обоснование которой должно включать в себя выявление и анализ факторов внешней и внутренней среды ВКХ. Исследование особенностей социально-экономического развития Республики Беларусь и специфики водопроводно-канализационного хозяйства как самостоятельного вида экономической деятельности позволило структурировать внешние и внутренние факторы развития системы водоснабжения и водоотведения в жилищно-коммунальном хозяйстве Республике Беларусь, а также выявить и проанализировать риски, которые могут возникнуть при проведении модернизации данной системы и требующие учета при разработке ее направлений.

Ключевые слова: модернизация экономики, водопроводно-канализационное хозяйство, риски, факторы развития, водопроводно-канализационные услуги, устойчивое развитие.

Введение. Модернизация водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь должна базироваться на тщательном и глубоком анализе условий и особенностей ее функционирования. Научное обоснование выбора направлений и инструментов развития является обязательным условием успешного совершенствования системы хозяйствования в сфере водопроводно-канализационных услуг. Разработка научно-обоснованной концепции развития водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь требует проведения исследований внешних и внутренних факторов в контексте развития национальной экономики.

Развитие ВКХ представляет собой динамичный процесс, включающий в себя формирование, функционирование и эволюцию. Это непрерывный, непрекращающийся процесс, который не может быть рассмотрен в статике, а затем уже в динамике. В связи с этим нами не будут выделяться факторы, обуславливающие формирование водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, и факторы, предопределяющие его развитие. Под факторами, обуславливающими развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, нами будут пониматься экологические, социальные и экономические феномены, непосредственно влияющие на функционирование и развитие ВКХ.

Исходя из степени возможного влияния со стороны самой системы водопроводно-канализационного хозяйства на факторы, обуславливающие его развитие, их можно условно разделить на две группы: внешние и внутренние. Под внешними факторами понимаются такие экологические, социальные и экономические процессы, которые, во-первых, являются внешними по отношению к водопроводно-канализационному хозяйству, и, во-вторых, реально предопределяют функционирование и развитие данного хозяйства. В свою очередь, под внутренними факторами понимаются социальные и экономические процессы внутреннего по отношению к водопроводно-канализационному хозяйству происхождения. Внешние и внутренние факторы тесно связаны друг с другом и разделяются лишь условно. Степень влияния разных факторов не одинакова и зависит от социально-экономического развития региона и отраслевой специфики.

Результаты и их обсуждение. Внешние по отношению к системе водопроводно-канализационного хозяйства факторы создают среду, в которой возникают, существуют и развиваются предпосылки и причины развития ВКХ Беларуси. Опосредованный характер такого воздействия не означает, что влияние внешних факторов незначительно. Скорее речь следует вести о том, что воздействие внешних факторов зачастую имеет временной лаг. Внешние факторы характеризуются подвижностью, взаимосвязанностью, неоднородностью (различной силой и темпами влияния) на водопроводно-канализационное хозяйство. К внешним факторам, обуславливающим развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, следует отнести:

– геоэкономические факторы. «Реальностью современного мирового экономического порядка, – подчеркивает С. Ю. Солодовников, – стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций. Последние выходят из-под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено)» [1, с. 19]. Глобальная либерализация рынков товаров и услуг и концентрация капитала привели к централизации международного рынка водно-коммунального хозяйства. А. Б. Бахмат, анализируя мировой опыт управления водопроводно-канализационным хозяйством, отмечает, что «сектор ВКХ высоко концентрирован – практически все контракты по делегированному управлению системами ВиК (*водоотведения и канализации* – примечание Ю. М., Т. С.) распределены между 10 крупными частными транснациональными корпорациями (ТНК), преимущественно французскими и английскими холдингами» [2, с. 83]. Французская ТНК Veolia Environment, оказывающая водопроводные и канализационные услуги более 132 млн. чел. в 60 странах мира, получила контроль над значительной долей мирового рынка путем приобретения активов местных компаний. Специалисты отмечают, что не только во Франции, но и в ряде развивающихся стран, конкуренция за право управлять системами водоснабжения и канализации является формальной, т.к. происходит только между дочерними предприятиями трех французских холдингов по водоснабжению.

Ожидания того, что открытие национальных рынков для ТНК автоматически повлечет за собой активизацию международного трансфера новых и новейших технологий (в данном случае импорта), зачастую оказываются неоправданными. Как справедливо отмечает по этому поводу Л. П. Васюченко, «реально обладающие неявным знанием экономические агенты (фирмы, научно-исследовательские учреждения, отдельные индивидуумы-изобретатели и т.д.) при прочих равных условиях отнюдь не стремятся делиться им, прекрасно отдавая себе отчет в том, что любая инновационная технология предоставляет конкурентные преимущества на рынке» [3, с. 16]. Как показала международная практика, приход на национальный рынок ТНК приводит к значительному, зачастую

необоснованному повышению тарифов на водопроводные и канализационные услуги (в некоторых случаях в 3-4 раза), а также территориально неравномерной обеспеченности водными услугами (в сфере интересов ТНК только крупные промышленные города – с населением более 100 тыс. чел. и с высоким уровнем доходов). При этом рост цен на воду не ведет к повышению качества услуг предприятий водоснабжения: качество питьевой воды не улучшается, потери воды не снижаются.

Глобализация рынка водопроводно-коммуникационных услуг на сегодняшний день лишь косвенно оказывает влияние на развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси. Усиление процессов глобализации и регионализации, существующие глобальные цивилизационные, технологические и политико-экономические тенденции выдвигают все новые и новые требования к системе водопроводно-канализационного хозяйства в контексте повышения конкурентоспособности национальной экономики и отдельных обслуживающих организаций. Вместе с тем, при выработке стратегии развития водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси необходимо учитывать возможные риски, связанные с открытием внутреннего рынка для зарубежных инвесторов, поскольку «возрастание активности и силы ТНК и невозможность самоизоляции государств в современном мире» [4, с. 47] является одним из основных атрибутивных признаков современных международных экономических отношений;

– тотальная модернизация белорусской экономики. В условиях сильного белорусского государства стало возможным реализовывать развитую систему государственного регулирования и мобилизовывать экономические ресурсы для проведения модернизации. Сегодня кризис водопроводно-канализационного хозяйства очевиден: высокая фондоемкость и энергоемкость, изношенность инженерной инфраструктуры, перекрестное субсидирование и государственные дотации. Существующие проблемы могут быть решены только при условии коренной организационно-управленческой модернизации водопроводно-канализационного хозяйства, что не может быть осуществлено без активного государственного участия. «Отказ от инерционных стратегий развития старых отраслей стимулирует процесс деbüroкратизации производств, снижения их ресурсоемкости, повышения технологической гибкости и экологической сбалансированности, сокращение потребности в дешевой рабочей силе и связанных с ней социальных проблем» [5, с. 64]. Наличие политической воли при этом является необходимым условием реорганизации отрасли, создания новых экономических механизмов функционирования водопроводно-канализационного хозяйства, на основе которых может быть реализована дальнейшая либерализация рынка водопроводно-канализационных услуг. Состоявшийся в октябре 2017 г. республиканский семинар на тему «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны» [6] свидетельствует об активной позиции органов государственного управления в отношении проблематики жилищно-коммунального хозяйства, в том числе водопроводно-канализационного хозяйства. Тем не менее, организационно-управленческая модернизация представляет собой продолжительный процесс и требует последовательного государственного регулирования;

– социальная направленность экономического развития Республики Беларусь. Водно-коммунальное хозяйство относится к социально-значимым видам деятельности. Обеспечение населения качественными и в достаточных объемах водопроводными и канализационными услугами относится к удовлетворению основных жизненных потребностей граждан. От успешного функционирования водоснабжения и водоотведения зависит социальная и экономическая стабильность страны, повышение качества жизни населения, а также экономическая и экологическая безопасность по водному фактору.

Исходя из социальной ориентированности национальной экономической модели развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси осуществляется в соответствии с принципом баланса экономических интересов предприятий данной отрасли и водопользователей;

– научно-техническая политика Республики Беларусь. В стране проводится активная научно-техническая политика, направленная на формирование экономики знаний, создание новых производств передовых технологических укладов, интенсивное технологическое обновление базовых секторов экономики и внедрение передовых технологий во все сферы жизнедеятельности общества. Развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси необходимо осуществлять в соответствии с обозначенными направлениями. Для водопроводно-канализационного хозяйства актуальной задачей является технико-технологическая модернизация инженерной инфраструктуры и развитие рынка водных технологий, в том числе за счет адаптации зарубежных технологий. Инструменты и мероприятия национальной научно-технической политики могут быть использованы и при развитии водопроводно-канализационного хозяйства. Например, опыт формирования институциональной инфраструктуры в виде технопарков или кластерных объединений в сфере промышленности может быть полезен для активизации трансфера технологий на рынке водопроводных и канализационных услуг. Особое значение имеет проблематика финансирования модернизации водопроводно-канализационного хозяйства, для решения которой целесообразным будет использовать имеющиеся инновационные фонды (республиканский и областные);

– экологическая политика Республики Беларусь. Направления экологической политики разрабатываются на базе концепции устойчивого развития, в основе которой лежит гармонизация социального, экономического и экологического развития как равноценных взаимодополняющих составляющих в едином сбалансированном комплексе «человек–окружающая среда–экономика». Как справедливо отмечает С. Ю. Солодовников, «сегодня сутью концепции устойчивого развития является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека» [7, с. 58]. В рамках принятой Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. в качестве целей устойчивого развития определены: обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех; создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям; обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов; обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства [8]. На фоне активизации экологических инициатив в Беларуси контроль за соблюдением экологических норм при водозаборе, очистке и сбросе канализационных отходов будет ужесточаться. Экономное использование и сокращение непроизводительных потерь воды, защита окружающей среды и предотвращение истощения источников водоснабжения, защита от загрязнений являются первоочередными задачами экологической политики водопользования. Кроме того, при функционировании и развитии водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси следует учитывать возможный трансграничный перенос загрязняющих веществ на территорию Республики Беларусь водными потоками, что требует предусмотреть дополнительные меры по мониторингу состояния водных ресурсов. Стратегической же задачей экологической политики по водному фактору выступает обеспечение в долгосрочной перспективе устойчивого водопользования, гарантированного права нынешнего и будущих поколений на обеспеченность водными ресурсами;

– заинтересованность водопользователей. От степени заинтересованности водопользователей также зависит успешность проведения модернизации водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси. Мотивация потребителя может быть основана на экономических стимулах (оплата только той части услуг, которые были использованы непосредственно этим субъектом) или на активной гражданской позиции (защита окружающей среды). В любом случае, являясь активными участниками, потребители, как граждане, так и субъекты хозяйствования, могут ускорить внедрение инновационных технологий в сфере коммунального водного хозяйства.

В качестве внутренних факторов, обуславливающих развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, следует выделить:

– системное научное сопровождение модернизации. Модернизация водопроводно-канализационного хозяйства должна сопровождаться научным обоснованием каждого ее этапа. Это позволит обеспечить всесторонний учет рисков и угроз, возникающих при ее проведении, а также объективную оценку эффективности данных процессов. В противном случае резервы повышения эффективности функционирования водопроводно-канализационного хозяйства будут использованы не в полной мере и неизбежно будут иметь место экономические, экологические и социальные потери. Например, А. Воротников отмечает, что «снижение водопотребления хорошо лишь до определенного уровня. Излишняя экономия воды приводит к удорожанию эксплуатации очистных сооружений» [9, с. 20]. Системное научное сопровождение модернизации водопроводно-канализационного хозяйства позволит избежать таких ошибок;

– институциональные факторы. Сложившаяся в Беларуси организационно-управленческая система ВКХ является на сегодняшний день неэффективной, что во многом объясняется ее децентрализованностью, препятствующей ускоренному накоплению социального капитала. «В современном глобализирующемся мире ни одно государство не может обеспечить свое устойчивое социально-эколого-экономическое развитие без непрерывного роста социального потенциала общества в целом, групп и классов в него входящих, отдельных индивидов. Увеличение социального потенциала на всех уровнях – важнейшая предпосылка усиления социально-экономической жизнеспособности» [10, с. 2–3]. Отсутствуют экономические и административные стимулы к снижению стоимости водопроводно-канализационных услуг и повышению эффективности эксплуатации систем водоснабжения и канализации как у предприятия водопроводно-канализационного хозяйства, так и у собственника сетей (местных органов управления). В связи с этим «организационно-управленческая реформа должна происходить не только на уровне отдельных предприятий ВКХ, но и на уровне всех (заинтересованных – примечание Ю. М., Т. С.) органов власти» [11]. Требуется формирование новой институциональной среды и системы управления, способствующей устойчивому развитию водопроводно-канализационного хозяйства и минимизации издержек. Важной составляющей станет совершенствование финансовой и производственной деятельности предприятий данной отрасли, повышение их хозяйственной самостоятельности путем наделения дополнительными полномочиями и введением в систему частного права;

– кадровые ресурсы. Перспективы модернизации водопроводно-канализационного хозяйства напрямую зависят от количества и качества рабочей силы, которая может быть использована в этом процессе: «сегодня стало очевидным, что инновационное развитие белорусской экономики возможно лишь на основе более рационального использования трудовых ресурсов» [12, с. 2]. Имеет значение не только наличие трудовых ресурсов как таковых, но и их качество, то есть необходимая квалификация и готовность обучаться в соответствии с требованиями, изменяющимися вслед за технологиями. «В условиях изменения содержания и характера труда, трансформации социальной структуры

общества, появления новых профессий, изменений требований, предъявляемых к работнику XXI века, остро стоит проблема создания мотивационной системы работника» [13, с. 53]. Иными словами, повышение эффективности использования трудовых ресурсов напрямую зависит от системы мотивации, которая в сфере водопроводно-канализационного хозяйства также требует изменений в сторону усиления личной заинтересованности руководства и сотрудников в результатах работы обслуживающих организаций;

– состояние технико-технологической базы водопроводно-канализационного хозяйства. Отличительной чертой водопроводно-канализационного хозяйства является высокая степень износа сетей и инженерных сооружений систем водоснабжения и водоотведения. Это обуславливает высокие показатели потерь воды при транспортировке и иных потерь. Проводимые ремонтные работы позволили добиться снижения общих потерь с 117 млн. м. куб. в 2000 г. до 57,8 млн. м. куб. в 2017 г. (с 6,2% от общего доступного объема пресной воды до 4,1%). Однако доля прочих потерь, неучтенных расходов и воды не для использования выросла с 3,4% (65,4 млн. м. куб.) в 2000 г. до 5,3% (75,1 млн. м. куб.) в 2017 г. [14]. Изношенность инженерной инфраструктуры приводит к дополнительным расходам на частые экстренные ремонты, затраты на которые значительно превышают плановое техническое обслуживание. Кроме того, физический и моральный износ сетей и сооружений водопроводно-канализационного хозяйства определяет в качестве одного из основных направлений развития данной отрасли технико-технологическую модернизацию;

– имеющиеся материально-технические и технологические резервы. Использование инженерной инфраструктуры водопроводного и канализационного хозяйства без ее модернизации на протяжении длительного времени привело к истощению внутренних материально-технических и технологических ресурсов. Это обуславливает необходимость как минимум частичного импорта оборудования и технологий (или их адаптации) при одновременном развитии отечественных технологий;

– инвестиционные ресурсы. Техничко-технологическая модернизация водопроводно-канализационного хозяйства требует значительных инвестиционных ресурсов, которыми ни обслуживающие предприятия водопроводно-канализационного хозяйства, ни собственники сетей (местные органы управления) не располагают. Финансирование развития водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси не может быть осуществлено и за счет прямых субсидий из республиканского бюджета, поскольку это будет означать отток средств от иных отраслей хозяйства, например, промышленного сектора, модернизация которого является первоочередной задачей для нашей страны. С учетом высокого морального и физического износа сетей и оборудования водопроводно-канализационного хозяйства технико-технологическая модернизация водопроводно-канализационного хозяйства будет кардинальной, то есть носить инновационный характер. Это дает возможность поиска финансирования со стороны обслуживающих предприятий в республиканском и областных инновационных фондах. Кроме того, для модернизации, реконструкции и технического перевооружения объектов водоснабжения и водоотведения могут быть использованы кредитные средства, в том числе международных кредитно-финансовых организаций;

– запасы пресной воды, их территориальное расположение и глубина залегания. Республика Беларусь на данный момент полностью обеспечивает себя водными ресурсами. При этом как экспорт, так и импорт находится на нулевом уровне. Объем же добываемой (изъятой) воды из природных источников за 17 лет сократился более чем вдвое: с 2,8 млн. м. куб. в 1990 г. до 1,3 млн. м. куб. в 2017 г. [14]. Такой результат был достигнут за счет повышения эффективности использования водных ресурсов и положительно скажется на сохранении резервов национальных водных ресурсов. Вместе с тем,

до настоящего времени отсутствуют точные данные об имеющихся запасах пресной воды, что значительно усложняет долгосрочное планирование развития водопроводно-канализационного хозяйства.

Проведенный анализ внешних и внутренних факторов позволяет выделить ряд рисков, возникающих при модернизации системы водоснабжения и водоотведения в жилищно-коммунальном хозяйстве Республике Беларусь и требующих учета при разработке направлений модернизации, а именно:

– риск прекращения проведения последовательной государственной политики, направленной на модернизацию водопроводно-канализационного хозяйства. Угроза наступления данного риска заключается в нарушении комплексности, целостности и последовательности проведения модернизации ВКХ Беларуси;

– риск недостатка финансирования. Недостаток финансирования, его нерегулярность или частичность поставит под угрозу проведение модернизации водопроводно-канализационного хозяйства;

– риск отсутствия системного научного сопровождения модернизации. В случае отсутствия системного научного сопровождения модернизации водопроводно-канализационного хозяйства появляется угроза возникновения дополнительных экономических, экологических и социальных потерь, обусловленных фрагментарностью, непоследовательностью и несогласованностью модернизационных мероприятий;

– экологические риски, связанные с истощением и (или) загрязнением водных ресурсов, в том числе при трансграничном переносе. В случае ухудшения экологического состояния водных ресурсов возникает угроза реализации концепции устойчивого водопользования. В случае же чрезвычайных происшествий, связанных с единовременным загрязнением водных источников, подвергаются угрозе здоровье и жизнь населения, в связи с чем экологические риски представляются особенно опасными;

– риск снижения уровня удовлетворенности потребностей водопользователей. Недопотребление воды как гражданами, так и хозяйствующими субъектами представляется угрозой экономической и социальной безопасности страны по водному фактору. Негативные последствия отразятся на наиболее зависимых от воды видах деятельности (пищевая промышленность, химическая промышленность, сельское хозяйство), а также на здоровье и уровне жизни населения;

– риск прихода транснациональных корпораций. Основная угроза прихода на национальный рынок водопроводно-канализационных услуг транснациональных корпораций заключается в потере контроля над стратегически ресурсом, важным с точки зрения экологической, социальной и экономической безопасности, – водой. В случае, если основным субъектом, оказывающим водопроводно-канализационные услуги, будет ТНК, проведение модернизационной политики в сфере водного коммунального хозяйства будет в целом затруднено. Поскольку целью деятельности ТНК является получение прибыли, то появляются угрозы снижения уровня жизни населения, истощение экологических ресурсов страны, технологической зависимости. Иностранцы стремятся осуществлять деятельность на основе своих научно-технических решений, что негативно скажется на развитии в стране соответствующих научных направлений и отраслей промышленности, а также на реализации национальной стратегии импортозамещения. Это приведет к консервации научно-технического уровня нашей страны в области водных и канализационных услуг и, как следствие, в долгосрочной перспективе, срыву программы модернизации водопроводно-канализационного хозяйства;

– риск научно-технического отставания. В основе модернизации водного коммунального хозяйства Беларуси заложено использование инновационных техники и техно-

логий водоснабжения и водоотведения. Критически важным при этом является сохранение и развитие отечественных научно-технических школ в данном направлении, чему будет способствовать рост финансирования отечественной науки в нашей стране в русле общемировой тенденции увеличения объема внутренних затрат на научные исследования и разработки. Данный показатель «в размере 1,6% (включая бюджетные и внебюджетные затраты) следует рассматривать как минимально необходимый. С целью обеспечения расширенного воспроизводства и устойчивых конкурентоспособных преимуществ целесообразно постепенно наращивать расходы на научную, научно-техническую и инновационную деятельность и к 2020 году обеспечить долю внутренних затрат на научные исследования и разработки на уровне 1,6%, а через 10 лет достигнуть уровня данного показателя в 2,5–3%» [15, с. 16]. Даже в случае импорта технологий (полный отказ от импорта нецелесообразен) наличие отечественных ученых-специалистов в сфере ВКХ является обязательным условием, поскольку только они смогут объективно оценить целесообразность приобретения зарубежной техники и технологий;

– риск несоответствия действующих институциональной и организационно-управленческой систем практическим потребностям субъектов хозяйственной деятельности. Эффективность модернизации водопроводно-канализационного хозяйства зависит от согласованности интересов и действий субъектов на всех уровнях (органа управления, собственником инфраструктуры и обслуживающих организаций), что в свою очередь определяется институциональной средой и уровнем накопленного социального капитала. В случае наступления этого риска возникает угроза дальнейшей деградации водопроводно-канализационного хозяйства и неэффективности проведения мероприятий по его модернизации;

– риск нехватки кадровых ресурсов. Речь идет в первую очередь о качестве управленческого и рабочего персонала, требования к которым изменяются вслед за технологиями водопроводных и канализационных услуг. Отставание в подготовке персонала требуемого уровня квалификации приведет к снижению эффективности проводимой модернизации. Недостаточный уровень компетенции управленческого персонала ставит под угрозу получение финансирования в рамках грантов и инновационных проектов, в особенности международных, поскольку такая система финансирования требует качественной подготовки документации и предоставление детально проработанных бизнес-планов;

– риск недостаточной мотивации трудовых коллективов. В случае недостаточной мотивации трудовых коллективов возникает угроза нереализации или формальной реализации проводимых мероприятий по модернизации водопроводно-канализационного хозяйства;

– риск нехватки мотивации водопользователей. Как в случае с нехваткой мотивации трудовых коллективов, при нехватке мотивации у пользователей водопроводно-канализационного хозяйства в его модернизации возникает угроза нереализации или формальной реализации проводимых мероприятий по модернизации;

– риск выхода из строя сетей и инженерных сооружений систем водоснабжения и водоотведения. Выход из строя технико-технологической базы водопроводно-канализационного хозяйства сопряжен, с одной стороны, с угрозой неудовлетворения потребностей водопользователей, с другой стороны – с угрозой дополнительных незапланированных расходов субъектов хозяйствования, которые, как правило, более значительные, чем потребовались бы для планового ремонта.

Выводы. Учитывая особенности социально-экономического развития Республики Беларусь, а также отличительные характеристики водопроводно-канализационного хозяйства как самостоятельного вида экономической деятельности в качестве внешних

факторов, обуславливающих развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, следует выделить: геоэкономические факторы, тотальную модернизацию белорусской экономики, социальную направленность экономического развития Республики Беларусь, научно-техническую политику Республики Беларусь, экологическую политику Республики Беларусь, заинтересованность водопользователей. К внутренним факторам, обуславливающим развитие водопроводно-канализационного хозяйства Беларуси, относятся: системное научное сопровождение модернизации, институциональные факторы, кадровые ресурсы, состояние технико-технологической базы водопроводно-канализационного хозяйства, материально-технические и технологические резервы, инвестиционные ресурсы, запасы пресной воды и их территориальное расположение.

При выработке направлений модернизации системы водоснабжения и водоотведения в жилищно-коммунальном хозяйстве Республике Беларусь следует принимать во внимание следующие риски: риск прекращения проведения последовательной государственной политики, риск недостатка финансирования, риск отсутствия системного научного сопровождения модернизации, экологические риски, риск снижения уровня удовлетворенности потребностей водопользователей, риск прихода транснациональных корпораций, риск научно-технического отставания, риск нехватки кадровых ресурсов, риск недостаточной мотивации трудовых коллективов, риск нехватки мотивации водопользователей, риск выхода из строя сетей и инженерных сооружений систем водоснабжения и водоотведения.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5: Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія.* – 2011. – № 2 (120). – С. 10–25.
2. Бахмат, А. Б. Привлечение частного капитала посредством делегированного управления в коммунальное водное хозяйство / А. Б. Бахмат // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки.* – 2010. – №10. – С.82–92.
3. Васюченко Л. П. Трансфер технологий как экономический ресурс / Л. П. Васюченко // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ.* – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 15–22.
4. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ.* – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
5. Социальное предпринимательство как форма капитализации творческих и инновационных ресурсов: опыт, проблемы, перспективы: монография / С. Ю. Солодовников [и др.] ; под ред. С.Ю. Солодовникова. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – 182 с.
6. Выступление на республиканском семинаре на тему «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны». 20 октября 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/plenarnoe-zasedanie-respublikanskogo-seminara-o-sovershenstvovanii-i-razvitiizhilischno-kommunalnogo-17347/. – Дата доступа: 15.12.2018.
7. Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // *Вестник КРАГСиУ. Серия Теория и практика управления.* – 2017. – № 18 (23). – С. 56–63.
8. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. : одобрена Национальной комиссией по устойчивому развитию Респ.Бел. (прот. № 11/15 ПР от 6 мая 2004 г.) и Президиумом Совета Министров Республики Беларусь (прот. № 25 от 22 июня 2004 г.) /Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Бел.; Редколлегия: Я.М. Александрович и др. – Мн.: Юнипак. – 200 с.
9. Воротников, А. Берега возможностей /

А. Воротников // Живи Как Хозяин. – 2018. – № 9 (144). – С. 18–21.

10. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С 2–9.

11. Гуринович, А. Д. Водоснабжение и канализация. Проблемы и решения [Электронный ресурс] / А. Д. Гуринович // Строительство и недвижимость. – Режим доступа: <http://www.nestor.minsk.by/sn/2008/04/sn80403.html>. – Дата доступа: 12.11.2018.

12. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. ПГУ Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

13. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-

образовательный центр «Технологии товаро-ведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»: сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50-55.

14. Официальная статистика. Водные ресурсы [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovместnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii/2/c-vodnye-resursy/c-3-vodopotreblenie/. – Дата доступа: 11.12.2018.

15. Мелешко, Ю.В. Формирование благоприятной среды развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестн. ПГУ Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2018. – № 6. – С. 15–18.

Статья поступила в редакцию 2 января 2019 года

RESEARCH OF SOCIO-ECONOMIC CONDITIONALY OF WATER AND SEWAGE ECONOMY DEVELOPMENT

Yu. V. Meleshko

meleshkojv@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department of Economics and Law

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

T. V. Serhiyevich

serhiyevich@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the research of the system of external and internal factors causing the development of water supply and sewage facilities of the Republic of Belarus. This sector of the economy needs of the systemic modernization. Its scientific support should include the identification and analysis of factors of the external and internal environment of the water and sewage economy. The study of the characteristics of the socio-economic development of the Republic of Belarus and the specifics of the water and sewage economy as an independent type of economic activity allowed structuring external and internal factors for the development of a water supply and wastewater system in the housing and utilities sector of the Republic of Belarus, as well as identifying and analyzing the risks that may arise during modernization of the system and requiring consideration in the development of its areas.

Keywords: *modernization of the economy, water and sewage economy, risks, development factors, water and sewage services, sustainable development.*

References

1. Solodovnikov, S. Ju. Civilizacija, kul'tura, jekonomicheskaja sistema obshhestva i institucional'nye matricy: fenomenologicheskaja priroda i vzaimoobuslovlennost' / S. Ju. Solodovnikov // Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 5: Jekonomika. Sacyjalogija. Bijalogija. – 2011. – № 2 (120). – S. 10–25.
2. Bahmat, A. B. Privlechenie chastnogo kapitala posredstvom delegirovannogo upravlenija v kommunal'noe vodnoe hozjajstvo / A. B. Bahmat // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2010. – №10. – S. 82–92.
3. Vasjuchenok L. P. Transfer tehnologij kak jekonomicheskij resurs / L. P. Vasjuchenok // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2015. – Vyp. 3. – S. 15–22.
4. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija social'nogo kapitala kak politiko-jekonomicheskogo fenomena / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 5. – S. 6–56.
5. Social'noe predprinimatel'stvo kak forma kapitalizacii tvorcheskih i innovacionnyh resursov: opyt, problemy, perspektivy: monografija / S. Ju. Solodovnikov [i dr.] ; pod red. S. Ju. Solodovnikova. – Syktyvkar : GOU VO KRAGSiU, 2017. – 182 s.
6. Vystuplenie na respublikanskom seminare na temu «O sovershenstvovanii i razvitii zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva strany». 20 oktjabrja 2017 goda [Jelektronnyj resurs] // Oficial'nyj Internet-portal Prezidenta Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/plenarnoe-zasedanie-respublikanskogo-seminara-o-sovershenstvovanii-i-razvitii-zhilishhno-kommunal'nogo-17347/. – Data dostupa: 15.12.2018.
7. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomicheskij rost i istinnye investicii: sushhnost' i vzaimoobuslovlennost' / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik KRAGSiU. Serija «Teorija i praktika upravlenija». – 2017. – № 18 (23). – S. 56–63.
8. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Belarus' na period do 2020 g. : odobrena Nacion-
al'noj komissiej po ustojchivomu razvitiju Respubliki Belarus' (prot. № 11/15 PR ot 6 maja 2004 g.) i Prezidiumom Soveta Ministrov Respubliki Belarus' (prot. № 25 ot 22 ijunja 2004 g.) / Nacional'naja komissija po ustojchivomu razvitiju Resp. Belarus'; Redkollegija: Ja.M. Aleksandrovich i dr. – Mn.: Junipak. – 200 s.
9. Vorotnikov, A. Berega vozmozhnostej / A. Vorotnikov // Zhivi Kak Hozjain. – 2018. – № 9 (144). – S. 18–21.
10. Solodovnikov, S. Ju. Social'nyj kapital kak jekonomicheskij resurs / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 5. – S 2–9.
11. Gurinovich, A. D. Vodosnabzhenie i kanalizacija. Problemy i reshenija [Jelektronnyj resurs] / A. D. Gurinovich // Stroitel'stvo i nedvizhimost'. – Rezhim dostupa: www.nestor.minsk.by/sn/2008/04/sn80403.html. – Data dostupa: 12.11.2018.
12. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdaniya social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.
13. Sergievich, T. V. Trud v neindustriial'nom obshhestve / T. V. Sergievich // Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tehnologii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i kriminalisticheskoy jekspertizy» : sb. nauch. rab. №6. Pod red. G. D. Drozdova. – SPb.: SPbGJeU, 2015. – S. 50–55.
14. Oficial'naja statistika. Vodnye resursy [Jelektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmešnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/c-vodnye-resursy/c-3-vodopotreblenie/>. – Data dostupa: 11.12.2018.
15. Meleshko, Ju. V. Formirovanie blagopriyatnoj sredy razvitija uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' / Ju. V. Meleshko // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2018. – № 6. – S. 15–18.

УДК 338.1

ББК 65.05

ИННОВАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. В. Курегян

kuregyan@bntu.by

доктор экономических наук, доцент,

профессор кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Раскрываются три основных взаимосвязанных инновационных вектора экономического развития – кластеры, венчурные и информационные технологии. Инновационное развитие, будучи основой модернизации экономики, само нуждается в разработке организационных форм. С этой целью в статье предпринята попытка увязать кластеры, венчурные и информационные технологии, роль которых возрастает в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: инновации, развитие, прогресс, венчур, кластер, информационные технологии, электронная экономика, модернизация экономики.

Введение. В последние годы в отечественной и зарубежной литературе все большее значение придается инновационному развитию. Несмотря на это, в исследовании инноваций как области человеческой деятельности остается большое количество теоретических пробелов и неопределенности, что по мнению О. С. Сухарева обусловлено тем, что «эта деятельность обладает высокой степенью неопределенности, причем сама неопределенность является функцией времени, изменяющимся параметром, в сильной степени воздействующим на результативность инновационной деятельности» [1, с. 249]. Описывая сущность развития, С. Ю. Солодовников подчеркивает: «Целостность процесса развития противоречива, она включает взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Целостность выступает существенной характеристикой развития. Она проявляется как в самоорганизации процесса, так и в его самоуправлении, базирующемся на обратной связи. Прогресс и регресс в развитии неотделимы друг от друга и предполагают один другого» [2, с. 9].

Экономическое развитие является в основном результатом инновационной деятельности. Экономическое развитие можно трактовать как экономические преобразования, а также сознательные и стихийные изменения, способствующие прогрессу в области производительных сил и общественных отношений. Экономическое развитие – это прогрессивное экономическое изменение, обеспечивающее поступательное совершенствование духовного, интеллектуального и материального потенциала общества, приводящее к созидательному экономическому росту социально-экономических показателей как на микро-, так и на макроуровне.

Инновации, так же как и лежащие в их основе теоретические разработки, могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Задача государства и бизнеса заключается в том, чтобы положительные результаты преобладали и служили человеческому прогрессу. «Социальная парадигма инновационного развития Республики Беларусь должна учитывать глобальные цивилизационные тенденции, которые неразрывно связаны с нарастанием институционального разнообразия и пониманием значительной частью научного сообщества невозможности познания современных реалий на

основе упрощенных, механистических подходов» [3, с. 4]. Для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы инновации были результатом креативной, созидательной деятельности.

Современное обновление и модернизация экономики возможно только посредством внедрения новшеств в различные области знаний и отрасли общественного производства. В этой статье мы коснемся таких инновационных векторов как кластеры, венчуры и инновационные технологии. Безусловно, они оказывают самостоятельное влияние на качественные изменения в экономике, но между ними существует неразрывная связь.

Результаты и их обсуждение. Кластерный подход является одной из эффективных форм развития инновационной деятельности. Он позволяет значительно сократить временной лаг научных исследований, ускоряет внедрение научных, научно-технических и научно-технологических разработок, а также способствует тому, чтобы интеграция между наукой, техникой и производством происходила на одной площадке.

Ю. В. Мелешко правильно отмечает важную отличительную черту кластера. «Кластер, – по ее мнению, – представляет собой некую форму организации предприятия (фирмы), внутри которой происходит как конкурентная борьба, так и сотрудничество» [4, с. 333–334]. Такое мнение Ю. В. Мелешко представляется актуальным и с точки зрения организации инновационных кластеров, поскольку все организации, задействованные в таких кластерах, конкурируя между собой, не могут обойтись без творческого сотрудничества. Ведя параллельные исследования, научно-исследовательские организации, входящие в подобного рода комплексы, состязаются между собой, кто первый добьется успеха, но вместе с тем делятся достигнутыми результатами с целью ускорения инновационного процесса внутри данного кластера. Исходя из сказанного можно привести следующее определение инновационного кластера. Инновационный кластер – это единая творческая и организационно-экономическая площадка в виде комплекса научно-исследовательских организаций, в которых ведутся фундаментальные, прикладные и инновационные исследования и работы, направленные на решение межотраслевых научно-технических задач под единым научным и коммерческим руководством. Научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации, входящие в инновационный кластер, могут находиться в различных организационно-правовых формах и формах собственности. Например, «такие современные инновационные кластеры, как Кремниевая долина или кластеры Балтийского макрорегиона, устроены по принципу попарного резонансного взаимодействия науки, бизнеса и госуправления одновременно» [5, с. 91]. В силу этого субъекты кластера могут соперничать между собой, но главная цель – создание научно-технического результата. Эта цель способствует преодолению противоречий и направляет их деятельность в единое русло.

Государственные научно-технические организации обладают большим экономическим, интеллектуальным и техническим потенциалом, но используют их недостаточно эффективно. Они имеют окостенелые организационные структуры, сохранившиеся со времен старой экономической системы. То же самое касается материального стимулирования их работников, которое требует коренных изменений.

Частные научно-исследовательские организации пока не заняли подобающее им место. Частный капитал преследует краткосрочные цели и максимальную отдачу в краткосрочном периоде, поэтому не заинтересован в инвестициях в научные исследования, отличающиеся большим временным лагом, особенно это касается фундаментальных исследований. Вместе с тем, частные научно-исследовательские организации более динамичны, мобильны, имеют небольшой, но слаженный коллектив работников, где существует ротация кадров, их перемещение внутри организации, более адекватно решаются вопросы стимулирования труда работников и т.п.

При этом, как справедливо отмечает С. Ю. Солодовников, «было бы неправильным не учитывать того, что проблема преимущественно инновационного развития страны не сводится только к развитию фундаментальной и прикладной науки, отвечающей уровню современного развития человеческой цивилизации и возникающим глобальным вызовам: это условие необходимое, но не достаточное. Решение вышеназванной проблемы, по нашему мнению, невозможно без формирования социально-экономических институциональных механизмов эффективного распределения новых знаний и технологий по всей территории государства. Без преимущественно инновационного развития регионов невозможно устойчивое развитие страны. В противном случае, в любом государстве будет увеличиваться количество проблемных регионов, усиливаться социальное неравенство и сокращаться количество социального капитала, накапливаемого на уровне общества» [6, с. 21]. Инновационные кластеры должны позволить объединить преимущества научно-исследовательских организаций и уменьшить отрицательные стороны их деятельности, координировать их деятельность, не вмешиваясь в процессы оперативного управления. Думается, что здесь необходимо будет использовать как отечественный, так и зарубежный опыт организации кластеров. В связи с этим полезен анализ организации кластеров, проведенный Е. И. Бахматовой [7, с. 249–259].

Инновационный кластер нельзя рассматривать в отрыве от венчурного бизнеса, поскольку кластер уменьшает неопределенность и риски, присущие этому виду бизнеса.

Венчурный бизнес представляет собой совокупность венчурного капитала, венчурных инноваций и венчурных результатов, нацеленную на максимизацию прибыли. Венчурный бизнес – более широкое понятие, чем венчурная деятельность. Последняя касается деятельности представителей бизнеса, которые рискуют, вкладывая свои средства в высокорисковые проекты, исследования и разработки. Основой венчурного бизнеса, как и любого другого бизнеса, является капитал, в данном случае венчурный капитал. Поскольку вложенный рискованный капитал изначально связан с большими рисками, особое значение приобретает глубокое знание инвесторов объекта инвестиций, чтобы к неопределенности, связанной с венчурами, не добавилась неопределенность, связанная с некомпетентностью инвесторов и тех лиц, которые осуществляют эти инвестиции. Инвесторами венчурного бизнеса являются не только физические, но и юридические лица.

В трансформационной экономике, когда решаются системные задачи, привлечение венчурных инвестиций становится довольно сложной задачей. В связи с этим для реализации венчурных проектов важную роль может играть государственно-частное партнерство. Государство могло бы взять на себя затраты на начальном этапе реализации венчурных проектов, так как наибольшая неопределенность имеет место именно на стадии предварительной проработки. Ю. В. Мелешко отмечает по этому поводу: «с применением ГЧП решаются задачи перехода экономики на инновационный путь развития, в частности путем создания венчурных фондов, инновационных кластеров, в рамках которых обеспечивается эффективный механизм доведения научных знаний до инноваций, трансферт технологий, в том числе, между отраслями» [8, с. 40]. Важная роль в осуществлении венчурных проектов принадлежит руководителям проектов. «Успешность использования инноваций непосредственно зависит от эффективности использования трансфера технологий, – отмечается в литературе. – При этом одним из значимых факторов влияния на трансфер технологий является изменение мотивации конкретных субъектов хозяйствования, их руководителей и членов трудового коллектива, т.е. трансформация системы трудовых отношений» [9, с. 207]. Руководители должны обладать не только обширными знаниями, стратегическим мышлением, но и развитым воображением.

Венчурные инновации в меньшей степени подвержены моральному износу, их используют более долговечно и они рассчитаны на более длительный срок.

Венчурные исследования не исключают, а предполагают их параллельное ведение, что ускоряет процесс получения результата.

Венчурные результаты в силу их высокой степени новизны, рентабельности и экономической привлекательности особенно востребованы со стороны промышленного шпионажа. Они содержат большие конкурентные преимущества, поэтому требуют большие меры по их засекречиванию и защите. Чем быстрее осуществляются венчурные инновации, тем меньше шансов у конкурентов заполучить их незаконным способом и больше шансов у разработчиков защитить их от несанкционированных посягательств конкурентов.

Вместе с тем, чем более уникальны венчурные инновации, тем больше они востребованы со стороны практики. Венчурные инвестиции – это инвестиции в высокорисковые проекты и программы с целью получения сверхприбыли. Доходы от реализации венчурных проектов и программ должны позволить не только окупить затраты, связанные с успешными инновациями, но и с теми, которые по тем или иным причинам не были доведены до конца, до логического завершения.

Инновационные кластеры и венчурный бизнес способствуют развитию информационных технологий и электронных видов ведения и развития бизнеса. Информационные технологии касаются всех сторон человеческой жизнедеятельности (материальной, социальной, духовной, интеллектуальной). Особенно плодотворным является использование информационных технологий в электронной экономике. Сейчас существует немало определений электронной экономики, а также исследований, посвященных социально-экономическим и технико-технологическим закономерностям ее развития.

Нам представляются интересными рассуждения Т. Н. Беляцкой об электронной экономике, в основе которой лежит электронный бизнес. Т. Н. Беляцкой удалось объединить вышеуказанные подходы в единый методологический инструментарий исследования электронной экономики. Такой синтез оказался весьма плодотворным с точки зрения творческих изысканий, особенно для определения электронной экономики. По мнению Т. Н. Беляцкой, электронная экономика – это прежде всего новое качество экономической системы, обусловленное конвергенцией с ИКТ, которые в свою очередь являются технологиями всеобщего назначения [10, с. 5].

Действие электронной экономики не может обойтись без своих подразделов, связанных с изучением электронных методов ведения бизнеса и организации управления и позволяющих отразить тенденции и закономерности происходящих в этой сфере процессов. Уже сегодня в мире и в нашей стране в частности активно используется электронная торговля. Говоря о тенденциях ее развития, Т. В. Сергиевич подчеркивает: «в перспективе в структуре продаж все большую долю будут занимать интернет-продажи – на собственных сайтах производителей или на внешних интернет-площадках. Последние, как правило, более предпочтительны для производителя, так как не требуют от предприятия дополнительных трудовых затрат и наличия компетенций на выполнение этих функций самостоятельно, являются интегрированными, многие из них достигли определенного уровня лояльности у потребителей» [11, с. 37]. Это способствует усилению разделения и кооперации труда в экономике. Изучение зарождающейся электронной экономической системы способствует пониманию новых процессов, происходящих в современных обществах.

Информационные технологии и их применение являются сутью современной модернизации экономики. Происходящие изменения в современной экономике невозможны без информационных технологий. Особое значение приобретают электронные деньги. Их применение во многом зависит от понимания новых процессов со стороны

тех, кто управляет денежно-кредитной и финансовой системой страны. Суть денег в современном обществе не изменяется, изменяется их форма. Они все в большей степени приобретают нематериальные формы и наполняются идеальным содержанием.

Вместе с тем нельзя забывать, что сами по себе информационные технологии недостаточны для общественного прогресса. Кэти О'Нил убедительно показала, что математические модели как двигатели цифровой экономики без человека как главного фактора общественного прогресса, без его активного участия в экономических процессах может привести к нежелательным последствиям: «Но принятие решений человеком при всех недостатках имеет одно большое достоинство. Оно может эволюционировать. Человеческие существа учатся и адаптируются, и с ними меняются наши процессы. Автоматические же системы застревают в неизменном состоянии, пока инженеры как-то их не меняют» [12, с. 266].

Выводы. Исследование показало, что в реальной экономике различные векторы инновационного развития действуют в комплексе, в целостной системе, в их связи и взаимосвязи. Последнее служит возникновению, формированию и развитию интеллектуального рынка, составной частью которого является инновационный рынок. Главной тенденцией современной экономики является возрастание нематериальных форм ее развития.

Список использованных источников

1. Сухарев, О. С. Методология и возможности экономической науки / О. С. Сухарев. – Москва : Курс : Инфра-М, 2014. – 359 с.
2. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.
3. Солодовников, С. Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8.
4. Мелешко, Ю.В. Проблемы и перспективы становления в Республике Беларусь логистического кластера / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 330–341.
5. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : БНТУ, 2018. – 325 с.
6. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
7. Бахматова, Е.И. Сравнительное исследование методологического инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь и за рубежом / Е.И. Бахматова // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 249–259.
8. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.
9. Современные формы капитализации экономических (хозяйственных) ресурсов и новое качество экономического роста / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2017. – 226 с.
10. Беляцкая, Т. Н. Электронная экономика: теория, методология, системный анализ / Т. Н. Беляцкая. – Мн.: «Право и экономика», 2018. – 284 с.
11. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.
12. О'Нил, Кэти. Убийственно большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения / Кэти О'Нил. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2019 года

INNOVATIVE VECTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

S.V. Kuregyan

kuregyan@bntu.by

Doctor of Economics, Assistant professor,
Professor of the Department "Economics and Law"
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Three main interrelated innovative vectors of economic development are revealed - clusters, ventures and information technologies. Innovative development, being the basis of the modernization of the economy, itself needs to develop organizational forms. To this end, the article attempts to link clusters, ventures and information technologies, whose role is increasing in the digital economy.

Keywords: *innovation, development, progress, venture, cluster, information technology, e-economy, modernization of the economy.*

References

1. Suharev, O. S. Metodologija i vozmozhnosti jekonomicheskoy nauki / O. S. Suharev. – Moskva : Kurs : Infra-M, 2014. – 359 s.
2. Solodovnikov, S. Ju. Ponjatie haosa i ego mesto v razvitii slozhnyh sistem // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2018. – Vyp. 7. – S. 5–18.
3. Solodovnikov, S. Ju. Novaja paradigma innovacionnogo razvitija belorusskoj jekonomiki i podhody k ee formirovaniyu / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2011. – № 14. – S. 2–8.
4. Meleshko, Ju.V. Problemy i perspektivy stanovlenija v Respublike Belarus' logisticheskogo klastera // Jekonomicheskaja nauka segodnja. – 2014. – Vyp. 2. – S. 330–341.
5. Gorizontalnaja kul'tura social'nyh vzaimodejstvij – potencial razvitija jekonomiki i obshhestva v HHI veke / S. Ju. Solodovnikov [i dr.]. – Minsk : BNTU, 2018. – 325 s.
6. Solodovnikov, S. Ju. Perspektivy i mehanizmy razvitija i kapitalizacii soci-al'nogo potenciala Respubliki Belarus' // Jekonomicheskaja nauka segodnja. – 2013. – Vyp. 1. – S. 5–33.
7. Bahmatova, E.I. Sravnitel'noe issledovanie metodologicheskogo instrumentarija identifikacii klasterov v Respublike Belarus' i za rubezhom / E.I. Bahmatova // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2018. – Vyp. 7. – S. 249–259.
8. Meleshko, Ju. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora jekonomiki Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoy tehniky / Ju. V. Meleshko // Pravo. Jekonomika. Psihologija. – 2018. – № 1 (9). – S. 37–42.
9. Sovremennye formy kapitalizacii jekonomicheskikh (hozjajstvennyh) resursov i novoe kachestvo jekonomicheskogo rosta / S. Ju. Solodovnikov [i dr.]. – Syktyvkar: GOU VO KRAG-SiU, 2017. – 226 s.
10. Beljackaja, T. N. Jelektronnaja jekonomika: teorija, metodologija, sistemnyj analiz / T. N. Beljackaja. – Mn.: «Pravo i jekonomika», 2018. – 284 s.
11. Sergievich, T. V. Perspektivy i napravlenija razvitija proizvodstva tovarov intensivnogo obnovlenija v Respublike Belarus' / T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D, Jekon. i jurid. nauki. – 2017. – № 14. – S. 32–40.
12. O'Nil, Kjeti. Ubijstvenno bol'shie dannye. Kak matematika prevratilas' v oruzhie massovogo porazhenija / Kjeti O'Nil. – M.: AST, 2018. – 320 s.

УДК 330.11

ББК 65.011

**ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА
СУБОРДИНАЦИОННОГО И ОРДИНАЦИОННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ***

С. Ю. Солодовников

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Анализируя онтологическую природу современной экономики, автор последовательно разрабатывает концепт экономики рисков. В контексте экономики рисков, которая сегодня в значительной мере может исказить ожидаемые положительные эффекты от использования любых форм управления в инновационной сфере, поскольку порождает невероятное количество негативных социально-экономических, политических, финансовых, экологических, манипуляционных и иных угроз и рисков, в статье содержательно рассмотрены относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере.

Ключевые слова: *экономическая система, разделение труда, управление, политическая экономия, деятельность, рынок, инновации, труд, инновационная сфера, модернизация экономики.*

Введение. Сегодня становится очевидным, что поступательное развитие социально-ориентированной рыночной экономики в Республике Беларусь, переход к новому качеству экономического роста и обеспечение за счет этого высоких темпов роста реального ВВП возможно только при условии использования наиболее эффективных общественно-функциональных технологий. Одной из таких форм выступают сетевые механизмы инновационного развития. Несмотря на то, что за последние два десятилетия сетевые модели управления вызывают все больший интерес как у практиков, так и ученых, до настоящего времени не разработаны исходные концепты и теоретические основы сетевых механизмов управления. Попытки исследования этих механизмов, такими зарубежными учеными как С. Jones, W. S. Hesterly, S. P. Borgatti, Ж. Смирнова и др., а также белорусским исследователем Л. П. Васюченко на основе экономики транзакционных издержек и теории социальных сетей не смогли продвинуться дальше описания условий, при которых развитие сетевых структур управления наиболее вероятно и они имеют сравнительные преимущества. Вместе с тем сегодня удалось теоретически доказать, что сетевое управление позволяет коммерческим организациям получать конкурентные преимущества в условиях повышенной рыночной неопределенности и резких скачков волатильности на глобальных и локальных рынках. Целью данной статьи является раскрытие относительных преимуществ субординационного и ординационного управления в инновационной сфере. Названные формы управления рассматриваются как сетевые механизмы инновационного развития в инновационной сфере.

Результаты и их обсуждение. Содержательно рассмотреть относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г18РА-011 от 30.05.2018 г. «Сетевые механизмы инновационного развития в Республике Беларусь и Республике Румыния»).

можно только разобравшись в онтологической природе современной экономики. С этого и начнем.

В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения. В современном мире нарушено геополитическое и политико-экономическое равновесие, сформировался однополярный мир и усиливается борьба за все виды ресурсов. Человечество быстро входит в новую эпоху. По нашему мнению, все экономически развитые страны сегодня могут быть условно разделены на два типа:

во-первых, это страны, которые исходя из стратегии приоритетного развития промышленности развивают сверхиндустриальную экономику (в ФРГ – это индустрия 4.0 [1]), при этом опережающими темпами развиваются услуги промышленного характера. «Исходя из понимания экономической природы услуг промышленного характера как хозяйственного блага в форме действия, обеспечивающего создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции, – справедливо отмечает Ю. В. Мелешко, – развитие организационно-экономического механизма оказания этих услуг осуществляется в тесной взаимосвязи с национальным промышленным комплексом. Вместе с тем услуги промышленного характера являются межотраслевой деятельностью, поскольку в зависимости от организационной формы их оказания и особенностей статистического учета могут относиться и к промышленному производству, и к сфере услуг» [2, с. 84–85]. Названный автор также подчеркивает, что с помощью этих услуг сегодня «...формируются ключевые факторы конкурентоспособности промышленности, в частности, новые производственные и организационно-управленческие технологии (информационные, консалтинговые, инжиниринговые, логистические, маркетинговые и т. д.), направленные на качественное развитие товара и/или сокращение затрат. Эти услуги, присутствуя на каждой стадии создания добавленной стоимости промышленной продукции (разработка и внедрение продукции в производство, её изготовление, сбыт и послепродажное обслуживание), являются неотъемлемой частью промышленного производства» [3, с. 39].

В странах, проводящих промышленную политику, направленную на создание и развитие сверхиндустрии, сфера услуг настолько тесно переплетается со сферой промышленного производства, дополняя и развивая друг друга, что статистически они не всегда могут быть разграничены. В научной литературе по этому поводу отмечается, что «в зависимости от организационной формы оказания услуг промышленного характера один и тот же вид деятельности может быть статистически учтен и в промышленном производстве (в случае оказания этих услуг собственными структурными подразделениями предприятия), и в строительстве или в сфере услуг (в случае инсорсинга и аутсорсинга услуг промышленного характера)» [4, с. 127–128]. Таким образом, на практике наблюдается статистический учет одних и тех же услуг промышленного характера как в сфере промышленного производства, так и в сфере услуг. Более того, «внутренние изменения характера производства, а именно возрастание значения услуг промышленного характера, также приводят к росту сектора услуг, не связанному, однако, с деиндустриализацией экономики. Сегодня рост сферы услуг обеспечивается не столько за счет спроса домашних хозяйств на услуги как конечные потребительские товары, что было характерно для сервисизации экономики, начавшейся в середине XX века, или за счет финансово-спекулятивного сектора, а во многом за счет спроса на услуги промышленного характера, представляющие собой промежуточное потребление промышленного производства» [5, с. 72]. На сегодняшний день трактовка постиндустриальной социальной парадигмы Д. Белла как создание сервисной экономики вместо экономики индустриальной подвергается справедливой критике многими экономистами. В частности,

Т. В. Сергиевич отмечает: «Наиболее перспективным направлением развития экономики с точки зрения устойчивого развития является возрождение промышленности на новых технологических основах, а именно не отказ от индустрии, а переход к неоиндустриальной парадигме, основанной на внедрении в производство высоких технологий, экологичности» [6, с. 52]. Нами также отмечалось, что «говоря о новой роли сектора услуг в постиндустриальном обществе, в том числе и о росте создаваемого в этом секторе ВВП, увеличения количества занятых и т. д., необходимо принимать во внимание то, что более половины позиций, связанных с услугами (это инженеры, техники, программисты и прочие, работающие в промышленности), по сути, относятся к вторичному сектору экономики» [7, с. 6];

во-вторых, это страны, которые исходят из стратегии построения «классической постиндустриальной экономики», сопровождаемой относительной деградацией национального промышленного комплекса (например, Великобритания) и опережающим развитием услуг «не промышленного характера»: финансово-спекулятивные, социальные, традиционные и т. д. Критикуя такую модель социально-экономического развития, Ю. В. Мелешко справедливо отмечает, что «абсолютизация значения сферы услуг в экономическом развитии общества, имевшая место в середине XX века, показала свою несостоятельность, что положило начало тенденции реиндустриализации в экономически развитых странах. При этом наметившаяся реиндустриализация характеризуется не просто увеличением доли промышленного производства в структуре ВВП и занятости, а установлением приоритета в развитии наукоемких и высокотехнологичных производств (таких как ракетно-космическая промышленность), неотъемлемым элементом которых являются услуги, в частности, услуги промышленного характера» [8, с. 38]. Названный автор поясняет, что «переход доминирующего положения к третичному сектору экономики наблюдается сегодня в большинстве экономически развитых и развивающихся странах. Вместе с тем мировой опыт показал, что увеличение доли сферы услуг в ВВП и структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста. В этом контексте представляется более перспективной модель хозяйствования Германии, экономика которой относится на сегодняшний день к сверхиндустриальной, поскольку ее ядром являются высокотехнологичный индустриальный комплекс, а сфера услуг нацелена, прежде всего, на обслуживание потребностей промышленности» [9, с. 51]. Немецкие авторы отмечают по этому поводу: «Благодаря Индустрии 4.0 возникают новые формы создания добавленной стоимости и новые бизнес-модели. Старт-апы и мелкие предприятия получают здесь шансы развиваться и предлагать смежные услуги» [1, S. 5].

Соотнесение вышеприведенной типологии стран и теории постиндустриального общества позволяют сделать вывод, что Д. Белл и его последователи в своих обобщениях игнорировали опыт стран первого типа (со сверхиндустриальной экономикой), возводя особенности развития страны второго типа (с сервисной экономикой) в разряд общего. При этом у апологетов постиндустриальной социальной парадигмы обнаруживаются следующие методологические просчеты: игнорирование исторического опыта, а именно опыта развития стран со сверхиндустриальной экономикой, и отождествление частного и общего, т. е. феноменологические особенности стран с сервисной экономикой возводятся в разряд всеобщих онтологических закономерностей. Последнее, по нашему мнению, стало возможным по причине преобладания в теоретических построениях Д. Белла либерально-рыночной идеологии, перерастающей у некоторых его последователей в беккеровский рыночный фундаментализм. В свое время нами уже писалось по этому поводу: «Постиндустриальное общество является качественно новым состоянием

в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической составляющей возникают дополнительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой степенью идеологической заданности (в том числе апологетики "протестантского фундаментализма") в работах зарубежных исследователей, описывающих страны золотого миллиарда» [10, с. 86].

Вместе с тем теоретические разработки постиндустриального общества Д. Белла обладают значительным гносеологическим потенциалом при описании и исследовании экономик стран второго типа. В настоящее время рядом ученых и политиков уже применяются понятия «сверхиндустриальная экономика» и «постиндустриальная экономика» как дополняющие друг друга как при описании разных моделей развития (онтологический подход), так и при описании различий национальных экономик (феноменологический подход). По нашему мнению, такое использование этих понятий может способствовать дальнейшему прогрессу экономической науки.

Обособленно от социальной парадигмы постиндустриального общества и теоретических построений, выросших на ее основе (т.е. теоретических построений, основанных на технико-технологическом детерминизме), стоит политическая экономика знака Ж. Бодрийяра. Длительное время серьезной методологической ошибкой экономической науки являлось недостаточное внимание символическому потреблению и символическим потребностям. Ж. Бодрийяр справедливо замечал, что для дальнейшего прогресса современной политэкономии в частности и экономической науки в целом необходимо, чтобы «анализ различающей социальной функции предметов и анализ политической функции идеологии, которая с ней связана» [11, с. 12], исходил «из одной абсолютной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичности потребительной стоимости» [11, с. 12]. Поясняя свою теоретическую позицию, вышеназванный автор справедливо отмечает, что эмпирическая гипотеза, господствующая сегодня как в экономическом мейнстриме, так и в ортодоксальном марксизме, «поддерживаемая очевидностью обыденной жизни, приписывает предметам функциональный статус, статус утвари, связанный с техническими операциями, относящимися к миру, и даже – тем самым – статус опосредования антропологических "природных" потребностей индивида. В такой перспективе предметы в первую очередь зависят от потребностей, приобретая смысл в экономическом отношении человека к окружающей среде. Эта эмпирическая гипотеза неверна. Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной» [11, с. 12–13]. В рамках такого подхода важнейшей функцией обмена благ и предметов становится институционализация социальной иерархии.

Еще Т. Веблен показал, что даже если первоначальной функцией подчиненных классов являлось производство, то все равно одновременно они выполняют функцию утверждения *статуса* Хозяина. Более того, в ситуации, когда подчиненные классы содержатся в праздности, эта функция становится единственной [12]. В контексте нашего исследования наиболее важным является не сама социально-классовая дифференциация, хотя это тоже важно, а «рассогласование между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения)» [11, с. 28]. Как отмечал по этому поводу Ж. Бодрийяр, «эти стремления (*подразумеваемая мобильность* – С. С.) не являются свободными <...> они зависят от социальной

наследственности и от уже достигнутого положения. Дойдя до определенного порога мобильности, они вообще исчезают – такова абсолютная покорность. В общем, они относительно нереалистичны: мы надеемся на большее, чем объективно в состоянии достичь, и в то же самое время относительно реалистичны: мы не даем разыграться нашему излишне честолюбивому воображению» [11, с. 28].

Рассогласование между подразумеваемой и реальной мобильностями основывается на «неявной интерпретации социальными актантами объективных социологических данных: индустриальные общества предоставляют средним категориям населения определенные шансы на продвижение, но шансы сравнительно небольшие; социальная траектория за исключением отдельных случаев оказывается достаточно короткой, социальная инертность весьма ощутима, всегда остается возможность для регресса» [11, с. 29]. Ж. Бодрийяр писал, что в этом случае «создается впечатление, что: мотивация к восхождению по социальной лестнице выражает интериоризацию общих норм и схем общества постоянного роста; избыток стремлений по отношению к реальным возможностям выдает разбалансировку, глубокое противоречие общества, в котором "демократическая" идеология социального прогресса при случае вмешивается для того, чтобы компенсировать и переопределить относительную инертность социальных механизмов. Скажем иначе: индивиды надеются, потому что "знают", что могут надеяться, – они не надеются слишком, поскольку "знают", что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, – и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализмом, питаемом фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией – то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества» [11, с. 29]. В результате возникает «противоречие между рациональной экономической логикой и культурной классовой логикой» [11, с. 44]. В данном случае Ж. Бодрийяр гениально раскрывает сущность современных развитых экономик, основанных на либерально-рыночной доктрине, подчеркивая, что по сравнению с индустриальными обществами роль идеологии начинает играть все большее и большее значение в хозяйственной жизни, именно экономическая идеология позволяет избегать серьезных социально-экономических конфликтов, делает латентными классовые противоречия, препятствует росту самосознания низших и средних классов, переводит политэкономическое противостояние на основе совпадения и противоречия классовых интересов в симуляцию политики.

Т. В. Сергиевич отмечает по этому поводу: «Современное общество <...> особенно подвластно иллюзии социальной мобильности. Индикатором подразумеваемой социальной мобильности является уровень потребления благ» [13, с. 172]. Названный автор также отмечает, что «качественные преобразования в структуре производства в современной экономике во многом обусловлены ростом доли потребления знаковых благ. Классической сферой производства знаковых меновых стоимостей является производство товаров интенсивного обновления, где добавленная стоимость создается за счет управления механизмами социальной демонстрации» [14, с. 1]. Экономика знака проявляется и в том, что в современном обществе «мода используется индивидом в той степени и с той целью, насколько она способна отразить его принадлежность к определенному социальному классу или общественной группе, т.е. подчеркнуть его социальный статус <...> Такой переход (*переход в более высший социальный класс – примечание С. С.*) может быть как реальным, так и иллюзорным. Под последним имеется в виду симуляция повышения социального статуса путем подражания индивидом представителям других классов, в первую очередь, в принципах поведения и потребления, представлениях (например, об искусстве, литературе и т. д.), предметном окружении

(в первую очередь, формах одежды) и др., требующем минимум издержек. Реальная социальная мобильность особенно сложно достижима в современном обществе, разрыв между реальной и иллюзорной мобильностью увеличивается» [13, с. 171–172].

Для этого нового общества характерно, помимо вышеназванных характеристик (изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; развитие сервисной экономики), формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. В результате возникает современная экономика – экономика рисков. Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д. Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным финансам. То, что в последние двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью.

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [15, с. 23]. Происходит радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Последние уже давно стали предметом изучения не только ученых экономистов, но и других обществоведов и гуманитариев. Так, например, Т. В. Солодовникова соглашается с тем, что «происходящая сегодня радикальная трансформация национальных экономик и мировой экономики в целом, сопровождающаяся формированием посткапиталистического общества, была вызвана технологической и информационной революциями. Активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв его имиджа, доверия к нему и т. д.)» [16, с. 44]. Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего, это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению.

Крупное индустриальное производство (сверхиндустриальный уклад), требующее соблюдения жестких технологических регламентов, значительных финансовых, интеллектуальных и временных затрат на разработку и внедрение прорывных технологий т

ребует преобладания субординационного управления над ординационным на уровне предприятия или корпорации. Именно субординационные формы отношений смогут принести здесь наибольший экономический эффект. В таком случае трудовые отношения здесь объективно должны выстраиваться на иерархических принципах. Вместе с тем на уровне структурных подразделений, отличающихся творческим характером труда, креативностью в методах и подходах наиболее экономически эффективными будут ординационные формы управления. Таким образом, на крупных индустриальных предприятиях инновационного типа на основном производстве относительными преимуществами будет обладать ординационное управление, а на вспомогательных (в том числе и в услугах промышленного характера) в зависимости от конкретной технологической функции, ими выполняемой, относительными преимуществами могут обладать и субординационное, и ординационное управление, принося при этом положительные инновационные эффекты. В свою очередь в хозяйственных субъектах, относящихся к постиндустриальному укладу (сервисной экономике), относительными преимуществами в инновационной сфере будет обладать ординационное управление. При этом следует понимать, что экономика рисков сегодня в значительной мере может исказить ожидаемые положительные эффекты от использования любых форм управления в инновационной сфере, поскольку порождает невероятное количество негативных социально-экономических, политических, финансовых, экологических, манипуляционных и иных угроз и рисков. Также необходимо подчеркнуть, что в современных экономиках западного типа (постиндустриальных и сверхиндустриальных), наряду с действительно применяемыми ординационными способами управления, широкое распространение получили симуляции этого управления, направленные на поддержание иллюзии демократического общественного устройства, участия миноритарных и розничных акционеров в управлении акционерными обществами, определения направлений инновационной деятельности и т.д.

Выводы. Выявление онтологических особенностей современной экономики, превратившейся сегодня в экономику рисков, позволило содержательно рассмотреть относительные преимущества субординационного и ординационного управления в инновационной сфере: во-первых, на крупных индустриальных предприятиях инновационного типа на основном производстве относительными преимуществами будет обладать ординационное управление, а на вспомогательных относительными преимуществами могут обладать и субординационное, и ординационное управление; во-вторых, в хозяйственных субъектах, относящихся к сервисной экономике, относительными преимуществами в инновационной сфере будет обладать ординационное управление; в-третьих, в современных экономиках западного типа наряду с действительно применяемыми ординационными способами управления широкое распространение получили симуляции этого управления, направленные на поддержание иллюзии демократического общественного устройства, участия миноритарных и розничных акционеров в управлении акционерными обществами, определения направлений инновационной деятельности и т.д.

Список использованных источников

1. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und

Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

2. Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы,

перспективы: сборник трудов XI междунар. науч.-практ. конференции. – 2017. – С. 84–86.

3. Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.

4. Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995-2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 5. – С. 127–144.

5. Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 6. – С. 64–78.

6. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.

7. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

8. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

9. Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60.

10. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91.

11. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с.

12. Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, фр. пер.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.

13. Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ; редкол.: В. В. Апанасович (председатель). – Минск: Печатный Дом «Вишневка», 2017. – Вып. 1. – С. 170–179.

14. Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. В. Сергиевич ; БГУ. – Минск, 2018. – 30 с.

15. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015 – Вып. 3. – С. 23–34.

16. Солодовникова, Т. В. Инструменты подмены оснований в современном экономическом дискурсе / Т. В. Солодовникова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 43–48.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2019 года

RELATIVE ADVANTAGES OF SUBORDINATE AND ORDINATION MANAGEMENT IN THE INNOVATION SPHERE

S.Yu.Solodovnikov

solodovnicov_s@tut.by

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of "Economics and Law"
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Analyzing the ontological nature of the modern economy, the author consistently develops the concept of risk economics. In the context of the risk economy, which today can significantly distort the expected positive effects from the use of any form of management in the innovation sphere, since it generates an incredible amount of negative socio-economic, political, financial, environmental, manipulative and other threats and risks the relative advantages of subordinate and ordination management in the innovation sphere.

Keywords: economic system, division of labor, management, political economy, activity, market, innovations, labor, innovation sphere, modernization of the economy.

References

1. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie_40.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.
2. Meleshko, Ju. V. Sistemoobrazujushhie principy razvitija uslug promyshlennogo haraktera / Ju. V. Meleshko // Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy: sbornik trudov XI mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii. – 2017. – S. 84–86.
3. Meleshko, Ju. V. Ocenka jeffektivnosti razvitija uslug promyshlennogo haraktera v kontekste modernizacii nacional'nogo promyshlennogo kompleksa / Ju. V. Meleshko // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija. Serija: Teorija i praktika upravlenija. – 2017. – № 18 (23). – S. 39–47.
4. Meleshko, Ju. V. Jevoljucija uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' v 1995-2015 gg. / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – № 5. – S. 127–144.
5. Meleshko, Ju. V. Znachenie uslug promyshlennogo haraktera v povyshenii konkurentosposobnosti promyshlennyh predpriyatij (v kontekste chetvertoj promyshlennoj revoljucii) / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – № 6. – S. 64–78.
6. Sergievich, T. V. Trud v neindustri-al'nom obshhestve / T. V. Sergievich // Nauch-no-obrazovatel'nyj centr «Tehnologii to-varovedcheskoj, tamozhennoj i kriminali-sticheskoj jekspertizy» Sbornik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova. – SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2015. – S. 50–55.
7. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdaniya so-cial'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik Polockogo gos. un-ta. Serija D, Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.
8. Meleshko, Ju. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora jekonomiki Respubliki Belarus' i Ros-sijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoi tehniky / Ju. V. Meleshko // Pravo. Jekonomika. Psihologija. – 2018. – № 1 (9). – S. 37–42.
9. Meleshko, Ju. V. Metodicheskoe obespechenie sovershenstvovanija jekonomicheskogo mehanizma okazaniya uslug promyshlennogo haraktera / Ju. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gos. universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2016. – № 14. – S. 51–60.
10. Solodovnikov, S. Ju. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindus-

trial'nom obshhestve / S. Ju. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012 – № 3. – S. 74–91.

11. Bodrijjar, Zh. K kritike politicheskoj jekonomii znaka / Zh. Bodrijjar / per. s fr. D. Kralechkin. – M. : Akademicheskij Proekt, 2007. – 335 s.

12. Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, fr. per.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.

13. Sergievich, T. V. Moda kak ob'ekt jekonomicheskogo issledovanija / T. V. Sergievich // Biznes. Innovacii. Jekonomika : sb. nauchn. st. / Institut biznesa i menedzhmen-ta tehnologij BGU; redkol.: V. V. Apanasovich (predsedatel'). – Minsk: Pечатnyj Dom «Vishnevka», 2017. – Vyp. 1. – S. 170–179.

14. Sergievich, T. V. Sovershenstvovanie organizacionno-jekonomicheskogo mehanizma

proizvodstva tovarov intensivnogo obnovlenija : avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk : 08.00.05 / T. V. Sergievich ; BGU. – Minsk, 2018. – 30 s.

15. Solodovnikov, S. Ju. Fenomenologicheskaja priroda vzaimoobuslovlennosti jekonomicheskoi konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2015 – Vyp. 3. – S. 23–34.

16. Solodovnikova, T. V. Instrumenty podmeny osnovanij v sovremennom jekonomicheskome diskurse / T. V. Solodovnikova // Pravo. Jekonomika. Psihologija. – 2018. – № 1 (9). – S. 43–48.

УДК 628:651.01

ББК 65.441

**РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ВОДОПРОВОДНО-КАНАЛИЗАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
С ЦЕЛЬЮ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИХ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

А. Б. Бахмат

niar_stroyeco@mail.ru

заведующий лабораторией «Экономические проблемы в строительстве»

Открытое акционерное общество «НИИ Стройэкономика»

г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрены ключевые проблемы развития водопроводно-канализационного хозяйства (ВКХ) Республики Беларусь. Приведена общая характеристика технико-экономического состояния ВКХ, выявлены ключевые проблемы его развития. Дана оценка существующего варианта регионализации предприятий ВКХ на примере Витебской области. Дана общая характеристика действующих моделей управления ВКХ в странах Евросоюза. С учетом анализа европейского опыта предложен вариант по созданию опорных межрайонных водоканалов в каждой области Республики Беларусь. Сформулирована идея по созданию Национального агентства водоснабжения и водоотведения.

Ключевые слова: водопроводно-канализационное хозяйство (ВКХ), жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), регионализация, опорные межрайонные предприятия ВКХ, акционирование, Национальное агентство водоснабжения и водоотведения, финансирование развития систем ВиК.

Введение. Водные ресурсы – стратегический ресурс любого государства, от эффективности системы управления которыми зависит устойчивое развитие страны. Кризис, вызываемый дефицитом питьевой воды, гораздо серьезнее нефтяного кризиса. Водохозяйственная отрасль, представленная совокупностью систем водоснабжения и канализации (далее ВиК) населенных мест, промышленного и сельскохозяйственного производства, гидромелиорации и гидротехнических сооружений, водным транспортом, водным туризмом, а также водными объектами, имеет важнейшее значение для устойчивого развития экономики Республики Беларусь и решения экологических, экономических и социальных проблем. По масштабу решаемых целевых задач водопроводно-канализационное хозяйство (далее – ВКХ) является ключевой сферой в водном хозяйстве и наряду со стратегическими сферами энергосбережения (электроснабжение, теплоснабжение) требует особого подхода к совершенствованию системы управления на протяжении последних 30 лет [1]. При этом отсутствие единого регулятивного государственного органа по управлению способствует тому, что ВКХ в нашей стране еще не получило своего оформления как самостоятельная отрасль. Монопольное положение предприятия ВКХ занимают исключительно на обслуживаемой ими территории, размеры которой определяются в основном границами территориально-административных единиц (городов или районов). Показатели производственно-хозяйственной деятельности предприятий ВКХ находятся в прямой зависимости от объема реализованной воды и оказываемых услуг канализации. В условиях дефицита финансовых ресурсов (бюджетных субсидий) на развитие объектов инженерной инфраструктуры систем ВиК особую социально-экономическую значимость приобретает задача повышения эффективности управления

предприятиями ВКХ городов (районов) с целью обеспечения населения качественной питьевой водой.

Технико-экономическое состояние ВКХ. Для Республики Беларусь характерно наличие разных организационно-правовых форм управления ВКХ: юридически самостоятельные коммунальные унитарные производственные предприятия (например, КПУП «Борисовводоканал»); филиалы в составе многопрофильных организаций жилищно-коммунального хозяйства (далее ЖКХ) (например, филиал «Речицководоканал» КУП «Речицкий райжилкомхоз»), дочерние коммунальные производственные предприятия (например, Осиповичское дочернее унитарное коммунальное производственное предприятие «Водоканал») и одно открытое акционерное общество (ОАО «Слонимводоканал»).

Производство воды и оказание услуг канализации в целом по Республике Беларусь оказывали на 01.01.2011г. 1460 организаций (предприятия ВКХ (ЖКХ), промышленные организации, сельскохозяйственные организации, имеющие на балансе собственные скважины и др.), из них 130 коммунальных предприятий ВКХ (ЖКХ) [2]. Из 130 коммунальных предприятий ВКХ (ЖКХ) по состоянию на 01.01.2017 г. только 26 (20% от общего числа организаций) являлись юридически самостоятельными предприятиями ВКХ, остальные – подразделения (филиалы, производства) ВКХ в составе многопрофильных управлений ЖКХ. На балансе предприятий ЖКХ (ВКХ) на 01.01.2017 г. находилось ориентировочно 10 197 скважин, 1 300 очистных сооружений (из которых 54% от общего объема составляют сооружения с искусственной очисткой), 598 станций обезжелезивания воды, 38 200 километров сетей водопроводных и 18 500 километров канализационных сетей [3].

В малых и средних по размеру городам подразделения, осуществляющие эксплуатацию систем ВиК, входят в структуру многопрофильных городских (районных) предприятий ЖКХ. Руководство предприятий ЖКХ величину прибыли, получаемой подразделением ВКХ, зачастую перераспределяет на покрытие убытков от других видов деятельности коммунального хозяйства (благоустройство, содержание банного хозяйства и др.). На сегодняшний день большинство из многопрофильных районных организаций ЖКХ не располагает достаточным количеством собственных финансовых средств, необходимых для технического перевооружения (реконструкции) объектов инженерной инфраструктуры систем ВиК. Проведенный анализ деятельности предприятий и подразделений ВКХ свидетельствует о том, что в среднем удельный расход энергии на подъем, подготовку, транспортировку воды у юридически самостоятельных водоканалов на 15-20%, а себестоимость 1 м³ воды на 30-40% меньше, чем у подразделений ВКХ в составе многопрофильных предприятий ЖКХ [4].

Инвестирование в модернизацию (реконструкцию) систем ВиК в условиях ограниченных финансовых возможностей республиканского (местного) бюджета осуществляется в последние годы по остаточному принципу, что угрожает устойчивости функционирования объектов инженерной инфраструктуры в ближайшем будущем. Темпы обновления сетей водопровода в Республике Беларусь составляют в среднем 0,2-0,5% в год, в странах же Евросоюза – от 1 до 2%. Профилактическое техобслуживание систем ВиК уступило место аварийным ремонтам, вследствие этого приходится содержать значительное число работников для ликвидации аварий на сетях ВиК. Численность персонала в среднем в отечественных организациях ВКХ в 2-3 раза выше, чем на аналогичных по величине обслуживаемых организациях в странах Евросоюза, что свидетельствует о низкой степени автоматизации и механизации объектов ВиК в стране [5;6]. Прямым следствием нехватки бюджетных средств на модернизацию и реконструкцию на развитие ВКХ является высокий износ объектов систем ВиК. В

Республике Беларусь около 28,3% по состоянию на 01.01.2017 г. водопроводных сетей имеют срок службы более 30 лет, а в Витебской области около 41,4%, что отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Удельный вес протяженности водопроводных сетей и водопроводов со сроком службы свыше 30 лет на 01.01.2017 г.

Область	Протяженность водопроводных сетей и водопроводов, км		Удельный вес, %
	всего	в т.ч. сетей и водопроводов свыше 30 лет	
Всего	38203,6	10814,6	28,3
Брестская область	5721,7	970,1	17,0
Витебская область	5108,3	2112,5	41,4
Гомельская область	7400,1	2206,9	29,8
Гродненская область	3766,3	923,9	24,5
Минская область	6843,0	1708,4	25,0
Могилевская область	6309,0	1857,8	29,4
г. Минск	3055,2	1035,0	33,9

Источник: составлено по данным Министерства ЖКХ

Прямое влияние на формирование величины себестоимости воды оказывают износ инженерных сетей, потери воды; отсутствие полного и достоверного учета количества потребляемой воды. На рисунке 1 представлена информация о потерях и неучтенных расходах воды в системах водоснабжения в среднем по Республике Беларусь за 2008–2017 гг.

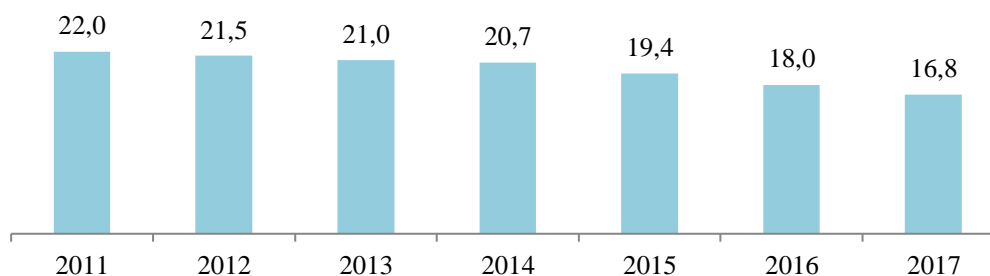

Рисунок 1 – Потери и неучтенные расходы воды в системах водоснабжения Республики Беларусь за период с 2008 по 2017 гг., %

Источник: составлено по данным Министерства ЖКХ

Результаты и их обсуждение. Для обеспечения комфортных условий проживания, в том числе для обеспечения населения качественной питьевой водой, Совет Министров Республики Беларусь утвердил Государственную программу «Комфортное жилье и благоприятная среда» (далее – программа «Комфортное жилье») на 2016–2020 годы, которая включает в себя восемь подпрограмм. Приоритетной задачей подпрограммы «Чистая вода» в условиях, когда только 83,7 процента населения республики получают качественную питьевую воду из централизованных систем водоснабжения, является улучшение качества питьевого водоснабжения [7]. По прогнозу областных управлений ЖКХ для решения данной задачи необходимо строительство не менее 1 232 станций обезжелезивания в населенных пунктах с населением свыше 100 чел.

Ключевые аспекты деятельности предприятий ЖКХ (ВКХ), были рассмотрены 19–20 октября 2017 г. на республиканском семинаре на тему «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны» с участием Президента Республики Беларусь (далее – семинар) [8]. Основные направления повышения эффективности работы ЖКХ, разработанные в рамках данного семинара, были положены в основу Концепции совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года (далее – Концепция) [3]. Для повышения качества воды и услуг канализации, планируется в рамках реализации данной Концепции: усилить контролируемую роль органов государственного управления в обеспечении населения качественной водой (питьевой и бутилированной); осуществить строительство в регионах с учетом экономической эффективности очистных сооружений вместо полей фильтрации; обеспечить до 2025 года 100 процентов потребителей качественной питьевой водой.

Сохранение существующей системы управления, при которой предприятия ВКХ в средних по численности населения городах Республики Беларусь включены в состав многопрофильных организаций ЖКХ на правах подразделений (без юридического лица), даже при 100% оплате населением эксплуатационных издержек за предоставляемые им услуги водоснабжения и канализации, не позволит в полном объеме решить все проблемы водного хозяйства. В ущерб основной производственной деятельности, потере специализации подразделения (филиалы) ВКХ в структуре многопрофильных организаций ЖКХ за счет своей деятельности покрывают убытки от других видов деятельности коммунального хозяйства (благоустройство, содержание банного хозяйства и др.). Во многом перечисленные проблемы ВКХ связаны с неэффективной действующей системой управления инженерной инфраструктурой ВиК и обусловлены отсутствием единого национального оператора по управлению ВКХ (холдинга/государственного объединения), действующим механизмом формирования тарифов на воду и услуги канализации, отсутствием четкого разграничения прав и обязанностей между собственником систем ВиК и эксплуатирующей их организацией.

При анализе зарубежного опыта было выделено три модели функционирования естественных монополий в секторе ВКХ: «английская», «французская» и «нидерландская» [9; 10; 11]. Разделение прав и обязанностей между регулирующим органом и предприятиями ВКХ, управляющими и эксплуатирующими системы ВиК, сильнее всего в «английской» модели и слабее – в «нидерландской». Модель частного управления не характерна для стран ЕС, исключением является только Великобритания, и то не полностью. Так в Англии и Уэльсе владельцами систем ВиК являются частные компании ВКХ, а в Шотландии, Северной Ирландии – государственные предприятия коммунального водного хозяйства. С 1860 г. до 1989 г. системы ВиК в Англии находились преимущественно в муниципальной собственности. До 1974 г. управление и эксплуатация систем ВиК «выполнялось примерно 1400 организациями, из которых 1200 отвечало за канализацию и способы очистки сточных вод, 160 – за водоснабжение...» [12, с. 205]. После реорганизации в 1974 г. поставка воды и оказание услуг канализации были переданы 10 региональным государственным предприятиям ВКХ с привязкой регионов к границам основных речных бассейнов. В Англии и Уэльсе бывшие государственные коммунальные предприятия водоснабжения и канализации были приватизированы в 1989 году единым масштабным действием. При частной модели управления коммунальным водным хозяйством государственное тарифное регулирование водоснабжения в Англии и Уэльсе обеспечивает Управление по водоснабжению (OFWAT), в компетенцию которого входит утверждение тарифов для каждого предприятия ВКХ на 5 лет [13].

«Французская» модель функционирования предприятий ВКХ возникла вместо непрерывного регулирующего надзора со стороны специализированного государственного органа по водоснабжению (как в Англии, OFWAT) за деятельностью частных предприятий ВКХ. «Французская» модель управления ВКХ представляет собой конкуренцию между частными и государственными компаниями водоснабжения за право управлять объектами инженерной инфраструктурой систем ВиК в городах (регионах). Таким образом, муниципалитет имеет возможность при проведении конкурсных торгов, сравнивая значения ключевых показателей, технических условий, выбрать управляющую компанию за системами ВиК из нескольких претендентов. Контракты между муниципалитетами и частными (государственными) компаниями во Франции регулируют их взаимоотношения в секторе ВКХ (от сервисного обслуживания до концессионного соглашения) на местном уровне. «Французская» модель управления ведет к образованию крупных, вертикально интегрированных частных транснациональных компаний по водоснабжению, которые были созданы во Франции уже в 19 веке: в 1853 г. – Générale des Eaux /Vivendi Environment (в настоящее время Veolia Environment), а в 1880 г. – Societe Lyonnaise des Eaux (входит с 1997г. в структуру финансово-промышленной группы по энерго-газо-водоснабжению Suez Environnement). В 1933 г. была основана третья по величине компания Societe d'Aménagement Urbain et Rural (SAUR/Bouygues) [10; 11; 14; 15].

Конкуренция на основе сравнительного анализа («бенчмаркинга») в Нидерландах осуществляется по установленному набору ключевых показателей (индикаторов) между предприятиями водоснабжения, что позволяет им повысить эффективность своей производственно-хозяйственной деятельности, ориентируясь на наилучшие значения показателей компаний – объектов представителей (эталонных предприятий ВКХ). Следует отметить, что компании водоснабжения в Нидерландах обладают большей финансовой и управленческой независимостью, чем муниципальные предприятия коммунального водного хозяйства в других странах ЕС (например, Дания, Австрия, Ирландия). Голландские предприятия по водоснабжению представляют собой предприятия в форме акционерных обществ (АО), которым делегируется право на управление инженерной инфраструктурой со стороны муниципалитета, которому принадлежит контрольный пакет акций [9; 16].

Основная тенденция развития системы управления водоснабжением в Нидерландах состоит в объединении предприятий коммунального водного хозяйства с целью повышения эффективности эксплуатации инженерной инфраструктуры (очистка сточных вод находится в компетенции муниципалитетов). Этому процессу способствует наличие небольших расстояний между населенными пунктами в Голландии, высокая плотность населения. Так, в 1938 г. в Нидерландах было около 210 небольших компаний; которые в 1994г. были объединены в 40 средних; а в конце 90-х годов – в 20 крупных специализированных предприятий водоснабжения [16, р.8]. В перспективе планируется создание 10 самостоятельных межрегиональных предприятий водоснабжения в виде акционерных предприятий, основные средства которых будут находиться в собственности муниципалитетов.

Основными тенденциями развития менеджмента в Швеции, Дании является постепенное объединение небольших по размеру компаний водоснабжения в межмуниципальные (региональные) предприятия для достижения большей эффективности деятельности и нахождения необходимых инвестиционных ресурсов, создание организационно-автономных специализированных компаний водоснабжения. В частности в Швеции число юридически самостоятельных организаций по водоснабжению увеличилось с 1 в 1989г. до 36 к 2004 г. (15% от общего числа

организаций), что позволило повысить их организационную и финансовую самостоятельность [17; 18].

При трансформации системы управления ВКХ Республики Беларусь невозможно в «чистом» виде использовать ту или иную зарубежную модель управления инженерной инфраструктурой систем ВиК (прямое управление, делегированное государственное управление, делегированное частное управление, частное управление). Проведенные исследования позволили выявить основные общие черты, присущие всем моделям управления ВКХ вне зависимости от страны применения – государственное регулирование тарифов на воду и услуги канализации; повышение стандартов качества поставляемой питьевой воды и оказываемых услуг канализации; внедрение договорных отношений между предприятием ВКХ и собственником инженерной инфраструктуры; усиление роли общественности в вопросах тарифного регулирования; внедрение системы ключевых показателей для оценки эффективности деятельности предприятий ВКХ; регионализация (объединение) поставщиков воды и услуг канализации в межрайонные (межрегиональные) водоканалы.

В 2000-2008 гг. в ряде стран СНГ (особенно в Российской Федерации) сложился стереотип, в соответствии с которым считалось, что государство (муниципалитет) является заведомо неэффективным собственником объектов инженерной инфраструктуры. По мнению представителей крупных российских инвестиционных, консалтинговых компаний, аналитических фирм, а также ряда научных работников привлечение крупных частных инвестиций в реконструкцию и развитие систем ВиК в странах СНГ возможно лишь при использовании «французской» модели делегированного управления коммунальным водным хозяйством [19; 20; 21; 22].

С другой стороны, реформы в ВКХ в Российской Федерации многие ученые и исследователи рассматривают «как рыночные манипуляции российских олигархических групп, которые создают совместные с властями различных городов предприятия по частному предоставлению услуг в сфере ЖКХ, включая водоснабжение и водоотведение, используя при этом различные рыночные механизмы ... для получения экономических и политических выгод» [23]. Эту точку зрения частично подтверждают результаты конкурсных торгов по передаче управления системами ВиК в ряде российских городов (Воронеж, Калуга и др.) частной компании ООО «Росводоканал». Данные конкурсные торги на управление объектами ВиК происходили без утвержденного плана развития инженерной инфраструктуры.

Анализ использования моделей государственно-частного партнерства в ВКХ развивающихся странах Азии, Латинской Америки, Африки свидетельствует о том, что привлечение частного капитала в данные регионы связано в основном с отсутствием значительных средств со стороны местных муниципалитетов на развитие и модернизацию (реконструкцию) систем ВиК, имеющих высокий физический износ. На практике, вопрос возврата финансовых средств, привлеченных в развитие объектов инженерной инфраструктуры систем ВиК развивающихся стран, зарубежные транснациональные компании (преимущественно французские и английские) решают, как правило, традиционно – путем значительного роста тарифов, без существенного улучшения качества поставляемой питьевой воды и оказываемых услуг канализации. Тенденция совместных предприятий в секторе ВКХ в ряде крупных городов стран СНГ (Армения и др.) по управлению системами ВиК с иностранными холдингами по водоснабжению (Severn Trent Water (Великобритания), SAUR (Франция) и др.), обусловлена расторжением с ними в ряде развивающихся стран Азии, Латинской Америки контрактов на аренду (концессию) объектов инженерной инфраструктуры [24; 25; 26].

Важнейшими направлениями реформирования и развития ВКХ в зарубежных странах в зависимости от политических, экономических, институциональных, организационных, географических факторов до сих пор является: регионализация и децентрализация поставщиков воды и услуг канализации. До сих пор нет единого мнения по определению оптимальной численности населения, обслуживаемой региональным водоканалом, в зарубежных странах. В частности, в Японии – это значение находится в пределах 80 000 жителей, в Германии от 66 000 и выше жителей [27].

На основе анализа зарубежного опыта функционирования коммунального водного хозяйства были проанализированы возможные варианты управления ВКХ города (района) Республики Беларусь с учетом воздействия факторов внешней и внутренней среды. Обеспечить население питьевой водой надлежащего качества отечественные предприятия ВКХ смогут в том в случае, если они финансово и организационно будут самостоятельны от других жилищно-коммунальных организаций (служб). В перспективе необходимо осуществить переход на управление системами ВиК на конкурсной основе.

В качестве пилотного проекта в Республике Беларусь в настоящее время рассматривается эффективность функционирования областной структуры управления ВКХ в Витебской области. В целях совершенствования управления ВКХ 23 февраля 2000 года решением Витебского областного исполнительного комитета № 76 было создано Витебское областное коммунальное унитарное предприятие ВКХ «Витебскоблводоканал» (далее УП «Витебскоблводоканал»). В ходе реорганизации 10.01.2018 г. к УП ВКХ «Витебскоблводоканал» были присоединены на первоначальном этапе на правах филиалов следующие юридически самостоятельные предприятия ВКХ: УП «Полоцкводоканал», ГП «Оршаводоканал», ГП «Нополоцкводоканал» [28]. Впоследствии планируется включить в состав областного предприятия «Витебскоблводоканал» – городское унитарное предприятие «Витебскводоканал». Создание областной структуры по управлению ВКХ в регионе призвано улучшить координацию реализации инвестиционных проектов по строительству 320 станций обезжелезивания в агрогородках и сельских населенных пунктах, реконструкции очистных сооружений при участии международных финансовых организаций (ЕБРР и др.). Основными положительными результатами регионализации предприятий (подразделений) ВКХ в Витебской области являются за истекший период: ликвидация перекрестного и бюджетного субсидирования; внедрение единого в области усредненного тарифа для юридических лиц с целью создания равных условий для всех хозяйствующих субъектов области вне зависимости от района их нахождения. С другой стороны функционирование УП «Витебскоблводоканал» позволило выделить следующие проблемные вопросы: неимение четких стратегических целей и задач развития областного оператора по ВКХ; отсутствие прозрачной системы финансового планирования и своевременной оплаты текущих эксплуатационных потребностей (спецодежда, инструмент и др.) производственных филиалов со стороны областного водоканала.

Специалисты ГО «ЖКХ Минской области» предлагают также создание единой структуры управления системой ВКХ в целом по всей области путем передачи из районной в областную коммунальную собственность всех основных объектов инженерной инфраструктуры систем ВиК. От многопрофильных районных предприятий ЖКХ потребуется передача трудовых ресурсов и материально-технической базы, участвующих в обслуживании объектов ВиК, единому областному органу управления. Для реализации пилотного проекта по регионализации Минским областным исполнительным комитетом в марте 2018г. было принято решение о создании на базе

КУП «Солигорскводоканал» межрайонного водоканала областной формы собственности, который отвечает за эксплуатацию систем ВиК 4-х районов Минской области: Солигорского, Клецкого, Несвижского, Любанского районов. В рамках реализации данного проекта создана общая диспетчерская служба с единым номером 119 для всех потребителей вышеназванных 4-х районов. По мнению специалистов Министерства ЖКХ, Солигорского райисполкома, КУП «Солигорскводоканал», создание первого в Республике Беларусь межрайонного водоканала позволит: внедрить единый тариф на воду и услуги канализации для всех юридических лиц обслуживаемых районов; снизить нормы расхода топливно-энергетических ресурсов за счет замены насосного оборудования; унифицировать затраты на водоснабжение и оказание услуг канализации; отказаться межрайонному водоканалу от субсидий из бюджета на оказание услуг водоснабжения и канализации [29].

Предлагаемые специалистами управлений (государственных объединений) ЖКХ облисполкомов варианты регионализации, могут привести к тому, что юридически самостоятельные предприятия ВКХ в ряде крупных и средних по численности населения городах Республики Беларусь потеряют свою юридическую и финансовую самостоятельность. Потеря юридической самостоятельности ряда предприятий ВКХ (например, в гг. Орша, Новополоцк, Полоцк и др.) и вхождение их в состав областных водоканалов на правах производственных филиалов без собственного расчетного счета не только не решит, а, наоборот, может усугубить ряд водохозяйственных проблем в данных территориально-административных единицах.

Для проведения и реализации единой методической, технической и нормотворческой политики в ВКХ целесообразно создать единый орган регулятор – Национальное агентство водоснабжения и водоотведения (далее агентство). За данным агентством следует законодательно закрепить следующие функции:

- проведение единой государственной политики в области управления и эксплуатации систем ВиК;
- осуществление единого правового регулирования деятельности коммунальных организаций, эксплуатирующих системы ВиК;
- обеспечение разработки: проектов нормативных правовых актов и технических нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы развития ВКХ, республиканской стратегии развития ВКХ с участием национального оператора (холдинга «Белводоканал»), государственных программ по развитию ВКХ;
- согласование республиканской инвестиционной программы по развитию ВКХ с местными органами власти;
- распоряжение централизованным инвестиционным фондом развития ВКХ и другие функции.

В качестве предлагаемого варианта реформирования областной системы управления ВКХ, с учетом анализа европейского опыта, следует рассмотреть создание «точечных» опорных межрайонных водоканалов в каждой из областей страны на базе технически мощных юридически самостоятельных водоканалов. Численность населения, обслуживаемая межрайонным водоканалом, будет находиться в диапазоне от 100 000 до 300 000 и выше человек. Опорные межрайонные предприятия ВКХ целесообразно создать на базе действующих и вновь создаваемых юридически самостоятельных предприятий ВКХ в следующих городах: Минск, Брест, Витебск, Гродно, Гомель, Могилев, Бобруйск, Барановичи, Борисов, Пинск, Орша, Солигорск, Новополоцк, Молодечно, Полоцк, Кобрин, Слоним, Жодино, Мозырь, Лида, Жлобин, Светлогорск, Речица, Слуцк. Для реализации данной задачи в городах с населением от 50 тысяч до 100 тысяч человек и выше (Лида, Речица, Слуцк, Мозырь, Жлобин, Светлогорск), при высоком уровне

доходов населения, где сосредоточены крупные промышленные объекты, необходимо выделить подразделения (производства) ВКХ из структуры многопрофильных предприятий ЖКХ на правах юридически самостоятельных специализированных предприятий. Предлагается также реорганизовать УП «Витебскоблводоканал» с выделением из его структуры в качестве юридически самостоятельных предприятий ВКХ следующие филиалы: «Оршаводоканал», «Новополоцкводоканал», «Полоцкводоканал».

В городах, при численности населения менее 50 тысяч человек, при отсутствии крупных промышленных предприятий в районе и износе систем ВиК более 70%, целесообразно делегировать управление подразделениями ВКХ в составе многопрофильных организаций ЖКХ опорным межрайонным предприятиям ВКХ. Текущее финансирование подразделений ВКХ со стороны опорных межрайонных водоканалов будет осуществляться по принципу бюджетирования (бухгалтерия, юридический, планово-экономический отделы и круглосуточные диспетчерские службы будут располагаться в опорных межрайонных водоканалах). Районные подразделения (участки) ВКХ, в составе опорных межрайонных предприятий ВКХ, в населенных пунктах, в том числе сельских, данного района будут выполнять следующие функции: эксплуатировать и технически обслуживать системы ВиК; осуществлять аварийно-ремонтные работы, контроль за реализацией воды и оказанием услуг канализации.

Регионализация позволит сосредоточить все подразделения ВКХ, предварительно выделив их из структуры многопрофильных районных организаций ЖКХ, в составе опорных межрайонных водоканалов области, которые смогут осуществлять функцию управления всеми объектами ВиК региона, обладая соответствующей материально-технической базой. Например, в Брестской области опорные межрайонные предприятия ВКХ с учетом радиуса охвата населения водоснабжением и услугами канализации целесообразно создать в гг. Брест, Пинск, Барановичи, Кобрин, Лунинец. Так, созданный опорный межрайонный водоканал на базе КУПП «Водоканал» (г. Барановичи) сможет осуществлять эксплуатацию систем ВиК и оказывать техническую помощь в Барановичском, Ляховичском, Ганцевичском районах через подразделения (участки) ВКХ («кустовой» метод регионализации с базовыми организациями).

Следующим шагом для устойчивого функционирования предприятий ВКХ в г. Минске, областных городах и городах, с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел. и выше, станет преобразование юридически самостоятельных опорных межрайонных водоканалов в АО. Сам процесс изменения унитарной формы на акционерную для предприятия ВКХ подразумевает иной подход во взаимоотношениях с собственником инженерной инфраструктуры, достижение ключевых показателей развития в части разграничения полномочий посредством заключения договора на управление системами ВиК. Изменение организационно-правовой формы коммунальных унитарных предприятий ВКХ на акционерную, без создания холдинга «Белводокал», станет лишь формальной процедурой, не затрагивающей эффективность их производственно-хозяйственной деятельности. Контрольный пакет акций предприятий ВКХ на первоначальном этапе будет принадлежать местному органу власти, впоследствии планируется их передача в делегированное управление будущему государственному холдингу «Белводоканал». В рамках вертикально-интегрированной структуры, как показывает анализ зарубежной практики, наблюдается высокая степень централизации управления и хозяйственного подчинения, особенно в области управления ресурсами, инвестициями.

Выводы. Регионализация предприятий ВКХ может привести к снижению затрат за счет: реализации инновационных энергосберегающих технологий, централизации закупок материалов, комплектующих изделий, насосного оборудования, труб, что в свою очередь ведет к снижению себестоимости воды и услуг канализации. Создание опорных

межрайонных предприятий ВКХ позволит избежать отнесения на затраты по водоснабжению и очистке сточных вод дополнительных сумм накладных расходов, перераспределяемых с других жилищно-коммунальных услуг (благоустройство), как происходит это в настоящее время в многопрофильных предприятиях ЖКХ. Данная интеграция будет направлена на достижение эффекта экономии за счет объединения ресурсов (кадровых, материальных, технических и финансовых). Финансирование развития и реконструкции сетей, сооружений ВиК в районных городах будет осуществляться в начале за счет средств облисполкомов, впоследствии планируется привлечение внебюджетных денежных ресурсов, что позволит перераспределить финансовые ресурсы на развитие систем ВиК именно в малых населенных пунктах данного региона. Четкая вертикаль системы управления самостоятельной отраслью ВКХ, с развитым рынком услуг водоснабжения и канализации, инженерных, консультационных услуг, позволит эффективно функционировать предприятиям ВКХ в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Гуринович, А.Д. Варианты реформирования системы управления водопользованием и водоотведением в Республике Беларусь / А.Д. Гуринович, А.Б. Бахмат // Белорусский экономический журнал. – 2008. – №3 – С. 116-133.
2. Водная стратегия Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_1649710582-ru/ – Дата доступа: 13.12.2016.
3. Концепция совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.government.by/upload/docs/file34e37cb338aada3e.PDF. – Дата доступа: 08.01.2018.
4. Бахмат, А.Б. Сравнительный анализ организационно-правовых форм управления предприятий водопроводно-канализационного хозяйства (ВКХ) / А.Б. Бахмат // Наука – образованию, производству, экономике. Матлы третьей междунар. науч.-техн. конф. в 2-х т.. Том 2. – Минск: БНТУ. – 2006. – С. 210-212.
5. Гуринович, А. Д. Проблемы управления коммунальным водным хозяйством Республики Беларусь / А.Д. Гуринович, А.Б. Бахмат // Проблемы управления. – 2008. – №3(28) – С. 224–228
6. Бахмат А.Б., Гуринович А.Д. Реформирование системы управления ВКХ в Республике Беларусь / А.Б. Бахмат, А. Д. Гуринович // ЖКХ. Журнал руководителя и главного бухгалтера. – 2010. – № 11. – С. 63-71
7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2016 года №32 «Об утверждении Государственной программы "Комфортное жилье и благоприятная среда" на 2016-2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=85581. – Дата доступа: 15.09.2017.
8. Выступление Президента Республики Беларусь на республиканском семинаре на тему «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны» [версия для печати] [Электронный ресурс]. - Режим доступа: president.gov.by/ru/news_ru/view/plenarnoe-zasedanie-respublikanskogo-seminara-overshenstvovani-i-razviti-zhilishno-kommunalnogo-17347/. – Дата доступа: 20.10.2017
9. Analysis of the European Water Supply and Sanitation Markets and its possible evolution [Electronic resource] // Final report for work package 2 (phase 2). – Mode of access: <http://mir.epfl.ch/webdav/site/mir/shared/import/migration>— Date of access: 30.11.2018
10. Alexander Orwin Privatization of Water and Wastewater Utilities: An International Survey [Electronic resource]. – Mode of access: www.environmentprobe.org/EnviroProbe/pubs/ev542.html/ – Date of access: 30.11.2018
11. The Regulation and Privatisation of the Public Water Supply and the Resulting Competitive Effects [Electronic resource] / Johann Wackerbauer, 2004. – Mode of access: www.cesifogroup.de/.../96843359F84E0D9FE04400...– Date of access: 06.10.2018
12. Семин, В.А. Основы рационального водопользования и охраны водной среды: Учебное пособие для студ. вузов/ В.А. Семин – М. : Высш. шк., 2001. – 320с.
13. Мартин Л. Коммерциализация и регулирование сферы ВКХ в Англии и Уэльсе /

Л. Мартин, М. Итева // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера. – 2004. – Часть 1. №10. – С.71-75.

14. Антонов, Н.В. Делегированное управление как форма функционирования коммунального хозяйства / Н.В. Антонов // Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). – 2001. – №5. – С.9-11

15. Кулик, П.А. Оценка возможности использования зарубежного опыта концессий в развитии системы водоснабжения России: автореферат дис. ... канд. экон. наук, 08.00.05, 08.00.14/ П.А. Кулик / Всероссийская академия внешней торговли. – Москва, 2002

16. Blokland M. Private business, public owners. Government shareholdings in water companies/ M. Blokland, O. Braadbaart, K. Schwartz . - The Ministry of Housing, Spatial Planning and the Environment. 1999. - 213 p.

17. Hukka, J. Water Time National Context Report – Finland / J. Hukka, T. Seppälä [Electronic resource] – 09.02.2004. – Mode of access: www.watertime.net/docs/WP1/NCR/ D10b_Finland.doc. – Date of access: 16.10.2016

18. Dr Tapio, Katko S. WaterTime National Context Report – Sweden. 2004. Mode of access: www.watertime.net/docs /WP1/NCR/ D10l_Sweden.doc. – Date of access: 06.05.2017

19. Баженов, А. Частное управление системами водоснабжения / А. Баженов // Коммунальный комплекс России. – 2005. – №10. – С. 42-47

20. Салама Ю.М. Программа реформирования ЖКХ и переход на рыночные отношения // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера.2004. Часть 1. № 3. – С.65-70

21. Куханович, А.И. Зарубежные инвестиции в системы горводоканалов // Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). –2000. – №6. – С.2–5

22.Чернышов, Л.Н. Совершенствование управления недвижимостью как фактор комплексной модернизации ЖКХ // ЖКХ: журнал руководителя и главного бухгалтера.-2006. - Часть 1. №8. – С.10 -16

23. Комаров, И.К. Концессии на водных ресурсах [Электронный ресурс] // N 5(160) ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER.2003. – Режим доступа: www.rau.su/observer/N5_2003/5_11.htm. – Дата доступа: 20.01.2017

24. David Hall, Emanuele Lobina Water and privatisation in central and eastern Europe. [Electronic resource]. – 1999. Mode of access: [ttp://www.psir.org/reports/9909b-W-CEE.doc](http://www.psir.org/reports/9909b-W-CEE.doc). – Date of access: 30.11.2017

25. Emanuele Lobina, David Hall Public Sector Alternatives To Water Supply And Sewerage Privatisation: Case Studies. // IX Stockholm Water Symposium [Electronic resource]. – August 1999. Mode of access: www.psir.org/reports/9908--W-U-Pubalt.doc. – Date of access:25.10.2017

26. Emanuele Lobina Water privatisation and restructuring in Central and Eastern Europe [Electronic resource]. – 2001. Mode of access: www.psir.org/reports/2001-11-W-CEE.doc. – Date of access:30.10.2017

27. Стефан С. Влияние децентрализации на сектор водоснабжения и водоотведения [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.oecd.org/env/outreach/42754105.pdf- Дата доступа:05.09.2017

28. О деятельности УП «Витебскоблводоканал» и его структурных подразделений. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vitebskoblvodokanal.by. – Дата доступа: 06.08.2018.

29.Мисник Е. Водой не разлить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sb.by/articles/vodoy-ne-razlit.html – Дата доступа: 05.09.2018

Статья поступила в редакцию 27 января 2019 года

WATER SUPPLY AND SEWAGE DOMESTIC ENTERPRISES' REGIONALIZATION IN ORDER TO INCREASE THEIR PRODUCTION EFFICIENCY AND BUSINESS ACTIVITIES

A. B. Bachmat

niap_stroyeco@mail.ru

Head of Department "Economic Problems in Construction"
OJC Company "SRI Stroyeconomy"
Minsk, Republic of Belarus

The article studies the key problems of the Republic of Belarus water supply and sewerage system's development. There are given the general characteristics of the technical and economic condition of the water and wastewater treatment and are identified the key problems of its development. An assessment of the existing water utilities enterprises' regionalization option is given on the example of the Vitebsk region. A general description of existing models of EU countries WSS management is given. Taking into account the European experience analysis, an optional variant has been proposed to establish an inter-regional water utilities companies in each region of the Republic of Belarus. The idea on creation of the National Agency for Water Supply and Sewerage is formulated.

Keywords: Water supply and sanitation (WSS), Housing and Utilities Sector (HUS), regionalization, supporting inter-regional water utilities, auctioning, National agency for water Supply and Sewerage, development finance WSS systems.

References

1. Gurinovich, A.D., Bachmat, A.B. Water Use and Sanitation Management System reforming options in the Republic of Belarus [Text] / A.D. Gurinovich, A.B. Bachmat // Belarusian Economic Journal. – 2008. – №3 – P. 116-133.
2. Water strategy of the Republic of Belarus for the period until 2020 [Electronic resource]. – Mode of access: http://minpriroda.gov.by/en/new_url_1649710582-en/. - Date of access: 13.12.2016.
3. The concept of improving and developing housing and communal services until 2025 [Electronic resource]. – Mode of access: www.government.by/upload/docs/file34e37cb338aada3e.PDF. – Date of access: 08.01.2018.
4. Bachmat, A.B. Organizational and legal forms of water supply and sewerage enterprises' management comparative analysis (WWC) [Text] / A.B. Bachmat // Science - education, production, economics. Materials of the third international scientific and technical conference in 2 volumes. Volume 2. – Minsk: BNTU. – 2006. – P. 210-212.
5. Gurinovich, A.D., Bachmat, A.B. Problems of the municipal water economy management in the Republic of Belarus [Text] / Gurinovich A.D., Bachmat A.B. // Management problems. - 2008. - No. 3 (28) - P.224-228
6. Bachmat, A.B., Gurinovich, A.D. WSS management system reforming in the Republic of Belarus / A.B. Bachmat, A.D. Gurinovich // Housing and communal services. Journal of the head and chief accountant. - 2010. - No. 11. - P. 63-71
7. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus as of April 21, 2016 No. 32 "Approval of the State Program "Comfortable Housing and a Favorable Environment" for 2016-2020" [Electronic resource]. - Mode of access: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85581. - Date of access: 15.09.2017
8. President of the Republic of Belarus Speech at the republican seminar on the topic "Improving and developing the housing and communal services of the country" [print version] [Electronic resource]. – Mode of access: http://president.gov.by/en/news_en/view/plenarnoe-zasedanie-respublikanskogo-seminara-overshenstvovani-i-razviti-zhilishchno-kommunalnogo-17347/. - Date of access: 20.10.2017
9. Analysis of the European Water Supply and Sanitation Markets and its possible evolution [Electronic resource] // Final report for work package 2 (phase 2). – Mode of access: <http://mir.epfl.ch/webdav/site/mir/shared/import/migration>. – Date of access: 30.11.2018

10. Alexander Orwin Privatization of Water and Wastewater Utilities: An Inter-national Survey [Electronic resource]. – Mode of access: www.environmentprobe.org/EnviroProbe/pubs/ev542.html/ – Date of access: 30.11.2018
11. The Regulation and Privatisation of the Public Water Supply and the Resulting Competitive Effects [Electronic resource] / Johann Wackerbauer, 2004. – Mode of access: www.cesifo-group.de/.../96843359F84E0D9FE04400... – Date of access: 06.10.2018
12. Semin, V.A. Fundamentals of rational water use and protection of the aquatic environment: A manual for students in Universities / V.A. Semin - M.: Higher. secondary school, 2001. – p.320.
13. Martin L., Iteva M. Commercialization and regulation of the WSS sector in England and Wales / L. Martin, M. Iteva // Housing and Public Utilities: the journal of the head and chief accountant. - 2004. - Part 1. Number 10. - p.71-75.
14. Antonov, N.V. Delegated management as a functional form of public utilities / N.V. Antonov // Housing and communal services (HCS). – 2001. - №5. – p.9-11
15. Kulik, P.A. Assessment of the possibility of using foreign experience of concessions in the development of Russia Water Supply System: dissertation abstract for the Candidate degree. econ Sciences 08.00.05, 08.00.14 / P.A. Kulik / All-Russian Academy of Foreign Trade. - Moscow, 2002.
16. Blokland, M., Braadbaart O. & Schwartz K. (Eds.) Private business, public owners. Government shareholdings in water companies/ M. Blokland, O. Braadbaart, K. Schwartz . - The Ministry of Housing, Spatial Planning and the Environment. 1999. - 213 p.
17. Hukka, J., Seppälä, T WaterTime National Context Report – Finland [Electronic resource] / J. Hukka, T. Seppälä 2004. - Mode of access: www.watertime.net/docs/WP1/NCR/D10b_Finland.doc. – Date of access: 16.10.2016
18. Dr Tapio, Katko, S. WaterTime National Context Report – Sweden. 2004. - Mode of access: www.watertime.net/docs/WP1/NCR/D10l_Sweden.doc. – Date of access: 06.05.2017
19. Bazhenov, A. Private management of water supply systems / A. Bazhenov // Communal complex in Russia – 2005. – №10 – C.42-47.
20. Salama Yu.M. Program of reforming of housing and communal services and transition to market relations // Housing and communal services: magazine of the head and chief accountant 2004. Part 1. No.3 – P.65-70
21. Kukhanovich, A.I. Foreign investments in the systems city water and supply services // Housing and communal services (HCS). – 2000. – №6. – P. 2–5.
22. Chernyshov L.N. Improving the management of real estate as a factor in the complex modernization of housing and public utilities // Housing and public utilities: the magazine of the head and chief accountant. – 2006. – Part 1. №8. – p.10-16
23. Komarov, I.K. Concessions on water resources [Electronic resource] // N 5 (160) “OBSERVER.2003 Access mode: www.rau.su/observer/N5_2003/5_11.html – Date of access: 20.01.2017.
24. David Hall, Emanuele Lobina Water and privatisation in central and eastern Europe. [Electronic resource]. – 1999. Mode of access: <http://www.psir.org/reports/9909b-W-CEE.doc>. –Date of access: 30.11.2017
25. Emanuele Lobina, David Hall Public Sector Alternatives To Water Supply And Sewerage Privatisation: Case Studies. // IX Stockholm Water Symposium [Electronic resource]. – August 1999. Mode of access: www.psir.org/reports/9908--W-U-Pubalt.doc. – Date of access: 25.10.2017
26. Emanuele Lobina Water privatisation and restructuring in Central and Eastern Europe [Electronic resource]. – 2001. Mode of access: www.psir.org/reports/2001-11-W-CEE.doc. – Date of access: 30.10.2017
27. Stephen Speck. The impact of decentralization on the water supply and sanitation sector [Electronic resource] - Mode of access: www.oecd.org/env/outreach/42754105.pdf&. – Date of access: 05.09.2017
28. UE "Vitebskoblvodocanal" performance and its structural subdivisions. Official site [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.vitebskoblvodokanal.by> – Date of access: 06.08.2018.
29. Misnik E. Not poured out by water [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sb.by/articles/vodoy-ne-razlit.html> – Date of access: 05.09.2018

УДК 338.42

ББК65.38

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНТЕГРИРОВАННОГО ПОДХОДА В УПРАВЛЕНИИ В РАМКАХ
ХОЛИСТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА****Л. И. Дроздович**

a1246860@gmail.com

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются основные тенденции развития современного маркетинга, определен подход к понятиям «холистический маркетинг», коммуникационный капитал, обусловленный формированием интегрированных маркетинговых коммуникаций. Разработаны предложения по оптимизации структуры коммуникаций с учетом цифровизации поведения потребителей. Рассмотрены этапы формирования «воронки продаж» с учетом трансформации инструментов коммуникаций и их интеграции.

Ключевые слова: маркетинг, интернет-маркетинг, холистический маркетинг, потребители, маркетинг взаимодействия, интегрированные маркетинговые коммуникации.

Введение. Современный этап развития маркетинговой науки и практики связан с их существенной трансформацией и изменением представлений о путях повышения конкурентоспособности современных компаний, что связано с использованием и распространением интегрированных подходов в управлении, тотальной цифровизацией экономики и изменением поведения потребителей. Поведением потребителей управлять сложнее, поскольку они пользуются информацией из различных источников, которая может противоречить. В этой связи маркетинг, его содержание и инструменты постоянно модифицируются, маркетинг рассматривается как философия бизнеса, как составная часть внутрифирменного управления, научная дисциплина, как средство обеспечения преимуществ в удовлетворении конкретных запросов потребителей. Согласно Ф. Котлеру, «маркетинг состоит в определении и удовлетворении человеческих и общественных потребностей. Одно из кратчайших определений маркетинга звучит так: маркетинг – это прибыльное удовлетворение потребностей» [1, с. 22]. Американская маркетинговая ассоциация предлагает следующее определение маркетинга: «маркетинг – это организационная функция и совокупность процессов создания, продвижения, и предоставления ценностей покупателям и управления взаимоотношения с ними с выгодой для организации и для заинтересованных в ней лиц» [1, с. 22].

Несмотря на определенное переосмысление маркетинговой составляющей управления, критическое отношение к его инструментам, его важность и стратегическое значение увеличивается и в XXI веке. Однако указанные тренды потребовали новых подходов в формировании корпоративных систем управления, в развитии и обосновании новых стратегий маркетинга. Следует признать, что более чем за 100 лет маркетинг из искусства продажи превратился в ключевую концепцию управления. Один из ведущих теоретиков маркетинга П. Друкер, еще в 70-х годах отметил: «правомерно предположить, что потребность в продаже вечна. Но задача маркетинга в том и состоит, чтобы ее минимизировать. Цель маркетинга – достижение такого уровня знаний и понимания покупателей, когда предлагаемые им товары и услуги им жизненно необходимы и продают

сами себя. Все, что остается сделать это предоставить ему соответствующую услугу» [2, с. 64–65]. Многие мировые компании пришли к успеху благодаря правильно выстроенной стратегии выявления и удовлетворения потребностей потребителей. Так, «компания eBay заметив, что многие люди не могут найти вещи, которые им необходимы, создала онлайн-аукцион; компания ИКЕА пришла к выводу, что многие потребители нуждаются в хорошей и недорогой мебели и разработала новые принципы ее дизайна, производства и торговли» [1, с. 22].

Рост рисков и неопределенности рыночной среды, рост влияния социальной парадигмы потребовали новых подходов к управлению предприятием. Своевременное переосмысление и переход к новым моделям маркетинга должно быть увязано с этапами экономического развития, каждому из которых будет соответствовать конкретная модель маркетинга. Данные закономерности можно проследить на примере развития и применения отдельных моделей маркетинга белорусскими предприятиями. «На белорусских предприятиях до сих пор используется сбытовой подход, ориентирующий на продажу уже произведенной продукции, а не первоочередное изучение потребностей. Тем не менее ориентация маркетинга на сбытовую функцию может быть оправдана только при отсутствии более конкурентоспособной альтернативы. Белорусский потребитель становится более компетентным, формируется «средний класс», для которого приоритеты уходят из области низких цен в область качественных, имиджевых характеристик» [3, с. 20–21].

Традиционные концепции маркетинга реактивного характера, к которым относят производственную, товарную, сбытовую, концепцию чистого маркетинга, ориентированные на краткосрочную перспективу и нацеленные на выполнение функциональной роли маркетинга в координации и управлении 4P, перестали быть достаточными в процессе улучшения адаптации фирмы к потребностям покупателей. Однако такой подход, популяризованный стараниями в основном американских бизнес-школ, хотя, безусловно и не исчерпал себя, требует развития не только в рамках европейской конструкции маркетинга, но и с учетом особенностей развивающихся белорусских рынков.

Маркетинг, также как и другие научно-практические дисциплины трансформируется в условиях усложнения конкурентной среды, становящейся глобальной и дерегулируемой, существенно меняющейся под влиянием информационных технологий, что предполагает формирование новых моделей управления. В 90-е годы традиционные подходы перестали соответствовать новым глобальным вызовам, что и обусловило появление новых концепций: маркетинга взаимоотношений, интегрированного, социально ответственного, холистического (объединил вышеназванные концепции), сетевого маркетинга, маркетинга взаимодействия и партнерских отношений. В этой связи стало необходимым не только уточнить понятия новых маркетинговых концепций и их основные функции, но и выявить принципиальные отличия от классического маркетинга, специфику управленческих подходов субъектов хозяйствования в рамках интегрированной парадигмы, определить суть процессов взаимодействия и их механизмы. Применение холистического в системе управления затрагивает все элементы комплекса маркетинга, включая систему коммуникаций, благодаря особой целостной системе взаимодействия появляются новые нематериальные активы, особым способом переформирующие систему маркетинга.

Данные процессы не могут не отражаться на поведении потребителей, что существенным образом меняет подходы, например, к структуре и составу «воронки продаж» в результате использования информационных технологий. В этой связи, для роста конкурентоспособности и учета сложности и неопределенности маркетинговой среды важ-

ным становится использование системного интегрированного подхода. Проведенные исследования отечественных и зарубежных подходов свидетельствуют, что элементы маркетинговых коммуникаций рассматриваются изолированно без учета изменения поведения потребителей, как самостоятельные виды деятельности, что ослабляет эффект от их воздействия.

Результаты и их обсуждение. Современные исследования свидетельствуют об изменении маркетинговых концепций. По мнению большинства зарубежных и российских экономистов теория и практические приемы маркетинга трансформируются в связи с изменением внешней среды и поведением потребителей. Так, по мнению российского экономиста Е. В. Писаревой « теория и практика маркетинга в последние 15-20 лет трансформируется в связи с глобальными изменениями в экономике, поведением потребителей под воздействием информационных технологий. В связи с этим, от концепции реактивного маркетинга компании перешли к проактивному и интерактивному маркетингу, а от исследований спроса и адаптации к рынку – к его активному формированию, превентивному управлению рыночными трендами на основе маркетинг-аналитики и социально-экономических форсайтов» [4, с. 3].

С усложнением внешней среды появляются новые концепции маркетинга. Следует отметить, что своим появлением и дальнейшим развитием концепция взаимодействия была обязана высокой динамике сферы услуг и информационных технологий. Основу исследований маркетинга взаимодействия как инструмента оптимизации определяют работы И. Хагга, Й. Йохансона, Л. Маттсона, Д. Форда, Д. Валла и др. Базовые представления о маркетинге представлены в работах Котлера, Друкера, Левитта, Келлера. Эволюционный анализ зарубежной теории маркетинга свидетельствует о новых трендах в развитии теории. Начиная с 90-х годов формируется новая концепция – холистический маркетинг, которая включает в себя четыре составляющие: «внутренний маркетинг (отдел маркетинга, топ-менеджмент, другие отделы), интегрированный (коммуникации, товары и услуги, каналы), маркетинг взаимодействия (покупатели, каналы, партнеры) и социально ответственный маркетинг (этика, экология, право, общество)» [1, с. 29]. В последние годы даже в большей степени стало актуализироваться отношение к маркетингу как инструменту, способному решать разноуровневые задачи. «Движение в защиту окружающей среды и социэкологический подход к потреблению отражает осведомленность о нехватке ресурсов, бесконтрольном накоплении отходов и социальной стоимости потребления. Сталкиваясь с подобными умонастроениями, фирмы вынуждены пересматривать основы концепций своих товаров, начиная от материально-технического снабжения ресурсами и заканчивая вторичной переработкой и захоронением» [5, с. 828–829]. Рост требований к социальной составляющей вынуждает компании модифицировать не только бизнес-философию, но и стратегии развития. В работах, посвященных анализу развития систем управления и концепций маркетинга, отсутствует единообразный подход к определению «холистический маркетинг» и его составляющим.

Один из основателей холистического маркетинга Ф. Котлер определяют его как «планирование, разработка и внедрение маркетинговых программ, процессов и мероприятий с учетом их широты и взаимозависимости» [1, с. 29]. Однако, полагаем, такой подход является достаточно односторонним, не соответствующим системному, поскольку планирование – это одна из функций управления, а не весь управленческий процесс, что не соответствует концепции холистического маркетинга. В рамках данного подхода игнорируется социально ответственный маркетинг. Полагаем целесообразным уточнить понятие холистического маркетинга с точки зрения реализации им целой совокупности социальных, экономических, аналитических, организационных задач. Холистический маркетинг – это многоуровневая система управления бизнес-процессами на основе

развития корпоративной гражданской ответственности, долгосрочной ценности продукта, вовлечения покупателей во взаимодействие, формирования эффективной клиентоориентированной стратегии с учетом принципов реализации общественных интересов. Современные исследования в этом направлении свидетельствуют об отсутствии единообразных подходов в определении этого понятия. Так, например, в работах российского экономиста Е. В. Писаревой отождествляется холистический и интегрированный маркетинг, понятия определяются нечетко. Согласно исследованиям Е. В. Писаревой «современные маркетинговые модели должны быть основаны на интегрированных платформах управления маркетингом, что обуславливает необходимость не только дальнейшего развития концепции интегрированного и холистического маркетинга, (что частично сделано Ф. Котлером и К. Л. Келлером), но и конкретизации методологии формирования и управления моделями интегрированного маркетинга» [4, с. 5]. Данный подход является не корректным, поскольку интегрированный маркетинг является составным элементом холистического. Вопросы развития холистического маркетинга с организационной точки зрения и его потенциал также рассматриваются в работах Р. Раста, К. Мурмана, Г. Бхалла. В работах этих авторов, посвященных переосмыслению маркетинга в условиях постиндустриальной экономики, ставятся вопросы трансформации традиционных подходов и становления маркетинга вовлечения потребителей во взаимодействие, что затрагивает не только коммуникации, но и весь комплекс маркетинга, что справедливо подчеркивается в работе А. Е. Архипова. Исследуя новые тренды в развитии интеграционных управленческих процессов, автор отмечает тесную интеграцию «коммуникационного комплекса с другими составляющими комплекса маркетинга (товарная, ценовая, сбытовая политики)» [6]. «Потребители в состоянии получать информацию из различных источников, и если она противоречива, то это порождает недоверие, что существенно снижает эффект от коммуникационного воздействия» [6].

По мнению Е. В. Писаревой, «парадигма интегрированного маркетинга формируется под воздействием следующих условий: цифровизации поведения потребителей, усиления влияния социума и внешней среды на формирование спроса, усиление роли маркетинга и маркетинговой культуры, необходимости системной поддержки управленческих решений маркетингом, усиление межфункционального характера бизнес-процессов, возможность вовлечения потребителей в непрерывный он-лайн диалог [4]. Это стало возможным благодаря широкому распространению Интернет-технологий в 90-гг.

В целом, факторы, способствовавшие развитию интегрированного подхода в коммуникациях обусловлены: во-первых, влиянием интернета, что радикальным способом изменило всю систему коммуникаций, произошла трансформация поведения потребителей; во-вторых, расширением охвата коммуникациями, прежде всего, за счет интернет-технологий; в-третьих, ростом расходов на рекламу, необходимостью стимулирования всех субъектов и участников продвижения на всех уровнях.

Проблема управления процессом интегрированных коммуникаций рассматривается как составная часть стратегических программ по оптимизации взаимодействия. «По определению Американской ассоциации рекламных агентств, интегрированные коммуникации – это концепция планирования маркетинговых коммуникаций, которая признает повышенную ценность комплексного подхода. В таком планировании оцениваются стратегические роли разнообразных коммуникационных дисциплин – например, обычной рекламы, рекламы прямого отклика, стимулирования сбыта и связей с общественностью – и проводится их сочетание с целью обеспечения ясности, согласованности и максимального эффекта посредством «бесшовной стыковки сообщений» [1, с. 405].

Интеграция маркетинговых коммуникаций позволяет оптимизировать бюджет и способствует росту эффективности коммуникационного воздействия. Указанные тенденции достаточно образно определены Д. Эндельманом. Анализируя статистические данные по затратам на рекламу, указанный автор выявляет изменение потребителей в процессе принятия решения о покупке: «потребители флиртуют со множеством брендов, постоянно получая и перерабатывая информацию с каналов, которые производители и посредники не контролируют – да и о самом их существовании не подозревают. Потребитель оценивает огромное множество предложений, причем до того, как его сужать, он сначала старается сделать его как можно шире» [7, с. 23]. Данные тенденции свидетельствуют о том, что классическая модель коммуникации перестала соответствовать реальности. «В традиционной маркетинговой стратегии максимум усилий и средств направляли на две задачи: чтобы о бренде знало как можно больше потенциальных покупателей и чтобы именно этот бренд привлек их в местах продажи. Однако сегодня главные «точки соприкосновения» сместились, их стало больше, и они качественно иные» [7, с. 24]. Это означает, что ориентация на интегрированные стратегии компаний должна быть тесно увязана с изменением потребительского поведения и учтена в структуре коммуникационной политики и в соответствующих бюджетах.

Данные особенности в условиях глобального изменения поведения позволяют выработать технологии наиболее точного определения эффективных «точек соприкосновения» с потребителем, определения этапов в рамках принятия решений о покупке, там, где с большей вероятностью создается лояльность потребителя. Используем для этого «воронку продаж». Типичная воронка продаж «отражает влияние отделов маркетинга и продаж на решения покупателя о покупке и включает осведомленность клиентов о качестве, ценах, распределении, осведомленность о бренде, рассмотрение бренда, предпочтения бренда, намерение совершить покупку, покупку, лояльность клиента, рекомендации клиента» [7, с. 215]. Полагаем, что раньше в эпоху массового маркетинга общепризнанным было мнение, что потребитель начинает процесс покупки с анализа большого числа вариантов, постепенно сужая их число, пока не найдет окончательного решения. В послепродажный период взаимодействие потребителя с торговой маркой или знаком ограничивалось использованием приобретенного товара или услуги. В условиях глобального информационного потока следует модифицировать воронку продаж, или точнее типичная воронка должна быть переориентирована на «путешествие потребителя», которое включает 4 основных этапа: «обзор, активная оценка, покупка и использование, рекомендации и формирование доверия и лояльности к товару» [7, с. 28]. Понятие «путешествие потребителя» было введено американскими маркетологами и, в частности, Д. Эндельманом. Кажется логичным в условиях перехода потребителей к преимущественному использованию Интернета рассматривать «управляемое путешествие потребителей», поскольку на практике самым важным фактором, влияющим на формирование лояльности потребителя к товару, становится последний этап модели покупательского поведения: использование, формулирование рекомендаций и формирование оценки товара или услуги.

Данные тренды следует учитывать при формировании бюджетов на коммуникации, т. е. исходить из того, на каких этапах покупательского пути вмешательство в выбор будет наиболее продуктивно. Современные компании, при создании интегрированных коммуникаций, должны исходить, что потребители наиболее внушаемы на стадиях оценки и использования товара. Поэтому наиболее активные коммуникационные мероприятия, направленные на установление долгосрочных отношений с клиентами, следует осуществлять именно на этих стадиях. Во многих случаях самым эффективным стимулом для покупки может быть совет в социальных сетях при обсуждении покупки.

В послепродажный период потребители включаются в интерактивное обсуждение, формируют впечатление и способствуют вирусному маркетингу, что существенно ограничивает контроль производителя над цепочкой всего пути продвижения товара. Когда стратегии исходили преимущественно из типичной воронки продаж, коммуникация была односторонней, вирусный маркетинг был невозможен, а использование сетей позволяет налаживать непрерывный диалог с использованием маркетинга взаимодействия.

В этих условиях преимущественная ориентация только на рекламные обращения в условиях цифровизации теряет смысл. В рамках управления интегрированными коммуникациями «наиболее актуальным является создание собственных каналов коммуникаций предприятий, включая корпоративные сайты, социальные сети, другие интернет-ресурсы, создаваемые самими пользователями» [7, с. 28–29]. Новые коммуникационные каналы должны учитывать акценты в поведении потребителей на стадии активной оценки и выработки рекомендаций. По мнению Д. Эндельмана, «сделать навигацию на этапе активной оценки более удобной и превратить потребителя в сторонника и фаната не менее важно, чем представить бренд потребителю и стимулировать покупки в месте продаж, обеспечить поддержание каналов коммуникаций, действующих в сетях и оплату труда сотрудников, определение новых технологий, необходимых для создания и распространения сведений о товаре по всему информационному полю, активное участие в его обсуждении» [7, с. 28–29]. Данные новации в системе управления предполагают решение также следующих задач: интегрировать процессы и системы на основе совместной деятельности отделов сбыта и продаж; регулярно обновлять базы данных для совместного использования; разработать целевые показатели для оценки координированных действий отделов; увеличить согласованность разделов в работе систем и процессов, привлекать отделы маркетинга и сбыта к совместной оценке потребностей потребителей.

Выводы. В современных условиях усложнения глобальной среды наиболее эффективным рассматривается интегрированный подход к управлению маркетингом, что проявляется через интеграцию маркетинга в управленческие процессы. Одной из основных новых концепций рассматривается холистический маркетинг, который включает в себя функции анализа, планирования, разработки, координации, реализации программ процессов и мероприятий с учетом их взаимодействия и взаимозависимости. Применение холистического маркетинга позволит социализировать функции маркетинга. Существенное значение в этой парадигме придается удовлетворению социальных потребностей в процессе реализации маркетинговых стратегий. Рыночная сила потребителей только усиливается, а производители постепенно теряют уровень контроля над продвижением собственных товаров. Такого рода трансформации рынков и поведения потребителей обусловили использование целостного, интегрированного подхода, с использованием социально ответственного маркетинга. Отмечается устойчивая тенденция все более глубокой интеграции маркетинга в систему управления. В настоящее время белорусскими производителями используются практически все концепции маркетинга или отдельные элементы каждой из них. Однако, использование исключительно традиционных инструментов и концепций маркетинга, ориентированных на массового потребителя, ограничивает перспективы роста отечественных компаний. Все больше компаний сталкиваются с проблемой роста рыночной власти покупателей, что вынуждает трансформировать бизнес-модели, более активно использовать интегрированный подход к коммуникациям на основе интернет технологий. Необходимо учитывать, что в условиях цифровизации поведения потребителей значение и роль рекламы постепенно существенно ослабевает. Для усиления эффективности коммуникаций следует оптимизировать классическую воронку продаж, привлекая для этого инструментарий Интернета.

Список использованных источников

1. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент : Экспресс-курс / Ф. Котлер, К. Л. Келлер; под ред. С. Г. Жильцова. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2018– 480 с.
2. Drucker, P. Management: Tasks, Responsibilities, Practices. – New York, 1973.
3. Разумова, С. В. Стратегический маркетинг : учеб. пособие / С. В. Разумова. – Минск : БГЭУ, 2009.
4. Писарева, Е. В. Методология формирования моделей интегрированного маркетинга компаний : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Е. В. Писарева. – Санкт-Петербург, 2016. – 48 с.
5. Ламбен, Ж.-Ж. / Менеджмент, ориентированный на рынок / Ж.-Ж. Ламбен, Р. Чумпигас, И. Шулинг. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2017. – 928с.
6. Архипов, А. Е. Интеграция маркетинговых коммуникаций: подходы, особенности, синергизм / А. Е. Архипов // Российское предпринимательство. – 2012. – №23 (221).
7. Стратегический маркетинг / Пер. с англ. – 3 изд. – М. : Альпина Паблишер, 2018. – 234 с.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2019 года

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF INTEGRATED APPROACH TO THE MANAGEMENT THROUGH HOLISTIC MARKETING

L. I. Drozdovich

a1246860@gmail.com

PhD in Economics, associate Professor

Associate Professor of the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article considers the main trends in the development of modern marketing. The approaches to such concepts as «holistic marketing», communications capacity, which is generated by the formation of integrated marketing communications, are defined. The article has developed proposals for the optimization of communication structure taking into account the digitalization of consumer behavior. The stages of formation of «sales funnel» based on the transformation of communicational instruments and their integration are shown in the current paper.

Keywords: *marketing, integrated marketing, internet-marketing, holistic marketing, consumers, integrated marketing communications, digitalization of consumer behavior.*

References

1. Kotler F., Keller K.L. Ehkspress-kurs.3 izd. / Pod red. S.G. ZHil'cova.-SPb.: Piter, 2018. – 480 s.
2. Peter Drucker, Management: Tasks, Responsibilities, Practices (New York, 1973).
3. Pazumova S, V. Strategicheskij marketing/ PosobieBGEU, 2010.
4. Pisareva E.V. Metodologiya formirovaniya modelej integrirovannogo marketinga kompanij/ Avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk / SPb,2016.– 48s.
5. Lamben ZH.-ZH., Chumpitas R., Shuling I. / Menedzhment, orientirovannyj na rynek.2-e izd.– SPb.; Piter, 2017. – 928s.
6. Arhipov, A. E. Integraciya marketingovyh kommunikacij: podhody, osobennosti, sinergizm // Rossijskoe predprinimatel'stvo. – 2012. – №23 (221).
7. Strategicheskij marketing/ Per. s ang.-3 izd.- M. : Al'pina Pabltsheer, 2018.- 234s.
8. Tolstyakov R.R., Kuznecova E.M. Ehvoljuciya marketingovyh kommunikacij v usloviyah transformacii potrebitel'skih rynkov. Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy, 2015g., t.10. №5.

УДК 338.23

ББК 65.05

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И РИСКОВ РАЗВИТИЯ ВОДОПРОВОДНО-КАНАЛИЗАЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. О. Китиков

доктор технических наук, профессор, директор
Институт жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

В. Л. Гурский

vhurski@yandex.ru

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий отделом экономики ЖКХ

Институт жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

А. О. Болтрукевич

стажер младшего научного сотрудника
Институт жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

В статье приведены результаты анализа тенденций и рисков развития водопроводно-канализационного хозяйства (ВКХ) в Республике Беларусь. Определены ключевые проблемы, препятствующие эффективному развитию ВКХ. Изучены факторы, обуславливающие дифференциацию себестоимости услуг водоснабжения и водоотведения на региональном уровне. Выявлены тенденции развития ВКХ Беларуси: снижение удельного потребления воды на душу населения; повышение требований к качеству воды и услуг водоснабжения и водоотведения со стороны населения и государства; региональная дифференциация затрат и тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения. На основе исследований сформулированы основные положения повышения эффективности отрасли: структурно-экономические мероприятия в области управления и финансирования ВКХ, проведение единой инновационно-технологической, экономической и кадровой политики, модернизация объектов и инженерной инфраструктуры ВКХ.

Ключевые слова: водопроводно-канализационное хозяйство, удельные затраты, региональная дифференциация, тенденции развития.

Введение. «Одним из главных приоритетов государственной социально-экономической политики на современном этапе является обеспечение гражданам страны комфортных условий проживания и благоприятной среды обитания, с одновременным снижением затрат и повышением качества жилищно-коммунальных услуг» [1]. Согласно подпрограмме «Чистая вода» Госпрограммы «Комфортное жилье и благоприятная среда обитания» на 2018-2020 годы перед водопроводно-канализационным хозяйством Республики Беларусь поставлены задачи по обеспечению 100% потребителей качественной питьевой водой, снижение затрат на производство услуг ВКХ при повышении их качества, повышение эффективности организации и управления эксплуатацией систем водоснабжения и водоотведения, повышение инвестиционной привлекательности и хозяйственной самостоятельности предприятий ВКХ.

Необходимость постоянного совершенствования организационно-экономического механизма развития систем водоснабжения и водоотведения в ЖКХ Беларуси обуславливает актуальность поиска перспективных его вариантов, с учетом основных тенденций

развития ВКХ. Исследованиями в области экономики водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь занимались Г. Л. Харевич [2], А. Б. Бахмат [3], А. Д. Гуринович [4], В. А. Новак [5].

Цель данной статьи – исследование тенденций и рисков развития водопроводно-канализационного хозяйства на современном этапе, как факторов эффективности стратегически значимой отрасли.

Результаты и их обсуждение. Централизованное обеспечение населения и хозяйствующих субъектов водой и услугами канализации является одной из приоритетных задач предприятий ЖКХ и ВКХ. Отношения в области питьевого водоснабжения в Республике Беларусь регулируются Законом Республики Беларусь «О питьевом водоснабжении», Водным кодексом Республики Беларусь и иными нормативными правовыми актами Республики Беларусь, регламентирующими вопросы здравоохранения, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий.

Системы питьевого водоснабжения могут находиться в государственной (республиканской и коммунальной) собственности, а также в собственности юридических и физических лиц. Для Республики Беларусь характерно наличие различных организационно-правовых форм управления ВКХ: юридически самостоятельные коммунальные унитарные производственные предприятия (например, КПУП «Борисовводоканал»); филиалы в составе многопрофильных организаций жилищно-коммунального хозяйства (например, филиал «Речицаводоканал» КУП «Речицкий райжилкомхоз»), дочерние коммунальные производственные предприятия (например, Осиповичское дочернее унитарное коммунальное производственное предприятие «Водоканал») и одно открытое акционерное общество (ОАО «Слонимводоканал»). Организации ВКХ (водоканалы и производственные участки) городов и поселков осуществляют эксплуатацию сложной водохозяйственной системы жизнеобеспечения регионов с полным производственным циклом: забор воды из недр, очистка и реализация ее потребителям и абонентам, отвод и очистка канализационных стоков, включающую в себя: водные объекты, комплекс сооружений водоснабжения (водозаборы, водоподготовку, резервуары чистой воды, водонапорные башни, насосные станции, водопроводные сети) и канализации (канализационные сети и насосные станции, сооружения очистки сточных вод и обработки их осадков).

«Подготовку и поставку воды, имеющей потребительские свойства, а также оказание услуг канализации, в целом по стране осуществляют порядка 1460 организаций (предприятия ВКХ, промышленные организации, сельскохозяйственные организации, имеющие на балансе собственные скважины и др.)» [6], из них 130 коммунальных предприятий ВКХ. Из которых по состоянию на 01.01.2017 г. только 26 (20% от общего числа организаций) являлись юридически самостоятельными предприятиями ВКХ, остальные – подразделения (филиалы, производства) ВКХ в составе многопрофильных управлений ЖКХ (Таблица 1).

Таблица 1 – Количество и территориальное распределение юридически самостоятельных предприятий ВКХ, на 01.01.2017 г.

Регион	Общее количество жилищно-коммунальных предприятий, предоставляющих воду и услуги канализации,	
	всего	в том числе юридически самостоятельные предприятия ВКХ (водоканалы)
Брестская обл.	19	5 (Брест, Кобрин, Пинск, Барановичи, Лунинец)
Витебская обл.	23	4 (Витебск, Орша, Полоцк, Новополоцк)
Гомельская обл.	22	1 (Гомель)
Гродненская обл.	19	2 (Гродно, Слоним)
Минская обл.	23	6 (Минский район, Солигорск, Жодино, Молодечно, Вилейка, Борисов)
Могилевская обл.	23	7 (Могилев, Бобруйск, Быхов, Осиповичи, Костюковичи, Кричев, Мстиславль)
Г.Минск	1	1 (Минск)
Итого	130	26

Источник: составлено авторами на основе данных Министерства ЖКХ Республики Беларусь

«На балансе предприятий ЖКХ (ВКХ) на 01.01.2017 г. находилось ориентировочно 10 197 скважин, 1 300 очистных сооружений (из которых 54% от общего объема составляют сооружения с искусственной очисткой), 598 станций обезжелезивания воды, 38 200 километров сетей водопроводных и 18 500 километров канализационных сетей» [1].

В малых и средних по размеру городах подразделения, занимающиеся эксплуатацией систем водоснабжения и канализации (ВиК), входят в структурные управления многопрофильных городских (районных) предприятий ЖКХ. В отличие от других стратегических сфер деятельности (теплоснабжение, электроснабжение, газоснабжение), от успешного функционирования, которых зависит социальная и экономическая стабильность страны, ВКХ как самостоятельная подотрасль в Республике Беларусь до сих пор не создана. Проведенный анализ показал, что данная ситуация может привести к ухудшению экономического и финансового состояния предприятий ВКХ, увеличению физического износа систем ВиК и как следствие - росту тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения, а также снижению качества поставляемой питьевой воды.

Тарифы на услуги водоснабжения и водоотведения формируются исходя из себестоимости 1м³ воды. Основным документом, регулирующим порядок начисления платы за жилищно-коммунальные услуги, является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 июня 2014 г. № 571 «Об утверждении Положения о порядке расчетов и внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и платы за пользование жилыми помещениями государственного жилищного фонда, внесении изменений и дополнений в постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их структурных элементов» [7]. Тарифы на услуги водоснабжения и водоотведения устанавливают облисполкомы и Минский горисполком и согласовывают их с Минэкономики.

Анализ статистических данных показывает, что тарифы на водоснабжение и водоотведение по областям Республики Беларусь отличаются (рисунок 1). Так наименьший тариф на водоснабжение в 2017 г. зафиксирован в г. Минске, а наибольший – в Витебской и Гомельской обл. Среди тарифов на водоотведение наименьший тариф установлен в г. Минске, а наибольший – в Минской обл. Следует отметить, что субсидированные

тарифы на водоснабжение и водоотведение существенно ниже затрат на водоснабжение и водоотведение, которые отражает полный тариф.

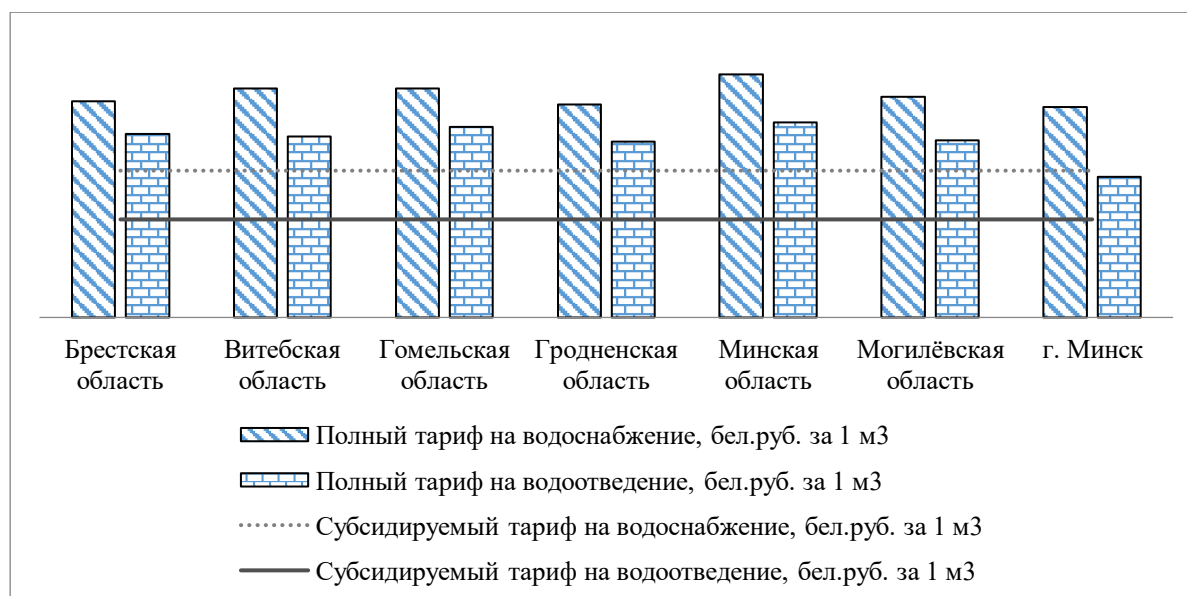

Рисунок 1 – Сравнительный анализ тарифов на водоснабжение и водоотведение по областям за 2017 г.

В 2018 г. была предпринята попытка выхода на 100 % возмещение затрат, однако разница между полным и субсидированным тарифом по-прежнему велика. Наименьший тариф в 2018 г. был установлен в Минской обл., а наибольший – в Гомельской обл. Наименьший тариф на водоотведение зафиксирован в г. Минске, а наибольший – в Гомельской обл. Сравнительный анализ дифференциации удельных затрат и ПРЦ по областям Республики Беларусь в 2018 г. представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнительный анализ дифференциации удельных затрат и ПРЦ по областям Республики Беларусь в 2018 г.

	Водоснабжение				Водоотведение			
	Себестоимость, руб.		ПРЦ, руб.		Себестоимость, руб.		ПРЦ, руб.	
	мин	макс	мин	макс	мин	макс	мин	макс
Брестская обл.	0,6157	1,098	0,6609	1,2752	0,4652	1,1325	0,5044	1,2198
Витебская обл.	0,696	2,0616	0,8053	0,9098	0,4601	1,9011	0,6191	0,6912
Гомельская обл.	0,7535	1,5044	0,7865	1,4688	0,4858	1,5147	0,5085	1,3695
Гродненская обл.	0,6942	1,2955	0,7364	1,4201	0,4673	1,2851	0,4994	1,6252
Могилёвская обл.	0,618	1,5065	0,6596	1,55	0,422	1,6705	0,5177	1,5
Минская обл.	0,6247	1,2893	0,64	1,2912	0,443	1,898	0,444	2,064

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Анализ значений себестоимости водоснабжения по регионам позволил выявить дифференциацию данного показателя по предприятиям областей (рисунок 2). Согласно

данным Министерства ЖКХ Беларуси, минимальное значение по республике было отмечено в размере 0,6157 руб. (Брестская обл.), а максимальное значение – 2,0616 руб. (Витебская обл.). При данных показателях среднее значение по республике составило 1,03 руб. Максимальное значение превышает среднее значение в 2 раза, а отклонения минимального значения от среднего значения по республике составляет 0,4143 руб.

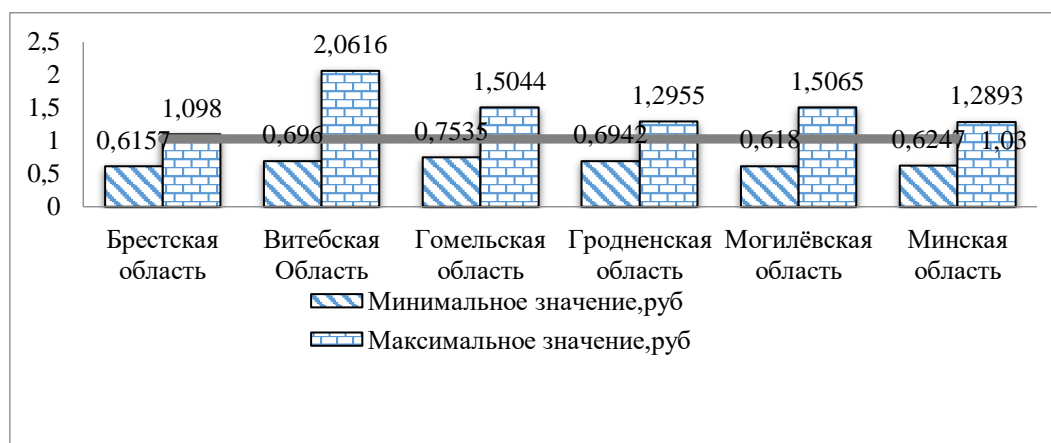

Рисунок 2 – Анализ максимального и минимального значений себестоимости водоснабжения по областям

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Анализ значений планово-расчетной цены (ПРЦ) позволил выявить дифференциацию показателей (рисунок 3). Наименьшее значение ПРЦ зафиксировано в Минской обл. (0,64 руб.), а наибольшее – в Могилёвской (1,55 руб.). Наибольшее расхождение минимального и максимального значений зафиксировано в размере 0,8904 руб. (Могилёвская обл.).

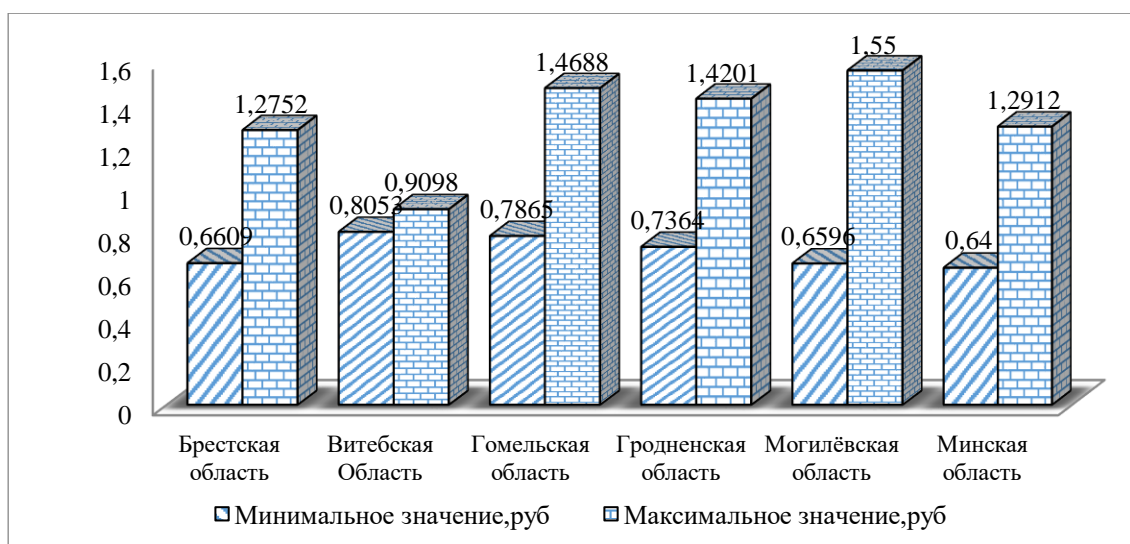

Рисунок 3 – Анализ максимального и минимального значений планово-расчетной цены водоснабжения по областям

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Показатели себестоимости водоотведения по регионам также дифференцированы по областям (рисунок 4). Согласно данным Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь минимальное значение себестоимости водоотведения составило 0,422 руб. (Могилёвская область), а максимальное – 1,9011 руб. (Витебская область). При данных значениях себестоимости среднее значение по республике составило 0,94 руб. Отклонение минимального значения от среднего значения по республике составило 0,518 руб., а отклонение максимального значения от среднего значения по республике составило 0,9611 руб.

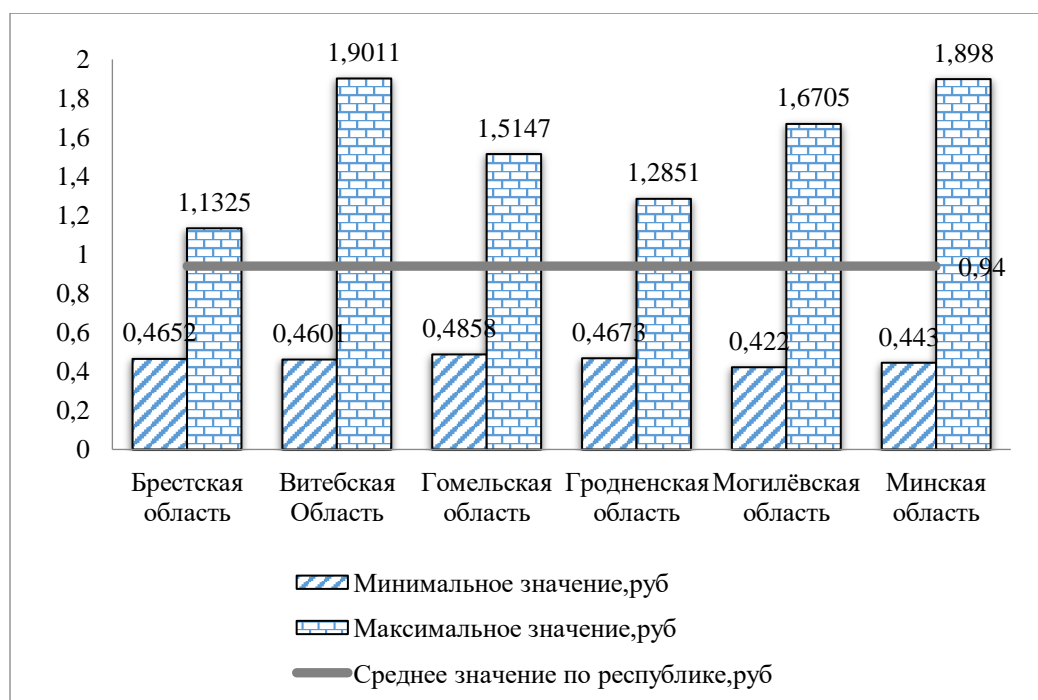

Рисунок 4 – Анализ максимального и минимального значений себестоимости водоотведения по областям

Показатели себестоимости водоотведения по регионам также дифференцированы по областям. Согласно данным Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь минимальное значение себестоимости водоотведения составило 0,422 руб. (Могилёвская область), а максимальное – 1,9011 руб. (Витебская область). При данных значениях себестоимости среднее значение по республике составило 0,94 руб. Отклонение минимального значения от среднего значения по республике составило 0,518 руб., а отклонение максимального значения от среднего значения по республике составило 0,9611 руб.

Согласно данным рисунка 5 можно сделать вывод о дифференциации значений ПРЦ по предприятиям областей. Так минимальное и максимальное значения ПРЦ были отмечены в Минской области – 0,444 руб. и 2,064 руб. соответственно. Разница между данными значениями составила 1,62 руб. Проведенный анализ деятельности предприятий (подразделений) ВКХ свидетельствует о том, что «в среднем удельная себестоимость 1 м³ воды у юридически самостоятельных предприятий ВКХ меньше, чем у участков (подразделений) ВКХ в составе многопрофильных предприятий ЖКХ», что подтверждают и другие ученые [8].

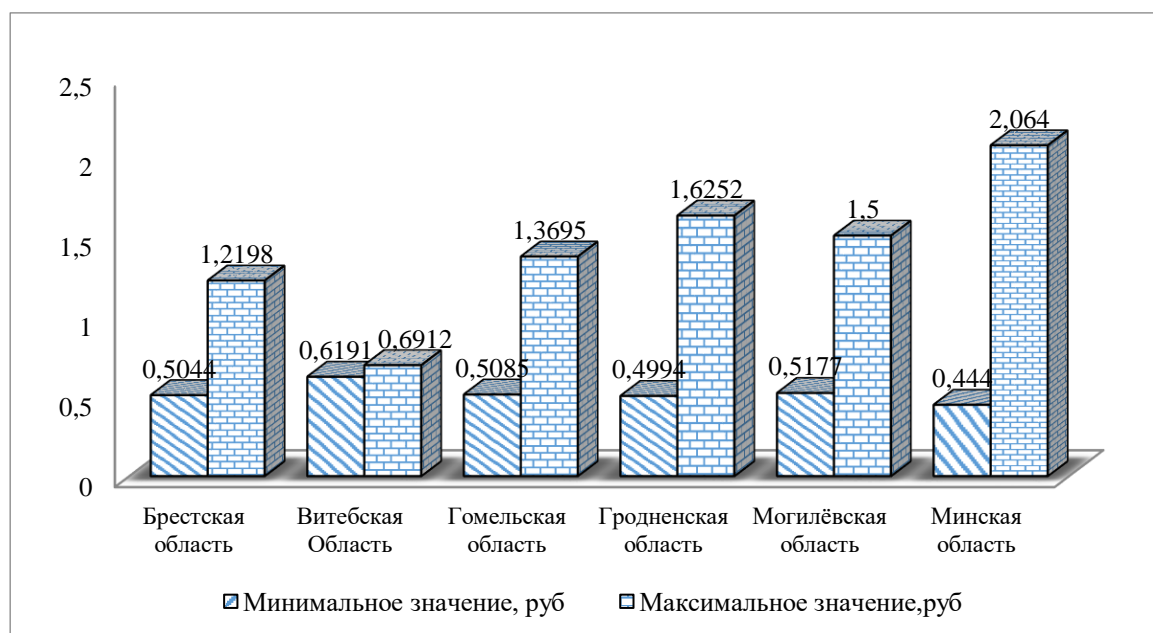

Рисунок 5 – Анализ максимального и минимального значений ПРЦ водоотведения по областям

Анализ экономических показателей предприятий ВКХ за 2017 г., проведенный на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь, представлен в таблице 3. Среди предприятий можно выделить высокорентабельные (рентабельность продаж больше 5%), низкорентабельные (1–4%), нерентабельные (-22 – 0%). Среди нерентабельных предприятий значатся районные предприятия ВКХ, а среди высокорентабельных преобладают областные водоканалы. Данный факт указывает на большую эффективность крупных предприятий ВКХ в сравнении с малыми предприятиями, что приводит к тому, что районные предприятия не в состоянии оказывать услуги высокого качества из-за нехватки средств на обновление и поддержание инженерной инфраструктуры в технически исправном либо удовлетворительном состоянии.

Таблица 3 – Экономические показатели предприятий ВКХ за 2017 г., проранжированные по убыванию

		Загрaпы, тыс. руб.	Доход, тыс. руб.	Прибыль, убыток, тыс.руб.	Чистая прибыль, убыток, тыс.руб.	Рентабельность продаж, %	Рентабельность затрат, %
Высокорентабельные	УПКП ВКХ Могилевоблводоканал	467	590	123	71	21%	26%
	КПУП «Гомельводоканал»	38607	46266	7659	2202	17%	20%
	БУКДПП «Водоканал»	17577	20581	3004	855	15%	17%
	КУП «Солигорскводоканал»	9910	11531	1621	654	14%	16%
	ГУКПП «Гродноводоканал»	25966	29827	3861	984	13%	15%
	ОАО «Слонимский водоканал»	6380	7236	856	191	12%	13%

Окончание таблицы 3

		Затраты, тыс. руб.	Доход, тыс. руб.	Прибыль, убыток, тыс. руб.	Чистая при- быль, убы- ток, тыс. руб.	Рентабель- ность про- даж, %	Рентабель- ность за- траг, %
	УП «Минскводоканал»	167676	189282	21606	18824	11%	13%
	ГП «Брестводоканал»	27710	30257	2547	1567	8%	9%
	КУП»Жодинский водоканал»	6139	6701	562	41	8%	9%
	ГП «Пинскводоканал»	8387	9066	679	180	7%	8%
	Лунинецкое КУП ВКХ «Водока- нал»	4200	4535	335	4	7%	8%
	ГП»Борисовводоканал»	12690	13550	860	125	6%	7%
	РКУП»Вилейский водоканал»	2842	3017	174	27	6%	6%
	МГКУП»Горводоканал»	35683	37699	2016	211	5%	6%
	<i>Среднее значение по группе</i>	<i>26016</i>	<i>29296</i>	<i>3279</i>	<i>1853</i>	<i>11%</i>	<i>12%</i>
Низкорентабельные	КУПП «Водоканал» г. Барановичи	11892	12442	550	328	4%	5%
	Быхов ВКХ	3016	3150	134	0	4%	4%
	фил-л «Речицаводоканал»	7453	7731	278	14	4%	4%
	УП «Витебскводоканал»	25332	26332	867	713	3%	3%
	КУПП «Кобринрайводоканал»	4442	4578	136	63	3%	3%
	Осиповичское УВКХ	11675	11881	206	1	2%	2%
	КУП «Молодечноводоканал»	9990	10137	147	329	1%	1%
	<i>Среднее значение по группе</i>	<i>10543</i>	<i>10893</i>	<i>331</i>	<i>207</i>	<i>3%</i>	<i>3%</i>
Не рентабель-	УП «Гроднооблводоканал»	1366	1332	-34	-59	-3%	-2%
	Костюковичское УВКХ	2153	2055	-98	0	-5%	-5%
	Кричевское УВКХ	2528	2200	-328	2	-15%	-13%
	Мстиславское УВКХ	2040	1594	-446	0	-28%	-22%
		<i>Среднее значение по группе</i>	<i>2022</i>	<i>1795</i>	<i>-227</i>	<i>-14</i>	<i>-13%</i>

Источник: собственная разработка на основе данных Минсистерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Дифференциация предприятий по уровню доходов, затрат и рентабельности определяется тем, что более крупные предприятия, оказывающие услуги ВиК, расположены в крупных городах и областных центрах, где сконцентрировано большее число потребителей данных услуг. Следует отметить среди абонентов наличие не только населения, но и крупных потребителей из числа юридических лиц и их финансовое состояние, которые положительно влияют на объём реализуемых услуг, что в свою очередь влияет на снижение удельных затрат организаций, предоставляющих данные услуги.

Как отмечает А. Б. Бахмат, «на сегодняшний день большинство из многопрофильных районных предприятий ЖКХ не располагает достаточным количеством собственных оборотных средств, необходимых для комплексного технического перевооружения объектов инженерной инфраструктуры систем ВиК. Степень износа инженерной инфраструктуры определяет удельный вес затрат на предоставление услуг водоснабжения и водоотведения. Очистные сооружения значительной части предприятий имеют большой физический износ, требуют реконструкции и перехода на новые более эффективные технологии. Некоторые регионы в Республике Беларусь вообще не имеют очистных

сооружений и до сих пор все стоки собираются на полях фильтрации, при этом продолжается практика складирования осадков сточных вод, содержащих тяжелые металлы (марганец, цинк, никель, свинец и кадмий), на территории промышленных предприятий» [9; 10].

Согласно данным диаграммы 6, наиболее обеспеченными централизованным водоснабжением являются Могилевская и Гомельская обл. (92,5% и 91,9% соответственно). Наихудший показатель у Гродненской обл. – 88,7%.

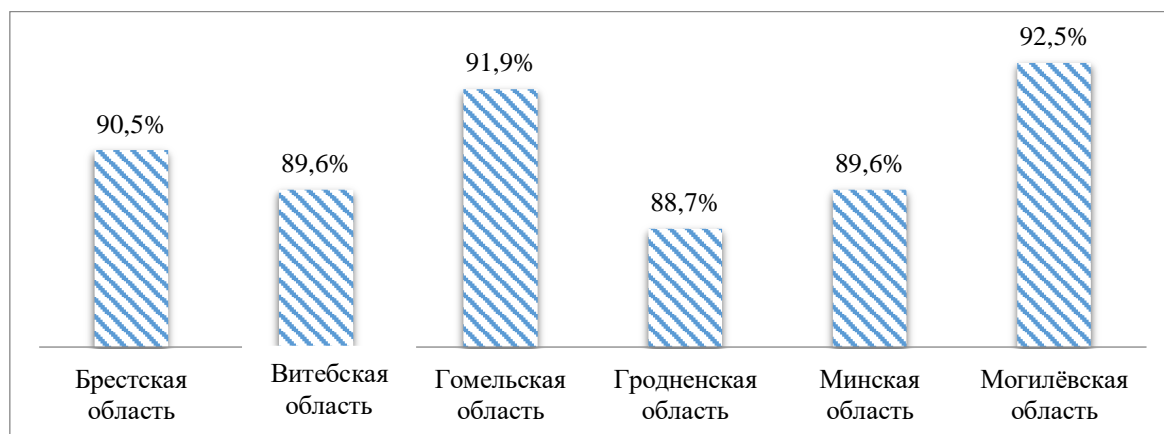

Рисунок 6 – Доля населённых пунктов, обеспеченных централизованным водоснабжением в общем количестве населённых пунктов

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Согласно данным диаграммы 7 наибольший удельный вес сетей и водопроводов свыше 30 лет в общей протяженности приходится на Витебскую область, данный показатель составляет 41,4 %. Лучшая обеспеченность сетями и водопроводами среди регионов у Брестской области – 17%. На 1 января 2018 г. общая протяженность сетей составляет 38203,6 км. Потребность в замене составляет 10814,6 км или 28,3 %.

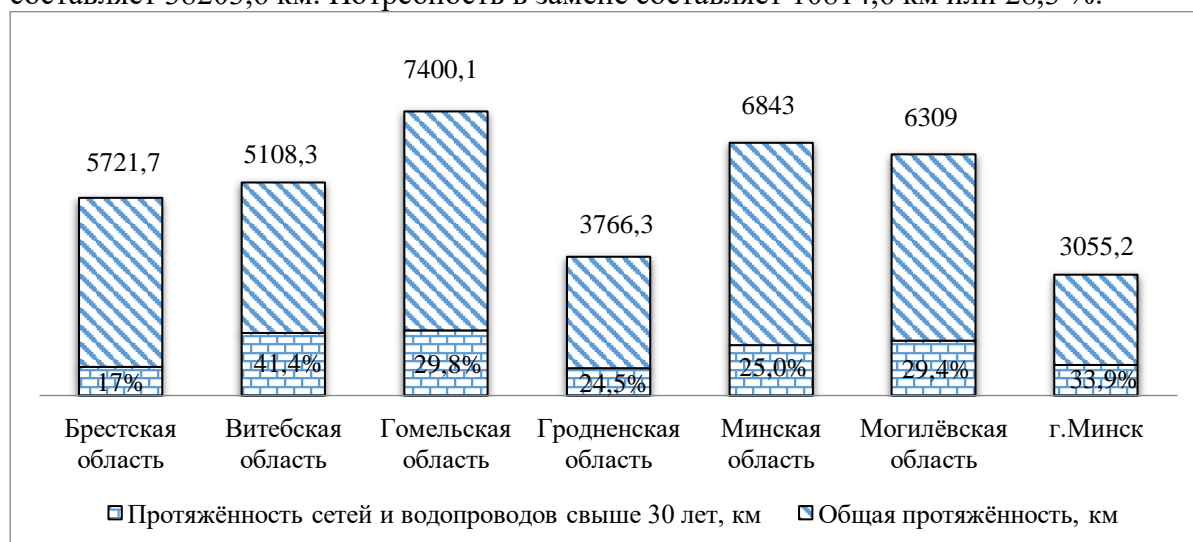

Рисунок 7 – Удельный вес протяженности сетей и водопроводов, сроком эксплуатации свыше 30 лет, в общей протяжённости сетей

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Согласно данным диаграммы 8 наибольший удельный вес протяженности канализационных сетей и коллекторов, сроком эксплуатации свыше 50 лет, в общей протяженности приходится на г. Минск, данный показатель равен 12,4%. Наименьший процент износа канализационных сетей и коллекторов в Брестской области – 5%. Общая протяжённость сетей составляет 18542,6 км из коротых 1243,8 км необходимо заменить.

Рисунок 8 – Удельный вес протяжённости канализационных сетей и коллекторов, сроком эксплуатации свыше 50 лет, в общей протяжённости сетей

Источник: собственная разработка на основе данных Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь

Установлено, что ухудшение состояния сетей и объектов ВиК, расположенных в сельской местности в отдельных районах, выражающееся в увеличении процента износа или полной их амортизации по причине нехватки квалифицированных кадров и производственных мощностей в многопрофильных предприятиях ЖКХ в состав которых входят участки водопроводно-канализационного хозяйства районов.

В то же время повышение требований к качеству воды и услуг ВиК со стороны населения и государства, обуславливающее необходимость 100% обеспечения населения водой питьевого качества, обуславливает необходимость реформирования предприятий водоснабжения, не имеющих возможности обеспечить нормативное качество воды и удовлетворительное состояние сооружений очистки и водоподготовки в отдельных районах (по данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, из отобранных проб воды 23% не соответствуют гигиеническому нормативу по санитарно-химическим показателям (в первую очередь, коммунальные водопроводы) и 2% – по микробиологическим показателям (в первую очередь, источники децентрализованного водоснабжения)).

Кроме того в стране наблюдается снижение среднедушевого потребления воды, так в период с 2001 по 2017 годы данный показатель снизился практически в 2 раза (с 6,02 м³

в месяц в 2001 году, до 3,08 м³ в месяц в 2017 году). «В результате проводимой государственной политики в области использования и охраны вод, а также в связи с переходом на «применение наилучших доступных технических методов за последние 15 лет сократились объемы добычи (изъятия) вод на 23 %. Наблюдается устойчивая тенденция к сокращению удельного водопотребления на душу населения с 214 до 137 л/сут./чел., а также объемов использования воды на производственные нужды на 393 млн. м³ (50 %). Сокращению объемов использования воды на производственные нужды способствовало внедрение приборного учета воды. В настоящее время приборным учетом по добыче (изъятию) вод охвачено 100% объектов промышленности и 96% сельскохозяйственных организаций. Также данный показатель был достигнут за счет проведения водопользователями мероприятий по увеличению объемов воды в системах оборотного и повторного (последовательного) водоснабжения, что позволило, в целом по республике, достичь экономии воды до 93 % от объема ее использования» [11].

Анализ динамики потребления воды и удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в среднедушевом доходе населения в период с 2001 по 2017 гг. представлен на рисунке 9, данные для анализа представлены в таблице 4.

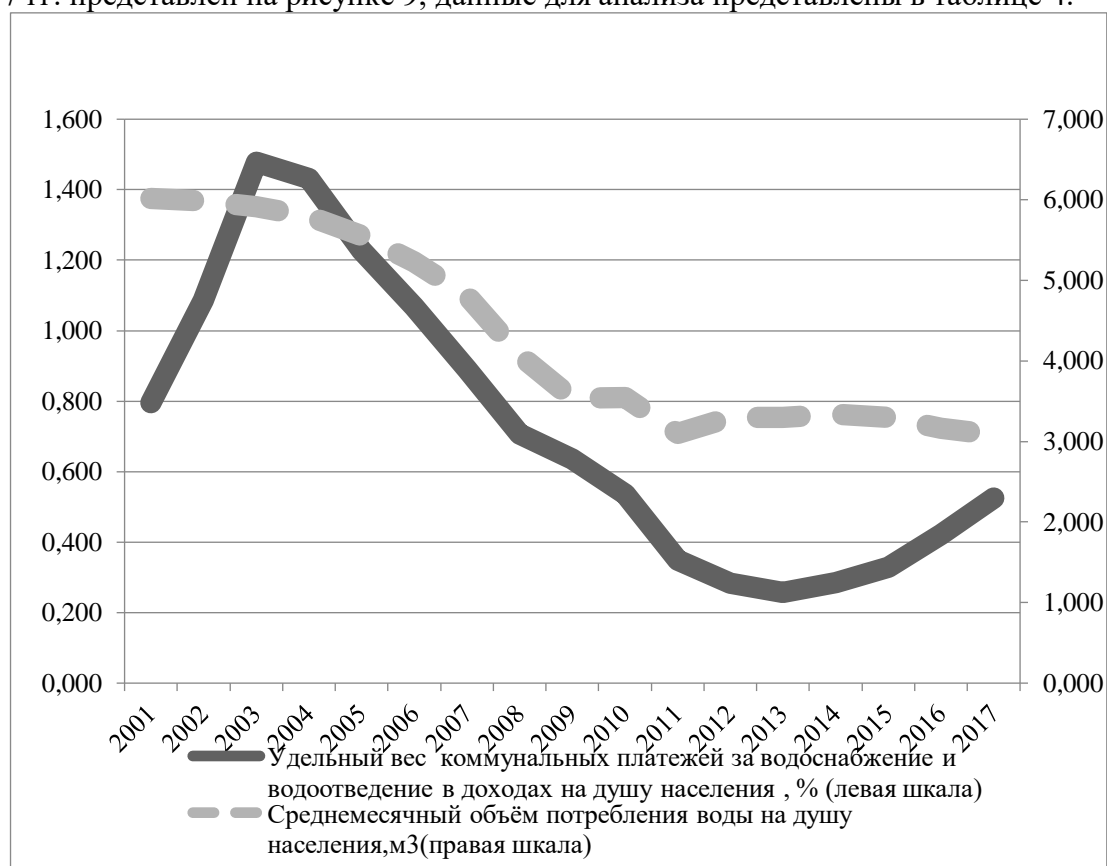

Рисунок 9 – Динамика потребления воды и удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в среднедушевом доходе населения

Таблица 4 – Показатели потребления воды и коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Среднемесячный объём потребления воды на душу населения, м ³ в год	6,02	5,98	5,92	5,79	5,56	5,23	4,81	4,07	3,53	3,54	3,10	3,30	3,30	3,34	3,30	3,17	3,08
Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц, с 2016 г. – руб. в мес.	96,6	144,3	193,9	253,2	333	422,4	511,4	658,6	766,1	952,4	1457,7	2831,4	3893,6	4628,9	4943,1	514,9	562,4
Темп роста тарифов на водоснабжение и водоотведение в % к пред. году	299,2	205,1	184,8	129,3	117,5	117,2	109,9	120,7	120,4	104,7	114	148,1	124,7	129,8	125	138,9	140,1
Тариф на водоснабжение и водоотведение, тыс.руб. в мес., с 2016 г. – руб. в мес.	0,128	0,262	0,484	0,626	0,736	0,862	0,948	1,144	1,377	1,442	1,644	2,435	3,036	3,941	4,926	0,684	0,959
Затраты на водоснабжение и водоотведение, тыс.руб. в мес., с 2016 – руб. в мес.	0,769	1,568	2,866	3,627	4,090	4,513	4,557	4,652	4,867	5,107	5,096	8,035	10,019	13,169	16,256	2,167	2,956
Удельный вес коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в доходах на душу населения, %	0,796	1,087	1,478	1,432	1,228	1,068	0,891	0,706	0,635	0,536	0,350	0,284	0,257	0,284	0,329	0,421	0,526

Источник: собственная разработка на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Снижение бытового потребления воды стало возможным в связи с внедрением индивидуальных приборов учета воды в жилом секторе городов, а также с мерами, направленными на развитие водосбережения в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Сравнительный анализ потребления воды и удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в доходах на душу населения позволил выявить тенденцию снижения удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в доходах на душу населения в Республике Беларусь в период с 2002 г. по 2013 г., а также тенденцию снижения среднемесячного объема потребления воды на душу населения. Изменение удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение в доходах на душу населения зависит от следующих факторов: объема потребления воды на душу населения, уровня тарифов за услуги водоснабжения, среднедушевого дохода на душу населения. В связи с тем, что доходы и тарифы постепенно повышались можно сделать вывод, что снижение удельного веса коммунальных платежей за водоснабжение и водоотведение на душу населения обусловлено исключительно снижением среднемесячного объема потребления воды на душу населения, что само по себе является весьма положительным явлением, как с точки зрения расходов на коммунальные услуги, так и с точки зрения нагрузки на экологию. Однако снижение среднедушевого потребления воды приводит к сокращению общего объема реализации услуг водоснабжения и водоотведения для водоканалов. Кроме сокращения выручки организаций ВКХ, данная тенденция негативно отражается на производственно-экономических показателях организаций ВКХ, что выражается в: росте удельных затрат; росте удельного веса потерь воды из водопроводных систем подачи и распределения, который рассчитывается как соотношение потерь к объему реализованной воды; снижении уровня загрузки производственных мощностей и сокращения кадров, рассчитанных на прошлые объемы потребления. Таким образом, сокращение объема потребления воды на душу населения привело к тому, что производственные мощности ВиК многих городских водоканалов стали избыточными, а удельные производственные показатели, как по потерям, так и по себестоимости, требуется непрерывно сокращать.

Выводы. Подводя итог можно констатировать, что основными тенденциями развития ВКХ в Республике Беларусь являются:

- повышение требований к качеству воды и услуг ВиК со стороны населения и государства обуславливающее необходимость 100% обеспечения населения водой питьевого качества;
- повышение требований экологических норм при оказании услуг ВиК со стороны государства обуславливающее необходимость рационального использования водных ресурсов, сокращения потерь в сетях путем их модернизации и строительства новых очистных сооружений;
- сокращение бюджетного финансирования сферы ЖКХ, при сохранении государственного регулирования тарифов на коммунальные услуги, обуславливающее необходимость сокращения удельных затрат организаций ВКХ и поиска внебюджетных источников финансирования проектов модернизации сетей и объектов ВКХ;
- снижение удельного потребления воды на душу населения, обуславливающее сокращение общего объема реализации услуг водоснабжения и водоотведения для водоканалов, что затрудняет снижение удельных затрат и удельного веса потерь воды в сетях;
- снижение уровня загрузки производственных мощностей и сокращение потребности в кадрах;
- ухудшение состояния сетей и объектов ВиК, расположенных в сельской местности в отдельных районах, выражающееся в увеличении процента износа или полной их амортизации, по причине нехватки квалифицированных кадров и производственных

мощностей в многопрофильных предприятиях ЖКХ в состав которых входят участки водопроводно-канализационного хозяйства районов.

В целом ситуацию в сфере водоснабжения и водоотведения Республики Беларусь нельзя характеризовать как критическую, как пишут отдельные исследователи. Существующая структура в управлении ВКХ позволяет выполнять текущие задачи. Обеспеченность потребителей водоснабжением питьевого качества, в целом по республике, составила на конец 2017 года 87,3%. Снижение затрат за 1 полугодие 2018 г. в сопоставимых условиях к уровню предыдущего года по водоснабжению составило 5,4%, водоотведению – 5,7%. Крупные предприятия ВКХ, оказывающие услуги водоснабжения и канализации в городах работают рентабельно.

Вместе с тем, проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, препятствующих развитию ВКХ и существенно повышающих риски в отрасли (от сбоя в работе отдельных объектов ВиК, до возникновения техногенных катастроф), которые можно разделить на 3 группы: проблемы отсутствия единого центра управления; региональной дифференциации условий хозяйствования организаций ВКХ, качества услуг ВиК и тарифов; нехватки собственных средств для модернизации объектов ВиК и высокой зависимости от бюджетного субсидирования.

Данные проблемы обуславливают риски в развитии ВКХ и системе обеспечения потребителей услугами ВиК и водой:

- риски неритмичности функционирования и снижения качества питьевого и хозяйственного водоснабжения;
- риски повышения аварийности в сетях и на объектах ВиК;
- риски роста удельных затрат и потерь в сетях, связанных с их высоким износом и отсутствием должного обслуживания;
- риски возрастания негативного воздействия на экологию и техногенных катастроф, связанных с высоким износом систем канализации и очистки стоков;
- риски утечки профессиональных кадров в другие отрасли и за рубеж;
- риски технологического отставания в развитии ВКХ, обуславливающие снижение инвестиционной привлекательности регионов.

Таким образом, анализ состояния водопроводно-канализационного хозяйства позволил обосновано сформулировать народнохозяйственную проблему недостаточной эффективности функционирования ВКХ Республики Беларусь, обуславливающую необходимость совершенствования системы его управления, с целью перехода отрасли на новый технико-технологический и организационно-экономический уровень, который характеризуется повышением качества и доступности услуг ВКХ, увеличением доли населения, имеющей доступ к чистой питьевой воде, сокращением удельных затрат на услуги ВКХ, повышением экономической эффективности предприятий ВКХ. Новый уровень развития ВКХ может быть достигнут за счет структурно-экономических преобразований системы управления и финансирования ВКХ, проведения единой инновационно-технологической, экономической и кадровой политики, модернизации объектов и инженерной инфраструктуры ВКХ.

Необходимым условием структурно-экономических преобразований и инновационно-технологической модернизации ВКХ является определение научного системного подхода к управлению водоснабжением и водоотведением в ЖКХ Республики Беларусь, разработки технико-экономического обоснования мероприятий, экономико-математических расчетов по оценке эффекта и рисков.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции совершенствования и развития жилищно-коммунального хозяйства до 2025 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2017 г. № 1037 // Консультант Плюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Харевич, Г. Л. Теоретические и практические проблемы производства услуг коммунального хозяйства, относящихся к общественным благам, в средних и малых городских поселениях в условиях становления постиндустриального общества: монография / Харевич Г.Л. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2014. – 319 с.
3. Бахмат, А. Б. Организационная модернизация водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь посредством создания интегрированной структуры / А.Б. Бахмат // Актуальные вопросы экономики строительства и городского хозяйства: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 23-24 апреля 2013г. – Минск: БИТУ, 2014. – С.314-326.
4. Гуринович, А. Д. О проблемах водного хозяйства Беларуси и путях их решения / А. Д. Гуринович // Актуальные вопросы экономики строительства и городского хозяйства: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 26-27 апреля 2012 г. / ред. колл: О. С. Голубова [и др.]. – Минск: БИТУ, 2013. – С. 19–29.
5. Новак, В. А. Повышение эффективности водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. техн. наук. 05.23.04 / БИТУ. Минск, 2003.
6. Водная стратегия Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minpriroda.gov.by/ru/new_url_1649710582-ru/. – Дата доступа: 10.12.2018
7. Об утверждении Положения о порядке расчетов и внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и платы за пользование жилыми помещениями государственного жилищного фонда, внесении изменений и дополнений в постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их структурных элементов [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 июн. 2014 г., № 571 // Консультант Плюс. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
8. Бахмат, А. Б. Сравнительный анализ организационно-правовых форм управления предприятий водопроводно-канализационного хозяйства (ВКХ) [Текст] / А.Б. Бахмат // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы третьей международной научно-технической конференции в 2-х т. Том 2. – Минск: БНТУ. – 2006. – С. 210-212.
9. Кинчиков, В. Создан ГК «Белводоканал» / В. Кинчиков // Строительство и Недвижимость. – №12 (195) – С. 4.
10. Бахмат, А.Б. Основные проблемы водопроводно-канализационного хозяйства Республики Беларусь и пути их решения [Текст] / А.Б. Бахмат // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия VIII Экономика и управление. – выпуск XV.2007. – С.284-289
11. Официальный сайт Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/vodnres-ru/> – Дата доступа: 05.11.2018.

Статья поступила в редакцию 4 марта 2019 года

ANALYSIS OF THE TRENDS AND RISKS IN THE DEVELOPMENT OF WATER SUPPLY AND SANITATION SECTOR IN THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE MODERN STAGE

V. O. Kitikov

Doctor of Technical Sciences, Professor, Director
Institute of Housing and Communal Services
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

V. L. Hursky

vhurski@yandex.ru

PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics of Housing and Communal Services
Institute of Housing and Communal Services
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

A. O. Boltrukevich

trainee of junior researcher
Institute of the Housing and Communal Services
of the National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the trends and risks in the development of water and sanitation sectors (WSS) in the Republic of Belarus. The main problems hindering the effective development of WSS are identified. The factors causing the differentiation of the cost of water supply and sanitation services at the regional level have been studied. The following main trends in the development of WSS are identified: increasing requirements for water quality and water supply services from the public and the state; reduction of specific water consumption per capita; regional differentiation of costs and tariffs for water supply and sanitation services. The main provisions of improving the efficiency of the industry are formulated on the basis of research: structural and economic transformation of the system of management and financing of WWS; implementation of a unified innovation and technology, economic and personnel policy, modernization of facilities and engineering infrastructure in the WWS.

Keywords: water and sanitation sectors, unit costs, regional differentiation, development trends.

References

1. Ob utverzhdenii Konceptii sovershen-stvo-vaniya i razvitija zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva do 2025 goda [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Sove-ta Ministrov Resp. Belarus', 29 dek. 2017 g. № 1037 // Konsul'tant Pljus. Belarus' / Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. – Minsk, 2017.
2. Harevich, G. L. Teoreticheskie i prakticheskie problemy proizvodstva uslug kom-munal'nogo hozjajstva, odnosjashhihsja k obshhestvennym blagam, v srednih i malyh gorod-skih poselenijah v uslovijah stanovlenija postindustrial'nogo obshhestva: monografija / Harevich G.L., Akademiya upravlenija pri Prezidente Respubliki Belarus'. - Minsk: Akademiya upravlenija pri Prezidente Res-publiki Belarus', 2014. – s.319.
3. Bahmat, A.B. Organizacionnaja modernizacija vodoprovodno-kanalizacionnogo hozjajstva Respubliki Belarus' posredstvom sozdaniya integrirovannoj struktury / A. B. Bahmat // Aktual'nye voprosy jekonomiki stroitel'stva i gorodskogo hozjajstva: mate-rialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Minsk, 23-24 aprelja 2013 goda. - Minsk: BITU, 2014.- s. 314-326.
4. Gurinovich, A. D. O problemah vodnogo hozjajstva Belarusi i putjah ih reshenija / A. D.

Gurinovich // Aktual'nye voprosy jekono-miki stroitel'stva i gorodskogo hozjajstva: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Minsk, 26-27 aprelja 2012 g. / red. koll: O. S. Golubova [i dr.].- Minsk: BITU, 2013. - s. 19 - 29.

5. Novak, V.A. Povyshenie jeffektivnosti vodoprovodno-kanalizacionnogo hozjajstva Respubliki Belarus': avtoreferat disser-tacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. tehn. nauk. 05.23.04 / BITU. Minsk, 2003.

6. Vodnaja strategija Respubliki Belarus' na period do 2020 goda [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://minpriroda.gov.by/ru/new_url_1649710582-ru/. – Data dostupa: 10.12.2018

7. Ob utverzhdenii Polozhenija o porjadke raschetov i vnesenija platy za zhilishhno-kommunal'nye uslugi i platy za pol'zovanie zhilymi pomeshhenijami gosudarstvennogo zhilishhnogo fonda, vnesenii izmenenij i dopolnenij v postanovlenija Soveta Ministrov Respubliki Belarus' i priznanii utrativshimi silu postanovlenij Soveta Ministrov Respubliki Belarus' i ih struk-turnyh jelementov [Jelektronnyj resurs] : postanovlenie Soveta

Ministrov Resp. Be-larus', 12 ijun. 2014g., № 571 // Konsul'tant Pljus. Belarus' / Nac. centr pravovoj in-form. Resp. Belarus'. – Minsk, 2014.

8. Bahmat, A.B. Sravnitel'nyj analiz organizacionno-pravovyh form upravlenija predpriyatij vodoprovodno-kanalizacionnogo hozjajstva (VKH) [Tekst] /A.B. Bahmat // Nauka – obrazovaniju, proizvodstvu, jekonomike. Materialy tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoj konferencii v 2-h tomah. Tom 2. – Minsk: BNTU. - 2006. - Str. 210-212.

9. Kinchikov, V. Sozdan GK «Belvodokanal» [Tekst] / V. Kinchikov // Stroitel'stvo i Nedvizhimost'.- №12 (195) – S.4.

10. Bahmat, A.B. Osnovnye problemy vodoprovodno-kanalizacionnogo hozjajstva Respubliki Belarus' i puti ih reshenija [Tekst] /A.B. Bahmat// Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. Serija VIII Jekonomika i upravlenie. – vypusk XV.2007.– C.284-289

11. Oficial'nyj sajt Ministerstvo prirodnyh resursov i ohrany okruzhajushhej sredy Respubliki Belarus' – Rezhim dostupa: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/vodnres-ru/> – Data dostupa: 05.11.2018.

УДК 338.462:338.45

ББК 65.30

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ПРОМЫШЛЕННОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ
ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****Ю. В. Мелешко**

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена проблематике развития теоретико-методологических основ экономического механизма оказания услуг промышленного характера как способа повышения конкурентоспособности промышленных предприятий. Показано значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции), состояние и структура сектора этих услуг в Республике Беларусь. Рассмотрены особенности развития Интернета вещей, показана специфика экономического механизма оказания услуг промышленного характера и существующие тенденции их развития в Республике Беларусь. Выявлены направления совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь и выработаны практические рекомендации по его совершенствованию в контексте модернизации национальной экономики.

Ключевые слова: услуги промышленного характера, модернизация экономики, Интернет вещей, экономический механизм оказания услуг промышленного характера, промышленная политика, конкурентоспособность промышленных предприятий.

Введение. Начиная с середины XX века существует устойчивая тенденция изменения структуры общественного производства в сторону увеличения доли третичного сектора экономики (сферы услуг). Сегодня преобладание доли сферы услуг в ВВП, играющей также значительную роль и в формировании структуры народного хозяйства, направлениях и темпах социально-экономического развития, установлении взаимосвязей между различными отраслями и видами деятельности, характерно для большинства экономически развитых стран. Однако, как справедливо утверждает Т. В. Сергиевич, «ошибочны предположения, что в связи с увеличением роли сферы услуг в экономике, будет происходить пропорциональное снижение роли промышленного сектора в объеме ВВП в стоимостном выражении» [1, с. 184].

Зарубежный опыт свидетельствует, что увеличение доли сферы услуг в ВВП и в структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста. Успешное развитие новой экономики зависит не столько от количественных показателей роста сферы услуг, сколько от степени ее технологичности и инновационности. В результате последствий глобализации и информационной революции конкурентоспособность промышленных товаров обеспечивается, как правило, не ценовыми методами, а за счет услуг промышленного характера, позволяющих, с одной стороны, существенно сократить транзакционные издержки на всех стадиях производственного процесса (от НИОКР до реализации товара), с другой стороны, создать товар уникального качества.

Кроме того, сегодня важными факторами социально-экономического развития являются наукоемкие отрасли промышленности (нанотехнологии, электроника, робототехника, программное обеспечение, искусственный интеллект, биотехнологий), успешное функционирование которых напрямую связано с развитием коммуникационных, информационных и общественно-функциональных услуг.

В Республике Беларусь доля сферы услуг в ВВП не превышает 48,5% [2, с. 41] и представлена по-прежнему большей частью традиционными услугами (торговлей и транспортом), что свидетельствует о медленной перестройке этого сектора экономики. Поэтому одним из направлений дальнейшего развития сферы услуг в соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [3] стало ускоренное развитие высокотехнологичных услуг – информационно-коммуникационных, консалтинговых, маркетинговых, рекламных, логистических, финансовых, а также социальных услуг, повышающих качество жизни населения. Особое внимание также уделено развитию инжиниринговых услуг и услуг по сервисному обслуживанию высокотехнологичной продукции, поставляемой в зарубежные страны. Следует подчеркнуть, что большая часть из перечисленных услуг относится к услугам промышленного характера, направленным на удовлетворение потребностей предприятий промышленного комплекса, повышение конкурентоспособности промышленной продукции, оптимизацию менеджмента, логистической компоненты и т.д.

Феномен опережающего развития сферы услуг в современных экономических системах уже несколько десятилетий исследуется такими зарубежными экономистами и социологами, как Ш. Эйзенштадт, О. Уильямсон, П. Гудман, Д. Белл. Работы М. Битнера, Р. Векчиотти, Ф. Котлера, К. Лаврока посвящены маркетингу услуг и носят прикладной характер, в частности, указанные авторы в своих исследованиях касаются проблем повышения качества услуг, формирования принципов организации и продажи услуг, создания спроса на услуги, условий организации рынка услуг и т.д. В русскоязычной литературе проблемы сферы услуг разрабатывались и разрабатываются такими учеными, как Э. М. Агабабян, А. И. Горанин, Л. И. Ерохина, М. В. Солодков, Л. С. Крылов, Д. С. Ушаков, В. Л. Иноземцев и др.

Результаты существующих исследований, однако, нуждаются в уточнении, особенно с учетом динамики мировой экономики в целом и экономики Республики Беларусь в частности. Так, С. Ю. Солодовников пишет: «В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией и с эпохой Великих географических открытий» [4, с. 6]. Складывающиеся современные хозяйственные отношения принципиально отличаются от классических рыночных или социально-ориентированных рыночных, так же, как и от плановой экономики. С. Ю. Солодовников для обозначения нового типа экономической системы использует понятие «пострыночная экономика» и отмечает, что для нее характерно наличие «высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие Интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы» [5, с. 23]. В отношении же услуг промышленного характера наблюдается тенденция постоянного увеличения их доли в промышленном производстве, получившая название «терциализация промышленности» и характерная также и для белорусского промышленного комплекса. Она обусловлена, с одной стороны, технико-технологическим усложнением производственного процесса и самой промышленной продукции, в том числе и ее маркетинговой составляющей, с другой – глобальным изменением условий хозяйствования, требующих новых подходов к управлению и организации производства, сбыта и обслуживания промышленной продукции.

Дальнейшее развитие сферы услуг в Беларуси целесообразно осуществлять с учетом количественного и качественного развития сферы материального производства. Сегодня именно услуги промышленного характера могут стать важнейшим компонентом экономического механизма инновационного развития национального промышленного комплекса, а также важнейшим потенциалом дифференциации экспорта. В сфере экспорта наукоемких услуг (информационные услуги, услуги связи, инжиниринг, консалтинг), то есть услуг с высокой долей добавленной стоимости на человека, Республика Беларусь может занять достойное место в международных экономических отношениях, причем это не требует значительных капитальных вложений и может быть быстро адаптировано к потребностям рынка за счет развития человеческого капитала.

Совершенствование экономического механизма оказания услуг промышленного характера должно быть направлено, прежде всего, на повышение адаптивности к новым внешним условиям. Традиционные методы и инструменты оказания услуг промышленного характера, которые были весьма эффективны 10 лет назад, могут быть применены сегодня лишь частично. Республика Беларусь – молодое динамично развивающееся государство с малой открытой экономикой. Так, С. Ю. Солодовников и др. справедливо отмечают, что экономическая система Беларуси «функционирует в условиях диалектического единства общего и частного: реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под влиянием уникальных белорусских институциональных особенностей» [6, с. 10]. Социально-экономическое развитие нашей страны происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, а уникальные институциональные особенности требуют нового уточнения направлений и инструментов развития экономического механизма оказания услуг промышленного характера.

Результаты и их обсуждение. В условиях формирования новой пострыночной экономики возрастает значение для промышленного производства услуг промышленного характера, что предопределено радикальным изменением механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Сегодня именно за счет услуг промышленного характера формируются конкурентные преимущества предприятий промышленного комплекса как на международном, так и на национальном уровнях. На фоне происходящей в большинстве экономически развитых стран очередной промышленной революции (четвертая промышленная революция, переход к новому технологическому укладу), а также геополитической нестабильности (которая во многом является результатом технологической неопределенности) для Республики Беларусь актуальной становится проблема выработки новых подходов (методов, инструментов) к развитию услуг промышленного характера, например, путем расширения использования промышленного Интернета вещей или углубления международной кооперации, в первую очередь, с Россией.

Проведенное исследование о значении услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) позволило сделать следующие выводы:

- основными источниками роста сферы услуг, приведшими к доминированию этого сектора в структуре мирового ВВП и занятости, являются: сервисизация экономики, увеличение капиталоемкости промышленного производства, рост финансово-спекулятивного сектора;
- увеличение доли третичного сектора в структуре ВВП и занятости национальной экономики не является достаточным признаком деиндустриализации экономики;
- конкурентоспособная экспортоориентированная промышленность и услуги промышленного характера являются наиболее устойчивыми к глобальным финансово-экономическим кризисам;

– в условиях реиндустриализации развитие сектора услуг обусловлено не только (и не столько) увеличением спроса со стороны домашних хозяйств, а ростом спроса на услуги промышленного характера;

– в контексте четвертой промышленной революции значение услуг промышленного характера в формировании конкурентоспособности промышленных предприятий увеличивается, поскольку именно благодаря этим услугам может быть организовано эффективное производство нового типа («умные заводы») и реализована клиентоориентированная (в широком смысле) политика предприятия. Как было отмечено ранее, «услуги промышленного характера, создавая, развивая и обеспечивая функционирование основных производственных технологий, технологий сбыта и послепродажного обслуживания промышленной продукции, являются неотъемлемой частью промышленного производства. Изменение направленности промышленного производства от массового тиражирования в сторону индивидуализации продукции и производства высокотехнологичной и наукоёмкой продукции, которое мы наблюдаем сегодня, стимулирует спрос на услуги промышленного характера» [7, с. 72].

Сегодня в Республике Беларусь услуги промышленного характера представляют собой динамично развивающийся сектор. Спрос со стороны сферы производства, в особенности со стороны обрабатывающей промышленности, растет. Доля услуг в затратах при производстве промышленной продукции также растет. Преимущество в развитии на сегодняшний день имеют традиционные услуги: торговые, транспортные и финансовые услуги. Вместе с тем наблюдается положительная динамика объема оказываемых услуг секций «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям», к которой относятся большинство наукоемких услуг промышленного характера. Проведенный анализ статистических данных показал: «С 1995 г. по 2015 г. в секторе услуг доминирующее положение занимала торговля и ремонт. Транспорт и связь, находящиеся традиционно на втором месте, в 2014 г. уступили секции "Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям". При этом последняя, имея наибольшие темпы прироста в структуре ВВП среди отраслей сферы услуг и наибольшее количество инвестиций среди всех отраслей народного хозяйства Республики Беларусь, аккумулирует в себе основную часть услуг промышленного характера (кроме оптовой торговли, транспорта и связи), оказываемых в рамках инсорсинга или аутсорсинга» [8, с. 142–143]. Кроме того, несмотря на некоторое сокращение доли услуг, сопровождающих промышленную продукцию, и других деловых услуг в общем объеме экспорта услуг, объем их экспорта все же существенно вырос за последние 10 лет, при этом сохраняется положительное внешнеторговое сальдо.

Для Республики Беларусь проблема развития промышленного Интернета вещей представляется весьма актуальной. Связывая в единую вычислительную сеть физические предметы («вещи»), оснащенные встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой, промышленный Интернет вещей является основой для организации «умного» производства и реализации «умных» решений («интеллектуальные» сети, «умный» город, «умный» транспорт, «умная» логистика, «умный» дом, «умное» сельское хозяйство, «умные» решения для потребительского рынка, «умное» здравоохранение). Внедрение Интернета вещей в промышленности (то есть промышленного Интернета вещей) «повысит эффективность труда на предприятиях, позволит экономить на плановом ремонте оборудования и общих эксплуатационных затратах, минимизирует аварии на производстве и в целом увеличит предсказуемость промышленных систем» [9, с. 71], а также позволит перевести процесс планирования и принятия решений на качественно иной уровень: становится возможным контроль потребления и использования в реальном времени, немедленная реакция на событие или ситуацию.

Вместе с тем, значение Интернета вещей выходит за рамки технического совершенствования производственных процессов: «Интернет вещей не просто подключает физическое пространство к Интернету, позволяя объединять устройства в сети, отслеживать их состояние и реагировать в случае необходимости в режиме реального времени. Интернет вещей кардинальным образом меняет бизнес-архитектуру. Появляются новые модели ценообразования и использования товаров, опирающиеся на Интернет вещей и подключенную физическую среду, новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки к модели выручки по подписке» [10, с. 121].

Тенденции развития Интернета вещей в Республике Беларусь схожи с мировыми. Так, основным потребителем услуг на основе Интернета вещей является государственный сектор, в первую очередь за счет реализации государственных программ цифровизации и автоматизации управления городской инфраструктуры (коммунальная энергетика, интеллектуально-транспортная сеть и т.д.). В г. Минске подключены более 60 тыс. «умных» фонарей (что составляет около 60%). На территории государства действует система электронного сбора платы за проезд (BelToll). Под руководством Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь введена система контроля кассового оборудования (СККО), позволяющая контролировать фискальные платежи в режиме реального времени. В меньшей степени технологии Интернета вещей получили распространение в промышленности. Наиболее ярким примером служит ОАО «БелАЗ», который оснащает свои изделия датчиками износа, что позволяет, с одной стороны, осуществлять своевременное техническое обслуживание сложных изделий, планировать закупку запчастей и ремонт, с другой – с учетом полученной информации об эксплуатации машин вносить необходимые изменения в конструкторские решения, тем самым повышая качество производимой продукции.

Сегодня в Республике Беларусь для распространения Интернета вещей имеется необходимая инфраструктура: достаточное количество устройств Интернета вещей (датчиков, сенсоров), коммуникационных сетей и центров обработки данных. В 2012 г. в Беларуси был создан первый инфраструктурный оператор (СООО «Белорусские облачные технологии»; торговая марка «beCloud») и Республиканская платформа, действующей на основе облачных технологий. «Предлагаемые облачные решения на базе собственного дата-центра позволяют организациям (предприятие работает в секторе B2B) за счет переноса бизнес-процессов в облака сократить капитальные и эксплуатационные расходы, в первую очередь расходы на информационные технологии, обеспечить непрерывность бизнеса, повысить уровень безопасности и защиты данных» [11, с. 233], – отмечалось нами ранее. В 2017 г. запущена узкополосная сеть для Интернета вещей «NB-IoT» (Narrow Band Internet of Things), отличающаяся большой емкостью сети, высоким проникновением сигнала, экономичностью и энергоэффективностью. С целью развития «NB-IoT» как целостной экосистемы планируется также создать единую платформу, в которую будут поступать данные от каждого смарт-устройства, а также специальное приложение, позволяющее дистанционно управлять приборами. Вместе с тем в Беларуси, как и в остальных странах, где Интернет вещей только начинает развиваться, существует проблема нехватки готовых сервисных решений (программных продуктов) для бизнеса. «Несмотря на наличие источников больших данных (датчиков, сенсоров и т.д.), средств сбора и хранения данных (коммуникационные сети, центры обработки данных, облачные платформы) системы анализа этих данных разработаны недостаточно, что не позволяет получить информацию, имеющую коммерческое значение для промышленных предприятий» [12, с. 281]. В условиях достаточно развитой физической инфраструктуры промышленного Интернета вещей в Беларуси наблюдается отставание развития услуг на базе промышленного Интернета вещей. Перспективным направлением развития

белорусского рынка Интернета вещей является сокращение доли продажи оборудования в выручке предприятий этого сектора на фоне роста услуг на базе Интернета вещей.

Направления развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь как в стране с малой открытой экономикой в целом совпадают с основными общемировыми тенденциями. В частности, терциализация обрабатывающей промышленности в Беларуси продолжает углубляться, при этом в большей степени в высокотехнологичных (наукоёмких) и экспортоориентированных видах деятельности. Дальнейший рост доли услуг промышленного характера обусловлен как повышением научно-технологического уровня производства, так и тенденциями кастомизации белорусской промышленности. В связи с этим наиболее перспективными представляются такие услуги промышленного характера, как: услуги по разработке и внедрению продукции в производство, позволяющие предприятиям добиться уникальных технико-технологических преимуществ и сформировать базу для дальнейшего роста; услуги, сопровождающие промышленную продукцию, направленные на расширение возможности потребления, содержания и эксплуатации продукции; информационно-коммуникационные услуги, создающие новые организационные модели производства, управления и реализации продукции.

Экономический механизм оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь имеет ряд особенностей, обусловленных сложившейся специфической социально-экономической средой в Беларуси. Субъектами этого механизма выступают предприятия промышленного комплекса (производственные предприятия и предприятия, чья деятельность связана с промышленным производством или промышленной продукцией), представители государственной власти и работники (трудовые коллективы). Основными потребителями услуг промышленного характера являются наукоёмкие отрасли промышленности. По критерию размера предприятия основной спрос на услуги промышленного характера формируют крупные промышленные предприятия. Мелкие и средние предприятия промышленного комплекса, как правило, в меньшей степени сами нуждаются в услугах промышленного характера, и чаще выступают как поставщики услуг, выстраиваясь благодаря более узкой специализации в цепочки создания добавленной стоимости промышленной продукции. Зачастую крупные предприятия промышленности являются одновременно и потребителями, и производителями услуг промышленного характера в зависимости от видов услуг. Роль государства в экономическом механизме оказания услуг промышленного характера не ограничивается управленческой функцией. Ввиду высоких рисков и затратности (например, НИОКР или информационно-коммуникационные услуги) государство выступает основным заказчиком этих услуг, развивая новые технологии и делая их более доступными для дальнейшего использования в бизнес-секторе. Работник как субъект экономического механизма оказания услуг промышленного характера отличается широким кругом компетенций: высококвалифицированный в нескольких смежных сферах (междисциплинарная квалификация), обучающийся, самостоятельно принимающий решения, гибкий и т.д. Широко используются новые формы занятости: самозанятость, виртуальная мобильность, гибкие формы занятости.

Для экономического механизма оказания услуг промышленного характера свойственны внутренние и внешние методы с соответствующими формами оказания этих услуг: внутренняя услуга, аутсорсинг и инсорсинг. В Беларуси преимущество получили внутренняя услуга, а также инсорсинг, доля которого в последнее время заметно выросла, что обусловлено реализацией политики организационной реструктуризации национального промышленного комплекса и созданием холдингов. В зависимости от специфики услуги промышленного характера, а также от метода и формы ее оказания, используются различные инструменты экономического механизма: трудовой договор, подряд,

сервисное обслуживание, контракт с предоставлением полного спектра услуг, контракт с оплатой по факту потребления, по мере использования или по мере готовности к эксплуатации и т. д. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям (в первую очередь, Интернету вещей) появляются новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки к модели выручки по подписке. Ввиду критической зависимости производства от услуг промышленного характера стоимость этих услуг в меньшей степени подвержена колебаниям конъюнктуры рынка, при этом услуги промышленного характера, в сравнении с производственным процессом, отличаются меньшей капиталоемкостью и создают большую долю добавленной стоимости. В целом, экономический механизм оказания услуг промышленного характера отличается высокими темпами развития и маневренностью, технико-технологической детерминированностью, а также меньшей степенью институциональной формализованности по сравнению с промышленным комплексом.

Перспективными направлениями совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера в Республике Беларусь являются: включение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера в национальную структурную политику; цифровизация промышленного производства, в частности расширение использования промышленного Интернета вещей, направленного на повышение уровня адаптивности промышленного производства; цифровизация бизнес-моделей, результатом которой является новая архитектура взаимодействия производителей и клиентов, позволяющая максимально кастомизировать производство, и переход от транзакционной выручки к модели выручки по подписке; расширение использования информации, полученной в результате анализа больших данных, и развитие соответствующих технологий, что будет способствовать становлению в Беларуси нового рынка – рынка информации; изменение культуры ведения бизнеса в сторону увеличения открытости и прозрачности; встраивание предприятий в международные цепочки создания стоимости на основе использования информационных технологий, например, единой Интернет-платформы; развитие государственно-частного партнерства в сфере оказания услуг промышленного характера, что будет способствовать решению проблемы трансфера технологий Интернета вещей, больших данных, облачных сервисов из потребительской сферы в промышленный сектор; опережающее развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров, основанной на образовании в течении всей жизни, а также включении в образовательный процесс предприятий промышленности.

Совершенствование экономического механизма оказания услуг промышленного характера должно стать частью структурной политики Республики Беларусь. В экономической литературе в последнее время все чаще поднимается проблема технологической неопределенности. С. Ю. Солодовников вводит понятие «экономика рисков», определяя ее как экономику «высокотехнических и наукоемких производств», характеризующуюся «высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков» [13, с. 39]. Данный автор подчеркивает, что «еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью» [14, с. 81]. В этом контексте особое значение приобретает разработка обоснованной и последовательной структурной политики. При этом «стратегическое планирование в контексте структурной политики предполагает необходимость не только выработки достоверных футурологических технико-технологических прогнозов, но и определения того, как это повлияет на трансформацию

общественных институтов, форм и способов реализации политико-экономических и коммерческих интересов, которые, в свою очередь, обладают известной самостоятельностью (особенно в формах реализации) по отношению к объективно определяющим их потребностям» [15, с. 85]. В условиях технологической неопределенности структурная политика должна ориентироваться не на развитие определенной технологии (часто мифологизированной, что доказал кризис наноиндустрии [16]), а на переход к сверхиндустриальному производству, невозможному без опережающего развития услуг промышленного характера.

Особое значение как для модернизации национального промышленного комплекса в целом, так и для опережающего развития услуг промышленного характера в частности, имеет формирование новой системы образования. «Как показывает практика, даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в современных условиях изменчивой внешней среды не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут в полной мере обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия, – пишет Т. В. Сергиевич. – Необходимыми составляющими перехода к интенсивному пути развития предприятий по производству товаров интенсивного обновления являются внедрение организационно-управленческих инноваций и расширенное воспроизводство человеческого капитала» [17, с. 50]. В связи с внутренним изменением характера производства возникает объективная необходимость адаптации системы образования к развивающемуся высокими темпами рынку оказания услуг промышленного характера. Оказание услуг промышленного характера основывается преимущественно на интеллектуальном труде, в связи с чем предъявляются более высокие требования к компетенциям работников. При этом высокой узкоспециализированной квалификации уже недостаточно, возрастает потребность в междисциплинарной квалификации. Не менее важным становятся и персональные характеристики работника: его креативность, способность самостоятельно принимать решения, быстро реагировать на изменяющуюся конъюнктуру, умение и желание постоянно обучаться.

Однако перестройка системы образования, требующая кардинального пересмотра принципов взаимодействия производства, образования и науки, не может быть осуществлена сиюминутно. Кроме того, подготовка новых кадров также требует времени. С. Ю. Солодовников пишет: «Иначе говоря, развитие нового постиндустриального работника и внедрение новейших технологий – это две стороны одной медали. Понимая это, а также то, что для того, чтобы внедрить новую технологию (после того, как она разработана), иногда достаточно года, а для подготовки высококвалифицированных работников, которые могут эффективно ее использовать необходимо от 5 до 10 лет, следует пересмотреть некоторые подходы к системе высшего и среднего образования» [18, с. 5]. Таким образом, еще одним условием становления новой индустрии в долгосрочной перспективе является опережающее развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров, основанной на образовании в течении всей жизни, а также включении в образовательный процесс предприятий промышленности.

Выводы. На основе полученных результатов исследования были выработаны следующие практические рекомендации по совершенствованию экономического механизма оказания услуг промышленного характера в контексте модернизации народного хозяйства Республики Беларусь:

1) при разработке структурной политики Республики Беларусь необходимо предусмотреть меры по совершенствованию экономического механизма оказания услуг промышленного характера;

2) обеспечить приоритетное развитие услуг промышленного характера в наукоемких и высокотехнологичных, а также экспортоориентированных отраслях промышленности;

3) расширить использование механизмов государственно-частного партнерства с целью трансфера технологий, связанных с услугами промышленного характера, из государственного сектора в промышленность;

4) с целью ускорения цифровизации промышленного комплекса необходимо расширить использование промышленного Интернета вещей, являющегося основой для организации «умного» производства и реализации «умных» решений («интеллектуальные» сети, «умный» транспорт, «умная» логистика, «умный» дом, «умные» решения для потребительского рынка);

5) с целью повышения отдачи от внедрения промышленного Интернета вещей в производство необходимо сделать акцент на развитии услуг на базе Интернета вещей;

6) постепенное увеличение внутренних затрат предприятий промышленного комплекса на услуги по разработке и внедрению продукции в производство, направленные на создание новой продукции и (или) новых технологических решений ее производства;

7) необходимо трансформировать товарную политику промышленных предприятий в сторону расширения сервисного обслуживания промышленной продукции и предоставления комплексных решений, учитывающих индивидуальные потребности клиента;

8) предприятиям промышленного комплекса необходимо переходить к новым бизнес-моделям, основанным на информационно-коммуникационных услугах (Интернет-торговля, модель выручки по подписке, контракт с оплатой за результат, контракты с предоставлением полного спектра услуг и т.д.);

9) система подготовки высококвалифицированных кадров должна быть перестроена с учетом принципов «образование в течении всей жизни», «включенности предприятий промышленности в образовательный процесс» и «опережающего развития»;

10) для встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости необходимо использовать информационные технологии четвертой промышленной революции;

11) требуется изменить культуру ведения бизнеса в сторону увеличения открытости и прозрачности.

Список использованных источников

1. Сергиевич, Т. В. Роль промышленности в экономическом развитии Республики Беларусь в контексте перехода к постиндустриальному обществу / Т. В. Сергиевич // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы сборник трудов IX Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 184–186.

2. Национальные счета Республики Беларусь: статистический сборник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/78e/78e445e8492f6dfa75f_9eb2de40927a2.pdf. – Дата доступа: 15.04.2019.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR_2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf. – Дата доступа: 15.04.2019.

4. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политэкономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.

5. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С. 23–34.
6. Солодовников, С. Ю. Новые ресурсы экономической модернизации / С. Ю. Солодовников [и др.] ; под ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2016. – 324 с.
7. Мелешко, Ю. В. Услуги промышленного характера и четвёртая промышленная революция / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2018. – № 20 (25). – С. 71–77.
8. Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995-2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2017. – № 5. – С. 127–144.
9. Мелешко, Ю. В. Становление мирового рынка промышленного интернета вещей / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: Сборник трудов XII международной научно-практической конференции. Ответственный редактор К.К. Шебеко. – 2018. – С. 69–71.
10. Мелешко, Ю. В. Интернет вещей как фактор трансформации бизнес-моделей / Ю. В. Мелешко // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: Сборник научных статей. – Витебск, 2018. – С. 120–122.
11. Мелешко, Ю. В. Перспективы развития облачных технологий как услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Менеджмент предпринимательской деятельности: Материалы XVI междунар. научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2018. – С. 232–236.
12. Мелешко, Ю. В. Инфраструктурное обеспечение промышленного интернета вещей / Ю. В. Мелешко // Экономический базис развития науки и технологий в России: Сборник трудов Международной научной конференции. – 2018. – С. 279–282.
13. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей. – 2018. – № 8. – С. 16–55.
14. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков – онтологическое содержание современного общества / С. Ю. Солодовников // Актуальные вопросы экономической науки в XXI веке [Электронный ресурс] : материалы VII международной научной конференции – чтений, посвящённых памяти известного белорусского и российского учёного-экономиста М. В. Научителя (Гомель, 18 окт. 2018 г.). / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : А. К. Костенко (гл. ред.), А. М. Баранов (зам. гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст дан. (объем 4,12 Mb). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 79-82. – Режим доступа : <http://www.conference.gsu.by>. – Дата доступа: 29.11.2018.
15. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 7. – С. 84–94.
16. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера. Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5-10.
17. Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.
18. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2019 года

IMPROVEMENT OF THE ECONOMIC MECHANISM OF RENDERING INDUSTRIAL SERVICES IN THE CONTEXT OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Yu. V. Meleshko

meleshkojv@gmail.com

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department of Economics and Law
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the development of theoretical and methodological foundations of the economic mechanism of providing industrial services as a way to improve the competitiveness of industrial enterprises. The importance of industrial services in improving the competitiveness of industrial enterprises (in the context of the fourth industrial revolution), the state and structure of the sector of these services in the Republic of Belarus are shown. The features of the development of the Internet of Things are considered, the specifics of the economic mechanism for the provision of industrial services and the existing trends in their development in the Republic of Belarus are shown. The directions for improving the economic mechanism for the provision of industrial services in the Republic of Belarus have been identified and practical recommendations have been made for its improvement in the context of the modernization of the national economy.

Key words: industrial services, modernization of the economy, Internet of things, economic mechanism for the provision of industrial services, industrial policy, competitiveness of industrial enterprises.

References

1. Sergievich, T. V. Rol' promyshlennosti v jekonomicheskom razvitii Respubliki Belarus' v kontekste perehoda k postindustrial'nomu obshhestvu / T. V. Sergievich // Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy sbornik trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. - 2015. - S. 184-186.
2. Nacional'nye scheta Respubliki Belarus': statisticheskij sbornik [Jelektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. - Rezhim dostupa: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/78e/78e445e8492f6dfa75f9eb2de40927a2.pdf>.
3. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Belarus' na period do 2030 goda [Jelektronnyj resurs] / Ministerstvo jekonomiki Respubliki Belarus'. - Rezhim dostupa: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.
4. Solodovnikov, S. Ju. Klassy i klassovaja bor'ba v postindustrial'nom obshhestve: metodologicheskie osnovy politjekonomicheskogo issledovanija / S. Ju. Solodovnikov. - Minsk: BNTU, 2014. - 378 s.
5. Solodovnikov, S. Ju. Fenomenologicheskaja priroda vzaimoobuslovlennosti jekonomicheskoi konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja. - 2015. - № 3. - S. 23-34.
6. Solodovnikov, S. Ju. Novye resursy jekonomicheskoi modernizacii / S. Ju. Solodovnikov, L. P. Vasjuchenok, Ju. V. Meleshko, A. N. Tur; pod red. S. Ju. Solodovnikova. - Minsk: BNTU, 2016. - 324 s.
7. Meleshko, Ju. V. Uslugi promyshlennogo haraktera i chetvjortaja promyshlennaja revoljucija / Ju. V. Meleshko // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija. Serija: Teorija i praktika upravlenija. - 2018. - № 20 (25). - S. 71-77.
8. Meleshko, Ju. V. Jevoljucija uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' v 1995-2015 gg. / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskaja nauka segodnja. - 2017. - № 5. - S. 127-144.

9. Meleshko, Ju. V. Stanovlenie mirovogo rynka promyshlennogo interneta veshhej / Ju. V. Meleshko // Ustojchivoje razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy: Sbornik trudov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otvetstvennyj redaktor K.K. Shebeko. - 2018. - S. 69-71.

10. Meleshko, Ju. V. Internet veshhej kak faktor transformacii biznes-modelej / Ju. V. Meleshko // Social'no-jekonomicheskoe razvitie organizacij i regionov Belarusi: jeffektivnost' i innovacii: Sbornik nauchnyh statej. - Vitebsk, 2018. - S. 120-122.

11. Meleshko, Ju. V. Perspektivy razvitija oblachnyh tehnologij kak uslug promyshlennogo haraktera / Ju. V. Meleshko // Menedzhment predprinimatel'skoj dejatel'nosti Materialy XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, doktorantov, aspirantov i studentov. - 2018. - S. 232-236.

12. Meleshko, Ju. V. Infrastrukturnoe obespechenie promyshlennogo interneta veshhej / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskij bazis razvitija nauki i tehnologij v Rossii Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. - 2018. - S. 279-282.

13. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomika riskov / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej. - 2018. - Vypusk 8. - S. 16-55.

14. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomika riskov – ontologicheskoe sodержanie sovremennogo obshhestva / S. Ju. Solodovnikov // Aktual'nye voprosy jekonomicheskoy nauki v XXI veke [Jelektronnyj resurs] : materialy VII

mezhdunar.nauchnoj konferencii – chtenij, posvjashhjonnyh pamjati izvestnogo belorusskogo i rossijskogo uchjonogo-jekonomista M. V. Nauchitelja (Gomel', 18 okt. 2018 g.). / M-vo obrazovanija Respubliki Belarus', Gomel'skij gos. un-t im. F. Skoriny ; redkol. : A. K. Kostenko (gl. red.), A. M. Baranov (zam. gl. red.) [i dr.]. – Jelektron. tekst dan. (ob'em 4,12 Mb). – Gomel' : GGU im. F. Skoriny, 2018. – S. 79-82. – Rezhim dostupa : <http://www.conference.gsu.by>. – Data dostupa: 29.11.2018.

15. Solodovnikov, S. Ju. Vzaimosvjaz' strukturnoj politiki gosudarstva i modernizacii real'nogo sektora jekonomiki / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja. – 2018. – № 7. – S. 84-94.

16. Solodovnikov, S. Ju. Novaja strukturnaja politika i izmenenie institucional'noj dinamiki nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Resursy Evropejskogo Severa. Tehnologii i jekonomika osvoenija. – 2018. – № 1 (11). – S. 5-10.

17. Sergievich, T. V. Jekonomicheskoe stimulirovanie proizvodstva tovarov intensivnogo obnovlenija: teoretiko-metodologicheskie osnovy / T. V. Sergievich // Pravo. Jekonomika. Psihologija. - 2017. - № 3 (8). - S. 49-55.

18. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdanija social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.

УДК 338.246.025

ББК 65.05

**ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****В. Ф. Байнев**

baynev@bsu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой инновационного менеджмента
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Ю. Ю. Рунков

младший научный сотрудник кафедры инновационного менеджмента
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье раскрывается значимость факторов и условий внешней среды для инновационного развития экономических систем. Показано, что неблагоприятные макроэкономические условия вызывают возникновение дополнительных, избыточных издержек, которые предложено именовать внешними потерями бизнеса. На основе осуществленных исследований был сделан вывод о весьма неблагоприятной для бизнеса внешней среде в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая Республику Беларусь. Целенаправленное улучшение факторов и условий внешней среды до уровня наших конкурентов должно стать главным показателем эффективности функционирования публичных институтов ЕАЭС и входящих в него государств.

Ключевые слова: четвертая индустриальная революция, стратегия развития Industry 4.0, модернизация, инновационное воспроизводство капитала, макроэкономические условия хозяйствования, внешние потери бизнеса.

Введение. В условиях, когда смена технологических укладов является общемировым трендом, ускоренная модернизация (инновационное обновление) отечественной экономики выступает в качестве ключевого фактора ее глобальной конкурентоспособности в XXI веке [1]. К сожалению, большинство чиновников и многие экономисты в постсоветских странах, включая Республику Беларусь, убеждены, что эффективное функционирование и инновационное обновление отечественного бизнеса – это задачи, решение которых находится исключительно в компетенции самих субъектов хозяйствования.

Данная система взглядов, сформированная под воздействием нынешнего неоклассического экономического «мэйнстрима», признающего максимальное невмешательство государства и прочих публичных институтов в действие свободных рыночных сил в качестве едва ли не самого высшего блага, увы, является безнадежно устаревшей и не соответствующей нынешним экономическим реалиям. Сегодня можно воочию наблюдать, как технологически развитые страны активно работают в направлении целенаправленного создания своему бизнесу предельно благоприятных внешних (макроэкономических) условий для инновационного обновления техники и технологий, то есть для смены технологических укладов, именуемой в западных источниках литературы «четвертой индустриальной революцией» [2; 3]. При этом в ход шли и продолжают идти откровенно нерыночные методы, начиная с масштабных «количественных смягчений», оборачивающихся почти бесплатной раздачей кредитов модернизирующимся субъектам хозяйствования, и заканчивая беспрецедентными протекционистскими мерами по защите национальных рынков и производителей.

Все это делает весьма актуальным критическое переосмысление основных положений либерально-рыночной научно-образовательной парадигмы и соответствующей ей доктрины развития, которые благодаря целенаправленным усилиям наших зарубежных стратегических конкурентов, увы, возобладали на всем постсоветском пространстве. В связи с этим в данной работе предпринята попытка количественной оценки неблагоприятного воздействия факторов внешней среды, воссозданных в белорусской экономике, на инновационное воспроизводство капитала отечественного предпринимательского сектора. В итоге, как это справедливо утверждается в монографии, подготовленной коллективом авторов под руководством известного белорусского ученого С. Ю. Солодовникова, «наиболее слабым звеном (*национальной инновационной – примечание В. Б., Ю. Р.*) системы является предпринимательский сектор, и значительные усилия по ее развитию должны быть направлены именно на становление этого сектора, так как он является "наполнителем" для создаваемой инновационной инфраструктуры, а также формирует рынок инноваций» [4, с. 175]. При этом указанные усилия, на наш взгляд, должны лежать в сфере создания отечественному бизнесу внешних (макроэкономических) условий хозяйствования, которые должны быть не хуже, чем у наших зарубежных конкурентов, как восточных, так и западных.

Статья публикуется в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Развитие промышленного комплекса Республики Беларусь в условиях четвертой индустриальной революции», реализуемого кафедрой инновационного менеджмента БГУ в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020 гг.). Конечной целью предпринятого исследования является обоснование необходимости осуществления активной структурной политики [5], ориентированной на приоритетное стимулирование предпринимательского сектора, прежде всего, в индустриально-промышленном комплексе как главном драйвере модернизации (инновационного развития) национальной экономики в целом.

Результаты и их обсуждение. В научной и учебной литературе традиционно освещаются вопросы, касающиеся внешней среды функционирования бизнеса [6, с. 7; 7, с. 21–23]. К сожалению, параметры внешней среды традиционно рассматриваются как некая объективная данность, с которой бизнес должен пассивно считаться и к которой он, увы, может лишь обреченно приспособливаться.

В то же время исследование современной стадии технико-технологического прогресса, в наиболее развитых державах мира характеризуемой как «четвертая индустриальная революция» (стратегия развития Industry 4.0), показывает, что нынче эти страны жестко конкурируют друг с другом не столько на рынках товаров и услуг, сколько в сфере целенаправленного создания своему бизнесу предельно благоприятных условий для инновационного воспроизводства производственного капитала. Именно в этом, на наш взгляд, заключается главная экономическая функция государства в современной рыночной экономической системе.

В самом общем смысле под воспроизводством понимается возобновление существования какого-либо объекта, процесса, явления с ограниченным сроком жизни (бытия). Думается, многие согласятся с тем, что именно воспроизводственная миссия является той главной функцией, фундаментальной ипостасью всякой системы с конечным сроком бытия (использования) ее составных элементов, которая позволяет этой системе долговременно существовать и развиваться.

Так, большинству из нас вполне очевидна жизненно важная роль воспроизводственной функции для живых систем – популяций растений, животных, людей. Хотя и не так очевидна, однако, столь же значима воспроизводственная функция и для долговременного существования-развития экономических систем. Это объясняется тем, что

экономические системы также включают в себя компоненты с ограниченным сроком их использования, относящиеся к производственному, то есть к физическому (основному и оборотному) и человеческому капиталу. В связи с этим всегда актуальна проблема методичного восстановления, замещения, реновации, обновления этих использованных, износившихся, отработавших элементов.

Таким образом, инновационное развитие всякой экономической системы всецело определяется характером реализуемого в ней воспроизводственного процесса (суженное, простое, расширенное экстенсивное, расширенное интенсивное – инновационное воспроизводство). Столь важный в условиях нынешнего технотронного века технико-технологический прогресс экономической системы, выражающийся в смене технологических укладов, реализуется как результат большого числа единичных циклов инновационного воспроизводства ее производственного капитала (рисунок 1).

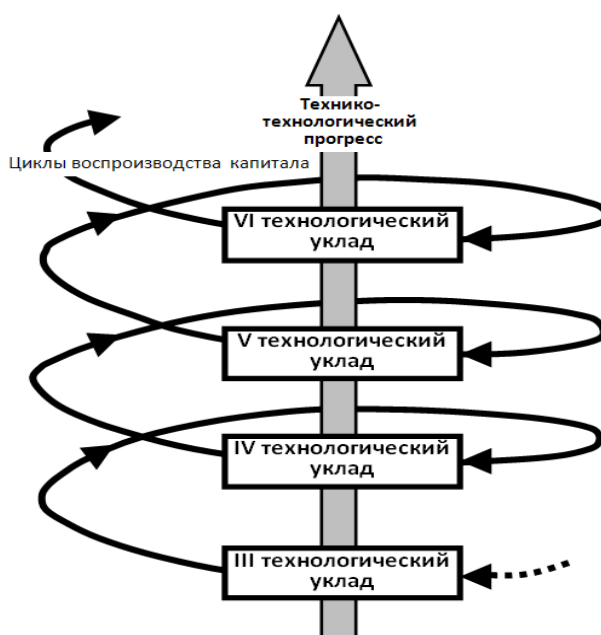
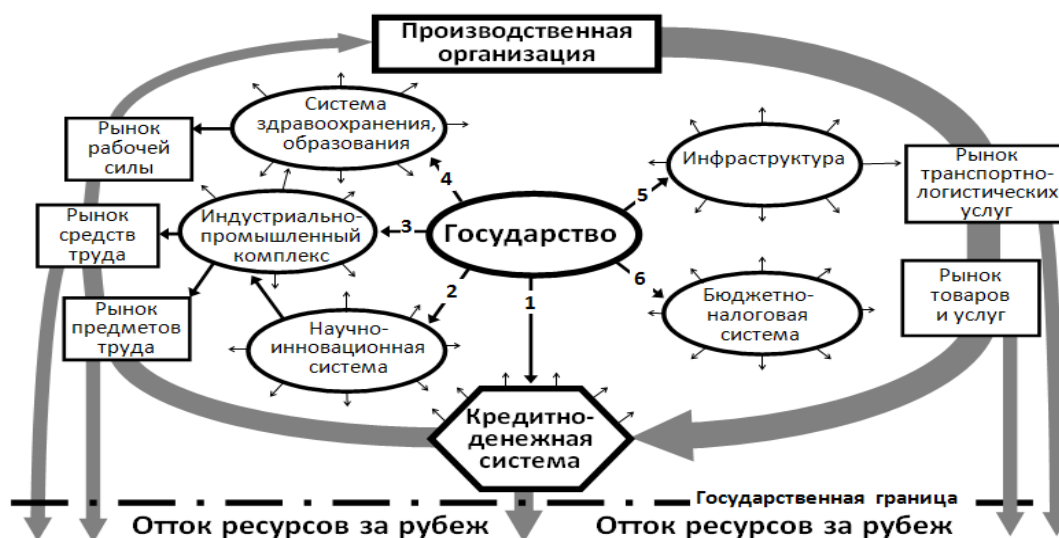

Рисунок 1 – Технико-технологический прогресс как совокупность циклов инновационного воспроизводства производственного капитала

Вместе с тем, несмотря на жизненную значимость для экономических систем всех уровней проблемы воспроизводства их производственного капитала, в современных базовых учебниках по экономической теории термин «воспроизводство», увы, даже не встречается (см., например, [8]). Думается, что это существенный провал отечественной системы экономического образования, поскольку с позиций грамотного экономиста любые негативные процессы в экономических системах («застои», рецессии, спады, кризисы, банкротства и т.п.) связаны с ограничениями, нарушениями, сбоями в системе воспроизводства их капитала.

Подобно тому, как с точки зрения врача всякая болезнь биологического организма в самом общем виде может быть определена как нарушение в нем процесса обмена веществ, так и с позиции экономиста-теоретика любые негативные явления и процессы в «экономическом организме» обусловлены сбоями в системе воспроизводства его капитала. При этом важно понимать, что на характер воспроизводства капитала (суженное, расширенное экстенсивное, расширенное интенсивное – инновационное) влияет не только профессионализм и трудолюбие предпринимателя, но и принципиально неподвластные его воле внешние условия. И дело здесь не только в исключительно значимых

природно-климатических факторах, но и в воссозданных в национальной экономике макроэкономических условиях хозяйствования, определяющих в сфере обращения характер указанного воспроизводства. И действительно, значительная часть оборота оборотного капитала ($D-T-P-T'-D'$), а значит, и цикла воспроизводства производственного капитала осуществляется вне предпринимательской организации, определяясь характером реализуемой правительством и центральным банком региональной, бюджетно-налоговой, бюджетно-инвестиционной, кредитно-денежной, социальной, научно-технической и т.д. политики (рисунок 2). При этом особенно негативной является ситуация, когда оборотный капитал предпринимательской организации не просто вымывается за ее пределы, но тем или иным способом выводится за рубеж, где используется для инновационного воспроизводства производственного капитала наших стратегических конкурентов.

Обозначения: 1 – кредитно-денежная политика; 2 – научно-техническая политика; 3 – промышленная политика; 4 – социальная политика; 5 – региональная политика; 6 – бюджетная (бюджетно-налоговая и бюджетно-инвестиционная) политика

Рисунок 2 – Цикл воспроизводства производственного капитала в предпринимательской организации и воздействие на него факторов и условий внешней среды

В общем виде внешние и внутренние факторы и условия, определяющие характер воспроизводства производственного капитала предпринимательской организации, могут быть классифицированы так, как это изображено на рисунке 3. При этом принципиальным моментом является то, что такая организация не имеет (или почти не имеет) возможности воздействовать на внешние факторы и условия. Это значит, что ответственность за создание и поддержание благоприятной для инновационного воспроизводства производственного капитала внешней среды в части макроэкономических условий хозяйствования возлагается на публичные институты, главным образом на правительство и центральный (национальный) банк страны.

К сожалению, наши чиновники, экономисты и даже сами предприниматели в силу сформированного у них либерально-рыночного мировоззрения традиционно акцентируют внимание на тех или иных недостатках производства и сбыта продукции, в то время

как внешние факторы, обусловившие системные сбои, нарушения, ограничения воспроизводства производственного капитала, остаются вне поля зрения. Вместе с тем большинство параметров макроэкономической среды, в которой вынуждены функционировать отечественные предпринимательские организации, существенно, зачастую в разы хуже, нежели у их зарубежных конкурентов. Среди таких ключевых параметров, кардинально влияющих на эффективность функционирования и глобальную конкурентоспособность отечественного бизнеса: уровень монетизации экономики, стабильность национальной валюты, удельный вес государственных расходов в ВВП, соотношение обменного курса национальной денежной единицы и паритета покупательной способности, стоимость и доступность кредитных ресурсов, дисциплина платежей, налоговые стимулы развития, коррупционные расходы, уровень инфляции и другие.

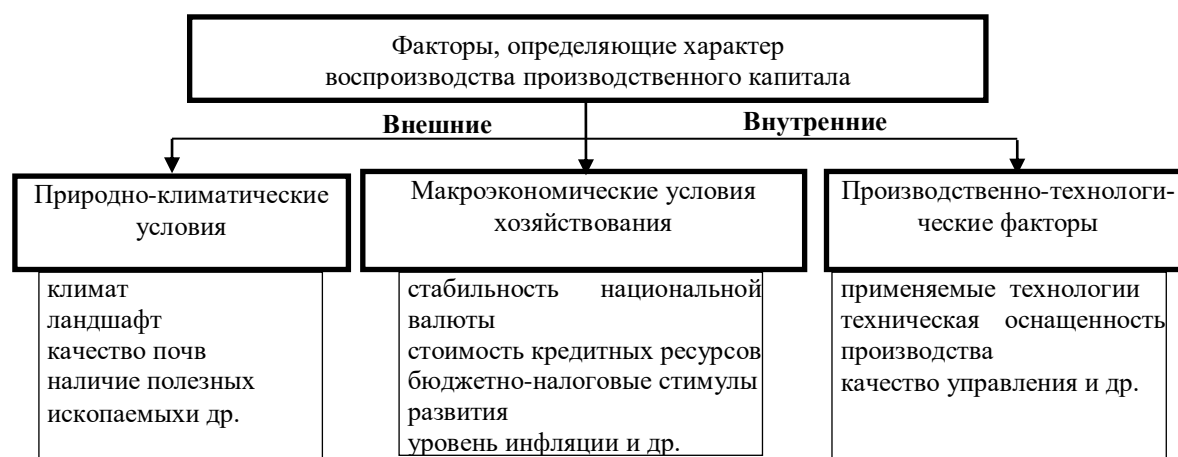

Рисунок 3 – Классификация факторов, определяющих характер воспроизводства производственного капитала предпринимательской организации

В итоге, вместо инновационного прорыва постсоветские страны, включая нашу Беларусь, демонстрируют все тот же технико-технологический «застой», в свое время столь бесславно сгубивший СССР и всю мировую систему социализма. Увы, в условиях развертывания в мире четвертой промышленной (индустриальной) революции Беларусь и Россия все больше и больше отстают от технологических лидеров, постепенно скатываясь на позиции второстепенных, периферийных стран (таблица 1).

К сожалению, описанные выше и, в общем-то, очевидные для всякого грамотного экономиста аксиомы весьма расплывчато воспринимаются не только политиками, чиновниками, банкирами, но и даже самими предпринимателями. Для последних понятие «макроэкономические условия хозяйствования» звучит как некая заумная теоретическая абстракция, которая имеет к каждому конкретному бизнесу весьма отдаленное отношение. Однако если речь заходит о внешних издержках (издержках обращения), которые вынуждена нести любая предпринимательская организация за ее пределами – в сфере обращения, то в этом случае каждый конкретный предприниматель очень хорошо понимает, о чем идет речь. И не просто понимает, но и самостоятельно классифицирует эти расходы на экономически обоснованные и экономически не обоснованные, то есть избыточные внешние издержки. При этом под экономически обоснованными внешними издержками понимается та их часть, которая соответствует неким общепринятым в данном виде бизнеса нормам и потому не вызывает нареканий и особого отторжения в предпринимательской среде. Экономически же не обоснованные внешние издержки заметно

превышают эти самые общепринятые нормы и потому воспринимаются предпринимателями в качестве внешних потерь – избыточных издержек в сфере обращения, обусловленных неблагоприятными внешними условиями хозяйствования и существенно снижающих конкурентоспособность предпринимательской организации. Например, каждый бизнесмен прекрасно понимает, что за полученный кредит надо платить. Однако если его стоимость заметно превышает стоимость кредита, полученного конкурентом, то указанное превышение – это и есть те самые внешние потери, о которых идет речь в данной части статьи.

Таблица 1 – Удельные веса технологических укладов в экономике США, России и Беларуси

Технологический уклад	Доля технологического уклада в экономике, %		
	США	Россия	Беларусь
I–II	отсутствует	менее 10%	менее 10%
III	15	30	35
IV	20	более 50	более 50
V	60	10	около 5
VI	5	менее 1	менее 1
Средний технологический уклад	4,6	3,7	3,6

Источник: разработка авторов на основе данных [9; 10]

Иными словами, неблагоприятное воздействие на бизнес внешних условий и факторов проявляется в увеличении издержек, которые дополнительно вынуждена нести каждая конкретная предпринимательская организация в результате негативного влияния указанных условий и факторов. При этом суммарная величина этих самых дополнительных, избыточных издержек, которые мы предложили именовать внешними потерями, может быть использована для количественной оценки качества внешней среды.

С учетом этого нами предложен к использованию *показатель неблагоприятности внешней среды EUI (Environmental Unfavorable Indicator)*, комплексно характеризующий всю совокупность ее макроэкономических параметров с точки зрения их негативного воздействия на функционирование и инновационное развитие организаций и национальной экономики в целом. Данный показатель *EUI* рассчитывается в виде отношения суммы внешних потерь, обусловленных неблагоприятными макроэкономическими условиями (неплатежами, высокой стоимостью кредитов, девальвацией национальной валюты, инфляцией, экономически необоснованным посредничеством, избыточными административными процедурами, коррупционной рентой и т.п.) к общей сумме издержек фирмы или совокупности фирм.

В рамках решения задачи оценки качества внешней среды, в которой вынужден работать отечественный малый бизнес, мы проанализировали деятельность нескольких отечественных частных фирм, работающих в строительной сфере. В частности, нами были собраны сведения об издержках и внешних потерях таких организаций, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Оценка издержек и внешних потерь некоторых белорусских строительных компаний в 2018 г., тыс. руб.

Показатель	Фирма А	Фирма Б	Фирма В
Общая сумма издержек	868	1551	1332
в том числе:			
внешние потери,	369	439	197
из них:			
- вызванные просроченной дебиторской задолженностью	292	126	47
- обусловленные административными барьерами и процедурами	17	28	36
- вызванные девальвацией рубля	н/д	н/д	н/д
- вызванные инфляцией	н/д	н/д	н/д
- обусловленные коррупцией	н/д	н/д	н/д
- обусловленные избыточным посредничеством	45	156	29
- связанные с обслуживанием кредитов, тыс. руб.	0	125	62
- обусловленные более высокой налоговой нагрузкой по сравнению с соседними странами, тыс. руб.	н/д	н/д	н/д
- вызванные необходимостью уплаты налогов «по факту отгрузки», тыс. руб.	15	4	23

Примечание: Обозначение «н/д» замещает информацию, которую руководство анализируемых компаний не сумело однозначно оценить или не сочло возможным обнаружить.

На основе представленных в таблице 2 данных несложно рассчитать *показатель неблагоприятности внешней среды EUI*, который применительно к отечественной строительной сфере оказался равным 0,27. Полученное значение свидетельствует о неблагоприятной внешней среде функционирования обследованных отечественных строительных малых предприятий, поскольку внешние потери в 2018 г. составили 27% общей суммы их внешних издержек. В реальности же указанный показатель еще хуже, поскольку, как это было отмечено выше, в таблице 2 отражены не все внешние потери, а только их часть. Думается, что низкое качество внешней среды является одной из главных причин низкой эффективности функционирования и масштабной кредиторской задолженности отечественных предприятий [11], которая заметно превысила ВВП страны и по-прежнему продолжает быстро расти (рисунок 4).

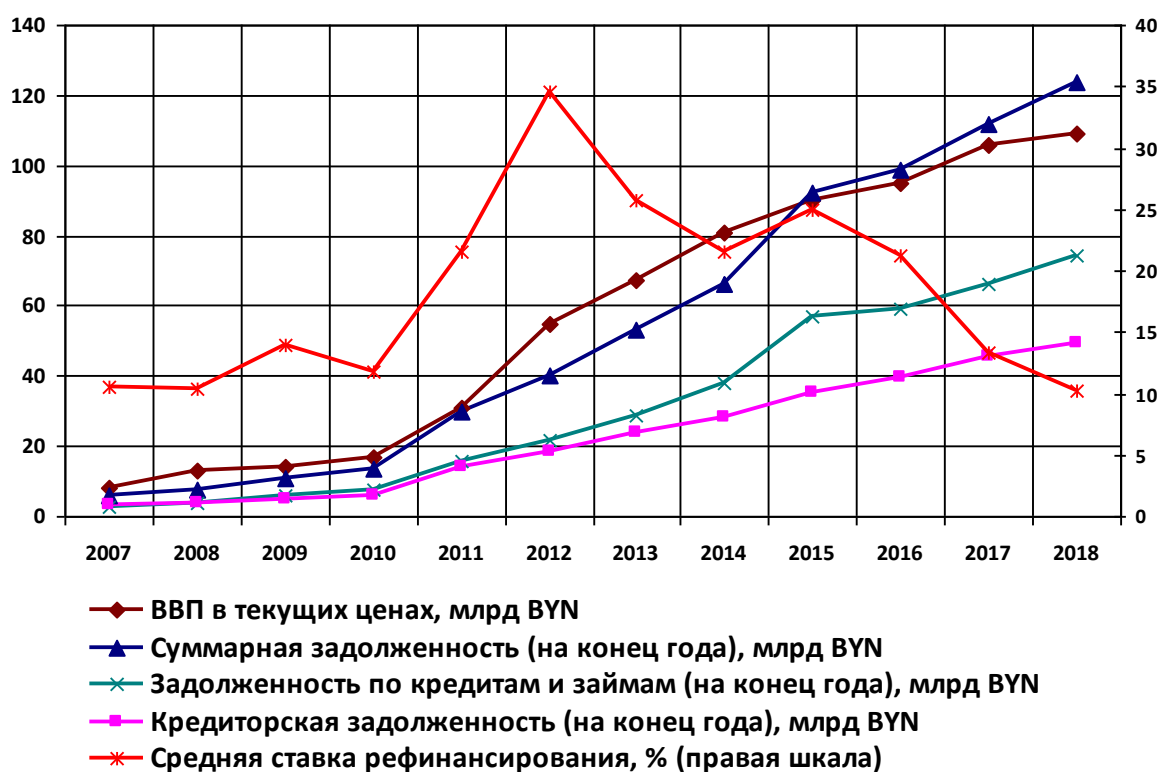

Рисунок 4 – Динамика ВВП Беларуси и задолженности белорусских организаций в период с 2007 по 2018 гг.

Источник: построено по данным: [12; 13; 14; 15]

Очевидно, что в сложившихся исключительно неблагоприятных внешних условиях функционирования отечественного предпринимательского сектора, ведущих к тотальному вымыванию его оборотных средств в транзакционный сектор экономики ни о какой модернизации (инновационном обновлении) производственного капитала не может идти и речи. Если данная ситуация не будет исправлена, то наше технологическое отставание достигнет критического уровня, угрожающего экономическому и политическому суверенитету нации.

Выводы. 1. Нынешний этап эволюции техники и технологий, именуемый в западных странах «четвертой индустриальной революцией», а в странах ЕАЭС – переходом к V-VI технологическому укладу, характеризуется резкой активизацией экономической роли публичных институтов в сфере создания отечественному бизнесу максимально благоприятных макроэкономических факторов и условий для модернизации (инновационного воспроизводства) производственного капитала. Прежде всего, сказанное относится к высокотехнологичным видам экономической деятельности, осуществляемым в индустриально-промышленном комплексе, являющимся катализатором инноваций и локомотивом перехода к высшим технологическим укладам национальной экономики в целом.

2. К сожалению, страны ЕАЭС, включая Республику Беларусь, демонстрируют нарастающее отставание в сфере технико-технологического прогресса, что таит в себе реальную угрозу их технологическому, экономическому и, соответственно, политическому суверенитету. Данное отставание – прямое следствие неблагоприятных, более худших по сравнению с нашими конкурентами внешних (макроэкономических) факторов и условий, воссозданных в экономической сфере государств нашего союза.

3. Неблагоприятное воздействие факторов и условий внешней среды проявляется в виде дополнительных, избыточных издержек, названных нами внешними потерями отечественных предпринимательских организаций. По нашему мнению, общий объем таких внешних потерь может служить объективным показателем неблагоприятности (враждебности) внешней среды по отношению к бизнесу. Увы, осуществленная нами количественная оценка общей суммы внешних потерь ряда частных малых предприятий, функционирующих в строительной сфере, свидетельствует о весьма неблагоприятной внешней среде, в условиях которой приходится функционировать отечественному строительному бизнесу. Думается, что столь же удручающая ситуация сложилась и в других связанных с производством видах экономической деятельности стран ЕАЭС.

4. Масштабный и продолжающийся усугубляться кризис задолженности (неплатежей), сложившийся в сфере белорусского производственного бизнеса, также является следствием неблагоприятной внешней среды, активно препятствующей не только расширенному инновационному, но и простому воспроизводству капитала отечественных предпринимательских организаций. Таким образом, обеспечение отечественному бизнесу макроэкономических факторов и условий, способствующих инновационному воспроизводству производственного, прежде всего, высокотехнологичного промышленного капитала – это на сегодняшний день ключевая для выживания и развития любой нации проблема.

5. Для решения указанной проблемы необходимо, чтобы профессионализм или профнепригодность правительств, главных банков и прочих публичных институтов всецело определялись их способностью или неумением создать отечественному бизнесу условия для воспроизводства его капитала не хуже, чем в странах-конкурентах, по всему спектру значимых параметров. При этом важно, чтобы каждый элемент системы воспроизводства капитала (см. рисунок 2) был нацелен не на достижение своих частных целей (максимизацию дохода, экспортной выручки, прибыли и т.п.), а на решение жизненно важной общенациональной задачи модернизации (инновационного воспроизводства) капитала отечественного бизнеса.

Список использованных источников

1. Солодовников, С.Ю. Модернизация белорусской экономики: теоретические и прикладные аспекты: монография / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: Эксперспектива, 2013. – 324 с.
2. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab // Foreign Affairs. December 12, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> – Дата доступа: 12.02.2019.
3. Байнев, В.Ф. Четвертая промышленная революция как глобальный инновационный проект / В.Ф. Байнев // Наука и инновации. – 2017. – №3. – С. 38–41.
4. Новые ресурсы экономической модернизации: монография / С.Ю. Солодовников, Л.П. Васюченко, Ю.В. Мелешко, А.Н. Тур; под ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2016. – 324 с.
5. Маргарян, А.Ш. Взаимосвязь структурной политики и модернизации реального сектора экономики / А.Ш. Маргарян, А.Т. Терзян, С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – Вып. 7. – С. 226–239.
6. Короткевич, Л.М. Экономика предприятия промышленности / Л.М. Короткевич. – Минск: БНТУ, 2015. – 118 с.
7. Русак, Е.С. Экономика предприятия: ответы на экзаменационные вопросы / Е.С. Русак, Е.И. Сапелкина. – Минск: Тетралит, 2014. – 144 с.
8. Макконелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. 18 англ. изд. / К.Р. Макконелл, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн. – М.: Ифра-М, 2011. – 1010 с.
9. Пилипенко Е.В. Промышленный комплекс региона в условиях формирования экономики знаний / Е.В. Пилипенко, К.П. Гринюк. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. –

218 с.

10. Авдокушин Е.Ф. Радикальные инновации в России: факторы развития и роль государственно-частного партнерства / Е.Ф. Авдокушин, А.В. Фролов // Вопросы новой экономики. – 2016. – №4(40). – С. 4-15.

11. Байнев, В.Ф. Самое главное – удержать командные высоты в экономике / В.Ф. Байнев // Беларуская думка. – 2019. – №1. – С. 34–41.

12. Состояние расчетов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/finansy/godovye-dannye_14/sostoyanie-raschetov-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 03.12.2018.

13. ВВП в текущих ценах [Электронный ресурс] // Статистическая база данных ЕЭК ООН. – Режим доступа: <https://w3.unece.org/>

PXWeb2015/pxweb/ru/STAT/STAT__20-ME__1-MEOV/02_ru_MENCOverviewY_r.px/table/tableViewLayout2/?rxid=dbc249ac-c57d-4613-96db-a710a95953dc. – Дата доступа: 03.12.2018.

14. Динамика средней ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: www.nbrb.by/statistics/Dynamic/. – Дата доступа: 03.12.2018.

15. Состояние расчетов в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/finansy-organizatsiy/operativnye-dannye/sostoyanie-raschetov-organizatsiy-respubliki-belarus-na-1-dekabrya-2018-g->. – Дата доступа: 21.02.2019.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2019 года

EXTERNAL FACTORS AND CONDITIONS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT ENTREPRENEURIAL SECTOR OF THE REPUBLIC OF BELARUS

V. F. Baynev

baynev@bsu.by

Doctor of Economics, Professor,
Head Department of Innovation Management
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

Yu. Yu. Runkov

Junior Researcher, Department of Innovation Management
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

The article reveals the importance of factors and environmental conditions for the innovative development of economic systems. It is shown that unfavorable macroeconomic conditions give rise to additional, excess costs, which are proposed to be called external business losses. On the basis of the research carried out, it was concluded that the external environment is very unfavorable for business in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU), including the Republic of Belarus. Purposeful improvement of environmental factors and conditions to the level of our competitors should be the main indicator of the effectiveness of the functioning of public institutions of the EAEU and its member states.

Key words: *fourth industrial revolution, Industry 4.0 development strategy, modernization, innovative reproduction of capital, macroeconomic conditions of management, external business losses.*

References

1. Solodovnikov, S.Ju. Modernizacija belorusskoj jekonomiki: teoreticheskie i prikladnye aspekty: monografija / S.Ju. Solodovnikov [i dr.]. – Minsk: Jeko-perspektiva, 2013. – 324 s.
2. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab // Foreign Affairs. December 12, 2015 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>. – Data dostupa: 12.02.2019.
3. Bajnev, V.F. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija kak global'nyj innovacionnyj proekt / V.F. Bajnev // Nauka i innovacii. – 2017. – №3. – S. 38-41.
4. Novye resursy jekonomicheskoj modernizacii: monografija / S.Ju. Solodovnikov, L.P. Vasjuchenok, Ju.V. Meleshko, A.N. Tur; pod red. S.Ju. Solodovnikova. – Minsk: BNTU, 2016. – 324 s.
5. Margarjan, A.Sh. Vzaimosvjaz' strukturnoj politiki i modernizacii real'nogo sektora jekonomiki / A.Sh. Margarjan, A.T. Terzjan, S.Ju. Solodovnikov // Jekonomicheskaja nauka segodnja. – 2018. – Vyp. 7. – S. 226-239.
6. Korotkevich, L.M. Jekonomika predprijatija promyshlennosti / L.M. Korotkevich. – Minsk: BNTU, 2015. – 118 s.
7. Rusak, E.S. Jekonomika predprijatija: otvety na jekzamenacionnye voprosy / E.S. Rusak, E.I. Sapelkina. – Minsk: Tetra-lit, 2014. – 144 s.
8. Makkonell, K.R. Jekonomiks: principy, problemy i politika: per. 18 angl. izd. / K.R. Makkonell, S.L. Brju, Sh.M. Flinn. – M.: Ifnra-M, 2011. – 1010 s.
9. Pilipenko E.V. Promyshlennyj kompleks regiona v uslovijah formirovanija jekonomiki znaniy / E.V. Pilipenko, K.P. Grinjuk. – Ekaterinburg: In-t jekonomiki UrO RAN, 2014. – 218 s.
10. Avdokushin E.F. Radikal'nye innovacii v Rossii: faktory razvitija i rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva / E.F. Avdokushin, A.V. Frolov // Voprosy novej jekonomiki. – 2016. – №4(40). – S. 4-15.
11. Bajnev, V.F. Samoe glavnoe – uderzhat' komandnye vysoty v jekonomike / V.F. Bajnev // Belaruskaja dumka. – 2019. – №1. – S. 34-41.
12. Sostojanie raschetov v Respublike Belarus' [Jelektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/finansy/godovye-dannye_14/sostoyanie-raschetov-v-respublike-belarus/. – Data dostupa: 03.12.2018.
13. VVP v tekushhix cenah [Jelektronnyj resurs] // Statisticheskaja baza dannyh EJeK OON. – Rezhim dostupa: w3.unece.org/PXWeb2015/pxweb/ru/STAT/STAT__20-ME__1-MEOV/02_ru_MENCO_verviewY_r.px/table/tableViewLayout2/?rxid=dbc249ac-c57d-4613-96db-a710a95953dc. – Data dostupa: 03.12.2018.
14. Dinamika srednej stavki refinansirovanija Nacional'nogo banka Respubliki Belarus' [Jelektronnyj resurs] // Nacional'nyj bank Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://www.nbrb.by/statistics/Dynamic/>. – Data dostupa: 03.12.2018.
15. Sostojanie raschetov v Respublike Belarus' [Jelektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/finansy-organizatsiy/operativnye-dannye/sostoyanie-raschetov-organizatsiy-respubliki-belarus-na-1-dekabrya-2018-g->. – Data dostupa: 21.02.2019.

УДК 338.45+330.35.01

ББК 65.01

**ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ ИНТЕНСИВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ ***

Т. В. Сергиевич

serhiyevich@gmail.com

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию механизмов действия технологического фактора в производстве товаров интенсивного обновления. Влияние данного фактора проявляется как на этапе производства и продвижения таких товаров, так и в изменениях структур потребления в современном обществе. В зависимости от степени реализации потенциала отрасли к технологизации формируется технологическая поляризация производства товаров интенсивного обновления. Тенденция к технологизации производства и продвижения товаров сопровождается усилением степени и разнообразия межотраслевой кооперации, в том числе в форме коллабораций с представителями сферы информационных технологий, наноиндустрии, вычислительной социальной науки и др., что способствует реализации инновационного потенциала традиционных секторов экономики.

Ключевые слова: модернизация экономики, технология, мода, знаковое потребление, товары интенсивного обновления, легкая промышленность, инновационное развитие, умная одежда, потребление, экономическая система.

Введение. Современная экономика характеризуется активными изменениями структур потребления, эволюционирующими под воздействием различных групп факторов, действующих в отношении интенсивности, объемов и качества потребления товаров и услуг. И. В. Петрова выделяет две группы факторов, которые увеличивают темпы потребления: «частая обновляемость ассортимента продукции определяется двумя группами факторов: научно-технические факторы (внедрение нового оборудования, новой технологии, новых материалов и т. п.) и социально-экономические факторы (уровень доходов населения, уровень потребительского спроса, мода и т. п.)» [1, с. 49], что можно обозначить как внутренние и внешние для предприятия факторы. Сегодня, когда общество находится в состоянии глобальной социально-технологической революции [2, с. 17], при которой изменяются мотивы, формы и принципы поведения индивидов, фактор потребительского спроса начинает действовать иначе. Распространение общественно-функциональных инноваций повлекло за собой «радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями» [3, с. 23], где уже не спрос рождает предложение и не предложение рождает спрос: «рост изобилия, то есть возможность располагать все более многочисленными индивидуальными и коллективными благами и оборудованием, имеет в качестве своей противоположности все более серьезную "вредоносность": это последствия промышленного развития и технического

* Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г18М-033 от 30.05.2018 г. «Совершенствование экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления в контексте повышения конкурентоспособности промышленных предприятий»).

прогресса, с одной стороны, самих структур потребления – с другой» [4, с. 62]. В современном обществе возрастает доля знакового потребления, которое используется индивидами как инструмент демонстрации своего социального статуса. Данная тенденция находит свое отражение в интенсификации потребления и, соответственно, росте производства и темпов обновляемости определенных групп товаров, спрос на которые формируется в большой степени под влиянием неценовых факторов – таких как мода, технологичность, уникальность, индивидуальность, бренд. Для обозначения таких товаров мы использовали понятие «товары интенсивного обновления» [5].

Интенсификация обновления исследуемых товаров происходит под влиянием: во-первых, смены их визуально-эстетических характеристик как реакции на изменения моды (модная обувь, одежда, декоративная косметика); во-вторых, технологического фактора («умная одежда», обувь с повышенными эксплуатационными характеристиками); в-третьих, физиологического фактора (детская одежда, одежда для беременных женщин, специальная одежда для инвалидов); в-четвертых, фактора обычаев и традиций (карнавальные костюмы, свадебные платья, приверженность определенным брендам), а также под влиянием роста производства этих товаров.

Конкуренция производителей в скорости реагирования на изменения спроса, ускорение научно-технического прогресса и повсеместное внедрение его результатов приводит к постоянному ускорению жизненных циклов товаров интенсивного обновления, что обуславливает изменения в технологии их производства. Эти изменения проявляются в первую очередь в том, что все большая часть добавленной стоимости создается за счет труда интеллектуального и творческого характера, а также в возрастании затрат на продвижение таких товаров как условие конкурентоспособности предприятий по их производству, включая формирование брендов.

Результаты и их обсуждение. Товары интенсивного обновления – понятие, правомерно применимое к широкому спектру продукции различных отраслей промышленности, включая одежду, обувь, аксессуары, бижутерию, декоративную косметику и т. д. В литературе сфера производства товаров интенсивного обновления по существу отождествлялась с индустрией моды: «промышленное производство товаров интенсивного обновления – это совокупность хозяйствующих субъектов из различных производственных (текстильная и швейная промышленность, сельское хозяйство, химическая промышленность и др.) и непромышленных секторов (розничная торговля, средства массовой информации, сервисные компании и др.), предпринимательская деятельность которых ориентирована на сырьевое, интеллектуальное и информационное обеспечение процесса производства модного швейного продукта, его дальнейшее продвижение и сбыт конечному потребителю» [6, с. 75]. Несмотря на то что под влиянием моды во многом формируются принципы поведения и образ жизни людей, традиционно в индустрию моды включается в первую очередь производство и потребление текстиля, одежды, обуви, аксессуаров, косметики и парфюмерии. При этом по мнению одних авторов (В. П. Иваницкий [6], Н. А. Крюкова [7], Е. А. Лисова [7], М. С. Щеглов [6]) ядро индустрии моды составляет швейная промышленность, по мнению других (Т. А. Бозина [8], В. М. Осипов [9], В. А. Титов [9], В. В. Хохлова [8]) – индустрия моды в большей степени относится к сфере услуг. Развитие индустрии моды принято оценивать на основе показателей легкой промышленности, оптовой и розничной торговли, услуг по дизайну одежды и обуви [10].

В структуре товаров интенсивного обновления, производимых в Республике Беларусь, подавляющее большинство составляет продукция предприятий легкой промышленности. Доля товаров интенсивного обновления, производимых в рамках других видов экономической деятельности, относительно невелика. Легкую промышленность принято относить к традиционным секторам экономики. Вместе с тем, поскольку феномен

многоукладности может характеризовать экономику в целом, постольку в развитии отдельных отраслей могут наблюдаться признаки различных технологических укладов. В легкой промышленности могут производиться высокотехнологичные товары, а сам производственный процесс – обладать высокой степенью инновационности. Технологический фактор, влияние которого в современной экономике усиливается, позволяет наделять продукт новыми функциональными свойствами, эксплуатационными и качественными характеристиками. К товарам интенсивного обновления, на рост потребления которых влияет технологический фактор, относятся: средства индивидуальной защиты и отдельные виды специальной одежды; военная форма, оснащенная датчиками ранений; инновационные медицинские материалы, которые препятствуют развитию заболеваний; одежда, предназначенная для экстремальных условий эксплуатации; одежда и обувь, интегрированная с приложением на смартфоне; энергогенерирующие сумки; обувь, оснащенная GPS-датчиками и др.

В мировом масштабе производство товаров интенсивного обновления характеризуется поляризацией по степени технологичности – в странах ЕС преобладают высокотехнологичные предприятия, в то время как в странах Юго-Восточной Азии сконцентрированы традиционные производства. Международное разделение труда в исследуемой сфере обусловило перемещение текстильных и швейных производств, в основном, в страны Юго-Восточной Азии. В десятку крупнейших мировых экспортеров одежды по данным 2016 г. вошли Китай, ЕС, Бангладеш, Вьетнам, Индия, Гонконг, Турция, Индонезия, Камбоджа и США [11, р. 35]. За период с 2000 г. до 2016 г. доля Китая в мировом экспорте одежды увеличилась с 18,2 % до 36,7 %, в то время как доля Европейского союза сохранилась также на довольно высоком уровне – 26,4 % в 2016 г. [11, р. 121]. В странах Юго-Восточной Азии сконцентрировано традиционное производство текстиля, обуви, одежды. В экономически развитых странах помимо услуг по дизайну, маркетингу, логистике, управлению качеством сконцентрированы НИОКР в сфере разработки инновационных материалов, производство высокотехнологичного текстиля и изделий из него, изделий, обладающих повышенными эксплуатационными характеристиками, тканей и одежды, интегрированной с информационными технологиями. Что касается Республики Беларусь и Российской Федерации, большинство предприятий остается традиционными при зарождении тенденции к переходу на инновационный путь развития на основе технологизации производства и цифровизации ее производственных и бизнес-процессов.

Развитие технологий в производстве товаров интенсивного обновления привело к возникновению так называемого электронного текстиля (от англ. «electronic textiles») и созданию умной одежды (от англ. «smart garments», «smart clothing»). Электронный текстиль представляет собой текстильный материал, содержащий электронику и наделенный новыми свойствами на основе использования цифровых технологий. Умная одежда, которая создается, как правило, на основе электронного текстиля, – это одежда, позволяющая принимать, обрабатывать и интерпретировать информацию о человеке и окружающей среде, а также обеспечивать обратную связь на основе применения цифровых технологий. Умная одежда обладает новыми, нехарактерными для одежды в классическом ее понимании свойствами «с сохранением всех традиционных характеристик, таких как возможность стирки и носки» [12, р. 5]. Специальные датчики способны отслеживать состояние здоровья человека на основе аккумулялирования информации о сердечном ритме, давлении, температуре тела; солнечные батареи позволяют заряжать электронные девайсы; нагревающие элементы дают возможность одежде регулировать температуру; светодиоды реагируют на изменение настроения, получая информацию о мозговой активности человека.

В основе создания многих инновационных текстильных материалов лежат нанотехнологии. Для обеспечения возможности передачи данных используется нановолокно – волоконная сетка, встроенная в ткань; для повышения прочности материала – ткань из нановолокон полимерного материала, сплетенных особым образом, в результате чего при деформации сплетенные нановолокна начинают интенсивно тереться друг от друга, создавая пьезоэффект, благодаря которому в них вырабатывается электричество, которое притягивает волокна друг к другу и тем самым делает материал суперпрочным. Успешное применение технологий наноиндустрии в производстве товаров интенсивного обновления свидетельствует о том, что: во-первых, легкая промышленность, относимая к традиционным секторам экономики, может развиваться как высокотехнологичная отрасль, быть инновационно восприимчивой и активной, что, однако, осуществимо лишь по мере неоиндустриализации данного сектора экономики, охватывающей «не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношений, складывающихся в процессе трудовой деятельности» [13, с. 54], и основанной на сочетании технико-технологической и организационно-управленческой модернизации. Во-вторых, легкая промышленность, обладающая высоким потенциалом межотраслевой кооперации, демонстрирует успешные примеры использования результатов других отраслей. В частности, использование нанотехнологий позволяет легкой промышленности перейти на другой уровень в спирали инновационного развития. С. Ю. Солодовников справедливо заключает, что «в Республике Беларусь необходимо применить зонтичные стратегии развития наноиндустрии в составе комплексных технологических направлений, а также секторально и проблемно ориентированные стратегии развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий развития национального промышленного комплекса и устойчивого социально-экономического развития» [14, с. 48]. Нанотехнологии могут активно применяться всеми отраслями промышленности как инструмент достижения конкурентных преимуществ и выхода на новый качественный уровень, в том числе и в производстве товаров интенсивного обновления.

Высокотехнологичное развитие производства товаров интенсивного обновления сопряжено с трудностями, обусловленными необходимостью межсекторального взаимодействия и скоординированной работы специалистов разных сфер деятельности, что институционально может быть оформлено как коллаборации. Так, «процесс создания умной одежды и *wearable*-технологий (*«носимых технологий» – девайсов, встроенных в одежду или обувь – примечание Т. С.*) должен учитывать множество факторов – должно выстраиваться сотрудничество между конечными пользователями, специалистами по текстильной промышленности, производителями электроники, дизайнерами и специалистами швейной индустрии на всем пути от концепции новой одежды или девайса до точки продажи» [12]. Как правило, собираемые данные передаются на мобильное приложение, которое обрабатывает поступившую информацию и дает обратную связь потребителю. Использование продуктов индустрии информационных технологий в легкой промышленности позволяет выстраивать расширенные цепочки создания добавленной стоимости в белорусской экономике, включая продукты труда различных видов экономической деятельности – от легкой промышленности до сферы информационных технологий.

В литературе отмечается, что инновационная активность в легкой промышленности «простимулирует рост активности в сопряженных сферах экономической деятельности, тем самым вызовет мультипликационный эффект, дающий значительный прирост национального дохода, способствующий росту производственных инвестиций через механизм акселератора» [15, с. 24]. Сегодня объемы межсекторального взаимодействия

увеличиваются, поэтому форсирование инновационного развития легкой промышленности будет способствовать росту активности в сфере услуг промышленного характера. Услуга промышленного характера, по справедливому определению Ю. В. Мелешко, представляет собой «хозяйственное благо в форме действия, обеспечивающее создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции. Это специфическая бизнес-услуга, направленная на удовлетворение потребностей национального промышленного комплекса, промышленных предприятий (организаций промышленности) с целью повышения их конкурентоспособности путем оптимизации использования факторов производства на протяжении всей цепочки создания добавленной стоимости» [16, с. 15]. В современной экономике в структуре добавленной стоимости товаров легкой промышленности увеличивается удельный вес услуг промышленного характера.

Усиление действия технологического фактора обуславливает распространение феномена техно-моды, который отражает тенденцию к демонстрации индивидами своей причастности к научно-техническому прогрессу посредством потребления технологических новинок, в том числе и в одежде. Инновационно активные производители товаров интенсивного обновления ориентированы на техно-моду, поскольку «инновационность, технологичность, т. е. собственно "techno", и являются сегодня потребляемым трендом» [17, с. 266]. Е. Г. Каменский справедливо подчеркивает, что «современные компании сознательно ориентированы на стимулирование актуальных социальных hi-tech-трендов потребления (*ориентация на потребление высокотехнологичных товаров – примечание Т. С.*). С учетом востребованности определенных видов досуга, их тотальной массовости не развитие самого бренда, а иллюстрация его принадлежности к современным ценностям делает его модным. В этом случае отчетливо видно, как то, что условно можно назвать как "техно-мода", служит мощнейшим фактором развития потребительской гонки и стратификационных трансформаций. Подчеркивается не эксклюзивность товара, не творческая составляющая, а символическое значение. Например, "спортивность", "инновационность" и аналогичные. Также и цена не является больше критерием выбора, важнее ее символическая принадлежность к актуальному социальному тренду» [17, с. 265]. В системе факторов, влияющих на потребительский выбор в современном обществе, снижается доля ценовых и увеличивается доля неценовых факторов.

Действие неценовых факторов усиливается с применением общественно-функциональных технологий, которые лежат в основе стратегий продвижения товаров интенсивного обновления. Эти факторы влияют на потребление товаров интенсивного обновления в той степени, в которой они позволяют подчеркнуть социальный статус индивида или возможности его повышения. Демонстрация социальной дифференциации и принадлежности, таким образом, достигается за счет изменения характера и структуры потребления благ на не соответствующие доходу и социальному статусу, но позволяющие имитировать признаки потребления высших классов. Стремление индивидов к знаковому потреблению обуславливает искажение их экономической мотивации. Технологичность, мода и другие факторы при этом сужают временные и пространственные рамки этих процессов, интенсифицируя обновление потребляемых товаров и услуг. Цель производства товаров интенсивного обновления уже не состоит исключительно в производстве вещественных благ, а включает в себя обеспечение доступа к росту (производству) социальных статусов различных групп населения, что свидетельствует о появлении новых функциональных свойств таких товаров.

Выводы. Структура товаров интенсивного обновления формируется под воздействием факторов роста их потребления, действующих в современном обществе. Интенсификация потребления исследуемых товаров опосредована действием: фактора моды,

технологического фактора, фактора обычаев и традиций, физиологического фактора, фактора роста производства этих товаров. В то время как понятие товаров интенсивного обновления применимо к широкому спектру продукции различных отраслей промышленности, включая одежду, обувь, аксессуары, бижутерию, декоративную косметику и т. д., в структуре товаров интенсивного обновления, производимых в Республике Беларусь, подавляющее большинство составляет продукция предприятий легкой промышленности. Спрос на товары интенсивного обновления формируется в значительной мере под влиянием неценовых факторов – таких как мода, качество, технологичность, уникальность, индивидуальность, бренд, инновационность. В основу стратегий продвижения товаров интенсивного обновления должны быть положены общественно-функциональные технологии, активизирующие действие указанных факторов.

Легкая промышленность, относимая к традиционным отраслям экономики, обладает высоким потенциалом к технологизации. В зависимости от степени реализации данного потенциала современная легкая промышленность весьма специализирована и дифференцирована, что может быть охарактеризовано феноменом технологической поляризации. Технологизации легкой промышленности способствует развитие межотраслевой кооперации, которая институционально может оформляться в коллаборации. Продукты труда, производимые в сфере информационных технологий, наноиндустрии, вычислительной социальной науке используются в легкой промышленности для совершенствования технологий производства и продвижения продукции и реализации ее инновационного потенциала.

Список использованной литературы

1. Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с.
2. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 16–55.
3. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
5. Сергиевич, Т. В. Специфика производства и продвижения товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб.ст. / И-т бизнеса БГУ; редкол.: Г.А. Хацкевич (пред.) [и др.]. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 233–238.
6. Иваницкий, В. П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (44). – С. 73–78.
7. Крюкова, Н. А. Анализ тенденций развития российской индустрии моды / Н. А. Крюкова, Е. А. Лисова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (39). – С. 171–178.
8. Бозина, Т. А. Подготовка кадров для индустрии моды: проблемы и перспективы // Т. А. Бозина, В. В. Хохлова // Швейная промышленность. – 2014. – № 3. – С. 16–19.
9. Осипов, В. М. Улучшающие инновации и развитие сектора услуг индустрии моды / В. М. Осипов, В. А. Титов // Инновации. – 2012. – № 10 (168). – С. 48–51.
10. Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.10.2018.
11. World trade statistical review 2017 // World Trade Organization. – 2017. – 177 p.

12. Smart clothes and wearable technology / Edited by J. McCann and D. Bryson. – Elsevier, 2009. – 484 p.

13. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товаро-ведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»: сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.

14. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С.42–48.

15. Жаркова, Н. Н. Инвестиционная политика в области научно-технической инноваци-

онной деятельности предприятий текстильного и швейного производства / Н. Н. Жаркова. – М. : Инфра-М, 2014. – 94 с.

16. Мелешко, Ю. В. Формирование благоприятной среды развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2018. – № 6. – С. 15–18.

17. Каменский, Е. Г. Новая стратификация "технообщества" / Е. Г. Каменский // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 264–270.

Статья поступила в редакцию 8 января 2019 года

TECHNOLOGIZATION IN MODERN ECONOMY: ON THE EXAMPLE OF PRODUCTION OF GOODS OF INTENSIVE RENEWAL

T. V. Serhiyevich

PhD in Economics,

Associate Professor of the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the mechanisms of action of the technological factor in the production of goods of intensive renewal. The influence of this factor manifests itself both at the stage of production and promotion of such goods, and in changes in consumption patterns in modern society. Depending on the degree of realization of the industry's potential for technologization, technological polarization of the production of goods of intensive renewal is formed. The trend towards technologization of production and promotion of goods is accompanied by an increase in the degree and diversity of inter-sectoral cooperation, including in the form of collaborations with representatives of the information technology, nanoindustry, computational social science, etc. All this contributes to the realization of the innovative potential of traditional sectors of the economy.

Keywords: modernization of the economy, technology, fashion, sign consumption, goods of intensive renewal, light industry, innovative development, smart clothing, consumption, economic system.

References

1. Petrova, I. V. *Jeffektivnyj outsorsing: Mechanizm prinjatija upravlencheskih reshenij* / I. V. Petrova. – Moskva : RIOR : Infra-M, 2017. – 108 s.

2. Solodovnikov, S. Ju. *Jekonomika riskov* / S. Ju. Solodovnikov // *Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU.* – Minsk, 2018. – Vyp. 8. – S. 16–55.

3. Solodovnikov, S. Ju. *Fenomenologicheseskaja priroda vzaimoobuslovlennosti*

jekonomicheskoy konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy // *Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU.* – Minsk, 2015. – Vyp. 3. – S. 23–34.

4. Bodrijjar, Zh. *Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury* / Zh. Bodrijjar ; per s fr., poslesl. i primech. E. A. Samarskoj. – M. : Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. – 269 s.

5. Serгиеvich, T. V. *Specifika proizvodstva i prodvizhenija tovarov intensivnogo obnovlenija /*

T. V. Sergievich // *Biznes. Innovacii. Jekonomika* : sb.st. / I-t biznesa BGU; redkol.: G.A. Hackevich (pred.) [i dr.]. – Minsk : Institut biznesa BGU, 2018. – Vyp. 2. – S. 233–238.

6. Ivanickij, V. P. Promyshlennoe proizvodstvo shvejnyh tovarov intensivnogo obnovlenija: sushhnost', granicy i struktura / V. P. Ivanickij, M. S. Shheglov // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*. – 2012. – № 6 (44). – S. 73–78.

7. Krjukova, N. A. Analiz tendencij razvitija rossijskoj industrii mody / N. A. Krjukova, E. A. Lisova // *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Serija: Jekonomika*. – 2015. – № 1 (39). – S. 171–178.

8. Bozina, T. A. Podgotovka kadrov dlja industrii mody: problemy i perspektivy // T. A. Bozina, V. V. Hohlova // *Shvejnaja promyshlennost'*. – 2014. – № 3. – S. 16–19.

9. Osipov, V. M. Uluchshajushhie innovacii i razvitie sektora uslug industrii mody / V. M. Osipov, V. A. Titov // *Innovacii*. – 2012. – № 10 (168). – S. 48–51.

10. Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.10.2018.

11. World trade statistical review 2017 // World Trade Organization. – 2017. – 177 p.

12. Smart clothes and wearable technology / Edited by J. McCann and D. Bryson. – Elsevier, 2009. – 484 p.

13. Sergievich, T. V. Trud v neoindustrial'nom obshhestve / T. V. Sergievich // *Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tehnologii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i kriminalisticheskoy jekspertizy» Sbornik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova*. – SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2015. – S. 50–55.

14. Solodovnikov, S. Ju. Sovremennaja strukturnaja politika i krizis nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // *Pravo. Jekonomika. Psihologija*. – 2017. – № 3 (8). – S. 42–48.

15. Zharkova, N. N. Investicionnaja politika v oblasti nauchno-tehnicheskoy innovacionnoj dejatel'nosti predpriyatij tekstil'nogo i shvejnogo proizvodstva / N. N. Zharkova. – M. : Infra-M, 2014. – 94 s.

16. Meleshko, Ju. V. Formirovanie blagopriyatnoj sredy razvitija uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' / Ju. V. Meleshko // *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*. – 2018. – № 6. – S. 15–18.

17. Kamenskij, E. G. Novaja stratifikacija "tehnoobshhestva" / E. G. Kamenskij // *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*. – 2017. – T. 7. – № 4 (25). – S. 264–270.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 339.138

ББК 65.054

**СОЗДАНИЕ ФИЛИАЛОВ БЕЛОРУССКИХ ВУЗОВ ЗА РУБЕЖОМ
КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ**

В. А. Клименко

`vak_@tut.by`

доктор социологических наук, профессор,
советник Исполнительного комитета СНГ

г. Минск, Республика Беларусь

А. В. Калинин

`ices.kalinin@gmail.com`

аспирант кафедры управления и экономики высшей школы

Республиканский институт высшей школы

г. Минск, Республика Беларусь

Экспорт образовательных услуг имеет все основания быть для белорусского государства одним из ключевых направлений реализации экспортной политики. Вместе с тем, в данной сфере наметились две опасные тенденции: с одной стороны – замедление темпов роста количества иностранных граждан, пребывающих на обучение в Республике Беларусь, а с другой стороны – невысокая степень диверсификации экспортных направлений. Эти обстоятельства обуславливают поиск новых способов реализации образовательных услуг Республики Беларусь на мировом рынке. В настоящей статье описан алгоритм создания учреждением высшего образования филиальных структур за рубежом.

Ключевые слова: экспорт образовательных услуг, экономика образования, маркетинговая стратегия, филиалы вузов.

Введение. Изучением образовательных услуг как экономической категории занимались многие отечественные и зарубежные исследователи: Е. В. Бурденко, Т. В. Данилова, М. А. Лукашенко, А. О. Ченцов, А. М. Стрижов, Е. Д. Липкиной, С. А. Зайчикова, Н. Н. Терещенко, В. Н. Зотов, И. Б. Романова и др. [1–10]. Каждый из них рассматривал данное понятие через призму различных социально-экономических отношений. На основе изучения литературы и, принимая во внимание анализ существующих определений понятия «образовательная услуга» и норм налогового законодательства Республики Беларусь, авторами сформулировано следующее определение дефиниции «образовательная услуга» – это результат педагогической деятельности, направленный на удовлетворение потребности личности в освоении новых знаний, умений и навыков.

Впервые в нормативно-правовых актах Республики Беларусь определение термина «экспорт образовательных услуг» было дано в «Концепции развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2007–2010 годах». В документе приведено следующее определение: «экспорт образовательных услуг – предоставление резидентами Республики Беларусь образовательных услуг нерезидентам на территории Республики Беларусь и за ее пределами (в том числе в виде дистанционной формы обучения) в соответствии с законодательством Республики Беларусь или международными договорами Республики Беларусь» [11].

Значительное место изучению сущности экспорта образовательных услуг отведено в работах Т. М. Роговой, А. В. Косевича, М. С. Максаковского, В. Д. Чухломина, Г. А. Краснова и др. [12–16]. Принимая во внимание исследования вышеназванных авторов, в общем виде можно дать следующее определение понятию «экспорт образовательных услуг» – это многосторонняя деятельность резидентов Республики Беларусь, направленная на возмездное предоставление образовательных услуг иностранным гражданам, включающая в себя проведение комплекса педагогических, организационных, экономических и юридических мероприятий.

Необходимость обращения к вопросам комплексного изучения экспорта образования, эффективных форм его продвижения обуславливает сложившаяся ситуация по экспорту образовательных услуг в Республике Беларусь. По данным Республиканского института высшей школы рост численности иностранных обучающихся в Республике Беларусь существенно замедлился. Так, если в 2016 году количество иностранных студентов увеличилось до 19056 человек, что почти на тысячу больше по сравнению с 2015 годом, то уже в 2017 году рост числа иностранных студентов составил только около двухсот человек и их количество составило 20179 человек. Кроме того, почти «70% из них составили граждане стран СНГ» [17]. А основным каналом привлечения иностранных студентов остается «сарафанное радио», по которому информацию об образовательных возможностях Республики Беларусь получают 56% иностранных студентов [18].

Следовательно, существенную проблему в системе экспорта образовательных услуг Республики Беларусь представляет разработка новых механизмов продвижения, а также обеспечение доступности образовательных услуг для иностранных граждан. Сегодня «одним из определяющих показателей человеческого капитала является уровень образования, который является важным, а иногда и важнейшим фактором социальной активности населения» [19, с. 34], что свидетельствует о возрастании спроса на образовательные услуги во всем мире. Эти факторы обуславливают необходимость поиска новых форм и способов продвижения образовательных услуг страны. В этом отношении особый интерес представляют те способы реализации образовательных услуг, которые не предполагают физического присутствия иностранных граждан на территории Республики Беларусь из стран неблагоприятных в миграционном отношении, но перспективных для экспорта образовательных услуг.

В Беларуси такой способ экспорта образовательных услуг пока не набрал большой популярности, хотя многие эксперты (Ю.Е. Шабалин, П.А. Виктевич, В.А. Райзман и др.) называют данный способ экспорта образовательных услуг одним из наиболее перспективных.

Вышеуказанные обстоятельства обусловили одну из задач Концепции развития экспорта услуг (продвижение бренда «Образование в Беларуси») на 2018–2020 годы – «создание образовательных структур белорусских учреждений образования за рубежом» [20].

Результаты и их обсуждение. Создание на территории иностранного государства филиала (представительства) учебного заведения представляет достаточно сложную с точки зрения реализации форм экспорта образования, требующую значительных финансовых затрат.

Тем не менее, в настоящее время открыты и действуют «Ереванский филиал Международного государственного экологического университета имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета в Армении, совместный инженерно-технический факультет Белорусского национального технического университета и Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими в городе

Душанбе (Таджикистан), филиал факультета доуниверситетского образования Белорусского государственного университета на базе Университета БиньЗьонг (Вьетнам), совместный факультет информационных технологий Белорусского государственного университета и Таджикского национального университета (Таджикистан), филиалы учреждения образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники» на базе Института компьютерных систем в городах Бостон и Чикаго (США)» [21].

Открытие филиалов образовательных учреждений в других странах – процесс весьма сложный как с финансовой, так и с юридической точки зрения. Также могут возникать проблемы, связанные с качеством образовательной инфраструктуры, квалификацией преподавательских кадров и, следовательно, качеством предоставляемых филиалом образовательных услуг. «При этом, – как отмечается в литературе, – одной из важнейших задач в системе образования выступает формирование глобально конкурентоспособных (выделено нами – В. К., А. К.) преподавателей, исследователей и управленцев» [22, с. 194]. Основываясь на изучении отечественного и зарубежного опыта, авторы предлагают алгоритм создания учреждением высшего образования филиальных структур за рубежом, который включает в себя несколько этапов.

Этап 1. Поиск университета-партнера. Актуально в ситуации, когда образовательная система иностранного государства не в состоянии в полной мере удовлетворить спрос на высшее образование своего населения. Таким партнером могут быть, прежде всего, другие аналогичные учреждения образования, близкие по профилю, готовые оказать методическую, правовую, организационную и иную поддержку. Практика показывает, что наиболее быстро сотрудничество по созданию филиалов образовательных учреждений развивается на основе принятых на высоком межгосударственном уровне соглашений о сотрудничестве в различных отраслях экономики, подписанных контрактов на поставку техники и оборудования, открытия совместных производств и т. д. Как показала практика, существенную помощь могут оказать белорусские дипломатические представительства за рубежом.

Этап 2. Разработка бизнес-плана и маркетинговой концепции. Данный этап включает в себя проработку перечня специальностей, конкретных направлений образовательной деятельности, планируемых к реализации в филиале. Следует отметить, что для запуска процесса подготовки специалистов на базе создаваемой зарубежной образовательной структуры важен сам факт начала предоставления образовательной услуги и набора на обучение конкретного количества иностранных абитуриентов. В связи с этим необходимо ограничить количество предлагаемых для освоения специальностей тем минимумом, который реально обеспечить с точки зрения организационной, учебно-методической и контрольно-аттестационной работы, а также кадрового резерва со стороны профессорско-преподавательского состава, подключенного к дополнительно возникшей учебной нагрузке.

При имеющихся благоприятных условиях для начала работ по созданию образовательной структуры филиального типа и возникающих рисках затягивания планирования и реализации отдельных этапов создания соответствующей структуры за рубежом для номинального закрепления на открываемых таким образом рынках можно инициировать создание элементарных форм совместной образовательной деятельности, заручившись поддержкой иностранных партнеров. Так, например, в ситуации невозможности согласования конкретного перечня специальностей для открытия подготовки специалистов в появляющейся зарубежной образовательной структуре, либо рассогласованности в содержании учебных программ (нехватка специалистов,

оборотных финансовых средств и т.д.) следует обозначить устойчивость своих намерений путем создания на месте предполагаемого филиального образовательного подразделения мобильных курсов повышения квалификации, курсов иностранного (русского языка), задействовав при этом потенциал ресурсов иностранного посредника (соответствующих профильных кафедр иностранного учреждения образования-партнера совместной программы), предложив ему в качестве стимула для участия в перспективной с точки зрения последующего наращивания образовательных услуг проекта львиную долю пока еще небольшой прибыли (либо полное владение прибылью) за обеспечение фактического открытия процесса подготовки обучающихся в минимизированном, но уже действующем формате.

Данное замечание подчеркивает факт оперативности и мобильности при принятии соответствующих управленческих решений, связанных с важностью не открытия как такового, а базового номинального закрепления на открываемых экспортных рынках. Речь идет о принципиальной невозможности в 80% случаев одномоментного открытия больших и сложных филиальных структур учреждений образования за рубежом. В связи с этим внимания маркетинговых и международных служб, руководства университетов требуют, в первую очередь, малые, мобильные, компактные, возможно на первоначальном этапе некоммерческие формы совместной деятельности (лишенные очевидной финансовой результативности), но и не требующие в то же время солидных материальных, финансовых вложений. Такие формы сотрудничества связаны с обеспечением информационного присутствия отечественных университетов на зарубежных образовательных рынках благодаря поддержке иностранных партнеров небольших гибких культурно-просветительских центров, информационных пунктов, сообществ, клубов по изучению иностранного (русского или белорусского) языка и культуры и т. д.

Этап 3. Заключение договора по открытию филиала учреждения образования за рубежом. Данный этап предполагает создание соответствующего юридического лица, обеспечивающего организационно-материальную сторону создания образовательной структуры. При этом следует учитывать сложности подготовки соответствующего документа, связанные с объективными расхождениями в национальных законодательствах стран, особенно ярко выраженными при сотрудничестве со странами дальнего зарубежья. Разночтения возникают, как правило, при определении содержания базовых понятий (абитуриент, студент, специалист, учебный процесс, практика и т. д.), а также при согласовании всех процедур механизма признания требуемых на начальном этапе и выдаваемых при завершении подготовки документов об образовании. В силу чего данный этап является одним из наиболее трудоемких для реализации, так как определяет фактические актуальные и перспективные вопросы создания и последующего развития конструируемой образовательной структуры.

Этап 4. Мониторинг функционирования филиала и качества подготовки специалистов. Начинается на первом году обучения и предполагает компаративный анализ ожидаемых и действительных результатов учебной работы за определенный промежуток времени. На данном этапе значимость приобретает не только анализ данных при проведении контрольно-аттестационных мероприятий, связанных с планируемой регулярной аттестацией обучающихся, но и опросы задействованных в учебном процессе специалистов ППС, а также самих слушателей учебных курсов, позволяющие своевременно реагировать на возникающие проблемы обеспечения должного качества образовательной услуги. Данные, полученные в ходе таких мониторинговых мероприятий, имеют стратегическое значение, потому что созданная совместная образовательная структура либо филиал учреждения образования на данный момент еще

не обладает необходимым социальным статусом и авторитетом, позволяющим рекрутировать новых членов в процессе использования бренда филиала учреждения образования. Последнее обстоятельство делает его весьма уязвимым перед конкурентами, а также естественным инертным движением массового сознания целевых аудиторий, наблюдающих за развитием и совершенствованием механизмов функционирования новой образовательной структуры филиального типа с точки зрения ожиданий, связанных с гарантированием результативности получения образовательной услуги, фактическими возможностями применения полученных знаний для получения неоспоримых преимуществ на рынке труда, продвижения по карьерной лестнице, появления устойчивого социально-экономического заказа на новый цикл подготовки аналогичных специалистов и т. д.

Этап 5. Стратегическое планирование. Данный этап предполагает использование прибыли для планирования нового цикла деятельности созданной образовательной структуры, ее выхода на новый уровень развития и закрепления на освоенном рынке экспорта образовательных услуг. Важность контроля вложения финансовых поступлений при выполнении всех предыдущих этапов создания и открытия образовательной структуры за рубежом связана с необходимостью укрепления созданных материально-технических, научно-образовательных, учебно-методических и кадровых ресурсов укрупняющейся образовательной структуры, продемонстрировавшей свою жизнеспособность и рентабельность. Данный этап является заключительным для описания процесса создания и открытия образовательной структуры филиального типа за рубежом.

Выводы. Открытие филиалов за рубежом имеет для отечественных вузов безусловные преимущества: избежание миграционных рисков при обучении иностранных граждан; удешевление образовательных услуг для потребителей; расширение академических и деловых контактов и др. Тем не менее, такая форма обучения имеет и свои существенные недостатки: сложности обеспечения надлежащего качества обучения; высокие финансовые риски; необходимость значительных финансовых вложений на начальном этапе.

С учетом нестабильного характера современных социально-экономических процессов в мире филиалы вузов как бизнес-система будут постоянно нуждаться в применении новых подходов к организации и планированию своего развития как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. Данное обстоятельство требует понимания того немаловажного факта, что целесообразность создания и открытия образовательных филиальных структур за рубежом имеет свою эффективность прежде всего в краткосрочной перспективе, связанной с быстрыми изменениями конъюнктуры рынка труда, прорывом в развитии в определенных секторах национальной экономики иностранного государства, резким изменением спроса на квалифицированных специалистов по тем или иным профессиям и т. д.

Таким образом, главный успех открытия филиалов вузов Беларуси за рубежом связывается с оперативностью и быстротой принятия соответствующих организационно-управленческих решений по учреждению, открытию (закрытию) данного рода образовательных структур, их модификации, трансформированию в новые формы совместной учебной либо научно-исследовательской деятельности, переносу накопленных организационно-технических ресурсов в новые регионы, а также по мобильному использованию созданных моделей для экспорта образовательных структур в третьи страны.

Список использованных источников

1. Бурденко, Е. В. Права работника / Е. В. Бурденко. – М. : ИИЦ МГУДТ, 2006.
2. Данилова, Т. В. Методика оценки конкурентоспособности вузов / Качество и конкурентоспособность в XXI веке / Т. В. Данилова // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. – Чебоксары : Чуваш.ун-т, 2006. – С. 55–61.
3. Лукашенко, М. А. Маркетинг и PR в учебном заведении / М. А. Лукашенко // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 32–40.
4. Ченцов, А. О бизнесе образовательных услуг / А. Ченцов // Высшее образование в России. – 1999. – № 2. – С. 120–123.
5. Стрижов, А. М. Понятие качества образовательной услуги в условиях рыночных отношений / А. М. Стрижов // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – № 3. – С. 47–50.
6. Липкина, Е. Д. Конкурентоспособность вузов на современном рынке образовательных услуг : монография. – Омск : ОмГПУ, 2006. – 136 с.
7. Зайчикова, С. А. Стратегия маркетинга высшего учебного заведения в системе открытого образования : монография / С. А. Зайчикова, И. Н. Маяцкая. – М. : РГСУ, 2006.
8. Терещенко, Н. Н. Исследование рынка образовательных услуг высшей школы : моногр. / Н. Н. Терещенко. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2005.
9. Зотов, В. Н. Разработка стратегии и тактики маркетинговой деятельности вузов на рынке образовательных услуг и научно-технической продукции : автореф. дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В. Н. Зотов ; М. – РЭА им. Г.В. Плеханова, 1997..
10. Романова, И. Б. Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения / И. Б. Романова. – Ульяновск : Средневолжский научный центр, 2005.
11. Об утверждении Концепция развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами в 2007 - 2010 годах: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 окт. 2007 г. № 1320 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 5/25955.
12. Рогова, Т. М. Экспорт образовательных услуг российских вузов: барьеры и перспективы: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Т. М. Рогова. – Ростов н/Д, 2013.
13. Косевич, А. В. Экспорт образовательных услуг сферы высшего образования: мировой опыт и российская практика: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / А. В. Косевич. – М., 2006.
14. Максаковская, Н. С. Структура и содержание процесса экспорта образовательных услуг в вузах физической культуры и спорта (на примере Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н. С. Максаковская. – М., 2013.
15. Чухломин, В. Д. О стратегии выхода учреждения образования на внешний рынок / В. Д. Чухломин // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 4(42).
16. Краснова Г.А. Основные направления развития экспорта образовательных услуг в системах высшего образования: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 162 с.
17. Международная деятельность учреждений высшего образования: 2017 / [Электронный ресурс] / Республиканский институт высшей школы, Учебный центр международного сотрудничества в сфере образования. – режим доступа: <http://studyin.edu.by/> Дата доступа: 13.12.2018.
18. Калинин, А.В. Маркетинговые каналы привлечения иностранных студентов в Республику Беларусь / А. В. Калинин // Социально-гуманитарные знания: материалы 15-й республиканской научной конференции молодых ученых и аспирантов, Минск, 29 нояб. 2018 г. / Респ. инст. Высш. шк. – Минск, 2018. – С. 131–132.
19. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С. 32–41.
20. В Беларуси разработана Концепция развития экспорта услуг в области образования на 2018-2020 годы [Электронный ресурс] / БЕЛТА. – Режим доступа: www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotana-kontseptsija-razvitiya-eksporta-uslug-v-oblasti-obrazovanija-na-2018-2020-gody-287523-2018. – Дата доступа: 19.09.2018.
21. Решение Президиума Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования № 2 от 17 марта 2016 г.

«О приоритетных задачах дальнейшего наращивания экспорта образовательных услуг: проблемы и пути решения» [Электронный ресурс] / Решение. – Режим доступа: <http://srrb.niks.by/>. – Дата доступа: 11.01.2019.

22. Трудовая мотивация и модернизация экономики: Россия и Беларусь: монография / Н. А. Симченко, С. Ю. Цёхла, С. Ю. Солодовников и др. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 224 с.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2019 года

CREATION OF BELARUSIAN UNIVERSITIES' EDUCATIONAL STRUCTURES ABROAD AS A PROSPECTIVE DIRECTION OF EDUCATIONAL SERVICES' EXPORT

V. A. Klimenko

vak_@tut.by

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
advisor of the CIS Executive Committee
Minsk, Republic of Belarus

A.V. Kalinin

icec.kalinin@gmail.com

Post-graduate student of the National Institute for Higher Education,
Minsk, Republic of Belarus

Export of educational services has every reason to be for the Belarusian state one of the key areas of export policy implementation. At the same time, in recent years, two dangerous trends have emerged in the field of export of educational services: on the one hand, a slowdown in the number of foreign citizens attending the Republic of Belarus, and on the other hand, not a high degree of diversification of export directions. These circumstances determine the search for new ways to implement the educational services of the Republic of Belarus on the world market. This article describes the algorithm for creating affiliated educational structures abroad.

Keywords: *export of educational services, economics of education, marketing strategy, branches of universities.*

References

1. Burdenko, E. V. Prava rabotnika / E. V. Burdenko. – M. : IIC MGUDT, 2006. – S. 257.

2. Danilova, T. V. Metodika ocenki konkurentosposobnosti vuzov / Kachestvo i konkurentosposobnost' v HHI veke / T.V. Danilova // Kachestvo ikonkurentosposobnost' v HHI veke: materialy V Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. – Cheboksary : Chuvash.un-t, 2006. – S. 55–61.

3. Lukashenko, M. A Marketing i PR v uchebnom zavedenii / M. A. Lukashenko // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2002. – № 4. – S. 32–40.

4. Chencov, A. O biznese obrazovatel'nyh uslug / A. Chencov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 1999. – № 2 – S. 120–123.

5. Strizhov, A. M. Ponjatie kachestva obrazovatel'noj uslugi v uslovijah rynochnyh otnoshenij / A. M. Strizhov // Standarty i monitoring v obrazovanii. – 1999. – № 3. – S. 47–50.

6. Lipkina, E. D. Konkurentosposobnost' vuzov na sovremennom rynke obrazovatel'nyh uslug. – Omsk : OmGPU, 2006. – 136 s.

7. Zajchikova, S. A. Strategija marketinga vysshego uchebnogo zavedenija v sisteme otкрытого obrazovanija / S. A. Zajchikova, I. N. Majackaja. – M. : RGSU, 2006. – S.115.

8. Tereshhenko, N. N. Issledovanie rynka obrazovatel'nyh uslug vysshej shkoly : monogr. / N. N. Tereshhenko. – Krasnojarsk : Krasnojarsk gos. un-t, 2005. – S. 267.

9. Zotov, V. N. Razrabotka strategii i taktiki marketingovoj dejatel'nosti vuzov na rynke obrazovatel'nyh uslug i nauchno-tehnicheskoy produkcii : avtoref. diss. ... kand. jekon. nauk : 08.00.05 / V. N. Zotov ; M. – RJeA im. G.V. Plehanova, 1997. – S. 21.
10. Romanova, I. B. Upravlenie konkurentosposobnost'ju vysshego uchebnogo zavedenija / I. B. Romanova. – Ul'janovsk : Sred-nevolzhskij nauchnyj centr, 2005. – S. 140.
11. Ob utverzhdenii Konceptcija razvitija jeksporta obrazovatel'nyh uslug v ramkah sotrudnichestva Respubliki Belarus' s inostrannymi gosudarstvami v 2007 - 2010 godah: Postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus', 12 okt. 2007 g. № 1320 // Nac. re-estr pravovyh aktov Resp. Belarus'. 2007. № 5/25955.
12. Rogova, T. M. Jeksport obrazovatel'nyh uslug rossijskih vuzov: bar'ery i perspektivy: dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.14 / T. M. Rogova. – Rostov n/D, 2013. – S. 23.
13. Kosevich, A. V. Jeksport obrazovatel'nyh uslug sfery vysshego obrazovanija: mi-rovoj opyt i rossijskaja praktika: dis. ... kand. jekon. nauk: 08.00.14 / A. V. Kosevich. – M., 2006. – S. 47.
14. Maksakovskaja, N. S. Struktura i so-dержanie processa jeksporta obrazovatel'nyh uslug v vuzah fizicheskoy kul'tury i sporta (na primere Rossijskogo gosudar-stvennogo universiteta fizicheskoy kul'tu-ry, sporta, molodezhi i turizma (GCO-LIFK): dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 / N. S. Maksakovskaja. – M., 2013. – S. 21.
15. Chuhlomin, V. D. O strategii vyhoda uchrezhdenija obrazovanija na vneshnij rynek / V. D. Chuhlomin // Marketing v Rossii i za rubezhom. – 2014. – № 4(42). – S. 32.
16. Krasnova, G.A. Osnovnye napravlenija razvitija jeksporta obrazovatel'nyh uslug v sistemah vysshego obrazovanija: Ucheb. posobie. – M.: RUDN, 2008. – 162 s.
17. Mezhdunarodnaja dejatel'nost' uchrezhdenij vysshego obrazovanija: 2017 / [Elektronnyj resurs] / Respublikanskij insti-tut vysshej shkoly, Uchebnyj centr mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere obrazovanija. – rezhim dostupa: <http://studyin.edu.by/> Data dostupa: 13.12.2018.
18. Kalinin, A.V. Marketingovye kanaly privlechenija inostrannyh studentov v Respubliku Belarus' / A. V. Kalinin // Soci-al'no-gumanitarnye znaniya: materialy 15-j respublikanskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i aspirantov, Minsk, 29 nojab. 2018 g. / Resp. inst. Vyssh. shk. – Minsk, 2018. – S. 131 – 132.
19. Solodovnikov, S. Ju. Social'nyj kapital kak faktor jekonomicheskogo rosta / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomika i banki. – 2015. – № 1. – S. 32–41.
20. V Belarusi razrabotana Konceptcija razvitija jeksporta uslug v oblasti obrazovanija na 2018-2020 gody [Elektronnyj resurs] / BELTA. – rezhim dostupa: www.belta.by/society/view/v-belarusi-razrabotana-kontseptsija-razvitija-eksporta-uslug-v-oblasti-obrazovanija-na-2018-2020-gody-287523-2018/ Data dostupa: 19.09.2018.
21. Reshenie Prezidiuma Respublikanskogo soveta rektorov uchrezhdenij vysshego obrazovanija № 2 ot 17 marta 2016 g. g. «O prioritnyh zadachah dal'nejshego narashhivaniya jeksporta obrazovatel'nyh uslug: problemy i puti reshenija» [Elektronnyj resurs] / Reshenie. – Rezhim dostupa: <http://srrb.niks.by/>. – Data dostupa: 11.01.2019.
22. Trudovaja motivacija i modernizacija jekonomiki: Rossija i Belarus': monografija / N. A. Simchenko, S. Ju. Cjohla, S. Ju. Solodovnikov i dr. – Simferopol': IT «ARIAL», 2016. – 224 s.

УДК 338.3; 338.24

ББК 65.5; 65.9

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛОВ КАК ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Л. Пастухов

alpast@yandex.ru

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры безопасности

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена развитию человеческого и социального капиталов как факторов экономической и социальной безопасности в современных социально-экономических условиях в контексте глобализации. В работе рассмотрены актуальные аспекты управления знаниями и формирования университетских комплексов как институциональных условий и социальной среды, обеспечивающих развитие человеческого капитала и социального капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный капитал, безопасность, управление знаниями, экономическая безопасность, социальная безопасность.

Введение. Человеческий капитал и социальный капитал в контексте современных социально-экономических отношений и глобализации политических, экономических, социокультурных процессов в условиях постоянно меняющегося, сообразно изменению внутреннего и внешнего мира человека, что подтверждается мнениями некоторых отечественных специалистов по управлению знаниями [1, с. 25], являются важнейшими компонентами формирования общества и основой его устойчивого развития.

Человеческий капитал представляет из себя всю совокупность человеческих свойств и особенностей, включая не только знания, умения, навыки, жизненный опыт, профессиональные и личностные компетенции, но и здоровье, интеллектуальные способности, возможности эмоционального интеллекта, особенности культуры и ментальные шаблоны поведения (мотивация) и запас времени.

Формирование человеческого капитала (капитализация человеческого потенциала) включают в себя следующие условия (факторы):

- запас человеческого потенциала, способности к его накоплению, аккумуляции;
- наличие целесообразности использования человеческого потенциала в социально-экономических отношениях;
- отражение использования человеческого потенциала в форме роста производительности труда и индивидуальной доходности от его использования;
- рост мотивации к увеличению человеческого потенциала и его капитализации.

Социальный капитал представляет собой совокупность межличностных и групповых связей, отношений, систем коммуникации, групповых моделей поведения (коллективное бессознательное), коллективных процессов, включая информационный обмен и обмен знаниями, что отражается в форме совместных накоплений и вложений в развитие организационной деятельности (фонды, акционерные общества), бренда, карьерного роста (изменения социального статуса), возможностей использования социальных ресурсов на основе имеющегося социального статуса или должности. «The World Bank также

отмечает, что социальный капитал можно представить, как совокупность горизонтальных связей между людьми. Они включают в себя социальные контакты и связанные с ними нормы, которые влияют на общество, производительность и благосостояние. Социальный капитал – это знания, которые передаются и развиваются через взаимоотношения между работниками, партнерами, поставщиками, покупателями. Он создается благодаря обмену знаниями, а это требует существования общей организационной среды, в которой мог бы свободно и непрерывно осуществляться подобный информационный обмен. Такую среду, как отмечает М. Армстронг, с большой долей вероятности можно обнаружить в организациях «без границ», где основное внимание уделяется горизонтальным процессам, командной работе и целевым группам, что позволяет передавать знания в процессе профессиональной деятельности, включая совместный труд, наставничество, коучинг, профессиональное обучение. Так накопленный социальный капитал в России составляют, по мнению В.А. Скворцова формы сотрудничества, коллективизма, соборности. Примером негативного, нарушающего систему экономической и социальной безопасности, использования социального капитала является участие в криминальных сообществах, злоупотребление исключительным положением и т.п.

Таким образом, к социальному капиталу имеют отношение все те факторы, которые создают возможность возникновения и развития социальных связей и обеспечивают их сохранность. Так при неизменности материального капитала организации, ее финансового капитала, социальный капитал организации (персонала) может расти по мере развития внешних связей и имиджа фирмы» [2, с. 119].

При этом следует подчеркнуть, что важнейшим элементом формирования человеческого (трудового, интеллектуального) и социального капиталов являются знания.

Вопросы, связанные с человеческим капиталом и человеческим потенциалом, а также социальным капиталом рассмотрены в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как Б. С. Беккер, П. Бурдые, Э. Денисон, Р. Дорнбуш, Дж. Кедрик, Ю. А. Корчагин, Дж. Коулман, С. Кузнец, Р. Лукас, В. Марцинкевич, Р. Патнэм, С. В. Сивуха, Р. Солоу, С. Фишер, Т. Шульц и др.

Теоретической основой исследования в области управления знаниями являются работы ученых в области управления образованием (Н. И. Булынский, В. А. Кальней, В. П. Панасюк, М. М. Поташник, Н. А. Селезнёва, Б. С. Страхов, А. И. Субетто, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова, С. Е. Шишов), управления социальными системами (В. Г. Афанасьев, Д. М. Гвишиани), управления образовательными системами (Ю. К. Бабанский, Ю. А. Конаржевский, А. М. Моисеев, М. М. Поташник, В. П. Симонов, П. И. Третьяков, А. Н. Троян, Т. И. Шамова) и работы по управлению знаниями зарубежных и отечественных ученых (Ю. П. Адлер, В. Алли, Э. Венгер, К. Вииг, Т. Бекман, Карен М. Вандер Линд, С. Гоерлей, М. Кениг, Г. Б. Клейнер, К. Коллинсон, В. Л. Макаров, Б. Мильнер, И. Нонака, П. Сендж, К. Свейби, Е. А. Черных).

Классификация знания, наиболее системно, рассмотрена в монографии И. Нонака и Х. Такеучи: «Компания – создатель знания». По мнению этих ученых, знание создается в процессе взаимодействия формализованного и неформализованного процесса его трансформации.

При этом следует отметить, что имеющиеся отечественные работы по человеческому капиталу, социальному капиталу и управлению знаниями, как правило, рассматривают национальный или корпоративный уровень их применения, не рассматривая подробно вопросы обеспечения безопасности формирования человеческого и социального капиталов, а также их значимость в контексте безопасности, включая обеспечение государственных интересов. В теоретическом аспекте в отечественных работах по

управлению знаниями, в отличие от зарубежных, в основном не рассматриваются вопросы межкорпоративного и социального взаимодействия, улучшения внутреннего климата и культуры, формирования системы доверия.

Таким образом, на наш взгляд в трудах по человеческому и социальному капиталу, а также управления знаниями как основы формирования человеческого и социального капиталов недостаточно рассмотрены аспекты человеческого и социального капитала, основанного на знаниях, как важнейшего фактора экономической и социальной безопасности.

Результаты и их обсуждение. В контексте экономической и социальной безопасности, в настоящее время, развитие человеческого и социального капитала с одной стороны, обеспечивает не только рост обмена информацией, но и увеличение всех видов и форм знаний, а также качественное изменение социального капитала как выражение синергического эффекта социального взаимодействия и обмена знаниями, что подтверждается многочисленными статистическими данными и научными исследованиями. С другой стороны, рост скорости и объема обмена информацией и знаниями, формирование базы знаний и банка знаний увеличивает человеческий потенциал, что способствует росту человеческого и социального капиталов и, соответственно, влияет, как на рост социальной стабильности, так и на устойчивое развитие экономики, возможность более гибкого реагирования на изменения социально-экономических процессов и нивелирование негативных воздействий внешней и внутренней среды, обеспечивающее в конечном итоге большую стабильность экономики, безопасность функционирования современных экономических институтов.

В данном контексте, именно знания, как результат использования человеческого потенциала и социальные связи, как инфраструктура и один из институтов генерирования и передачи знаний будут способствовать развитию условий обеспечения безопасности общества и экономики.

При этом, следует четко различать информацию и знания. Информация – это, прежде всего, сведения, передаваемые в различной форме и с помощью различных систем ее передачи: устная и письменная речь (вербальная коммуникация), жесты и мимика, позы (невербальная коммуникация), документы, аудио и видео файлы и т. д.

Мы считаем, что знания – это осознанное человеческим индивидом представление о явлениях его внутреннего и внешнего мира, являющееся составной частью мировоззрения, зависящее от его структуры и вариабельности, позволяющее совершать целенаправленные действия. Поэтому знания можно классифицировать не только по отношению к окружающему источнику знания миру, но и по характеру, способу возникновения, а именно:

1. По отношению к окружающему миру: явное формализованное в виде вербальной информации и скрытое личностное, индивидуальное.

2. По характеру возникновения:

- интеллектуальное, возникающее в результате мыслительной деятельности;
- эвристическое, в том числе форсайтное (возникающее мгновенно в сознании как результат скрытых процессов умственной деятельности и подсознания);
- деятельностное, рефлекторное, возникающее в процессе деятельности как одновременное осмысление процесса и результатов этапа деятельности.

Знания, как результат получения, идентификации, распознавания, понимания и усвоения информации, «встраивания» ее в контекст личностного жизненного опыта, ранее полученных знаний, представлений и суждений имеет выраженный личностный контекст.

Мы считаем, что знания связаны со способами восприятия и осмысления информации, которые можно классифицировать следующим образом, согласно классификации, разработанных и представленных специалистами в сфере управленческого консалтинга:

- восприятие информации с ее переработкой и воспроизводством в виде определенной схемы (формальное мышление);
- восприятие информации с определением ее достоверности и соответствия определенным четким содержательным характеристикам с последующей классификацией воспринимаемых объектов и их содержательной идентификацией (предметное мышление);
- восприятие информации с выявлением связи воспринимаемых объектов с другими объектами окружающей среды и последующей классификацией объекта на основе характеристик выявленных взаимосвязей (системное мышление);
- восприятие информации без взаимосвязей с окружающим миром как единичного, индивидуального объекта (абстрактное мышление);
- восприятие информации с выявлением аналогов и мысленное построение взаимосвязей с явлениями окружающего мира иного пространственно - временного континуума, то есть встраивание объекта в новую реальность (проективное мышление);
- восприятие информации с выявлением формы и характеристик объекта и формированием в сознании его идеального образа (образное мышление);
- восприятие информации с выявлением определенного смысла (контента) в ее элементах, непосредственно не связанных с содержанием информации в целом (символическое мышление);
- восприятие информации с установлением взаимосвязи между объектом и жизненными ценностями или ненаблюдаемыми явлениями с изменением его первоначального смысла (мифологическое мышление) [3, с. 33–35; 4, с. 52].

Формирование знания, по нашему мнению, происходит в результате синтеза с уже имеющейся в сознании информацией и обретения характеристик, позволяющих впоследствии менять содержание и структуру знания в соответствии с особенностями мировосприятия и мышления человека в зависимости от изменения внешней среды. Это, в свою очередь, позволяет встраивать знание в реальную динамичную картину мира человека в каждый момент времени, выявляя постоянные взаимосвязи с новой реальностью и фиксировать в сознании те социальные связи, которые будут способствовать капитализации полученных знаний в практической деятельности.

Соответственно, важным отличием знания от информации является, то, что информация как феномен неизменна, как система – замкнута, отражает лишь какое-то явление прошлого и теряет свою ценность со временем, не имея устойчивых связей с настоящим и тем более будущим. Знание, являясь открытой, динамически меняющейся саморазвивающейся системой, позволяет не только идентифицировать, анализировать и синтезировать новую информацию, формируя новое знание, но и по своей сущности отражает процессный характер бытия.

При этом, по своей форме знания могут быть выражены (формализованы) в виде слова, факта, примера, правила, гипотезы или модели, которые способствуют пониманию определенного трудового, организационного или коммерческого процесса и могут передаваться от одного сотрудника организации другому или группе работников организации в рамках корпоративного взаимодействия. Соответственно, управление знаниями с целью использования человеческого потенциала и социальных связей, предполагает доступ работников организации к практическому опыту, знаниям и экспертным данным, которые формируют условия, способствующие совершенствованию деятельности организации и стимулирующие инновации, а также позволяющие более качественно определять цели организации и осуществлять планирование.

Вообще, в контексте организационной деятельности к знаниям относятся подходы, идеи о формах и методах административной деятельности в организации, оптимальных

формах, количественных и качественных показателях результата выполняемых работ, а также перечень, алгоритм и технология выполнения действий для достижения определенного результата, а также знание форм внутрикорпоративного, межкорпоративного, внутрикластерного взаимодействия, который можно классифицировать как инструментальный, так как он позволяет выбрать наиболее эффективное средство, метод действий для достижения определенного результата или создать новую, более оптимальную технологию его достижения.

В этом аспекте управление знаниями предполагает моделирование мировоззрения персонала организации и участников межкорпоративного или межорганизационного взаимодействия, а изменение знания способствует трансформации деятельности, как отдельного работника, так и организации или самоорганизованного сообщества.

Таким образом, обеспечение экономической и социальной безопасности через развитие человеческого и социального капиталов включает в себя следующие последовательные этапы:

1. накопление человеческого потенциала и расширение социальных связей;
2. создание институциональных возможностей увеличения человеческого потенциала и расширение социальных связей;
3. развитие человеческого и социального капиталов;
4. повышение устойчивости общественных, социально-экономических отношений [5, с. 35].

Повышение способности использования как человеческого потенциала, так и человеческого и социального капиталов для предотвращения социальных и экономических угроз, нивелирования их негативного воздействия и снижения уровня ущерба при возникновении неблагоприятных обстоятельств социального, социально-экономического и социально-политического характера.

В этом контексте следует добавить, что одним из институциональных условий увеличения человеческого потенциала и расширения социальных связей является образовательная среда, включая образовательные учреждения, деятельность которых направлена на обучение развитию человеческого потенциала, расширению социального капитала, использованию имеющегося человеческого потенциала и социальных связей для их капитализации в условиях экономического и социально-экономического взаимодействия. И насколько образовательные учреждения способны выполнять свои функции в этой сфере, настолько в конечном итоге и будет рост возможности обеспечения социальной и экономической безопасности [6, с. 205].

Именно способность образовательных учреждений профессионального и высшего образования, дополнительного образования готовить востребованных в национальной экономике работников умственного труда, руководителей, специалистов сферы сервиса, имеющих соответствующий человеческий потенциал и нужные социальные связи, определяет возможности модернизации современной отечественной экономики, постепенный переход от сырьевой к интеллектуальной доминанте структуры экономики России, увеличения доли наукоемкой и знаниеемкой продукции, то диверсификации экономики, что сделает ее более устойчивой к влиянию внешних колебательных экономических процессов, а значит обеспечит большую безопасность. Однако, это невозможно без участия работодателей-организаций реального сектора экономики в образовательном процессе.

Важным элементом повышения качества отечественного образования является участие работодателей в оценке качества образования. До недавнего времени государство, большинство организаторов и участников образовательного процесса относились к проблеме независимой оценки качества образования в России индифферентно и не стремились привлекать работодателей к участию во внедрении и улучшении системы

оценки качества в образовании. Хотя ранее, результаты, которые показывали школьники в СССР и России в ходе международных исследований по оценке качества образования, таких как программа международной оценки обучающихся: мониторинг знаний и умений в новом тысячелетии PISA (Programme for International Student Assessment) позволяли выявить и оценить динамику изменения знаний обучающихся, развитие их способностей, в первую очередь интеллектуальных способностей, как достаточно перспективные.

Необходимо отметить, что получаемые в процессе обучения знания, умения и навыки должны быть реализованы в процессе социально-экономических отношений через различные формы, чтобы преобразоваться в социальный капитал, а это можно сделать через различные формы социальных объединений [7, с. 8; 8, с. 20].

В настоящее время, одной из форм интеграции науки, образования и организаций реального сектора экономики, способной наиболее полно использовать систему менеджмента знаний для увеличения человеческого потенциала, приращения социального капитала и их капитализации в современных социально-экономических условиях является университетский комплекс. Впервые понятие университетского комплекса было сформулировано в постановлении Правительства Российской Федерации «Об университетских комплексах» от 5 апреля 2001 г. № 264. В соответствии с этим нормативным документом университетский комплекс – это объединение создаваемое на основе университета (союза, консорциума), включающее в себя как образовательные учреждения различного уровня, форм собственности и характера реализуемых образовательных процессов, так и научные учреждения, предприятия (базы практик и трудоустройства молодых специалистов), общественные объединения, включая профессиональные сообщества в сети Интернет. При этом, университетский комплекс может как входить в состав определенного кластера, объединяющего субъектов отдельных производственно-экономических отношений по одному из видов кластерной организации, так и быть ядром кластерного или даже мультикластерного образования [9, с. 145].

Выводы. Именно концентрация организационных инфраструктурных систем, информационных и товарно-денежных потоков, пространств обмена знаниями способна дать необходимый мультипликативный эффект роста человеческого и социального капиталов, а также их использования для обеспечения социальной и экономической безопасности.

Таким образом, организационно-экономический механизм обеспечения и повышения экономической и социальной безопасности государства предполагает, во-первых, формирование институциональной среды, способствующей капитализации социальных связей, социальных взаимодействий и человеческого потенциала. Во-вторых, включает в себя интеграцию организаций образовательного, научного и производственного секторов экономики, а также сферы сервиса в форме различных объединений. В-третьих, для развития человеческого и социального капиталов необходима модернизация образовательной системы, позволяющая, используя знание закономерностей и особенностей восприятия информации человеком и процесса формирования, а также изменения знаний, разработать и внедрить в образовательный процесс наиболее эффективные способы обучения. В-четвертых, важно внедрять в практическую и образовательную деятельность технологии вербализации знаний и методы их «встраивания» в культурную среду и систему имеющихся знаний.

Это позволит, в конечном итоге, сформировать социально-экономические условия и институциональные системы, позволяющие повысить гибкость и адаптивность акторов экономических отношений, а также стабильность социальной системы в целом и обеспечить более эффективную капитализацию человеческого потенциала.

Список использованных источников

1. Капустин, Б. Либеральные ценности в сознании россиян / Б.Капустин. – Полис, 1994. – № 1–2. – С. 35–48.
2. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин и др. под ред. д.э.н., профессора В.Т.Смирнова. – М.: Машиностроение -1, Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с.
3. Быков, С. Практический мифодизайн / С. Быков, Д. Давидович – СГИ «Дарын» Челябинск-Алматы-Дарын, 2002. – 156 с.
4. Модернизация образования в условиях глобализации: монография / А.Л. Пастухов. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2013. – 139 с.
5. Кара-Мурза, С. Открытость глобальному рынку: экономическая и виртуальная реальность / С. Кара-Мурза // Вестник Московского экономического института. 2000. – № 1. – С. 35-40.
6. Пастухов, А. Л. Комплексная безопасность: подходы к методологии индикативного анализа / А. Л. Пастухов, Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст./ БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 204–212
7. Солодовников, С. Ю. Опережающее развитие космической отрасли как основа устойчивого роста белорусской экономики/ С. Ю. Солодовников, А. Н. Тур, Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2015. –№14. – С. 8–14.
8. Пастухов, А.Л. Глобализация в мировоззрении человека / А. Л. Пастухов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. –2006. – Т.10. –№2. – С. 19–34.
9. Пастухов, А. Л. Развитие системы управления образованием / А.Л. Пастухов Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст./ БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С.141-151.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2019 года

**THE DEVELOPMENT OF HUMAN AND SOCIAL CAPITAL
AS A FACTOR OF ECONOMIC AND SOCIAL SECURITY**

A. L. Pastukhov
alpast@yandex.ru

PhD, Associate Professor,
Docent of the department «Security»

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the development of the human capital and the social capital as factors of economic security and social security in the current socio-economic conditions in the context of globalization.

It presents aspects of the knowledge management and the formation of university complexes as institutional conditions and social environment, ensuring the development of the human capital and the social capital.

Keywords: *human capital, social capital, security, knowledge management, economic security, social security.*

References

1. Kapustin, B. Liberal'nye cennosti v soznanii rossijan [tekst] //B.Kapustin. – Polis, 1994. – № 1 – 2. –S.35-48.
2. Chelovecheskij kapital: sodержanie i vidy, ocenka i stimulirovanie: monografija / V.T. Smirnov, I.V. Soshnikov, V.I. Romanchin i dr. pod red. d.je.n., professora V.T.Smirnova. – М.: Mashinostroenie -1, Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с.
3. Bykov, S. Prakticheskij mifodizajn / S.Bykov, D.Davidovich – SGI «Daryn» Cheljabinsk-Almaty-Daryn, 2002-156 s.

4. Modernizacija obrazovanja v uslovijah globalizaciji: monografija / A.L. Pastuhov. - SPb.: Izd-vo SPbGUSJe, 2013. – 139 s.

5. Kara-Murza, S. Otkrytost' global'nomu rynku: jekonomicheskaja i virtual'naja real'nost' / Kara-Murza S. // Vestnik Moskovskogo jekonomicheskogo instituta. 2000. - № 1. - S.35-40.

6. Pastuhov, A. L. Kompleksnaja bezopasnost': podhody k metodologii indikativnogo analiza / Pastuhov, A. L., Meleshko, Ju. V. // Jekonomicheskaja nauka segodnja: Sb. nauch. statej. – Minsk: BNTU. - № 8 (2018). - S.204-212

7. Solodovnikov, S.Ju. Operezhajushhee razvitie kosmicheskoy otrasli kak osnova

ustojchivogo rosta belorusskoj jekonomiki/ S. Ju. Solodovnikov, A. N. Tur, Ju. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki/ PGU; pod. red. R. N. Avlasenok. – Novopolock: PGU, 2015. –№14. – S.8–14.

8. Pastuhov, A.L. Globalizacija v mirovozzrenii cheloveka / A.L. Pastuhov //Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. –2006. –Т.10. –№2. – S.19–34.

9. Pastuhov, A. L. Razvitie sistemy upravlenija obrazovaniem / A.L. Pastuhov //Jekonomicheskaja nauka segodnja: Sb. nauch. statej. – Minsk: BNTU. - Vyp. 1 (2013/1). - S.141-151.

УДК 657.6

ББК 65.291.573

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. Д. Алексеева

alekseeva-larisa@bk.ru

кандидат экономических наук, доцент

Санкт-Петербургский национальный исследовательский
университет информационных технологий, механики и оптики
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные аспекты учета нематериальных активов субъектов хозяйствования в рамках их деятельности, в настоящее время не имеющие должного отражения в нормативных документах, на основании которых должен осуществляться учет объектов их интеллектуальной собственности.

***Ключевые слова:** учет, объекты интеллектуальной собственности, положения российских и международных стандартов.*

Введение. Российское законодательство развивается в направлении совершенствования правил бухгалтерского и налогового учета объектов интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность как объект бухгалтерского учета включается в состав нематериальных активов (далее – НМА), приобретаемых, создаваемых и используемых в хозяйственном обороте предприятий.

В настоящее время доля объектов интеллектуальной собственности в имуществе хозяйствующих субъектов и их значение в производственно-коммерческой деятельности возрастает и связано с рядом причин. Наличие результатов интеллектуальной деятельности организации влияет на ее развитие. В частности, научные и проектные организации, владеющие интеллектуальной собственностью, приобретают возможность закрепить свои права на предприятиях, использующих соответствующие разработки.

Нормативное требование, связанное с необходимостью полного и достоверного учета НМА, является для работников неукоснительным, ответственным за учет в организациях. Однако НМА, как объекты учета, весьма сложные, еще недостаточно изучены и не регламентированы должным образом. В результате некорректное отражение НМА в учете (как в налоговом, так и бухгалтерском) закономерно способствует серьезным финансовым потерям.

Существующие нормативные правила учета НМА создают определенные «белые пятна» для соответствующих работников в принятии ими тех или иных решений учетного характера. Все это требует глубокого изучения и осмысления.

Результаты и их обсуждение. Нематериальные активы – это особые, сложные объекты учета, имеющие свою специфику. Поэтому при постановке их на учет в организациях, особенно в случаях отсутствия в штате специалиста по нематериальным активам, необходимо иметь соответствующие знания в данной области.

Правовой законодательной основой, регулирующей отношения в сфере прав на объекты нематериальных активов, выступает часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. В статье 1225 данного нормативного правового акта определен перечень результатов интеллектуальной деятельности, по отношению к которым законодательством предоставляется правовая защита (защита интеллектуальной собственности). Перечень данных объектов систематизирован нами на рисунке 1.

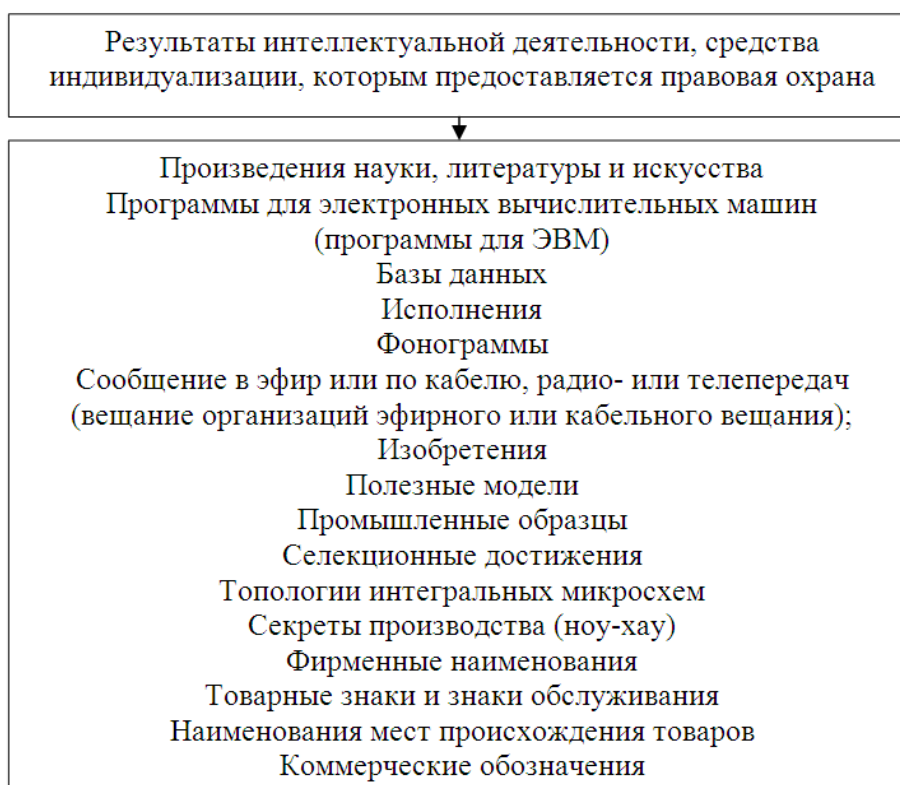

Рисунок 1 – Перечень результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана

Организации при принятии НМА к учету применяют методику отнесения активов к нематериальным, правила их стоимостной оценки и учета поступления НМА, амортизации и выбытия НМА с учетом всех их особенностей. Эта методика регламентирована федеральным стандартом бухгалтерского учета (ФСБУ) [2]. Вместе с тем, по отношению к ряду объектов, ФСБУ не применяется, в частности:

- не признаются объектами НМА научно-исследовательские, технологические и опытно-конструкторские работы, которые не дали положительного результата;
- не признаются объектами НМА научно-исследовательские, технологические и опытно-конструкторские работы, которые не были закончены, а также в том случае, если их результаты не оформлены в установленном нормативными правовыми актами порядке;
- не признаются объектами НМА финансовые вложения;
- не признаются объектами НМА материальные носители (вещи), в которых выражены результаты интеллектуальной деятельности (а также приравненные к ним средства индивидуализации) [2].

Рассмотренные выше объекты принимаются к бухгалтерскому учету в соответствии с требованиями других ФСБУ [3; 4].

Законодательством определены условия принятия к учету объекта в качестве НМА. Так, в соответствии с п. 3 ФСБУ [2] определены следующие условия:

- а) использование объекта НМА связано с получением организацией экономических выгод в будущем. При этом предполагается использование объекта НМА в следующих сферах:

- производственная деятельность, выполнение работ, оказание услуг;

– управленческая деятельность.

Некоммерческие организации могут использовать объекты НМА для достижения некоммерческих целей, определенных при создании организации данного типа. Таким образом, для некоммерческой организации может отсутствовать прямая экономическая выгода от использования объекта НМА;

б) организация должна обладать достаточными правами для получения экономических выгод, которые объект НМА способен приносить в будущем. Для этого организацией должны быть оформлены все необходимые документы, которые подтверждают факт создания (существования) объекта НМА, а также права организации на объект. В зависимости от вида НМА, могут использоваться следующие документы:

- патенты;
- свидетельства;
- прочие охраняемые документы;
- если объект был создан не организацией, то оформляется договор перехода исключительного права на объект НМА, либо оформляются другие документы, подтверждающие переход исключительного права без договора.

Кроме того, организация должна осуществлять соответствующий контроль за объектом НМА в целях ограничения доступа к экономическим выгодам со стороны других лиц.

в) должна быть возможность выделения, отделения объекта НМА от других активов, используемых организацией. Другими словами, объект НМА должен быть четко идентифицирован.

г) предполагается длительное использование объекта НМА, в течение срока, превышающего 12 месяцев. Если длительность обычного операционного цикла превышает 12 месяцев, то возможно использование объекта НМА в течение данного операционного цикла.

д) организация не должна планировать реализацию объекта НМА в течение ближайшего года (12 месяцев);

е) для постановки объекта на учет в качестве НМА необходимо достоверно определить фактическую (первоначальную) стоимость объекта.

ж) объект НМА не должен обладать материально-вещественной формой.

Условие стоимостного лимита для объектов с целью принятия их в качестве НМА в бухгалтерском учете в нормативных документах отсутствует.

С 2016 года малые предприятия и некоммерческие организации, которые вправе вести бухучет по упрощенной форме, получили возможность фактически отказаться от учета НМА. Этим организациям разрешено все расходы на приобретение НМА (не зависимо от их стоимости) признавать в составе расходов по обычным видам деятельности единовременно в полной сумме в момент их осуществления.

Также необходимо отметить некоторые особенности формирования затрат НМА в соответствии с пунктом 6 разъяснений Минфина России [5]:

– в составе объектов НМА признаются затраты, понесенные в связи с формированием положительной деловой репутации (привлекательного имиджа) только в случае приобретения (покупки) данных объектов;

– если же затраты на формирование положительной деловой репутации были осуществлены самостоятельно, то такие затраты подлежат учету в составе затрат по обычным видам деятельности [6].

Относительно НМА позиция Минфина России основана на положениях международного стандарта финансовой отчетности [7]. Состав НМА в соответствии с пунктом 4 ФСБУ [2] обобщен на рисунке 2.

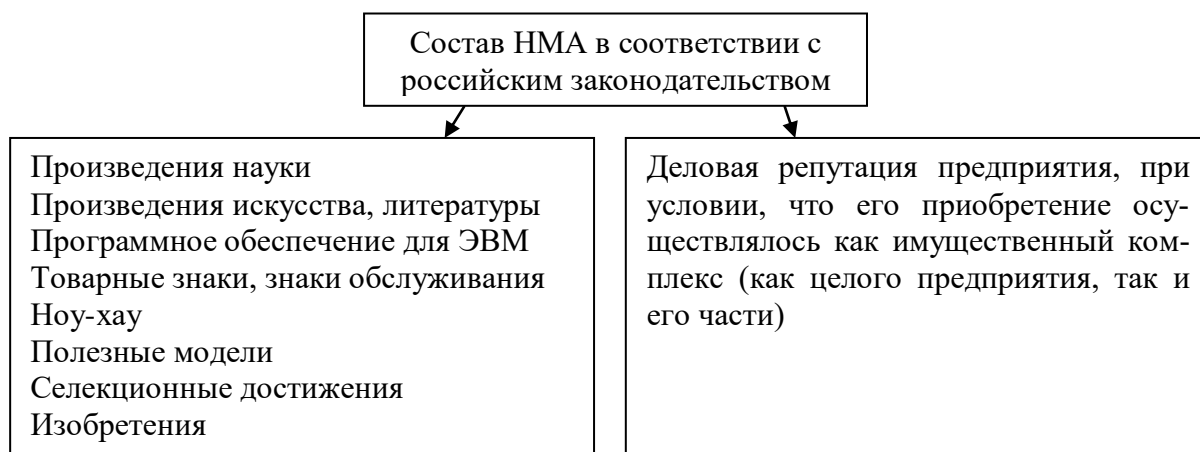

Рисунок 2 – Перечень результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана

Следует отметить, что рассмотренные объекты принимаются к учету в качестве НМА не только в случае самостоятельного создания, но и в случае приобретения исключительных прав на них. При этом следует учитывать, что неисключительные права не могут быть приняты к учету в качестве объектов НМА. Кроме того, не подлежат учету в составе НМА следующие объекты:

- организационные расходы, которые осуществляются при создании юридического лица;
- деловые и интеллектуальные качества персонала, работающего в организации, квалификация персонала, а также его способность к труду.

В качестве единицы бухгалтерского учета НМА выступает инвентарный объект. При этом права на инвентарный объект НМА возникают на основе какого-либо одного подтверждающего документа, в качестве которого могут выступать патент, договор о продаже исключительного права, свидетельство и др. Инвентарный объект НМА должен выполнять определенный набор самостоятельных функций. Кроме того, в бухгалтерском учете могут быть отражены сложные объекты нематериальных активов, которые включают в себя одновременно несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности [2].

В России законодательством к результатам интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана приравнены средства индивидуализации. Средства индивидуализации представляют собой обозначения, основное назначение которых состоит в различении хозяйствующих субъектов, товаров, работ, услуг в сфере хозяйственного оборота. Следует отметить, что средства индивидуализации могут выступать предметом хозяйственной сделки. Для передачи прав на отдельные средства индивидуализации оформляется лицензионный договор. В отечественной и зарубежной практике к средствам индивидуализации относятся:

- фирменные наименования организаций (как коммерческих, так и некоммерческих организаций);
- товарные знаки, знаки обслуживания, которые позволяют идентифицировать принадлежность товара к определенной марке, бренду;
- доменные имена;
- наименования мест происхождения товаров и другие.

Объекты нематериальных активов принимаются на баланс по фактической (первоначальной) стоимости. При этом данная стоимость определяется на момент принятия

объектов НМА к учету как сумма затрат, связанных с созданием и (или) приобретением объекта. Данные затраты могут быть осуществлены как в денежной форме (оплата), так и в форме кредиторской задолженности (начисление). Кроме того, в состав первоначальной стоимости объекта НМА включаются затраты, связанные с обеспечением необходимых условий для использования объекта НМА в целях, предусмотренных при его создании (приобретении).

Нематериальные активы могут поступать в организацию различными способами, в частности:

- путем приобретения либо самостоятельного создания объектов НМА. В данном случае имеет место инвестиционный способ создания (приобретения) нематериального актива;

- объекты НМА могут быть внесены инвесторами в качестве вклада в уставный капитал организации;

- объекты НМА могут быть безвозмездно переданы организации;

- также объекты НМА могут поступать для последующего использования в совместной деятельности.

Следует отметить, что изменение первоначальной стоимости объектов НМА, по которой они принимаются к учету, не допускается, за исключением ряда случаев, которые предусмотрены ФСБУ и другими нормативными правовыми актами. В частности, в качестве основной причины изменения первоначальной стоимости объекта НМА, разрешенных законодательством, выступает переоценка и обесценение нематериальных активов. При этом минимальная периодичность подобной переоценки составляет один раз год, таким образом, в течение одного года НМА могут быть переоценены только один раз. Переоценка НМА осуществляется на основе данных о текущей рыночной стоимости объектов НМА по данным активного рынка. При этом впоследствии данные объекты НМА и их однородные группы должны переоцениваться на регулярной основе. Это будет способствовать минимальным отклонениям между рыночной и балансовой стоимостью объектов НМА [2].

Переоценка объектов НМА осуществляется путем изменения их остаточной (балансовой) стоимости. При этом операции по переоценке следующим образом отражаются в бухгалтерском учете:

- если имеет место увеличение балансовой стоимости НМА (дооценка), то сумма данного увеличения отражается в составе добавочного капитала;

- если имеет место уменьшение балансовой стоимости НМА (уценка), то сумма данного снижения относится на финансовый результат от прочих видов деятельности в составе прочих расходов;

- если сумма дооценки НМА равна сумме уценки, которая была осуществлена в предыдущие периоды – дооценка отражается в составе прочих доходов организации и относится на финансовый результат;

- сумма уценки объекта НМА может быть отнесена на уменьшение добавочного капитала, если она осуществляется за счет ранее начисленных сумм дооценки НМА (в предыдущие периоды). При этом превышение суммы уценки над суммой ранее отраженной в учете суммы дооценки отражается в составе прочих расходов организации.

При выбытии объектов НМА сумма дооценки отражается корреспонденцией по счетам «Добавочный капитал» и «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)». Также следует отметить, что результаты переоценки объектов НМА, проведенной на конец отчетного года, должны быть отражены в бухгалтерском учете организации обособленно. Проверка объектов НМА на обесценение может быть проведена с учетом требований международных стандартов финансовой отчетности [2].

Подтверждение рыночной стоимости для организации тоже является не простой задачей. В организациях сотрудники, способные осуществить переоценку НМА и решить вопросы, связанные с обесценением, как правило, отсутствуют, или имеется их острый дефицит. Поэтому при возникновении данных проблем организации вынуждены обращаться к специалистам, владеющими необходимой квалификацией, привлекая их к работе с НМА.

При принятии объектов НМА к учету организация должна установить срок его полезного использования. Погашение первоначальной стоимости объекта НМА, для которых определен срок полезного использования, осуществляется путем начисления и отражения в учете амортизационных отчислений по объектам НМА. Если же срок полезного использования для объекта НМА не установлен, то амортизационные отчисления по нему не осуществляются.

Срок полезного использования объектов НМА устанавливается в месяцах и представляет собой период, в течение которого организация планирует использовать объект с целью получения экономической выгоды в коммерческой организации, либо для некоммерческих целей, если объект находится на учете в некоммерческой организации. Кроме того, для отдельных объектов НМА возможно установление срока полезного использования в зависимости от определенного натурального показателя (продукции, объема выполняемых работ), который планируется к получению в результате использования нематериального актива.

Следует отметить, что в отношении отдельных видов нематериальных активов достоверное определение срока полезного использования не представляется возможным. В качестве примера НМА данного типа выступают некоторые бренды. В данном случае объект НМА принимается к учету в качестве объекта с неопределенным сроком полезного использования.

Срок полезного использования объектов НМА может устанавливаться одним из следующих способов:

- исходя из срока действия исключительных прав организации на конкретный объект НМА, периода контроля организации за данным видом НМА;
- исходя из ожидаемого срока использования нематериального актива, в течение которого организация планирует получение экономических выгод от него [2].

В соответствии с правилами ФСБУ в обязательном порядке организации обязаны ежегодно производить проверку сроков полезного использования и способов начисления амортизации по всем своим нематериальным активам. Сумма ежемесячных амортизационных отчислений по объектам НМА зависит от выбранного организацией способа начисления амортизации. При этом может быть использован один из следующих способов начисления амортизации:

- линейный способ – в данном случае нематериальный актив амортизируется равномерно в течение срока полезного использования. Сумма ежемесячной амортизации рассчитывается исходя из первоначальной стоимости НМА и срока полезного использования в месяцах;
- метод уменьшаемого остатка – в данном случае базой для расчета амортизационных отчислений выступает остаточная или текущая стоимость объекта НМА, которая умножается на дробь, в числителе которой коэффициент (величина данного коэффициента не может быть больше трех), а в знаменателе оставшийся срок полезного использования НМА. Метод относится к ускоренным способам начисления амортизации нематериальных активов;
- метод начисления амортизации НМА пропорционально объему продукции (работ, услуг) – в данном случае базой для начисления амортизации выступает натуральный

показатель объема продукции (работ, услуг), который соотносится с планируемой величиной объема продукции (работ, услуг) за полный период использования объекта НМА.

Выбор метода начисления амортизации осуществляется организацией самостоятельно, при этом учитывается ожидаемое поступление будущих экономических выгод от использования объекта НМА. Если расчет ожидаемого поступления данных выгод не может быть признан надежным, то в качестве метода начисления амортизации объектов НМА выбирается линейный способ. Начисление амортизационных отчислений по объектам НМА начинается с первого числа месяца, следующего за месяцем, когда объект НМА был принят к учету (введен в эксплуатацию). Начисление амортизации осуществляется до момента полного погашения первоначальной стоимости объекта НМА. При этом приостановка начисления амортизационных отчислений до полного погашения стоимости объекта НМА законодательством не предусмотрена и не зависит от результатов финансово-хозяйственной деятельности в отчетном периоде, за исключением случаев их выбытия. Начисление амортизации по объектам НМА заканчивается с первого числа месяца, следующего за месяцем полного погашения стоимости нематериального актива или его выбытия. Проводка по амортизации НМА делается в том же периоде, когда данные отчисления были начислены [2].

Состав нематериальных активов в целях налогообложения регламентируется налоговым законодательством, в частности п. 3 ст. 257 гл. 25 НК РФ. В соответствии с данным нормативным правовым актом к нематериальным активам в налоговом учете относятся исключительные права на изобретение промышленный образец, полезную модель; на использование программы для ЭВМ, базы данных; на использование топологии интегральных микросхем; на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и фирменное наименование; на селекционные достижения; владение «ноу-хау», секретной формулой или процессом, информацией в отношении промышленного, коммерческого или научного опыта; на аудиовизуальные произведения» [8].

Правила бухгалтерского учета и налогового учета различны. Ключевым моментом в определении объектов НМА в целях налогообложения прибыли является понятие «исключительное право», что должным образом в правовом плане каждая организация должна закрепить за собой.

Выводы. В настоящее время организации, создавая и используя объекты интеллектуальной собственности, должны отдавать себе отчет в том, что главное требование законодателя создания в учете полной и достоверной информации о своей деятельности гораздо масштабнее, чем только соблюдение правил бухгалтерского учета.

Рассмотренные в данной статье аспекты учета нематериальных активов оставляют для специалистов достаточно много вопросов, решение которых необходимо для организаций.

В настоящее время на государственном уровне на основе международных стандартов финансовой отчетности разработан проект федерального стандарта бухгалтерского учета «Нематериальные активы». Его необходимо основательно осмыслить, прежде чем применять в практической деятельности.

От специалистов, кроме специальной компетенции вести грамотный учет объектов интеллектуальной собственности требуется не только наличие правовой и экономической компетенции, но и развитие собственной эрудиции

В бухгалтерском учете организаций объекты НМА являются более сложными и интересными. Работа с ними приводит к необходимости соответствующих специалистов совершенствовать свои знания на более новом качественном уровне для применения их в реальной хозяйственной жизни [9]. Задача усложняется тем, что «особо важными

характеристиками современного специалиста представляются такие, как: соответствие направления профессиональной подготовки занимаемой должности, карьерный рост, мнение работодателя о качестве подготовки работника, уровень и сроки постоянного повышения его квалификации. Цифровизация экономики определяет новые условия для реализации экономических интересов граждан, предприятий и государства на основе «цифровых» конкурентных преимуществ» [10, с. 26].

Список использованных источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ. Принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года. Одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года (в ред. Федеральных законов от 01.12.2007 № 318-ФЗ, от 30.06.2008 № 104-ФЗ, от 08.11.2008 № 201-ФЗ).
2. Приказ Минфина России от 27.12.2007 N 153н (ред. от 16.05.2016) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет нематериальных активов" (ПБУ 14/2007)" (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 N 10975).
3. Приказ Минфина России от 19.11.2002 N 115н (ред. от 16.05.2016) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы" ПБУ 17/02" (Зарегистрировано в Минюсте России 11.12.2002 N 4022).
4. Приказ Минфина России от 10.12.2002 N 126н (ред. от 06.04.2015) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Учет финансовых вложений" ПБУ 19/02" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.12.2002 N 4085).
5. <Информация> Минфина РФ N ПЗ-8/2011 "О формировании в бухгалтерском учете и раскрытии в бухгалтерской отчетности организации информации об инновациях и модернизации производства".
6. Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 33н (ред. от 06.04.2015) "Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Расходы организации" ПБУ 10/99" (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.1999 N 1790).
7. "Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 "Нематериальные активы" (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н) (ред. от 30.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019)
8. Налоговый кодекс РФ: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Принят Государственной Думой 16 июля 1998 года. Одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года.
9. Программа "Цифровая экономика Российской Федерации" Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
10. Развитие экономики и менеджмента в условиях цифровизации: сборник трудов научно-практической конференции с международным участием / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В.Бабкина. – СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. – 435 с.

Статья поступила в редакцию 28 марта 2019 года

SOME TOPICAL ASPECTS TO TAKE INTO ACCOUNT THE OBJECTS OF THE INTELLECTUAL PROPERTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

L. D. Alekseeva

PhD, Associate Professor,
Saint-Petersburg national research University
of information technologies, mechanics and optics
Saint Petersburg, Russian Federation

The article describes the most relevant aspects of the treatment of intangible assets of business entities within the scope of their activities is currently not having proper reflection in normative documents, which should be on the basis of accounting objects of their intellectual property.

Keywords: *accounting, intellectual property, the provisions of Russian and international standards.*

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part four) from December 18, 2006 year no. 230-FZ. Adopted by the State Duma November 24, 2006 year. Approved by the Federation Council December 8, 2006 year (as amended by the federal laws from 01.12.2007 No. 318-FZ dated 30.06.2008 No. 104-FZ on 08.11.2008 No. 201-FZ).
2. The order of the Ministry of Finance of the Russian Federation from 27.12.2007 N 153 n-m (ed. by 16.05.2016) "on approval of the regulations on accounting of intangible assets accounting" (COA 14/2007) "(registered with the Ministry of Justice of Russia 23.01.2008 N 10975).
3. The order of the Ministry of Finance of the Russian Federation from 19.11.2002 N 115 n. (ed. by 16.05.2016) "on approval of the regulations on accounting, accounting for expenditure on research, development and technological work" MODU 17/02 "(registered with the Ministry of Justice of Russia cases N 4022).
4. The order of the Ministry of Finance of the Russian Federation from 10.12.2002 N 126 n. (ed. by 06.04.2015) "on approval of the regulations on accounting" accounting for investments ", MODU" 19/02 (registered with the Ministry of Justice of Russia 27.12.2002 N 4085).
5. The Ministry of Finance of RUSSIAN FEDERATION N PZ-8/2011 "on the formation of accounting and disclosure in the financial statements of the organization information on innovations and modernization of production."
6. The order of the Ministry of Finance of 06.05.1999 N 33 n. (ed. by 06.04.2015) "on approval of the regulations on accounting" expenses of the Organization "MODU 10/99" (reg. with the Ministry of Justice of Russia 31.05.1999 N 1790).
7. "international financial reporting standard IAS 38" intangible assets "(entered into force on the territory of the Russian Federation by the order of Ministry of Finance of the Russian Federation from 28.12.2015 N 217) (ed. from 30.10.2018) (ALT. and Add., buy-in force since 01.01.2019)
8. Tax code of the Russian Federation: Federal law of 31.07.1998 # 146-FZ. The State Duma adopted July 16, 1998 year. Approved by the Federation Council July 17, 1998 year.
9. The digital economy of the Russian Federation approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 28 and.
10. Development of economy and management in the context of digitalization: proceedings of the scientific-practical Conference with international participation. Dr. Econ. Sciences, Prof. A.V. Babkin. -Spb: POLYTECHNIC press, 2018. – 435 p.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.242

ББК 65.05

**РОЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОЛИТИК
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ИНТЕГРАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ****В. Л. Гурский**

vhurski@yandex.ru

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий отделом экономики ЖКХИнститут жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается феномен согласования промышленных политик как способ разрешения конфликтности современных международных экономических отношений. Уточнено понятие современной промышленной политики в контексте углубления глобализации и расширения международной интеграции. Предложено расширить число субъектов промышленной политики за счет включения транснациональных корпораций, международных финансовых организаций и промышленных лобби зарубежных стран. Раскрыты качественные изменения в системе международных экономических отношений, обусловленные трансформацией интересов субъектов промышленного взаимодействия, что повышает роль национальных промышленных политик и вызывает объективную необходимость их межгосударственной координации и субординации.

Ключевые слова: промышленная политика, глобализация, международная интеграция, ЕАЭС, ТНК, промышленные лобби; согласование промышленных политик.

Введение. Процессы глобализации и международной промышленной интеграции стали причиной существенного изменения роли и места национальной промышленной политики, которое выражается в том, что они с одной стороны становятся объектом интересов и подвергаются существенному влиянию со стороны международных организаций и ТНК, с другой стороны становятся объектом согласования между государствами-партнерами по интеграционному объединению, если государство участвует в каком-либо из них. Для государств-членов ЕАЭС актуально и то и другое.

Все это делает проблему согласования промышленных политик интегрируемых стран чрезвычайно актуальной, как с теоретической точки зрения разработки концептуальных основ современной промышленной политики, так и с практической точки зрения разработки механизма согласования промышленных политик государств-членов интеграционного объединения. Развитие механизмов согласования промышленных политик как способа разрешения конфликтности современных международных экономических отношений и углубления, на этой основе, интеграционного взаимодействия призвано способствовать расширению рынков сбыта, улучшению условий доступа к сырьевым ресурсам, снижению транзакционных издержек, укреплению национальной экономической безопасности для каждого участника интеграционного объединения.

В основном, научные разработки в области промышленной политики касаются ее отдельных аспектов, например, обеспечения экономической безопасности промышленного комплекса на стадии его роста (А. Н. Сенько), прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса (И. Л. Телеш), изменения задач промышленной политики в глобализирующейся экономике (Л. Бляхман, Ю. Малышев,

М. Кротов, К. Н. Андрианов), особенностей промышленной политики в процессе интеграционного взаимодействия (Н. А. Бровко, С. Ю. Глазьев, И. Михалевич, М. Ю. Ильина, А. М. Выжитович, П. А. Ершов), взаимодействия социально-экономических интересов при формировании промышленной политики (Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, О. А. Бияков, Ю. Ш. Блам), особенностей региональной промышленной политики (А. Кузнецов, А. Татаркин, Р. Чененовой, А. Гребенкин, О. Романова).

Проблемы определения места и роли национальной промышленной политики в системе современных международных экономических отношений в контексте согласования промышленных политик государств-членов ЕАЭС не рассматривались. Таким образом, заявленная проблематика является новой.

Цель данной статьи – обосновать концептуальные направления развития национальной промышленной политики в условиях углубления глобализации и расширения международной интеграции, определить ее место и роль в системе современных международных экономических отношений в контексте согласования промышленных политик государств-членов ЕАЭС.

Результаты и их обсуждение. Качественные преобразования в структуре международных экономических отношений в современной мировой экономике во многом обусловлены процессами глобализации, выражающейся, в том числе, в расширении международной промышленной кооперации и интеграции, приводят к существенному росту зависимости национальных промышленных комплексов от привлекаемого иностранного капитала и трансфера инноваций, что в свою очередь повышает риски национальной безопасности стран. Вследствие чего, государства испытывают объективную потребность защиты собственных интересов. Формирование и развитие интеграционных объединений призвано минимизировать риски геополитических и экономических противоречий между субъектами международных отношений. Национальные промышленные политики в сложившихся условиях, становятся объектами согласования между государствами партнерами, а также объектом влияния со стороны транснациональных корпораций и международных организаций.

Процессы глобализации и международной промышленной интеграции стали причиной существенного изменения роли и места национальной промышленной политики, которое выражается в том, что они с одной стороны становятся объектом интересов и подвергаются существенному влиянию со стороны международных организаций и ТНК, с другой стороны становятся объектом согласования между государствами-партнерами по интеграционному объединению, если государство участвует в каком либо из них. Для государств-членов ЕАЭС актуально и то и другое.

Как известно, процесс глобализации напрямую связан с возрастающей ролью транснациональных корпораций в международных экономических отношениях. ТНК через акционерные (прямые и портфельные иностранные инвестиции) и неакционерные (контракты, аутсорсинг) формы деятельности формируют международные производственные цепочки. Высокая активность ТНК в разных сферах мировой экономики в 2000-х гг. привела к тому, что уже в 2010 г. в рамках международного производства создавалось около 25% мирового ВВП (или 16 трлн. долл. США). Остальная часть мирового ВВП приходилась на внутреннее производство стран (чуть более 50%) и государственный сектор (около 24%) [1]. Следует подчеркнуть, что ключевую роль в достижении данных результатов сыграли ведущие ТНК. Так, согласно А. С. Керобян, «на 500 крупнейших ТНК мира приходится свыше 30% экспорта обрабатывающей промышленности, 80% торговли новыми технологиями, 70% мировой торговли и 50% всех прямых иностранных инвестиций» [2]. ТНК активно инвестируют в научные разработки и производство, являются основными каналами международных инвестиций и трансфера

технологий. Вместе с тем, оценка роли ТНК в развитии экономики стран реципиентов весьма неоднозначна. Исследования показывают, что наряду с положительными эффектами, такими как приток иностранного капитала, трансфер технологий, создание новых рабочих мест, увеличение экспорта международные корпорации оказывают и негативное воздействие, такое как: препятствие развитию местного производителя локализованного внутри страны через навязывание им неперспективных направлений в международной системе разделения труда, захват наиболее развитых и перспективных сегментов рынка принимающей страны; загрязнение экологии через использование устаревших и экологически опасных технологий; сокращение доходов населения и государственного бюджета через использование трансфертных цен и дискриминационной оплаты труда. Проводя анализ результатов индустриализации в странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки М. Миоззо (Miozzo M.) пишет: «В Чили в 1981-1987 гг. объем экспорта готовой продукции возрастал ежегодно на 17%, а реальная заработная плата снижалась на 5%», в Аргентине для снижения цен производителям предоставлялись льготы: сокращение взноса в Фонд социального обеспечения на 30%, подоходного налога на производителей и освобождение их от взноса в Фонд национальных автомобильных дорог. В результате национальное производство автомобилей в 1990-1997 гг. возросло почти в пять раз, среднегодовые темпы роста в автомобильной промышленности составляли 28% (против 7% в 80-х и 4% в 70-х годах), доля экспорта возросла с 1 до 47% (в 70-80-х годах она колебалась в интервале 0-7%). Почти в три раза возросла производительность труда, а реальная зарплата сохранилась практически на прежнем уровне. Доля зарплаты в издержках производства снизилась с 12,5 до 6,5% [3 с.658]. В целом, делает вывод М. Миоззо: государственная политика Аргентины не смогла обеспечить использование преимуществ, предоставляемых ТНК. Национальная промышленность оказалась в тяжелом положении по причине отсутствия институциональной защиты и доступа к международным кредитным рынкам, а значительное повышение эффективности производства оказалось выгодным только корпорациям.

Начиная с 1990-х гг. происходит формирование ТНК 4-го и 5-го поколения, используются способы организации международного производства, не связанные с участием в капитале (СНУК), к ним относятся подрядное промышленное производство, аутсорсинг услуг, франшизинг, лицензирование, управленческие контракты. ТНК координируют деятельность компаний принимающих стран, не участвуя в их капитале. Вклад СНУК в совокупной добавленной стоимости ТНК является крайне незначительным по причине использования внутрикорпоративных цен, что не дает возможность государству взимать справедливые налоги, а работникам получать приемлемую зарплату. Кроме того СНУК используют для обхода социальных и экологических стандартов принимающей страны.

Детальное эмпирическое исследование роли ТНК в мировой экономике не является предметом данной статьи. Феномен ТНК достаточно изучен такими авторами как А. С. Белоусов, В. А. Виноградов, Н. П. Гусаков, Р. И. Зименков, А. Г. Мовсесян, Е. П. Островская, Е. М. Романова, Г. П. Солюс, Е. С. Хесин, и др. Для нас важно отметить, что влияние ТНК на развитие промышленности практически всех стран мира быстро растет. С точки зрения влияния ТНК на формирование промышленной политики целевых стран ситуация гораздо сложнее, ведь промышленная политика по определению нацелена на регулирование деятельности субъектов хозяйствования в соответствии с интересами страны. Корпоративные интересы, побуждающие ТНК к расширению и инвестированию в развивающиеся страны, заключаются, прежде всего, в получении доступа и установлении контроля над источниками сырьевых ресурсов, получении налоговых льгот или уход от налогов вообще, снижение издержек на оплату труда и социальное

обеспечение работников, сокращении затрат на экологию или полного отказа от компенсации внешних эффектов. Огромные конкурентные преимущества ТНК перед сравнительно небольшими, локализованными национальными компаниями достигаются не столько за счет передовых технологий, сколько за счет низких затрат на оплату труда (фактор дешевой рабочей силы) в сочетании с полным отсутствием пенсионного обеспечения и медицинского страхования, а также за счет возможности отказаться от затрат на обеспечение экологической безопасности производства.

Вернер Клаус отмечает: «Масштаб деятельности, финансовые и технологические возможности ТНК позволяют им, де-факто, стать главными субъектами промышленной политики во многих странах, отодвигая национальные правительства на второй план. Реализуя свои корпоративные интересы ТНК активно лоббируют снижение социальных, экономических и экологических стандартов в странах реципиентах. С этой целью используются инструменты лоббирования, международного политического и экономического давления через санкции, подкупа высокопоставленных чиновников в правительстве (коррупции), финансирования вооруженных конфликтов и террористических организаций, предоставление кредитов на заведомо невыгодных условиях, долгового закабаления целевых стран» [4]. Под давлением крупных инвесторов и международных финансовых организаций правительства развивающихся стран вынуждены создавать самые благоприятные условия для ТНК в ущерб собственным национальным интересам. В международных организациях заключаются наднациональные торговые соглашения, благодаря которым национальные правительства лишаются возможности проводить законы, направленные на защиту собственного населения и окружающей среды. Основными институтами, обеспечивающими легитимизацию вмешательства ТНК в национальные промышленные политики, являются ВТО, GATS, МВФ, Всемирный банк, МБРР, ЕБРР, а также различные международные форумы и промышленные лобби, такие как: Международная торговая палата (International Chamber of Commerce, ICC), Трансатлантический бизнес-диалог (Trans Atlantic Business Dialogue, TABD), Совет Соединенных Штатов по международному бизнесу (United States Council for International Business, USCIB), Всемирный Экономический Форум (World Economic Forum, WEF) и Институт международных финансов (Institute for International Finance), Германский торгово-промышленный парламент (der Deutsche Industrie und Handelstag (DIHT), австрийское Объединение промышленников (Industriellenvereinigung) и др. [4].

Теоретико-методологической основой процесса корпоративной глобализации мировой экономики стала доктрина либерализации экономики и дерегулирование деятельности инвесторов (концернов), активно продвигаемая как самими корпорациями, так и международными финансовыми организациями - ВТО, МВФ и Всемирным банком. На практике неолиберальная модель означает неограниченную свободу для движения капитала, неконтролируемую эксплуатацию природных богатств и людских ресурсов в странах, где государство не в состоянии обеспечить защиту национальных интересов.

В рамках неолиберальной доктрины, ВТО проводя политику свободной торговли, любые меры государственного регулирования в сфере защиты окружающей среды, социальных стандартов или критериев качества, могут быть расценены как препятствие для торговли и опротестованы. В этом случае соответствующая регламентирующая установка подвергается «тесту на необходимость». Если она будет признана «хоть в чем-то препятствующей торговле», ВТО имеет право принудить страну отменить ее. Влияние ВТО распространяется практически на все страны мира, эта организация реализует свои решения с помощью торговых санкций, крайне разрушительных для развивающихся стран (Северная Корея, Иран, Россия) и совсем не обязательных для основных спонсоров ВТО (США). В решениях ВТО, которые разрабатываются в ходе закрытых переговоров,

доминируют интересы промышленно развитых стран и развивающиеся страны ничего не могут им противопоставить. Вследствие этого, влияние международных корпораций на промышленную политику как развивающихся, так и развитых стран существенно усиливается. Во многих развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки собственная промышленная политика подменяется политикой ТНК и международных организаций, продвигающих свои корпоративные интересы. При этом отменяются или снижаются налоги, взимаемые с зарубежных инвесторов, что приводит к сокращению поступлений в бюджет и, соответственно, расходов бюджета на финансирование образования, здравоохранения, юстиции; снижаются уровень минимальной оплаты труда, требования к пенсионному и медицинскому страхованию работников, что приводит к обнищанию населения стран реципиентов, отмене или сокращению стандартов экологической безопасности производства, приводящее к разрушению среды обитания людей и природных экосистем в целевых странах.

Таким образом, в условиях глобализации и промышленной интеграции наблюдается нарастающий процесс взаимопроникновения внутренней и международной политики. Изменение качества взаимодействия и интересов субъектов хозяйствования в промышленности неизбежно влечет за собой качественное изменение промышленной политики государства. Происходит расширение субъектов национальной промышленной политики за счет включения в их число зарубежных компаний, ТНК и международных организаций, представляющих интересы промышленных корпораций. С одной стороны, их интересы не могут не учитываться в условиях прямой заинтересованности государства в расширении международной промышленной кооперации и интеграции, привлечении иностранных инвестиций и развитии международного трансфера инноваций, с другой стороны, попытка интегрировать корпоративные интересы ТНК в национальную промышленную политику приводит к существенному росту рисков неопределенности взаимодействия между субъектами и невозможности их государственного контроля, а также рисков доминирования корпоративных интересов над национальными.

Принятая в 2000 году Лиссабонская стратегия, ознаменовавшая смену парадигмы промышленного развития ЕС, и утвердившая «переход от пассивной к активной промышленной политике» [5, с. 211], была направлена, в том числе, на формирование общеевропейской промышленной политики, в качестве механизма сочетания как национальных интересов государств ЕС, так и корпоративных интересов промышленников. Согласно данному документу, именно состояние промышленности рассматривается руководством ЕС как определяющий фактор благосостояния европейского сообщества. Один из основоположников теории «информационного общества» М. Кастельс теорию постиндустриализма вообще называет мифом и утверждает, что «нынешний тип экономики по-прежнему индустриальный только основу его развития теперь составляет информатизация и глобализм» [6, с. 81].

В рамках принятой в 2010 году Европейским Союзом стратегии «Европа 2020» (A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth [7]) Европейская комиссия (ЕК) утвердила ключевую инициативу «Единая промышленная политика в эпоху глобализации». В этом документе под Единой (объединенной, общей) промышленной политикой (Integrated Industrial Policy) понимается: «те виды политики, которые влияют на издержки, цены и инновационную конкурентоспособность промышленности и промышленных секторов; все остальные меры, которые влияют на конкурентоспособность промышленности (политика в области транспорта, энергетики, охраны природы, социальной защиты, защиты прав потребителей, политика в области общего рынка и торговая политика)» [8, с. 6]. Основной задачей общей промышленной политики ЕС ставится повышение конкурентоспособности промышленности Европейских стран посредством

комплекса мер национальных и наднациональных органов государственного управления по развитию инновационных технологий, улучшению доступа к финансам, повышению качества человеческого капитала, а также дополнительную защиту собственных производителей на общем рынке и поддержку их экспортной деятельности.

Важнейшей особенностью общей промышленной политики ЕС является то, что она не состоит из национальных промышленных политик, не заменяет их, а дополняет. Через общую промышленную политику страны-члены стремятся решить вопросы, которые не могут решить на национальном уровне. В результате делегирования национальными правительствами части полномочий на наднациональный общеевропейский уровень, который стал объединять группы влияния, имеющие трансграничные интересы, при этом национальные субъекты из политического процесса исключены не были [9, с.38]. В отличие от национальных государств, как отмечает Д. Э. Руденкова «в ЕС нет единого центра власти: носителем политической власти выступает коллектив национальных правительств, а агентами власти являются наднациональные институты» [9, с. 36]. Институтами наднациональной власти являются Совет ЕС, Европейский совет, Парламент, Комиссия, Суд ЕС, Европейский центральный банк и Счетная палата.

Модель коммуникации между национальными органами управления, наднациональными институтами ЕС и представителями реального сектора при формировании промышленной (и экономической) политики предполагает 4 основных уровня согласования интересов: *корпоративный уровень* (согласуются интересы национальных и международных субъектов хозяйствования); *национальный уровень* (согласуются текущие интересы национальных правительств стран-участниц); *институциональный уровень* (согласуются позиции управляющих институтов самого ЕС, как интеграционного формирования); *наднациональный уровень* (согласуются общие интересы во внешней политике стран-участниц на уровне глав государств) (рисунки 1).

Основная масса инициатив в области промышленной политики в ЕС исходит от представителей реального сектора, т.е. промышленных корпораций, ТНК и других субъектов хозяйствования. В этом заключается существенное отличие западноевропейской интеграции от интеграции государств членов ЕАЭС, где инициатива исходит от государства, вследствие чего, проявляются «серьезные внутренние противоречия самого процесса «интеграции сверху», когда заключенные межправительственные соглашения, вполне соответствующие общенациональным интересам стран ЕАЭС, не в полной мере отражают интересы реального сектора интегрируемых экономик» [10, с. 340].

В структуре самого Европейского Союза органом, отвечающим за преобразование интересов субъектов хозяйствования в законопроекты, является Европейская комиссия. Важнейшей особенностью работы Европейской комиссии по согласованию интересов субъектов промышленной политики является то, что национальные производители (как крупные, так и мелкие) имеют возможность представлять свои интересы напрямую, минуя национальный уровень. Иными словами, национальные производители и национальные правительства представляют и отстаивают свои интересы параллельно, независимо друг от друга, объединяя усилия, когда интересы совпадают и, действуя самостоятельно, когда интересы расходятся. Такой подход, с одной стороны, позволяет значительно увеличить количество договаривающихся сторон и рассматриваемых инициатив, с другой стороны существенно увеличивает риски потери государственного контроля, призванного защищать интересы граждан.

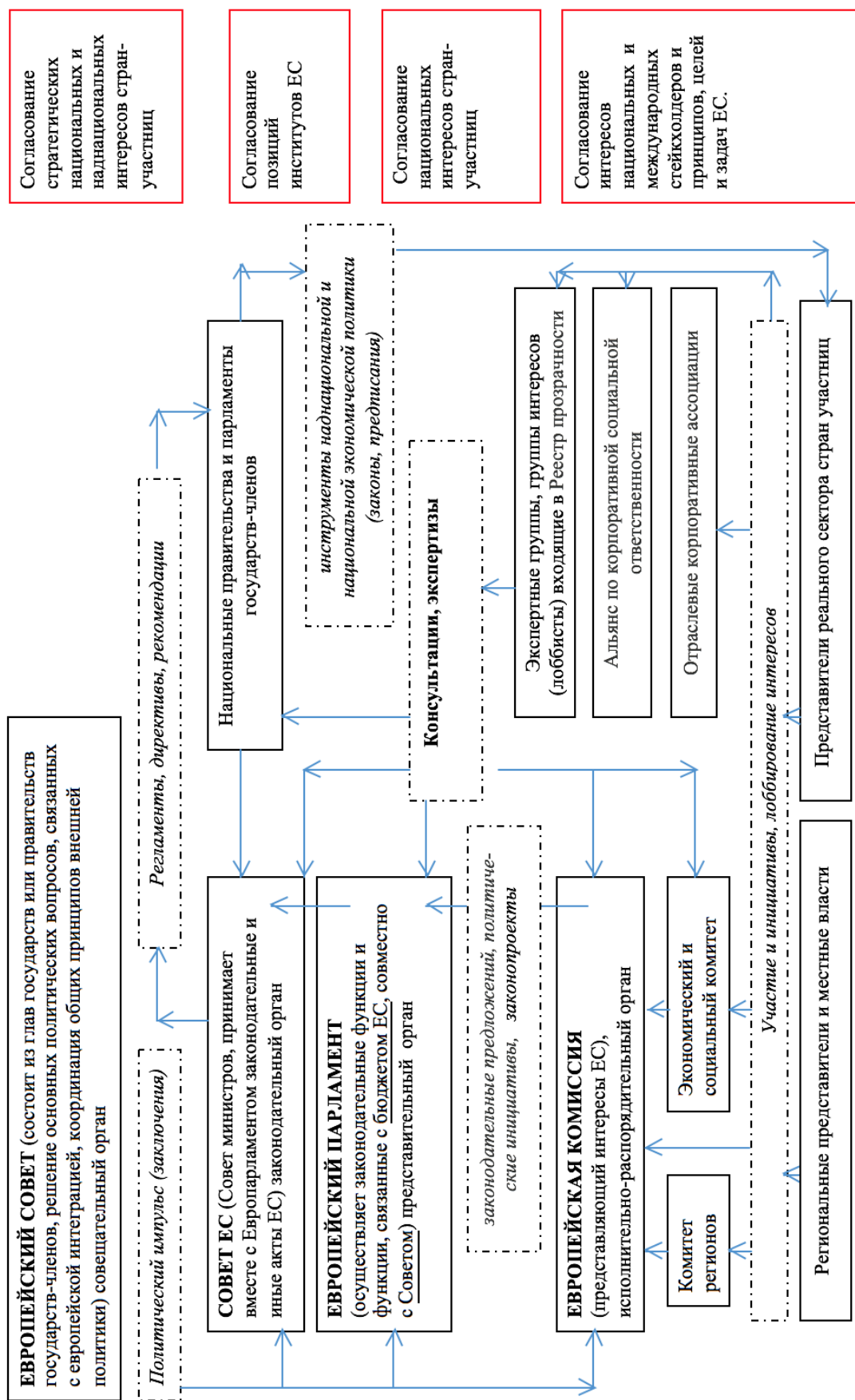

Рисунок 1 – Композиционно-блочная модель институционально-экономического механизма процесса согласования промышленности в ЕС

Как уже было отмечено нами в предыдущих работах, «механизм согласования промышленной политики будет эффективен только в случае, если он сам и отдельные его элементы будут также динамичны, гибко реагируя на изменения макроэкономической и международной конъюнктуры» [11, с. 344]. В этом контексте Европейская комиссия не только постоянно вовлекает субъектов хозяйствования в наднациональные проекты (финансирует и создает условия для привлечения стейкхолдеров), но и поощряет их к конструктивному взаимодействию между собой по согласованию интересов. Понятия «лоббирование» и «представительство интересов» в резолюциях Европейской комиссии являются идентичными и обозначают «любую деятельность, имеющую своей целью повлиять на формирование политики и процессы принятия решений в институтах ЕС» [12]. Г. Хаузер отмечает: «Лоббирование интересов рассматривается как легитимная составляющая демократической системы, а регулирование представительства интересов (лоббизма) в Европейском союзе является важнейшим звеном в системе согласования интересов субъектов хозяйствования и наднациональных структур. В настоящее время Группы интересов прочно утвердились в статусе участников политического процесса в ЕС» [13, с. 692]. Д. Э. Руденкова подчеркивает: «На 2016 год в реестре прозрачности зарегистрированы более 8,3 тыс. лоббистских организаций, среди которых российские ТНК «Газпром» и «Лукойл»» [9, с. 76]. С одной стороны, практика привлечения экспертных групп и групп интересов содействует формированию эффективного экспертно-консультационного механизма (причем не за счет бюджета), и более успешной реализации принятых решений. С другой стороны, как отмечают многие европейские аналитики: «подключая к дискуссии представителей частных и общественных интересов, ЕК обходит на своем пути помеху в виде национальных правительств» [14, с. 76], Бувен П. (Bouwen P.) отмечает, что «это укрепляет ее позиции и позволяет принимать решения в определенных сферах в обход мнению национальных правительств» [15, с. 365]. Такой механизм согласования зачастую приводит к принятию руководящими органами ЕС решений, противоречащих и национальным интересам стран-участниц, и интересам крупных промышленных компаний (например, финансово-технологическое эмбарго в отношении РФ), что напрямую угрожает целостности ЕС как интеграционного объединения. При этом не всегда понятно, интересы каких именно стейкхолдеров поддерживаются (насколько они весомы в экономике ЕС). По сути ЕК (ссылаясь на отобранные ими «экспертные» мнения) получает возможность отстаивать свои собственные интересы, либо интересы стран не входящих в ЕС.

Как видим, механизм формирования и принятия решений в ЕС, по сути, представляет собой механизм согласование позиций и интересов стейкхолдеров различных уровней. Все институты ЕС являются переговорными площадками (разного уровня), обеспечивающими эффективное взаимодействие субъектов заинтересованных в принятии того, или иного решения, которое все же не может отвечать интересам всех заинтересованных сторон. Однако ЕК стремится не ограничить или прекратить вовлечение лоббистов в политический процесс, но обеспечить регулирование лоббизма, при этом основной целью ставит не повышение эффективности инициатив, а повышение уровня прозрачности и подотчетности процесса участия групп интересов. С целью предотвращения доминирования частных интересов над общеевропейскими общественный контроль за деятельностью лоббистов осуществляют общественные организации (Corporate Europe Observatory и AlterEU). Такой подход означает, что в ЕС развитие механизма согласования интересов преследует своей целью не построение фиксированной (оптимальной) системы баланса интересов, а формирование системы оптимизации непрерывного процесса балансирования меняющихся интересов.

В целом опыт развития общей промышленной политики ЕС показывает, что эффективность процесса ее формирования и функционирования во многом зависит от наличия механизма согласования интересов ее субъектов в структуре институтов управления интеграционного объединения, а также от возможности обеспечить динамичный баланс интересов всего множества стейкхолдеров.

Для государств-членов ЕАЭС проблема баланса интересов в сфере промышленной политики также весьма актуальна. Высокий уровень открытости экономики государств-членов ЕАЭС, углубляющийся технологический и технический отрыв промышленно развитых стран, определяющий снижение конкурентоспособности и потерю рыночных позиций отечественных производителей на мировом рынке, обуславливают внешнеэкономическую направленность национальных промышленных политик, в том плане, что большинство ее инструментов направлено либо на защиту внутреннего рынка, либо на стимулирование промышленного экспорта. С другой стороны, формирование и развитие интеграционных объединений на постсоветском пространстве, обуславливает то, что национальные промышленные политики государств-членов ЕАЭС становятся не только объектом пристального внимания со стороны партнеров, но также объектом взаимного воздействия. Государства-члены действительно нуждаются в межгосударственной координации и субординации принципов, целей и инструментов промышленных политик. Подтверждением тому служат межгосударственные договоры и соглашения. Так, согласно статье 62 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. «В рамках Союза проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств-членов в целях достижения сбалансированного развития экономики государств-членов» [16]. В Договоре о ЕАЭС (Приложение № 27 «Протокол о промышленном сотрудничестве») промышленная политика в рамках Союза определяется как деятельность государств-членов по основным направлениям промышленного сотрудничества, осуществляемая государствами-членами как самостоятельно, так и при консультативной поддержке и координации Комиссии ЕАЭС [16]. Согласно официальной позиции ЕЭК: «Согласованная макроэкономическая политика является необходимым инструментом повышения устойчивости национальных экономик и, соответственно, Союза в целом, поскольку позволяет через координацию и согласование действий государств-членов предупреждать и нивелировать негативные эффекты как внешнего, так и взаимного влияния» [17]. Договором о ЕАЭС предусмотрена разработка основных направлений экономического развития Союза, а также, основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов. Однако механизм их реализации, обеспечивает лишь возможность (но не обязательность) для государств-членов Союза «предпринять при необходимости согласованные действия в области макроэкономической политики» [18].

Практика интеграционного взаимодействия показала, что у государств-членов имеются существенные различия в уровне заинтересованности при формировании согласованной промышленной политики. Имеются существенные различия в целях и задачах, которые государства-члены стремятся решить путем согласования промышленных политик. Глубинными причинами разногласий являются не столько субъективные факторы (опортунизм конкретных должностных лиц или конкуренция бизнес-структур), сколько объективно существующие различия в интересах доминирующих элит. С учетом динамично меняющегося множества экономических интересов, количественные и качественные характеристики которых постоянно варьируются и зачастую выходят за рамки экономики и противоречат друг другу, не представляется возможным одномоментное согласование интересов всех субъектов промышленной политики [19].

Справедливости ради, необходимо отметить, что идея полной «унификации», формирования единой промышленной политики, единых норм и правил постепенно уходит из нормативных документов ЕАЭС, так в Решении Евразийского Межправительственного Совета № 9 от 8 сентября 2015 г. «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС» об унификации ничего не говорится. В Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 года отмечается, что: «Необходимость соблюдения баланса интересов субъектов экономической деятельности и государства связана не с унификацией и «навязыванием» норм и требований, а с выбором тех из них, которые способствуют развитию бизнеса независимо от того, в какой стране они разработаны и внедрены - главное, чтобы они доказали свою эффективность для экономики» [20]. Однако потребность в согласованных действиях остается.

Национальные промышленные политики по своему определению тяготеют к решению внутренних проблем промышленного развития страны (пусть даже и за счет развития внешнеэкономических связей), ограничивая их внутренним экономическим пространством страны. Решение задач перестройки мировой экономической архитектуры в свою пользу, завоевание глобальных конкурентных преимуществ, формирование новых центров технологического развития требует согласования промышленных политик государств-членов интеграционного объединения, включающее инструментальные средства соответствующего характера (совместную разработку и реализацию глобальных мегапроектов (стратегических инициатив)).

Для ЕАЭС это Евразийские технологические платформы, Евразийская сеть промышленной кооперации и субконтрактации, Евразийская сеть трансфера технологий, проекты по формированию совместных кластеров, совместные ТНК и финансово-промышленные группы, общие товаропроводящие сети, совместные действия на международной арене. Так, 26 декабря 2016 г. в Санкт-Петербурге главы государств ЕАЭС приняли Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза. В 2017 г. Евразийская экономическая комиссия представила проект Концепции создания Евразийской сети трансфера технологий ЕСТТ. Предполагается, что государства-члены ЕАЭС, объединив возможности существующих национальных инновационных систем, создают общую сетевую систему для поиска разработчиков технологий и заинтересованных в них предприятий; создают общую сетевую систему для поиска партнеров для выполнения совместных НИОКР; интегрируют Евразийскую сетевую систему в международную. В случае успешного развития интеграционных процессов и согласования промышленных политик ЕАЭС можно достичь: повышения доступности (открытости) рыночной информации для всех участников экономических отношений; снижения транзакционных издержек; ускорения трансфера знаний от одних субъектов инновационного процесса к другим; повышения инновационной восприимчивости, как отдельных субъектов хозяйствования, так и экономики в целом; возможность встраиваться в существующие производственные цепочки и выходить на рынок с новыми товарами и услугами с минимальными затратами времени и средств; снижения рисков дезинтеграции промышленных комплексов. В любом случае, в современных условиях государства не могут игнорировать или нивелировать интересы иностранных или международных субъектов хозяйствования, не могут, в данном вопросе, надеяться на их рыночное саморегулирование. Концепция балансирования интересов на основе многочисленных компромиссов, как показал опыт ЕС, также не дает ожидаемых результатов. Единственно возможным подходом к решению данной проблемы представляется государственная координация и субординация интересов заинтересованных сторон международного взаимодействия на основе общих стратегий развития и глобальных проектов.

В силу выявленных существенных изменений, происходящих в системе международных экономических отношений, меняется место и роль промышленной политики, для определения которых необходимо уточнить понятие современной промышленной политики в контексте углубления глобализации и расширения международной интеграции. Нами предлагается определить промышленную политику как систему принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности и связанных с ней сферах деятельности, посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, включающей: совершенствование структуры промышленного комплекса за счет управления распределением ресурсов; формирование связей между экономическими субъектами для совместной работы рыночных и нерыночных структур по генерации новых знаний, быстрого и эффективного трансфера знаний и их коммерческого освоения; создание и поддержание конкурентной среды на рынках промышленной продукции; механизмы поддержания конкурентоспособности отечественной промышленной продукции на национальном и мировых рынках; корректировки рыночных механизмов в случаях, когда они не срабатывают; поддержания приемлемых социальных, экономических и экологических стандартов.

Представленная расширительная трактовка, в отличие от существующих подходов, определяющих промышленную политику как субъект-объектные отношения внутри государства, позволила рассмотреть формирование и развитие промышленной политики как динамичный, итеративный процесс координирующего взаимодействия ее субъектов по регулированию, соподчинению и согласованию их интересов и учесть: государство представляет собой не монолитную структуру, а систему различных субъектов регулирования (хотя и имеющих общую цель, но решающих разные задачи и движимых различными интересами); субъектами промышленной политики являются не только национальные, но и зарубежные участники промышленной деятельности; национальная промышленная политика, в условиях глобализации международных экономических отношений и активизации интеграционного взаимодействия, объективно становится объектом согласования с промышленными политиками стран партнеров, при этом риски неопределенности взаимодействия между субъектами согласовываемых политик значительно возрастают.

Выводы. Таким образом, развитие теории региональной экономической интеграции за счет включения в нее феномена согласования промышленных политик как способ разрешения конфликтности современных международных экономических отношений, заключающееся в:

– уточнении понятия современной промышленной политики в контексте углубления глобализации и расширения международной интеграции, как системы принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности и связанных с ней сферах деятельности, посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, которая позволила рассмотреть государства-члены интеграционного объединения не как монолитные структуры, а как системы различных субъектов регулирования (хотя и имеющих общую цель, но решающих разные задачи и движимых различными интересами);

– расширении субъектов национальной промышленной политики за счет включения в их число транснациональных корпораций, международных финансовых организаций и промышленных лобби зарубежных стран, связанное с развитием современных экономических отношений в промышленности на основе интеграции промышленных предприятий в международные цепочки добавленной стоимости, в ходе которой меняется

качество взаимодействия предприятия с контрагентами. Включение новых субъектов позволяет реализовать заинтересованности государства в количественном и качественном углублении международной промышленной кооперации и интеграции, привлечении иностранных инвестиций и развитии международного трансфера инноваций, однако приводит к существенному росту рисков неопределенности взаимодействия между субъектами и сложности их координации;

– раскрытию качественного изменения роли и места промышленных политик в системе международных экономических отношений, обусловленного трансформацией интересов субъектов промышленной активности, интегрированных в международные цепочки добавленной стоимости, которые, в условиях глобализации экономических отношений, выходят за рамки национальных и приобретают статус международных, что повышает роль и вызывает объективную необходимость согласованного взаимодействия государств в области межгосударственной координации и субординации промышленных политик для более эффективного и оперативного решения задач развития их промышленных комплексов, а также нейтрализации рисков несогласованности интересов взаимодействующих субъектов.

Список использованных источников

1. World Investment Report, 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. - New York and Geneva: United Nations, 2013. - pp. 213-217.
2. Кербян, А. С. Роль ТНК в международном производстве: особенности 2000-х гг. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук Специальность 08.00.14 - Мировая экономика. – Москва, 2013. – С. 7.
3. Miozzo, M. Transnational Corporation, industrial policy and the “war of incentives”: the case of the argentine automobile industry // development A. change. Hague, 2000. Vol. 31, №3. P. 651-677
4. Вернер Клаус Вайс Ганс. Черная книга корпораций [Электронный ресурс] / Ультра. Культура, 2007. - Режим доступа: https://royal-lib.com/book/verner_klaus/chernaya_kniga_korporatsiy.html. – Дата доступа: 05.01.2019.
5. Промышленная политика европейских стран Доклады Института Европы / [под ред. Н.В. Говоровой.]. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2010. – 214 с.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура (пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана). – М.: Государственный университет "Высшая школа экономики", 2000. – 607 с.
7. О промышленной политике Европейского союза / Портал внешнеэкономической информации / Министерство экономического развития Российской Федерации – Режим доступа: www.ved.gov.ru/reg/info/documentation/search_documents/?action=showproduct&id=3745&parent=0&start=57. – Дата доступа: 10.01.2019.
8. An Integrated Industrial Policy for the Globalisation Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage, Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2010) 614
9. Руденкова, Д. Э. Лоббизм в европейском союзе: политические аспекты регулирования / Дис... канд. полит. наук: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. - Москва, 2016. – 198 с.
10. Гурский, В. Л. Согласование интересов субъектов промышленной политики как основа разрешения противоречий в процессе международного промышленного сотрудничества стран ЕАЭС / В.Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; ред. кол. С.Ю. Солодовников [и др.]. - Минск, 2017. - Выпуск № 5. - С. 336-351
11. Гурский, В. Л. Согласование интересов субъектов промышленной политики как основа разрешения противоречий в процессе международного промышленного сотрудничества стран ЕАЭС / В.Л. Гурский // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. – 2017. – Вып. 5. - С. 336-351.

12. European Commission. Green Paper (COM) 194 final on European Transparency Initiative [Electronic resource]. – Mode of access: http://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com2006_194_en.pdf (accessed: 12.04.2016) – Date of access: 16.01.2019.

13. Hauser H., European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // Berkeley Journal of International Law. 2011. Vol. 29 (2). P. 692.

14. Christiansen, Th. The European Commission: the European Executive Between Continuity and Change // European Union: Power and Policy Making / Ed. J. Richardson. Routledge, 2005. - 408 p.

15. Bouwen, P Corporate Lobbying in the European Union: The Logic of Access // Journal of European Public Policy. 2002. № 9 (3). P. 365-390.

16. Договор о Евразийском экономическом союзе г. Астана, от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Мин. экономики Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: economy.gov.ru/minec/about/structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union. – Дата доступа: 25.12.2017.

17. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая ко-

миссия. – Москва, 2014. – 216 с. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/documents/eaes_voprosy_otvety.pdf. – Дата доступа: 20.12.2017.

18. Paul-gilbert Colletaz Introducing the European Union: Between Supranationalism and Intergovernmentalism [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <https://euroculturer.eu/2013/11/04/introducing-the-european-union-between-supranationalism-and-intergovernmentalism/>. – Дата доступа: 20.12.2017.

19. Гурский, В.Л. Согласование интересов субъектов промышленной политики как основа разрешения противоречий в процессе международного промышленного сотрудничества стран ЕАЭС / В.Л. Гурский // Экономическая наука сегодня. – 2017. – Вып. 5. – С. 336–351.

20. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года / Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28. - Москва, 2015.

21. Гурский, В.Л. Моделирование процесса согласования промышленной политики стран ЕАЭС / В.Л. Гурский // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. - Минск, 2016. - № 2. - С. 121-134

Статья поступила в редакцию 31 января 2019 года

THE ROLE OF COORDINATION OF INDUSTRIAL POLICIES OF MEMBER STATES INTEGRATION ASSOCIATIONS IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

V. L. Hursky

vhurski@yandex.ru

PhD in Economic sciences, Associate Professor,

Head of the department « Economic of housing and utilities sector»

Institute of the Housing and Communal Services

Minsk, Republic of Belarus

The article discusses the phenomenon of coordination of industrial policies as a way to resolve the conflict of modern international economic relations. The concept of modern industrial policy in the context of deepening globalization and expansion of international integration is clarified. It is proposed to expand the number of subjects of industrial policy by including transnational corporations, international financial organizations and industrial lobbies of foreign countries. The qualitative changes in the system of international economic relations due to the transformation of the interests of the subjects of industrial interaction are revealed, which increases the role of national industrial policies and causes an objective need for their inter-state coordination and subordination.

Keywords: industrial policy; globalization; international integration; EAEU; TNK; industrial lobby; coordination of industrial policies.

References

1. World Investment Report, 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. - New York and Geneva: United Nations, 2013. - pp. 213-217.
2. Kerobyan, A. S. Rol' TNK v mezhdunarodnom proizvodstve: osobennosti 2000-h gg. avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ehkonomicheskikh nauk Special'nost' 08.00.14 - Mirovaya ehkonomika. - Moskva, 2013. - S. 7.
3. Miozzo, M. Transnational Corporation, industrial policy and the "war of incentives": the case of the argentine automobile industry // development A. change. Hague, 2000. Vol. 31, №3. P. 651-677
4. Verner Klaus Vajs Gans - CHernaya kniga korporacij [EHlektronnyj resurs] / Ul'tra. Kul'tura, 2007. - Rezhim dostupa: https://royal-lib.com/book/verner_klaus/ chernaya_kniga_korporatsiy.html
5. Promyshlennaya politika evropejskikh stran Doklady Instituta Evropy / [pod red. N.V. Govorovoj.]. - M. : In-t Evropy RAN : Rus. souvenir, 2010. - 214 s.
6. Kastel's, M. Informacionnaya ehpoza. EHkonomika, obshchestvo i kul'tura (per. s angl. pod nauch. red. O.I. SHkaratana). - M.: Gosudarstvennyj universitet "Vysshaya shkola ehkonomiki", 2000. - 607 s.
7. O promyshlennoj politike Evropejskogo soyuza / Portal vneshneehkonomicheskoy informacii / Ministerstvo ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii http://www.ved.gov.ru/reg/info/ documentation/ search_documents/?action= showproduct&id =3745&parent=0&start=57
8. An Integrated Industrial Policy for the Globalisation Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage, Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2010) 614
9. Rudenkova, D. EH. Lobbizm v evropejskom soyuze: politicheskie aspekty regulirovaniya / Dis... kand. polit. nauk: 23.00.02 - Politicheskie instituty, processy i tekhnologii. - Moskva, 2016. - 198 s.
10. Gurskij, V.L. Soglasovanie interesov sub"ektov promyshlennoj politiki kak osnova razresheniya protivorechij v processe mezhdunarodnogo promyshlennogo sotrudnichestva stran EAEHS / V.L. Gurskij // EHkonomicheskaya nauka segodnya: sb. nauch. st. - 2017. - Vyp. 5. - S. 336-351
11. Gurskij, V.L. Soglasovanie interesov sub"ektov promyshlennoj politiki kak osnova razresheniya protivorechij v processe mezhdunarodnogo promyshlennogo sotrudnichestva stran EAEHS / V.L. Gurskij // EHkonomicheskaya nauka segodnya: sb. nauch. st. / BNTU; red. kol. S.YU. Solodovnikov [i dr.]. - Minsk, 2017. - Vypusk № 5. - S. 336-351.
12. European Commission. Green Paper (COM) 194 final on European Transparency Initiative [Electronic resource]. - Mode of access: http://europa.eu/documents/ comm/green_papers/pdf/ com2006_194_en.pdf (accessed: 12.04.2016)
13. Hauser, H. European Union Lobbying Post-Lisbon: An Economic Analysis // Berkeley Journal of International Law. 2011. Vol. 29 (2). P. 692.
14. Christiansen, Th. The European Commission: the European Executive Between Continuity and Change // European Union: Power and Policy Making / Ed. J.Richardson. Routledge, 2005. - 408 p.
15. Bouwen, P. Corporate Lobbying in the European Union: The Logic of Access // Journal of European Public Policy. 2002. № 9 (3). R. 365-390.
16. Dogovor o Evrazijskom ehkonomicheskome soyuze g.Astana, ot 29 maya 2014 goda [EHlektronnyj resurs] / Oficial'nyj sajt Min. ehkonomiki Resp. Belarus'. - Minsk, 2014. - Rezhim dostupa: economy.gov.ru/minec/about/ structure/depsng/agreement-eurasian-economic-union. - Data dostupa: 25.12.2017.
17. Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz. Voprosy i otvety. Cifry i fakty. [EHlektronnyj resurs] / Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. - Moskva, 2014. - 216 s. - Rezhim dostupa: http://www.eurasiancommission.org/ru/ documents/eaes_voposy_otvety.pdf. - Data dostupa: 20.12.2017.
18. Paul-gilbert Colletaz. Introducing the European Union: Between Supranationalism and Intergovernmentalism [EHlektronnyj resurs] . - Rezhim dostupa: eurocultur.eu/2013/11/04/introducing-the-european-union-between-supranationalism-and-intergovernmentalism/. - Data dostupa: 20.12.2017.

19. Gurskij, V.L. Soglasovanie interesov sub"ektov promyshlennoj politiki kak osnova razresheniya protivorechij v processe mezhdunarodnogo promyshlennogo sotrudnichestva stran EAEHS // Ekonomicheskaya nauka segodnya: sb. nauch. st. – Minsk, 2017. – Vyp.5. - S. 336-351.

20. Osnovnye napravleniya ehkonomicheskogo razvitiya EAEHS do 2030 goda / Reshenie Vysshego Evrazijskogo ehkonomicheskogo

soveta ot 16 oktyabrya 2015 g. № 28. - Moskva, 2015. - S. 18

21. Gurskij, V.L. Modelirovanie processa soglasovaniya promyshlennoj politiki stran EAEHS / V.L. Gurskij // Sacyal'na-ehknamichnyya i pravavyya dasledavanni. - Minsk, 2016. - № 2. - S. 121-134.

УДК 338.2

ББК 65.05

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

А. И. Короткевич

Alexeyk75@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой банковской экономики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Фан Юй

аспирант кафедры экономической теории
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрена инновационная деятельность в современной системе научно-технического предпринимательства, проведено сравнение отдельных показателей оценки уровня технологического развития экономики и инновационной деятельности научно-технических предприятий Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2017 г., предложены рекомендации для Республики Беларусь по повышению эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства страны с учетом опыта формирования инновационной модели Китайской Народной Республики и развития инновационной деятельности в технологической сфере.

Ключевые слова: национальная экономическая система, инновационная деятельность, система научно-технического предпринимательства, инновационная активность, инновационных потенциал, субъекты инновационной инфраструктуры, стартапы.

Введение. Важнейшим фактором формирования эффективной национальной экономической системы любой страны является высокий уровень инновационной активности и восприимчивости субъектов хозяйствования, который, в свою очередь, напрямую зависит от качества организации инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства, ее стимулирования, правового и организационно-экономического обеспечения на всех уровнях государственного управления экономики. При этом, инновационная деятельность в системе научно-технического предпринимательства представляет собой самостоятельную, осуществляемую на свой риск субъектами экономических отношений (как с образованием, так и без образования юридического лица) экономическую деятельность, направленную на систематическое получение прибыли (дохода) в процессе разработки и внедрения новых и новейших технологий и продуктов [1, с. 82]. Говоря о научно-техническом предпринимательстве как социально-экономической системе, представляющей собой динамично развивающуюся сферу и включающей ряд ключевых элементов, таких как научно-технические предприниматели, корпорации, государство, субъекты инновационной инфраструктуры, представители научно-технической сферы, в том числе вузовской и академической науки, и др., взаимодействующих между собой в процессе инновационной деятельности, необходимо отметить важность успешной организации этого взаимодействия, обеспечивающего эффективность инновационной деятельности на всех этапах жизненного цикла ее

реализации. Сегодня, к сожалению, не представляется возможным констатировать, что эффективность инновационной деятельности в Республике Беларусь, в том числе в системе научно-технического предпринимательства, находится на высоком уровне, который с нашей точки зрения, не соответствует интеллектуальному, научно-техническому и производственному потенциалу страны, и существенно ниже уровня Китайской Народной Республики. В связи с этим сегодня по-прежнему остро стоит проблема вовлечения данных активов, определяющих инновационный потенциал страны в инновационную деятельность Республики Беларусь, совершенствования механизмов ее реализации в системе научно-технического предпринимательства, в том числе опираясь на опыт в данной сфере Китайской Народной Республики

Результаты и их обсуждение. В соответствии с Глобальным рейтингом инноваций 2018 г. Беларусь находится сегодня на 86 месте из 126 стран, оставаясь по-прежнему худшей инновационной экономикой Европы. При этом КНР в аналогичном рейтинге занимает 22 место, улучшив только за последний год свое положение на 5 позиций. По большинству показателей уровня технологического развития экономики и инновационной деятельности научно-технических предприятий Китайская Народная Республика заметно опережает Республику Беларусь (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение отдельных показателей оценки уровня технологического развития экономики и инновационной деятельности научно-технических предприятий Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2017 г.

Наименование показателя	Значение показателя		Отклонение, +, –
	Беларусь	Китай	
Расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП (научоёмкость ВВП), %	0,59	2,15	-1,56
Количество исследователей на 1 млн жителей, человек	1799	1205	594
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в стране, в расчете на 10 000 человек населения)	0,5	9,8	-9,3
Удельный вес инновационно-активных организаций промышленности, %	21,0	50,6	-29,6
Доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, %	5,5	40,0	-34,5
Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, %	17,4	16,1	1,3
Удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	2,1	28,9	-26,8

Источник: рассчитано на основе данных статистических служб Республики Беларусь и Китайской Народной Республики

Как видно из представленной в таблице 1 информации расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП, т.е. наукоёмкость ВВП в Беларуси составили в 2017 г. 0,59 %, при 2,15 % в Китае, что ниже порога

экономической безопасности в 1%, и как обосновывается в работе [2], недостаточность финансирования инновационной деятельности является сдерживающим фактором развития и более полного задействования интеллектуального, научно-технического и производственного потенциала Республики Беларусь.

Наряду с наукоемкостью ВВП к показателям, характеризующим условия и потенциал повышения эффективности инновационной деятельности, можно отнести количество исследователей, коэффициент изобретательской активности и удельный вес инновационно-активных организаций промышленности. Особенно необходимо отметить тот факт, что при существенно большем количестве исследователей на 1 млн жителей в Республике Беларусь по сравнению с КНР, коэффициент изобретательской активности, определяемый как число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в стране, в расчете на 10 000 человек населения, в КНР в разы превышает значение аналогичного показателя Республики Беларусь. Как видно из таблицы 1 при 1799 исследователей на 1 млн жителей в Республике Беларусь в КНР значение этого показателя составляет лишь 1205 исследователей, что в 1,5 раза меньше. Однако при этом коэффициент изобретательской активности в КНР почти в 20 раз выше, чем в Республике Беларусь, что свидетельствует о существенно более высоком уровне вовлечения интеллектуального и научно-технического потенциала КНР в инновационную деятельность в системе научно-технического предпринимательства.

Не лучше выглядит картина для Республики Беларусь и с удельным весом инновационно-активных организаций в общем числе обследованных организаций промышленности. Так если в КНР значение данного показателя в 2017 г. составило 50,6 %, то в Республике Беларусь всего 21,0 %.

В качестве показателей, характеризующих результативность инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства можно выделить такие, как доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности и удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта. Как видно из представленной в таблице 1 информации, за исключением удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промышленности, значение которого в КНР и Республике Беларусь находятся примерно на одном уровне, по двум другим показателям КНР также существенно опережает Республику Беларусь.

Таким образом, на основе проведенного сравнения отдельных показателей оценки уровня технологического развития экономики и инновационной деятельности научно-технических предприятий Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2017 гг. можно констатировать, что КНР сегодня существенно опережает Республику Беларусь по уровню инновационной активности и эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства. И как отмечено в работе [1] в качестве основных рекомендаций для Республики Беларусь по повышению эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства страны с учетом опыта формирования инновационной модели Китайской Народной Республики и развития инновационной деятельности в технологической сфере можно сформулировать следующие:

1. В связи с тем, что недостаточность финансирования инновационной деятельности является сдерживающим фактором развития и более полного задействования интеллектуального и научно-технического потенциала Республики Беларусь, одним из приоритетных направлений повышения степени инновационности экономики является увеличение наукоемкости ВВП в краткосрочной периоде до уровня не менее 1 %, а в более

длительной перспективе до 2%. Реализация данного направления предполагает, прежде всего, активизацию роли государства в финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и создание стимулов для субъектов хозяйствования их осуществляющих.

2. Для повышения инновационной активности научно-технических предприятий и активизации предпринимательства в инновационной сфере необходимо создание эффективного механизма взаимодействия между представителями научно-технической сферы, учеными и организациями реального сектора экономики, прежде всего, за счет обеспечения вовлеченности субъектов инновационной инфраструктуры в системное повышение экономической эффективности и инновационной активности существующих организаций и создание новых.

3. Создание и развитие института венчурного финансирования как важнейшего инструмента инвестирования в создание малых высокотехнологичных перспективных компаний, ориентированных на разработку и производство наукоёмких и высокотехнологичных продуктов, а также обеспечение соответствующей поддержки стартап-проектов, направленной на стимулирование инновационной деятельности в сфере научно-технического предпринимательства.

Остановимся более подробно на рассмотрении второй и третьей вышеприведенных рекомендаций по повышению эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства Республики Беларусь, которые должны лечь в основу соответствующих механизмов ее реализации.

Говоря о существующих проблемах в инновационной сфере Республики Беларусь, речь идет, прежде всего, о невысокой инновационной активности и восприимчивости организаций, низкой степени взаимодействия субъектов хозяйствования и представителей научно-технической сферы по поводу устранения проблем, требующих решений инновационного характера. Особо необходимо отметить, что повышение эффективности инновационной деятельности предполагает смещение акцентов ее реализации на региональный уровень, что обусловлено различием областей Республики Беларусь с точки зрения их инвестиционной привлекательности и инновационной активности, инновационного и ресурсного потенциала, в том числе, состояния инфраструктуры и основных средств, состава, структуры и квалификации персонала, финансово-экономического положения различных видов экономической деятельности и входящих в них отдельных компаний, технического и технологического уровня производства, состояния научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и др.

Низкий уровень взаимодействия между производственными организациями и представителями интеллектуального потенциала, можно объяснить, в том числе, отсутствием систематически организованных постоянных контактов, незнание субъектами этих сторон проблем и возможностей друг-друга. К тому же, подавляющее большинство субъектов хозяйствования индифферентны к инновациям. При этом индифферентность потенциальных потребителей инноваций обусловлена следующими причинами [3, с. 111]:

1. Отсутствует понимание необходимости внедрения инноваций (лица, принимающие решения (ЛПР), не обладают квалификацией, необходимой для актуализации мотивации по обеспечению деятельности, направленной на повышение инновационной восприимчивости организации).

2. Отсутствует экономический механизм, стимулирующий внедрение инноваций (лица, принимающие решения, не видят прямой связи, в силу того, что зачастую она отсутствует, между внедрением инноваций и эффективностью деятельности организации, а соответственно и возможным повышением своего благосостояния).

В силу вышеприведенных обстоятельств, взаимодействие между представителями научно-технической и производственной сферами носит слабо выраженный, фрагментарный характер. Если схематично изобразить региональный рынок инноваций, то условно получится следующая картина (рисунок 1).

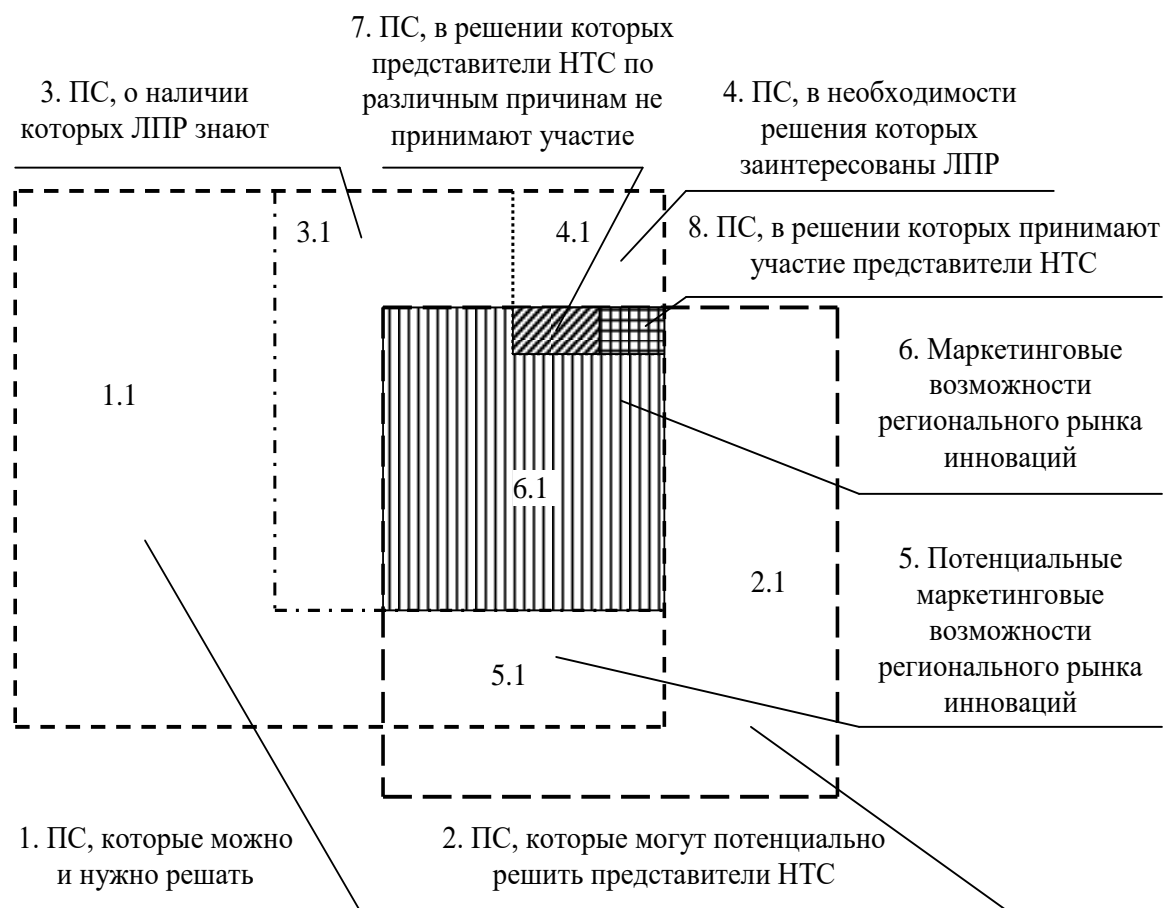

Рисунок 1 – Маркетинговые возможности регионального рынка инноваций
 Источник: [3, с. 112]

При этом на приведенной на рисунке 1 схеме полученные ситуации можно интерпретировать следующим образом:

1. ПС (проблемные ситуации, требующие решений инновационного характера), которые необходимо решать для повышений эффективности производства, улучшения качества продукции, снижения ее себестоимости, повышения конкурентоспособности организаций и т.д.

1.1. ПС, которые необходимо решать, однако ЛПП (лица принимающие решения) не знают или имеют отдаленное представление о наличии таковых, а представители НТС (научно-технической сферы) региона не имеют предметной подготовки и (или) необходимой квалификации для их решения

2. ПС, которые могут потенциально решить представители НТС региона.

2.1. ПС, которые могут потенциально решить представители НТС региона, однако отсутствует видимое наличие таковых ПС в регионе.

3. ПС, о наличии которых ЛПП знают.

3.1. ПС, о наличии которых ЛПР знают, но не имеют сколь-нибудь значимой мотивации для принятия мер по их решению, а представители НТС региона не имеют предметной подготовки и (или) необходимой квалификации для решения этих ПС.

4. ПС, в необходимости решения которых заинтересованы ЛПР.

4.1. ПС, в необходимости решения которых заинтересованы ЛПР, однако представители НТС региона не имеют предметной подготовки и (или) необходимой квалификации для решения этих ПС.

5. Потенциальные маркетинговые возможности регионального рынка инноваций, т.е. ПС которые необходимо решать, а представители НТС региона имеют предметную подготовку и (или) квалификацию, необходимую для решения этих ПС.

5.1. ПС которые необходимо решать и представители НТС региона имеют предметную подготовку и (или) квалификацию, необходимую для решения этих ПС, однако ЛПР не знают об их существовании.

6. Маркетинговые возможности регионального рынка инноваций, т.е. ПС о наличии которых ЛПР знают, а представители НТС региона имеют предметную подготовку и (или) квалификацию, необходимую для решения этих ПС.

6.1. ПС, которые могут потенциально решить представители НТС региона, а ЛПР хотя и знают о наличии таковых ПС, но не имеют сколь-нибудь значимой мотивации для принятия мер по их решению.

7. ПС, в решении которых ЛПР заинтересованы, а представители НТС хотя и имеют предметную подготовку и (или) квалификацию, необходимую для решения этих ПС, но по различным причинам не принимают участие в их решении (отсутствует информация о наличии ПС у представителей НТС, производственные организации не в состоянии оплатить услуги представителей НТС по решению ПС и др.).

8. ПС, в решении которых принимают участие представители НТС.

Мировой опыт свидетельствует, что в современных условиях успешно решать проблемы инновационного развития страны без государственной поддержки, без эффективного управления научно-технической деятельностью, невозможно. Эффективное развитие научно-инновационной сферы зависит от деятельности органов власти как республиканского уровня, так и местных органов власти. В то же время инновационная деятельность по природе своей тяготеет к децентрализованному управлению, а ее эффективность во многом облегчается географической приближенностью источников и получателей технологий. Участие региональных властей является одним из факторов эффективного осуществления инновационных процессов в обществе.

Представленная на рисунке 1 схема отражает комплекс проблем, возникающий в процессе взаимодействия (или его отсутствии) между представителями НТС и производственными организациями по поводу реализации инновационной деятельности, выработки решений по устранению ПС, требующих решений инновационного характера. Одной из основных причин наличия подобного рода проблемы является отсутствие действенного организационно-экономического механизма реализации инновационной деятельности, позволяющего системно повышать экономическую эффективность существующих организаций и создавать новые путем инициализация инновационной активности в регионах республики. Речь идет, в том числе, и о слабой развитости инновационной инфраструктуры, призванной обеспечивать выявление и объединение усилий, заинтересованных друг в друге представителей научно-технической сферы и субъектов хозяйствования, для решения проблем инновационного характера. Необходимо, также создание действенной инновационной системы, представляющей собой совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерциализацией научных знаний и технологий, а именно, малых и крупных компаний, университетов,

лабораторий, субъектов инновационной инфраструктуры (научно-технологических парков, центров трансфера технологий и венчурных компаний), инкубаторов и комплекса институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих инновационные процессы.

В областных субъектах инновационной инфраструктуры, основная цель создания и функционирования которых является инициализация инновационной активности в регионе путем выявления и объединения усилий, заинтересованных друг в друге представителей научно-технической сферы и субъектов хозяйствования для решения проблем инновационного характера, в том числе путем создания высокотехнологичных и наукоемких инновационных производств [3]*, организуются центры научно-технологических и маркетинговых исследований, финансируемые, прежде всего, за счет государства. Основную часть состава работников этих центров должны составлять инженеры и научные работники, обладающие специальными знаниями в различных областях, прежде всего, промышленного производства. Главная цель их работы состоит в формировании и постоянной актуализации стратегии управления как инновационной, так и инвестиционной деятельностью региона, так как инновации всегда сопряжены с инвестициями, на базе сформированных целевых направлений его развития в соответствии с выявленными конкурентными преимуществами на основе ресурсного потенциала и рыночных возможностей административно-территориального образования. Одним из важнейших результатов разработки и реализации стратегии управления инвестиционно-инновационной деятельностью региона, прежде всего, должно стать определение с учетом его специфики наиболее перспективных продуктов для производства и его организация, создание проектных разработок новых продуктов [5, с. 97].

Соответственно, необходимым условием выхода из сложившейся ситуации технологического и управленческого отставания является реорганизация существующих субъектов инновационной инфраструктуры таким образом, чтобы они исполняли главную роль своей деятельности – быть активным посредником между предприятиями и создателями новых технологий, изобретений, товаров, идей. Быть активным означает, что нельзя надеяться только на инициативу со стороны предприятий, требуется самим определять их проблемные ситуации и находить тех представителей научно-технической сферы, которые способны их разрешить. Важно создать независимые научно-технологические и маркетинговые центры и при этом переломить мнение о том, что маркетинг – это только работа экономиста по организации продаж и анализу рынков. Сегодня наиболее актуальной является работа по анализу того, что должны и могут производить предприятия с точки зрения долгосрочных перспектив их развития. Для проведения указанной работы необходимо задействовать инженеров и научных работников, возможно приглашая иностранных специалистов.

В работе [4] представлены основные виды работ и ожидаемые результаты разработки и реализации стратегии управления инвестиционно-инновационной деятельностью области, основанные на укрупненной модели стратегического управления национальной экономической системой Республики Беларусь. Представленный в указанной работе план разработки и реализации стратегии управления инвестиционно-инновационной деятельностью региона, включающий наименование работ, их содержание и ожидаемый результат, может быть использован для любого территориально-отраслевого об-

* В указанной работе рассмотрены цели, задачи, принципы и функции деятельности субъектов региональной инновационной инфраструктуры, направления и организация их работы, экономические аспекты функционирования и другие вопросы создания и развития субъектов региональной инновационной инфраструктуры

разования, кластера и т.п. для целей обоснования и формирования инвестиционно-инновационных стратегий их развития и должен лечь в основу механизмов реализации инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства Республики Беларусь.

Следующим направлением повышения эффективности инновационной деятельности, как уже отмечалось выше, является создание и развитие института венчурного финансирования как важнейшего инструмента инвестирования в создание малых высокотехнологичных перспективных компаний, ориентированных на разработку и производство наукоёмких и высокотехнологичных продуктов, а также обеспечение соответствующей поддержки стартап-проектов, направленной на стимулирование инновационной деятельности в сфере научно-технического предпринимательства. Так, несмотря на принятие и уже длительное действие Указа Президента Республики Беларусь от 03.01.2007 №1 «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры», в соответствии с которым венчурная организация – коммерческая организация, создаваемая для осуществления инвестиционной деятельности в сфере создания и реализации инноваций, а также финансирования венчурных проектов, венчурная деятельность в Республике Беларусь так и не получила своего должного распространения.

Венчурное финансирование, по сути, представляющее собой инвестиции в высокорисковые инновационные проекты, направленные на производство новых товаров и услуг, разработку новой техники и технологий. Подобного рода проекты финансируются венчурными фондами и инвесторами с расчетом на высокую финансово-экономическую отдачу в случае успеха реализации проекта. При этом, являясь важнейшим источником финансирования стартап-проектов, которые в свою очередь формируют основу инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства, венчурный капитал в Республике Беларусь не получил сколь-нибудь значимых организационных форм. При этом из всего многообразия факторов юридического, организационного, финансового характера, сдерживающих активизацию венчурной деятельности [6, с. 92–93], остановимся на проблемах финансирования продуктов и технологий, создаваемых, прежде всего, в рамках стартапов, а также на вопросах организации и реализации самих стартап-проектов.

Одним из направлений формирования необходимых условий для активизации венчурного финансирования стартапов и эффективной организации и реализации стартап-проектов с учетом высокого их риска является внедрение в Республике Беларусь шкалы оценки уровней готовности технологий (УГТ) [7, 8] как перспективного механизма унификации и стандартизации описания различных стадий процесса создания техники, технологий и продуктов, определения научно-технического задела в этой сфере с подтвержденным уровнем требуемых характеристик и степени рисков производства.

Уровень готовности технологии (УГТ) – «это характеристика соответствия конкретной технологии уровню ее зрелости от идеи до серийного производства, выражающаяся в определенном научном, научно-техническом или производственном результате, измеряемая соответствующими показателями результативности и соответствующая определенному диапазону вкладываемых бюджетных средств» *. В свою очередь, шкала УГТ представляет собой наименования определенных стадий жизненного цикла объекта разработки, изготовленного последовательно по лабораторной, опытной, промышленной полномасштабной технологии, от идеи до постановки на производство. При этом

* Методика определения уровней готовности технологии в рамках проектов федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014–2020 годы»

шкала УГТ характеризуется соответствующими уровнями, где 0 – это начальный уровень, 9 – наивысший уровень зрелости и готовности технологии.

Шкала УГТ (Technology Readiness Level – TRL) была разработана в США Национальным управлением по воздухоплаванию и исследованию космического пространства (NASA) в 1970–1980-х гг. для обеспечения дифференциации этапов разработки новых технологий (рисунок 2) и в настоящее время достаточно широко используется в организациях США, некоторых европейских компаниях, апробирована Канаде и Японии [8, с. 25].

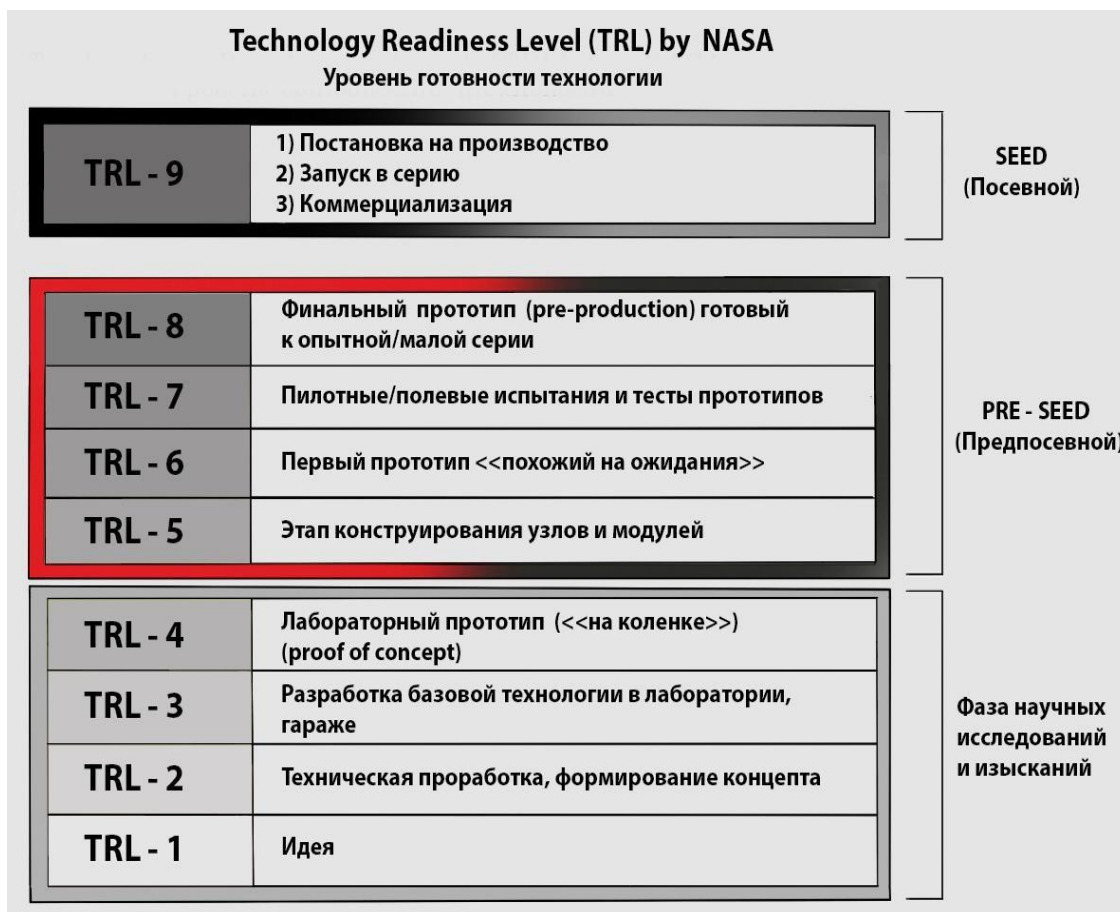

Рисунок 2 – Technology Readiness Level – TRL (уровень готовности технологий)

Каждый из представленных на рисунке 2 УГТ характеризует степень проработанности технологии, направленной на создание продукта. При этом TRL 1–4 соответствует фазе научных исследований и изысканий, характеризующих стадии становления, оценки технологии и испытания; TRL 5–7 – так называемая предпосевная фаза, характеризующая стадию развития или предпроизводство; TRL 8–9 – посевная фаза, характеризующая стадию зрелости и предполагающая осуществление производства.

Таким образом, представленная концепция оценки уровня готовности технологий, производств и т.д., обеспечивает единство понимания стадий процесса создания продуктов и технологий, может быть использована для повышения эффективности организации научно-исследовательских работ, направленных на создание научно-технического задания к определенному сроку. По своей сути УГТ – «это формализованная оценка степени зрелости технологий для практического использования при разработке от идеи до прототипа целостной системы, испытанных в условиях, близких к реальным. Эта технология

применяется достаточно давно в различных отраслях, и мировой опыт показал, что это единственный правильный способ к заданному времени получить правильные технологии и начать производство» [8].

Модель TRL позволяет сделать оценку степени готовности технологии максимально объективной, упрощает участникам инновационного процесса контроль на различных этапах его жизненного цикла и др. При этом, каждому уровню готовности соответствует определенный уровень технико-технологического риска, значение которого снижается пропорционально увеличению степени готовности технологии (рисунок 3).

Рисунок 3 – УГТ в инновационном процессе при разных источниках финансирования с нанесенной шкалой уровня технико-технологических рисков
Источник: авторская разработка на основе [7; 8]

Таким образом, рассмотренный подход к определению УГТ и его внедрение в систему инновационной деятельности позволит всем заинтересованным участникам процесса разработки новых технологий и продуктов проводить унифицированную и достаточно объективную оценку технико-технологических, а на более поздних стадиях реализации проектов и некоторых коммерческих рисков, а также привлекать необходимое финансирование для проведения мероприятий «по «выращиванию», доводке конкретных технологий, то есть по целенаправленному повышению их УГ, а не на абстрактное «развитие отрасли» в целом» [7]. Необходимо также отметить, что диапазон уровней технологической готовности от 4 до 7, в отношении которого иногда употребляется термин «долина смерти» в силу сочетания высоких рисков, необходимости существенных инвестиций и длительного времени их прохождения, требует «участия государства или разделения рисков за счет частно-государственного партнерства, так как заинтересованный круг инвесторов или покупателей при таких рисках крайне узок» [8, с. 30] (рисунок 3). В дальнейшем финансирование TRL 8–9 может обеспечиваться за счет бизнеса.

Следует отметить, что в Республике Беларусь система TRL (УГТ) апробируется компанией ООО «ИнКата» (рисунок 4), являющейся резидентом Парка высоких технологий, а с конца прошлого года и субъектом инновационной инфраструктуры – научно-технологическим парком.

Рисунок 4 – Использование ООО «ИнКата» системы уровней готовности технологии (УГТ или TRL) по классификации NASA

Изначально ИнКата – сервис конструкторской разработки и прототипирования высокотехнологичных стартап-продуктов в различных технических областях. Уникальность и инновационность ИнКата заключается в объединении под одной крышей собственного конструкторского бюро, исследовательского инженерного (R&D) центра, центра прототипирования (металлообработка, пластик, композиты, электроника и др.), а также производственных консультантов, инвесторов и бизнес менторов. Компания оказывает соответствующие услуги стартапам и вовлечена в работу над проектами в передовых областях науки и техники: нанотехнологии, микроэлектроника, аэрокосмические технологии, автоматизация крупных промышленных объектов, силовая электроника, сельское хозяйство, медицинское оборудование, интернет вещей, робототехника. Компания разработала и применяет различные методы поиска, отбора и дальнейшей стимуляции роста hardware стартапов по всему миру, предлагая техническую и финансовую помощь, а также бизнес- и техническую акселерацию стартап проектов на протяжении всего пути – от «идеи» до первого рабочего прототипа и его последующего массового производства, и запуска международных продаж.

Сегодня ИнКата достаточно совершенный инструментарий, собравший под одной крышей офисы разработки, консалтинг и производство. Суть всего процесса заключается в управлении жизненным циклом стартапов, выстраивании потока развития проекта таким образом, чтобы максимально увеличить его шансы на международный успех.

Развитие стартапа и технологий имеют в своих этапах много общего с образовательным процессом. Каждый стартап должен пройти стадию детского сада, затем начальную, среднюю школы и в конце концов стадию выпуска. Все стартапы попадают в EnCata на стадии детского сада (этап идеи и создания первого макета) – это

единственный этап, до которого стартап развивается самостоятельно и который позволяет убедиться, что идея возможна для реализации. Этап начальной школы требует наличие специалиста-ментора, обладающего знаниями не только в области инженерии, но также в области финансов, и понимающего какие инструменты нужны использовать для роста и развития стартапа. Например, для эффективного обучения в начальной школе, недопустимо использование методов контроля знаний посредством тестов и экзаменов подобно университету, соответственно, применяется совершенно иной подход. К сожалению, недостаток осведомленности в различных этапах эволюции стартапа часто приводит к краху проектов. Именно поэтому Инженерный Катализатор берет в расчет все эти аспекты и выстраивает сбалансированный рост стартапов еще на этапе начальной школы.

Этап средней школы – это контроль, проработка и продолжение движения по траектории заданной на предыдущем этапе.

На этапе «выпуска» интересующие компанию проекты могут быть профинансированы через партнерский венчурный фонд. После чего ИнКата развивает стартап внутри собственной инженерно-производственной экосистемы.

Таким образом ИнКата участвует в различных этапах становления молодой компании, однако основная ее специализация – это «начальная школа», так как установление правильного вектора развития – это ключевой момент для любого проекта. С учетом успешности реализации стартап-проектов ООО «ИнКата» приведем основную схему развития (рисунок 5).

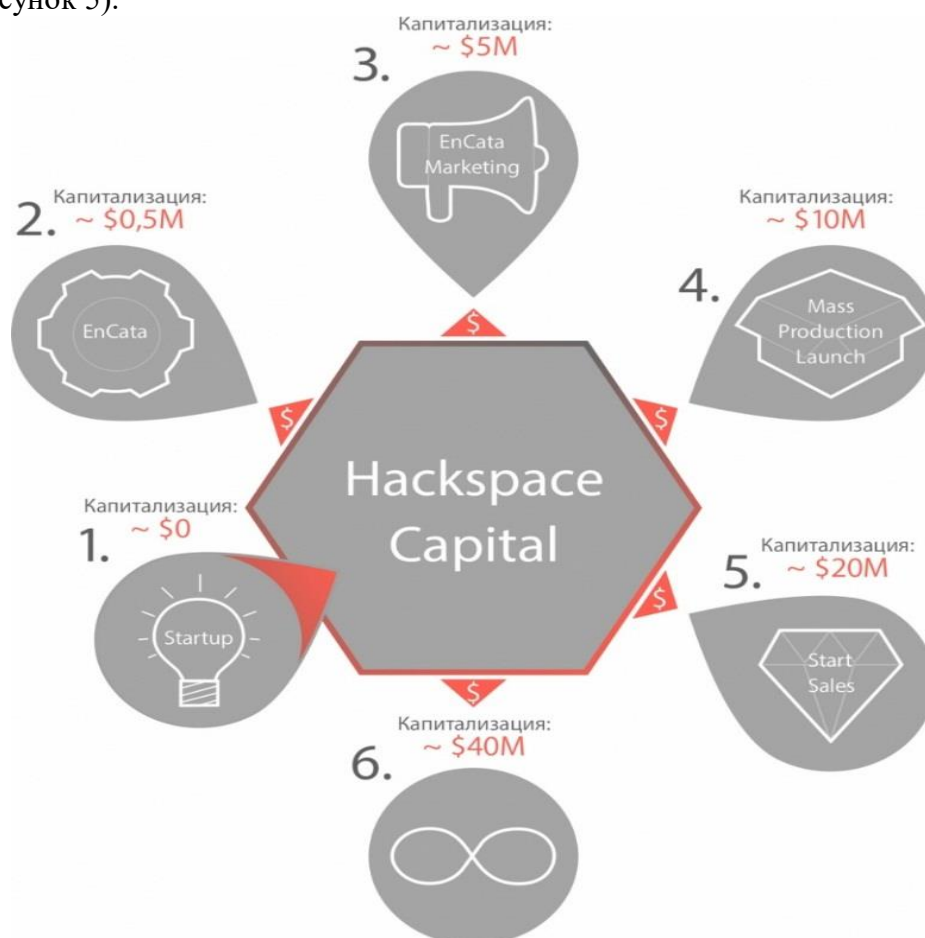

Рисунок 5 – Схема развития стартапа в ООО «ИнКата»

1. Стартап. Большое количество стартап-новичков не до конца понимают, что окончание стадии разработки это лишь начало пути, которое очень далеко от целостной картины. После разработки следуют этапы массового производства и выхода продукта на мировой рынок. Значительная часть компаний не справляется с подобными нагрузками самостоятельно и прекращают своё существование. Hackspace Capital оказывает стартапам комплексную поддержку в виде организации производства и административных процессов, а также бизнес-консалтинга, координации жизненного цикла проекта и маркетинга, тем самым помогая молодой компании без потерь и в кратчайшие сроки достигнуть успеха на рынке.

2. EnCata. EnCata – инновационный сервис конструкторской разработки и один из самых эффективных консультантов, предоставляющий помощь изобретателям в течение наиболее важных этапов жизни проекта: разработка и изготовление прототипа, его предварительная модификация и подготовка к массовому производству. EnCata превращает идею в продукт быстрее и эффективнее, чем любой изобретатель либо стартап, выбравший самостоятельный путь развития. И как уже отмечалось выше, уникальность и инновационность EnCata заключается в объединении под одной крышей собственного конструкторского бюро, исследовательского (R&D) центра, центра прототипирования, а также производственных консультантов и бизнес менторов.

3. EnCata Маркетинг. EnCata Marketing является компанией, предоставляющей полный комплекс рекламных услуг, в перечень которых входят: брендинг, разработка и реализация маркетинговых кампаний, SMM, создание уникального рекламного фото и видео контента, в также подготовка и полное сопровождение краудфандинговых кампаний на различных платформах.

4. Массовое производство. Hackspace Capital полностью подготавливает, организует, контролирует и проводит процесс массового производства.

5. Старт продаж. Используя свои ресурсы, Hackspace Capital помогает стартапу с выводом устройства на мировой рынок и началом продаж.

Выводы. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в Беларуси имеется ряд преград на пути к формированию инновационной экономики, и мы видим сегодня попытки, прежде всего, на республиканском уровне, обеспечить, путем использования различных форм и способов государственного регулирования инновационной деятельности, ее активизацию и повышение эффективности. На основе проведенного сравнения отдельных показателей оценки уровня технологического развития экономики и инновационной деятельности научно-технических предприятий Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2017 гг. можно констатировать, что КНР сегодня существенно опережает Республику Беларусь по уровню инновационной активности и эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства. В качестве основных рекомендаций для Республики Беларусь по повышению эффективности инновационной деятельности в системе научно-технического предпринимательства страны с учетом опыта формирования инновационной модели Китайской Народной Республики и развития инновационной деятельности в технологической сфере предлагается:

– увеличение наукоемкости ВВП в краткосрочной периоде до уровня не менее 1 %, а в более длительной перспективе до 2%. Реализация данного направления предполагает, прежде всего, активизацию роли государства в финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и создание стимулов для субъектов хозяйствования их осуществляющих;

– для повышения инновационной активности научно-технических предприятий и активизации предпринимательства в инновационной сфере необходимо создание эффективного механизма взаимодействия между представителями научно-технической сферы, учеными и организациями реального сектора экономики, прежде всего, за счет обеспечения вовлеченности субъектов инновационной инфраструктуры в системное повышение экономической эффективности и инновационной активности существующих организаций и создание новых;

– создание и развитие института венчурного финансирования как важнейшего инструмента инвестирования в создание малых высокотехнологичных перспективных компаний, ориентированных на разработку и производство наукоёмких и высокотехнологичных продуктов, а также обеспечение соответствующей поддержки стартап-проектов, направленной на стимулирование инновационной деятельности в сфере научно-технического предпринимательства. При этом одним из направлений формирования необходимых условий для активизации венчурного финансирования стартапов и эффективной организации и реализации стартап-проектов с учетом высокого их риска является внедрение в Республике Беларусь шкалы оценки уровней готовности технологий как перспективного механизма унификационного и стандартизационного характера, призванного обеспечить формирование научно-технического задела, представляющего собой совокупность новых технологий, уже достаточно апробированных для того, чтобы подтвердить возможность получения требуемого уровня характеристик и минимизации рисков производства.

Список использованных источников

1. Юй, Фан. Инновационная деятельность в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике и направления повышения ее эффективности в системе научно-технического предпринимательства / Фан Юй // Новая экономика, 2018 – № 2 (72). – С. 75–84.

2. Короткевич, А.И. Инновационный потенциал Беларуси и проблемы его вовлечения в национальную экономику / А.И. Короткевич, А.В. Козлов, Д.В. Шпарун // Наука и инновации – 2015. № 11 (153). – С.37 – 42.

3. Управление инновационными процессами в региональных системах / А. И. Короткевич, Б. В. Лапко [и др.]. – Минск: «Право и экономика», 2008. – 217 с.

4. Короткевич, А.И. Инвестиционно-инновационные стратегии трансформации национальной экономической системы и реализация стратегии инвестиционно-инновационной деятельностью региона / А.И. Короткевич, Д.В. Шпарун, Цымин Сьюй // Новая экономика, 2018 – № 2 (72). – С. 53–58.

5. Короткевич, А.И. Использование модифицированной модели Леонтьева с включением рабочей силы для количественной

оценки реализации сценария структурной трансформации национальной экономической системы Республики Беларусь/ А.И. Короткевич, Д.В. Шпарун, Цымин Сьюй // Новая экономика, 2018. – № 1 (71). – С. 90–111.

6. Бобрович, В. В., Страшинская, А. С. Венчурное финансирование инновационных проектов: пути совершенствования / В. В. Бобрович, А. С. Страшинская // Вестник БГЭУ, 2016 – № 1. – С.90–99.

7. Сливицкий, А.Б. Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ukros.ru/wp-content/uploads/2017/04/ Сливицкий.doc.– Дата доступа: 15.02.2019.

8. Хаматханова, А.М. Готовность к промышленному внедрению как индикатор выбора приоритетных технологических направлений / А.М. Хаматханова // Экономика науки, 2016 – Т. 2, № 1. – С. 23–34.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2019 года

INNOVATIVE ACTIVITY IN THE MODERN SYSTEM SCIENTIFIC AND TECHNICAL ENTERPRISE OF BELARUS AND CHINA: PROBLEMS AND MECHANISMS OF IMPLEMENTATION

A. I. Korotkevich

Alexeyk75@mail.ru

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Banking Economics
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Fan Yu

Postgraduate Student, Department of Economic Theory
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

The article deals with innovation in the modern system of scientific and technological enterprise, comparison of selected indicators to measure the level of technological development and innovation Scientific and technical enterprises of the Republic of Belarus and the people's Republic of China for 2017, recommendations for the Republic of Belarus on enhancing the effectiveness of the innovation in the system of scientific and technological enterprise countries, taking into account the experience of the innovation model of the people's Republic of China and the development of innovation in the technological sphere.

Key words: *the national economic system, innovation, scientific and technological system of entrepreneurship, innovative activity, innovative potential, innovation infrastructure, startups.*

References

1. Juj, Fan. Innovacionnaja dejatel'nost' v Respublike Belarus' i Kitajskoj Narod-noj Respublike i napravlenija povyshenija ee jeffektivnosti v sisteme nauchno-tehnicheskogo predprinimatel'stva / Fan Juj // Novaja jekonomika, 2018 – № 2 (72). – S. 75–84.
2. Korotkevich, A.I., Kozlov, A. V., Shpa-run, D.V. Innovacionnyj potencial Bela-rusi i problemy ego vovlechenija v nacio-nal'nuju jekonomiku / A.I. Korotkevich, A.V. Kozlov, D.V. Shparun // Nauka i innovacii – 2015. № 11 (153). – S.37 – 42.
3. Korotkevich, A. I., Lapko, B. V. i dr Upravlenie innovacionnymi processami v regional'nyh sistemah / A. I. Korotkevich, B. V. Lapko i dr. // Minsk: «Pravo i jekono-mika», 2008. – 217 s.
4. Korotkevich, A.I., Shparun, D.V., Sjuj, C. Investicionno–innovacionnye strate-gii transformacii nacional'noj jekonomi-cheskoj sistemy i realizacija strategii in-vesticionno-innovacionnoj dejatel'nost'ju regiona/ A.I. Korotkevich, D.V. Shparun, Cymin Sjuj // Novaja jekonomika, 2018 – № 2 (72). – S. 53–58.
5. Korotkevich, A.I. Ispol'zovanie mo-dificirovannoj modeli Leont'eva s vklju-cheniem rabochej sily dlja kolichestvennoj ocenki realizacii scenarija strukturnoj transformacii nacional'noj jekonomiche-skoj sistemy Respubliki Bel-arus'/ A.I. Korotkevich, D.V. Shparun, Cymin Sjuj // Novaja jekonomika, 2018 – № 1 (71). – S. 90–111.
6. Bobrovich, V. V., Strashinskaja, A. S. Ven-churnoe finansirovanie innovacionnyh proektov: puti sovershenstvovanija / V. V. Bobrovich, A. S. Strashinskaja // Vestnik BGJeU, 2016 – № 1. – S.90–99.
7. Slivickij, A.B. koncepcija ocenki urovnja gotovnosti tehnologij, proizvodstv kak mehanizm formirovanija edinogo inno-vacionno-tehnolog-icheskogo prostranstva / [http:// ukros.ru/wp-con-tent/ uploads/2017/04/Slivickij.doc](http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/04/Slivickij.doc).
8. Hamathanova, A.M. Gotovnost' k pro-myshlennomu vnedreniju kak indikator vybora prioritetnyh tehnologicheskikh napravlenij / A.M. Hamathanova // Jekono-mika nauki, 2016 – T. 2, № 1. – S. 23–34.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 338.242

ББК 65.050

**СТАНОВЛЕНИЕ КЛАСТЕРНО-СЕТЕВОЙ СРЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВТОРИЧНЫХ МОЛОЧНЫХ РЕСУРСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Е. И. Бахматова**

ebakhmatova@mail.ru

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье исследуются перспективы повышения эффективности использования коммерческого и инновационного потенциала рынка вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь на основе становления кластерно-сетевой среды. Охарактеризованы потенциальные конкурентные преимущества кластерно-сетевой стратификации как на уровне отдельных организаций, отраслей промышленности, так и на уровне национальной экономики в целом. Предложена сетевая концепция кластеризации деловой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь. Представлена схема формальной организации процессов и порядка взаимодействия потенциальных участников кластерно-сетевой среды на различных этапах реализации сетевой концепции кластеризации.

Ключевые слова: бизнес-сеть, коллаборация, кластерная инициатива, кластер, кластерно-сетевая среда, кластеризация, кластерно-сетевая стратификация.

Введение. Эффективному использованию коммерческого и инновационного потенциала рынка вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь могут способствовать развитая система бизнес-сетей и коллаборация молокоперерабатывающих организаций, специализированных предприятий по централизованной переработке, многочисленных потенциальных потребителей готовой продукции на основе вторичного молочного сырья, научных организаций, учреждений образования, государственных органов управления и инновационной инфраструктуры поддержки и содействия. Взаимодействие многочисленных коммерческих, некоммерческих организаций и учреждений на условиях одновременно конкуренции, сетевого сотрудничества и/или коллаборации в процессе становления и развития интенсивно-знаниевой кластерно-сетевой бизнес-среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь будет способствовать достижению конкурентных преимуществ как на уровне отдельных организаций, отраслей промышленности, так и на уровне национальной экономики в целом.

Становление паттернов сетевых коммуникаций и коллаборации дифференцированных субъектов бизнес-среды использования вторичных молочных ресурсов и обусловленное данным процессом формирование на их основе экономических кластеров, имеет перспективы для возникновения различных конфигураций комплементарного соединения ресурсов, генерирования новых знаний, выбора актуальных направлений их развития и получения на этой основе синергетических эффектов повышения инновационной активности, конкурентоспособности и устойчивости бизнес-единиц, отрасли, регионов, национальной экономики в целом. На основе реализации кластерно- сетевого подхода, могут быть созданы уникальные условия для преобразования в отдельном взятом направлении использования вторичных молочных ресурсов индустриального экономического роста с его эффектами экономии на масштабах в постиндустриальный, основанный на эффектах разнообразия.

Результаты и их обсуждение. Взаимодействие многочисленных коммерческих, некоммерческих организаций и учреждений на условиях одновременно конкуренции, сетевого сотрудничества и/или коллаборации в процессе становления и развития интенсивно-знаниевой кластерно-сетевой бизнес-среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь может способствовать достижению конкурентных преимуществ как на уровне отдельных организаций, отраслей промышленности, так и на уровне национальной экономики в целом.

На корпоративном уровне кластерно-сетевая среда может содействовать достижению следующих уникальных конкурентных преимуществ, которые не могут быть достигнуты коммерческими организациями в процессе использования вторичных молочных ресурсов изолированно: производство разнообразного ассортимента кастомизированной готовой продукции на основе вторичного молочного сырья, удовлетворяющего структуре потребности в нем, в том числе на международных рынках сбыта; снижение транзакционных издержек и генерирование отношенческой ренты, совместно извлекаемой в результате межорганизационных взаимоотношений; увеличение уровня глубины и комплексности переработки вторичных молочных ресурсов, добавленной стоимости готовой продукции на их основе; повышение уровня инновационной активности бизнеса и научных организаций за счет создания благоприятной среды для ускоренного генерирования и распространения новых знаний и др.

Подробная характеристика потенциальных конкурентных преимуществ в разрезе акторов кластерно-сетевой среды на различных этапах первичных (основных) и вторичных (вспомогательных) процессов создания стоимости продукции на основе вторичного молочного сырья представлена в таблице 1:

Таблица 1 – Возможные конкурентные преимущества субъектов кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь

Вид субъекта	Конкурентные преимущества на различных этапах создания стоимости		
		первичные (основные) процессы создания стоимости	вторичные (вспомогательные) процессы создания стоимости
поставщики вторичного молочного сырья (молочная отрасль промышленности, в т.ч. предприятия по централизованной переработке)	НИОКР	- доступ к новым технологиям использования вторичных молочных ресурсов;	стратегический менеджмент - повышение имиджа организации; - интенсификация существующих и установление новых деловых контактов; - интенсификация взаимодействия с государственными органами управления; - участие в государственных программах поддержки и содействия;
	производство	- доступ к новой технике, технологиям; - повышение качества вторичного молочного сырья; - экономия экологических затрат; - экономия постоянных затрат за счет расширения масштабов производства;	информационное обеспечение - доступ к консультационно-информационной поддержке в областях, не связанных с кластерно-сетевым развитием (налогообложение, маркетинг, человеческие ресурсы и т.д.);

Продолжение таблицы 1

Вид субъекта	Конкурентные преимущества на различных этапах создания стоимости		
	первичные (основные) процессы создания стоимости		вторичные (вспомогательные) процессы создания стоимости
	сбыт	<ul style="list-style-type: none"> - освоение нового сегмента рынка промышленного сырья; - повышение качества и конкурентоспособности поставляемого вторичного молочного сырья; - выход на новые географические рынки; 	управленческий и производственный учет, производственный менеджмент - доступ к прогрессивным методам управления использованием вторичных молочных ресурсов;
			управление персоналом - привлечение квалифицированной рабочей силы в области использования и управления использованием вторичных молочных ресурсов; - повышение квалификации и переподготовка кадров в области использования и управления использованием вторичных молочных ресурсов;
			финансовый менеджмент - снижение индивидуальных капитальных вложений, эксплуатационных затрат за счет консолидации финансовых ресурсов и диссипации рисков; - повышение финансового результата от основной деятельности; - доступ к финансовым ресурсам (частным, государственным);
			инновационный менеджмент - снижение рисков и сокращение инновационного лага на основе обмена опытом, технологиями, проведения совместных НИОКР и т.д.; - интенсификация существующих и установление новых научных контактов; - интенсификация взаимодействия с инфраструктурными инновационными организациями поддержки и содействия кластерно-сетевому развитию экономики;
потребители вторичного молочного сырья	НИОКР	<ul style="list-style-type: none"> - доступ к новым технологиям использования вторичных молочных ресурсов; 	стратегический менеджмент - повышение имиджа организации; - интенсификация существующих и установление новых деловых контактов на всех этапах цепочки создания ценности; - интенсификация взаимодействия с государственными органами управления; - участие в государственных программах поддержки и содействия;
	снабжение	<ul style="list-style-type: none"> - экономия материальных затрат за счет приобретения сырья, не нуждающегося в дополнительной обработке/ нуждающегося в минимальной дополнительной обработке; 	информационное обеспечение - доступ к консультационно-информационной поддержке в областях, не связанных с кластерным развитием (налогообложение, маркетинг, человеческие ресурсы и т.д.);

Вид субъекта	Конкурентные преимущества на различных этапах создания стоимости			
	первичные (основные) процессы создания стоимости		вторичные (вспомогательные) процессы создания стоимости	
	Производство	<ul style="list-style-type: none"> - доступ к новой технике, технологиям; - повышение добавленной стоимости готовой продукции на основе вторичных молочных ресурсов, глубины и комплексности переработки; - обновление ассортимента; - повышение потребительской ценности традиционных видов продукции пищевой отрасли; - повышение качества продукции на основе вторичных молочных ресурсов; - экономия экологических затрат; - экономия постоянных затрат за счет расширения масштабов; 	<ul style="list-style-type: none"> управленческий и производственный учет, производственный менеджмент 	<ul style="list-style-type: none"> - доступ к прогрессивным методам управления использованием вторичных молочных ресурсов;
		<ul style="list-style-type: none"> - освоение новых сегментов рынка функционального, спортивного, быстрого питания; - выход на новые географические рынки; - использование совместных каналов распределения, товаропроводящей сети. 	<ul style="list-style-type: none"> управление персоналом 	<ul style="list-style-type: none"> - привлечение квалифицированной рабочей силы в области использования и управления использованием вторичных молочных ресурсов; - повышение квалификации и переподготовка кадров в области использования и управления использованием вторичных молочных ресурсов;
			<ul style="list-style-type: none"> финансовый менеджмент 	<ul style="list-style-type: none"> - снижение индивидуальных капитальных вложений, эксплуатационных затрат за счет консолидации финансовых ресурсов и диссипации рисков; - повышение финансового результата от основной деятельности; - доступ к финансовым ресурсам (как частным, так и государственным);
инфраструктурные организации	расширение и обновление перечня оказываемых услуг.	<ul style="list-style-type: none"> инновационный менеджмент 	<ul style="list-style-type: none"> - снижение рисков и сокращение инновационного лага на основе обмена опытом, технологиями, проведения совместных НИОКР и т.д.) - интенсификация существующих и установление новых научных контактов; - интенсификация взаимодействия с инфраструктурными инновационными организациями поддержки и содействия кластерному развитию экономики; 	
		<ul style="list-style-type: none"> - интенсификация взаимодействия государственных органов управления, науки и бизнеса; - участие в государственных программах поддержки и содействия. 		

Источник: собственная разработка.

Охарактеризованные в таблице 1 потенциальные конкурентные преимущества охватывают весь перечень преследуемых выгод от участия в кластере, указанных в качестве ключевых в отчете о функционировании 1 400 кластеров в развивающихся, переходных и развитых экономиках, опубликованном в 2006 г. Бюро экономического роста, сельского хозяйства и торговли Агентства международного развития США [1].

Сетевые и агломерационные экстерналии выступают одновременно побудительными мотивами кластерно-сетевой стратификации в сфере использования вторичных молочных ресурсов. Нельзя недооценивать перспективы содействия кластеризации бизнес-среды использования вторичных молочных ресурсов развитию отраслевой и региональной конкуренции, повышению имиджа отрасли и региона. Региональные и отраслевые преимущества кластерно-сетевой стратификации следуют из возможности возникновения и развития направлений умной специализации в различных регионах Беларуси. Такими направлениями, например, являются производство функционального, спортивного питания, пищевых и фармацевтических компонентов. В отношении существующих отраслей и производств кластерно-сетевая стратификация может выступать катализатором инновационной активности на основе открывающихся возможностей повышения уровня потребительской ценности готовой продукции с использования вторичного молочного сырья.

На уровне национальной экономики в целом кластеризация использования вторичных молочных ресурсов создает возможности для формирования синергетического эффекта в виде: увеличения добавленной стоимости; импортозамещения в таких стратегических направлениях, как производство функционального, спортивного питания, биологически активных добавок на основе лактулозы; повышения экспортного потенциала и появления новых экспорто-ориентированных отраслей промышленности; диверсификации экспортного рынка готовой продукции на основе вторичного молочного сырья (например, в восточном направлении); повышения высокотехнологичности производств, инвестиционной привлекательности бизнеса, имиджа страны.

Кластерно-сетевая стратификация экономики – сложный длительный процесс, форсировать резкое скачкообразное развитие которого малоэффективно. В соответствии с сетевым подходом к кластерной стратификации экономики этот процесс требует последовательного прохождения акторами и бизнес-средой их функционирования стадий, представленных на рисунке 1:

Рисунок 1 – Этапы кластерно-сетевой стратификации бизнес-среды в соответствии с сетевым подходом

Источник: собственная разработка на основе [2; 3; 4]

Сетевой подход к кластерной стратификации экономики служит катализатором становления инновационных кластеров, что подтверждает его актуальность и потенциальную эффективность в контексте формирования инновационно-активной интенсивно-знаниевой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь. Представленная на рисунке 1 общая концепция кластерно-сетевой стратификации должна рассматриваться в качестве фундаментальной как на уровне государственного, так и корпоративного управления в сфере использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь.

В качестве руководящих принципов реализации сетевой концепции кластеризации деловой среды использования вторичных молочных ресурсов должны выступать:

- учет амбивалентного характера вторичных молочных ресурсов, т.е. существования множества потенциальных способов их использования, основанных на прогрессивных кастомизированных решениях на стыке различных отраслей научного знания и видов экономической активности;

- нацеленность на поиск и реализацию направлений умной специализации;

- выбор направлений и формирование оптимальной структуры переработки вторичного молочного сырья путем коллективного принятия решений и достижения межорганизационного консенсуса;

- ведущая роль научных организаций в процессах поиска, обоснования инвестиционно-инновационных проектов переработки вторичных молочных ресурсов, информационно-консультационной поддержки бизнеса;

- ведущая роль университетов в подготовке специалистов в области техники, технологии переработки, нормативно-правового обеспечения и управления процессами кластеризации экономики и т.д.;

- инновационное сотрудничество, обмен информацией, опытом, хайтеграция и взаимообучение в базовых, структурообразующих и инфраструктурных отраслях кластерно-сетевой среды;

- активная позиция государства в отношении поддержки и содействия развития кластерно-сетевой среды и придания ей сетевых характеристик информационной и организационной открытости, горизонтальной связности, инновационной восприимчивости, партнерского доверия и т.д.

Цели реализации сетевой концепции кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов заключается в следующем:

- формирование оптимальной структуры использования вторичных молочных ресурсов, обеспечивающей полное глубокое комплексное использование вторичного молочного сырья и производство на его основе конкурентоспособной, высокотехнологичной, импортозамещающей, экспортоориентированной продукции, относящейся ко второму и третьему уровню добавленной стоимости в соответствии с разработанной и предлагаемой для применения методикой оценки данного показателя;

- повышение конкурентоспособности, коммерческого и инновационного потенциала участников кластерно-сетевой среды на основе реализации эффективных партнерских взаимодействий в процессе использования вторичных молочных ресурсов;

- формирование интенсивно-знаниевой среды использования вторичных молочных ресурсов, способствующей непрерывному запуску и реализации инновационных процессов, совместных проектов коллаборации, обеспечивающей доступ к информации, знаниям, инновациям, технологиям, «ноу-хау» и т.д.;

- улучшение внешнеэкономической интеграции и рост международной конкурентоспособности участников кластерно-сетевой среды за счет их включения в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

Ключевые задачи реализации сетевой концепции становления кластерно-сетевой среды и ее трансформации в устойчиво функционирующий кластер включают:

- определение субъектных границ бизнес-сети использования вторичных молочных ресурсов;
- определение прав и функциональных ролей потенциальных акторов бизнес-сети в сфере использования вторичных молочных ресурсов;
- идентификацию факторов, препятствующих и способствующих формированию кластерно-сетевой среды;
- разработку и применение организационно-экономического механизма повышения качества деловой среды использования вторичных молочных ресурсов с целью придания ей сетевых характеристик;
- активизацию научно-исследовательской деятельности специализированных организаций и инновационной деятельности бизнес-субъектов – потенциальных участников бизнес-сетей, коллабораций и кластера с целью поиска и обоснования инновационных идей использования вторичных молочных ресурсов;
- формирование посреднической инфраструктуры оценки потенциала и содействия поиску направлений использования вторичных молочных ресурсов, обоснованию новых и проведению экспертизы существующих инвестиционно-инновационных проектов;
- систематический мониторинг деловой среды использования вторичных молочных ресурсов на различных этапах ее кластерно-сетевой стратификации.

Потенциальными участниками кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов являются:

- государственные органы управления;
- хозяйствующие субъекты базовых отраслей кластерно-сетевой среды: молокоперерабатывающие производства, а также создаваемые в Республике Беларусь предприятия централизованного сбора и переработки вторичного молочного сырья;
- хозяйствующие субъекты структурообразующих отраслей кластерно-сетевой среды, способные использовать вторичное молочное сырье с целью выработки на его основе готовой продукции: предприятия мясо-молочной, хлебобулочной, кондитерской, спирто-водочной, косметической, фармацевтической, топливной отраслей промышленности, производства детского, спортивного питания, заменителей цельного молока;
- инфраструктурные организации: научно-технические, образовательные, инновационные, финансово-кредитные, транспортные, в долгосрочной перспективе – станкостроение и др.

Экспресс-характеристика прав и функциональных ролей участников кластерно-сетевой среды представлена в таблице 2:

Таблица 2 – Права и функциональные роли участников кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов

Вид участника	Права	Функциональные роли
государственные органы управления	<ul style="list-style-type: none"> - запрашивать и получать в установленном порядке необходимую для выполнения функциональных ролей информацию от участников кластерно-сетевой среды; - привлекать экспертов для исследования вопросов, относящихся к сфере деятельности акторов кластерно-сетевой среды, процессов кластеризации, использования вторичных молочных ресурсов; 	<ul style="list-style-type: none"> - исследовать факторы деловой среды использования вторичных молочных ресурсов, препятствующие и способствующие кластерно-сетевой стратификации; - разрабатывать и применять механизмы поддержки и содействия становлению кластерно-сетевой среды; - формировать основы правового регулирования создания и функционирования кластера; - осуществлять мониторинг проблем кластеризации и содействовать их решению;
базовые, структурообразующие, организационные кластера	<ul style="list-style-type: none"> - добровольно инициировать и добровольно прекращать партнерские взаимодействия с акторами кластерно-сетевой среды; - сохранять полную организационную, финансовую и экономическую самостоятельность; - получать государственную поддержку и услуги в области содействия кластерному развитию; 	<ul style="list-style-type: none"> - содействовать развитию кластерно-сетевой среды и воздерживаться от действий, противоречащих целям и задачам; - использовать вторичное молочное сырье в производстве конкурентоспособной, инновационной, кастромизированной, экспортоориентированной продукции; - принимать участие в коллективных мероприятиях интенсивного информационно-знаниевого обмена и др.; - генерировать идеи инноваций в области использования вторичных молочных ресурсов, запускать и реализовывать инновационные процессы; - генерировать идеи сотрудничества в форме коллаборации, принимать участие в совместных проектах;
сопряженные и инфраструктурные организации кластера	<ul style="list-style-type: none"> - добровольно вступать и добровольно прекращать участие в кластере; - сохранять полную организационную, финансовую и экономическую самостоятельность; - получать государственную поддержку, а также услуги в области содействия кластерному развитию; 	<ul style="list-style-type: none"> - содействовать развитию кластера и воздерживаться от действий, противоречащих его целям и задачам; - принимать участие в коллективных мероприятиях интенсивного информационно-знаниевого обмена и др.; - генерировать идеи инноваций в области использования вторичных молочных ресурсов, запускать и реализовывать инновационные процессы; - генерировать идеи сотрудничества в форме коллаборации, принимать участие в совместных проектах.

Источник: собственная разработка.

Схема формальной организации процессов и порядка взаимодействия участников на различных этапах реализации сетевой концепции становления кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов представлена на рисунке 2:

Рисунок 2 – Этапы и порядок взаимодействия участников в процессе реализации сетевой концепции кластеризации среды использования вторичных молочных ресурсов
 Источник: собственная разработка

Представленная на рисунке 2 процедура становления кластерно-сетевой среды на основе сетевого подхода отличается гибкостью и релевантностью по отношению к факторам внешней среды, интерактивным характером взаимодействия диверсифицированных акторов, наличием обратной связи с государственными органами управления. Следует обратить внимание, что дифференциации в разрезе стадий кластерно-сетевой стратификации подлежат не только мероприятия, определяющие порядок взаимодействия акторов в процессе становления кластерно-сетевой среды, но также механизмы государственной поддержки и содействия и вспомогательные инструменты информационного обеспечения и преодоления информационной асимметрии.

Выводы. Сетевая концепция становления кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов заключается в не форсируемом, последовательном прохождении акторами и бизнес-средой их функционирования следующих стадий: (1) становление сетевой среды межорганизационных коммуникаций и информационного обмена; (2) инициирование и совместная реализации проектов коллаборации; (3) возникновение и формализация кластерных инициатив; (4) становление кластеров. В соответствии с сетевой концепцией, кластерно-сетевая стратификация экономики – сложный длительный процесс, форсировать резкое скачкообразное развитие которого малоэффективно. Представленная общая концепция кластерно-сетевой стратификации должна рассматриваться в качестве фундаментальной как на уровне государственного, так и корпоративного управления в сфере использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь.

В отличие от запланированной к реализации в Республике Беларусь общей концепции кластеризации экономики, нашедшей правовое закрепление в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2014 г. № 27 «Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации», сетевая концепция предполагает процесс естественного поэтапного, а не форсированного становления кластеров, отправной точкой которого выступает осознание выгод, преимуществ сетевого взаимодействия потенциальными акторами кластерно-сетевой среды, а не прошедшая селективный отбор кластерная инициатива или формальная процедура кластеризации как результат централизованного решения органов государственного управления или коллективного управленческого решения группы стейкхолдеров. Предлагаемая для реализации процедура становления кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов на основе сетевого подхода отличается гибкостью и релевантностью по отношению к факторам внешней среды, интерактивным характером взаимодействия диверсифицированных акторов, наличием обратной связи с государственными органами управления. Сетевая концепция кластерной стратификации экономики служит катализатором естественного процесса становления устойчивых конкурентоспособных инновационных кластеров, что подтверждает ее актуальность и потенциальную эффективность в контексте содействия формированию инновационно-активной интенсивно-знаниевой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Roelandt, Theo J.A. Summary report of the focus group on clusters / Theo J.A. Roelandt, Pim den Hertog // Organisation for economic co-operation and development [Electronic resource]. – Paris, 1999. – Mode of access: www.oecd.org/sti/inno/2369025.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

2. Terstriep, J. Cluster Mapping – Analysis Grid / J. Terstriep // Institute for Work and Technology of the Westfälische Hochschule Gelsenkirchen Bocholt Recklinghausen [Electronic resource]. – Gelsenkirchen, 2008. – Mode of access: www.iat.eu/files/wp6-cluster_mapping_v1_5.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

3. Christensen, T.A. Let's make a perfect cluster policy and cluster programme. smart recommendations for policy makers / T. A. Christensen, T. Lämmer-Gamp, Gerd Meier zu Köcker // The Danish Ministry of Science. Innovation and Higher Education [Electronic resource]. – Copenhagen, 2012. – Mode of access: https://www.cluster-analysis.org/downloads/Clusters_web_singlepage_06092012.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

4. Ketels, C. Strengthening Clusters and Competitiveness in Europe. The Role of Cluster Organisations: Center for Strategy and Competitiveness / C.Ketels, G.Lindqvist, Ö.Sölvell // Clusterportal Baden-Wurtemberg Electronic Working

Paper Series [Electronic resource]. – October, 2012. – Mode of access: <http://www.clusterportal-bw.de/downloads/publikation/publikationen/download/dokument/strengthening-clusters-and-competitiveness-in-europe&usg=AOvVaw0sMUWERgjDE4yPFme8aQk>. – Date of access: 05.10.2017.

5. Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 16 января 2014 г. № 27 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 5/38322.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2019 года

THE FORMATION OF THE CLUSTER AND NETWORK ENVIRONMENT IN THE SPHERE OF SECONDARY DAIRY RESOURCES USAGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. I. Bakhmatova

ebakhmatova@mail.ru

senior teacher in the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article explores the prospects of increasing the efficiency of commercial and innovative potential of secondary dairy resources market in the Republic of Belarus on the basis of cluster and network environment formation. The potential competitive benefits of cluster and network stratification at the level of organizations, industries and national economy in general are characterized. The network concept of business environment clustering in the sphere of secondary dairy resources usage in the Republic of Belarus has been proposed. The scheme of the formal organization of processes and the interaction order of potential cluster and network environment participants at various stages of network concept implementation is represented.

Keywords: network, collaboration, cluster initiative, cluster, cluster and network environment, clustering, cluster and network.

References

1. Roelandt, Theo J.A. Summary report of the focus group on clusters / Theo J.A. Roelandt, Pim den Hertog // Organisation for economic co-operation and development [Electronic resource]. – Paris, 1999. – Mode of access: www.oecd.org/sti/innno/2369025.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

2. Terstriep, J. Cluster Mapping – Analysis Grid / J. Terstriep // Institute for Work and Technology of the Westfälische Hochschule Gelsenkirchen Bocholt Recklinghausen [Electronic resource]. – Gelsenkirchen, 2008. – Mode of access:

http://www.iat.eu/files/wp6-cluster_mapping_v1_5.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

3. Christensen, T.A. Let's make a perfect cluster policy and cluster programme. smart recommendations for policy makers / T. A. Christensen, T. Lämmer-Gamp, Gerd Meier zu Köcker // The Danish Ministry of Science. Innovation and Higher Education [Electronic resource]. – Copenhagen, 2012. – Mode of access: www.cluster-analysis.org/downloads/Clusters_web_singlepage_06092012.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

4. Ketels, C. Strengthening Clusters and Competitiveness in Europe. The Role of Cluster Organisations: Center for Strategy and Competitiveness / C.Ketels, G.Lindqvist, Ö.Sölvell // Clusterportal Baden-Wurttemberg Electronic Working Paper Series [Electronic resource]. – October, 2012. – Mode of access: www.clusterportal-bw.de/downloads/publikationen/download/dokument No. 27 1220 // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2014. – № 5/38322.

[%2Fstrengthening-clusters-and-competitiveness-in-europe%2F&usg=AOvVaw0s_MUWERgj_DE4yPFme_8aQk](http://www.clusterportal-bw.de/downloads/publikationen/download/dokument). – Date of access: 05.10.2017.

5. On Approval of the Concept of the formation and development of innovative and industrial clusters in Republic of Belarus and its implementation / Decision of the Council of Ministers of the Republic of Belarus d/d January, 16th, 2017

УДК 338.3(476)

ББК 65.300

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**И. А. Зубрицкая**

zubritskaya@tut.by

старший преподаватель кафедры «Маркетинг»
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье представлена концептуальная модель организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь. Раскрыты институциональные особенности цифровой трансформации обрабатывающей промышленности, взаимосвязи субъектов организационно-экономического механизма ее развития, регулятивные методы и инструменты их взаимодействий.

Ключевые слова: масштаб цифровой трансформации, интенсивность, эффективность, циклическая модель идентификации цифровой трансформации промышленности.

Введение. Тема мировых тенденций технико-технологических сдвигов, принадлежащих четвертой промышленной революции получила широкий и нарастающий резонанс среди передовой мировой общественности [1]. В связи с этим, в современных условиях глобализации, а также фундаментальных трансформаций в мировой экономике, смены производственных парадигм и перед белорусскими учеными встают актуальные вопросы научного, социально-экономического, технико-технологического характера, которые связаны с обоснованием внедрения передовых инновационных технологий в отрасли народного хозяйства [2].

Сущность и особенности современной политики цифровой трансформации экономики заключаются в новой индустриализации, обеспечивающей развитие и повышение конкурентоспособности традиционных и новых промышленных отраслей [3].

Таким образом, актуальной научной проблематикой определяются вопросы формирования радикально новых концептуальных подходов к обоснованию потенциальных управленческих решений в экосистеме цифровой экономики, создание благоприятной национальной институциональной среды для реализации цифровой трансформации промышленности [4]. В свою очередь разработка и внедрение научно-обоснованного организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности позволит адаптивно реагировать традиционной национальной промышленности на стремительные технико-технологические, социально-экономические и конъюнктурные изменения внешней макросреды, и своевременно использовать растущие возможности, а также противостоять новым потенциальным угрозам [5].

Учитывая результаты анализа мирового опыта цифровой трансформации промышленности, принимая во внимание влияние глобальной экосистемы цифровой экономики, а также фактическое технико-технологическое и экономическое состояние обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, по мнению автора, с целью внедрения разработан организационно-экономический механизм цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, который предназначен для

адаптивного преобразования в соответствии с новой производственной парадигмой, принадлежащей четвертой промышленной революции, традиционных производств обрабатывающей промышленности в высокотехнологичные и наукоемкие [5].

Таким образом, разработанный организационно-экономический механизм цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь отвечает требованиям проекта промышленного комплекса «Новая индустрия 2040» стратегии «Наука и технологии: 2028-2040» [6]. С целью повышения конкурентоспособности и общественной ценности обрабатывающей промышленности Республики Беларусь как устойчивой социально-экономической базовой платформы развития белорусской экономики, а также в целях повышения эффективности взаимодействия производителей с потребителями промышленной продукции, достижения прозрачности и гибкости производственных процессов, кардинального повышения производительности труда, разработанный организационно-экономический механизм цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь может использоваться для преобразования традиционных национальных промышленных предприятий в интеллектуальные предприятия XXI века с инструментами адаптивного внедрения технико-технологических средств концепции «Индустрия 4.0», уже применяемых индустриальными лидерами: Bosch, Festo, Rittal, Thyssen Krupp, Siemens, SAP и др. [7].

Результаты и их обсуждение. Понятие «организационно-экономический механизм» (далее – ОЭМ), широко применяется в научно-исследовательских работах, а также в монографиях и научной литературе экономического профиля. Еще в своих трудах великий немецкий философ Г. Гегель [8] отмечал многогранность понятия механизма и определял для него, помимо присутствия в технической сфере, применение в хозяйственном и экономическом контексте, тем самым, утверждая право и значение понятия механизма, как всеобщей логической категории. Сущность и содержание понятия хозяйственного и экономического механизма, раскрыта в фундаментальных исследованиях: А. Кульмана [9], А. Райзберга [10, 11], Л. И. Абалкина [12,13], Ю. М. Осипова [14,15], и др. А позднее, в период реформирования экономики, тема сущности экономического механизма в условиях экономической трансформации поднята в современных исследованиях: А. П. Градова [16], Н. Л. Удальцовой [17], Т. Г. Зориной [18], А. И. Бородина [19], А. Н Бычковой [20], Е. В. Опекун [21], С. Л. Горбацевича [22], В. Ю. Шутилина [23] и др.

На основании результатов исследования мирового опыта внедрения технико-технологических средств четвертой промышленной революции, можно утверждать, что промышленные предприятия, имеющие опыт внедрения инновационных технико-технологических средств четвертой промышленной революции, соответствующих V и VI технологическим укладам [24], такие как Bosch, Festo, Rittal, Thyssen Krupp, Siemens, SAP и др. [7] стали мировыми индустриальными лидерами, которые экспериментируют и получают глобальные конкурентные преимущества от цифровой трансформации промышленности. Благодаря оперативному внедрению технико-технологических средств глобальных мегатрендов промышленные предприятия и организации быстро адаптируются к изменяющимся рыночным условиям [25]. Повышение производственной гибкости, адаптивности промышленного предприятия формирует возможность оперативного реагирования на сигналы изменения условий промышленного рынка, в том числе, появляется возможность удовлетворения индивидуализированных потребностей потребителя промышленной продукции в рамках массового производства.

Таким образом, с учетом проведенных ранее научных исследований содержания организационно-экономического механизма как совокупности элементов управления с определенными принципами, методами и взаимосвязями, а также институциональными инструментами, которые обеспечивают целевое изменение состояния субъектов

и объектов системы в долгосрочном периоде, сформирована структура концептуальной модели организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь (рисунок 1).

Разработанная автором и представленная на рисунке 1 концептуальная модель состоит из субъектов, объектов, взаимосвязей между ними, а также внешних и внутренних факторов. Так, к субъектам организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь относятся промышленные предприятия (корпоративный уровень) и организации инфраструктуры (государственные учреждения и ведомства (национальный уровень), а также функциональные и обеспечивающие системы, формирующие институциональную среду для цифровой трансформации промышленности в рамках интеграционного экономического объединения ЕАЭС (наднациональный уровень). К субъектам механизма относятся также технологические цифровые платформы, прикладные интернет-сервисы, информационно-аналитические системы, объединенные в цифровую интеграционную платформу на всех уровнях механизма. Вместе с тем, к объектам организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь принадлежат промышленные товары и услуги, т.е. промышленные продукты, производимые и реализуемые предприятиями обрабатывающей промышленности Республики Беларусь на внутреннем и внешнем рынках.

Обозначая внешние основные факторы, оказывающие влияние на процессы цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, необходимо выделить следующие: технико-технологические мегатренды четвертой промышленной революции [25]; международные институты влияющие на формирование экосистемы цифровой экономики страны в целом [26]; интеграционные процессы, формирующие международные отношения [27]; спрос на национальную промышленную продукцию на внутреннем и внешнем промышленных рынках; приоритетные глобальные направления и стратегии развития отраслевых конкурентов на международном уровне [23]; существующие и потенциальные киберугрозы и др.

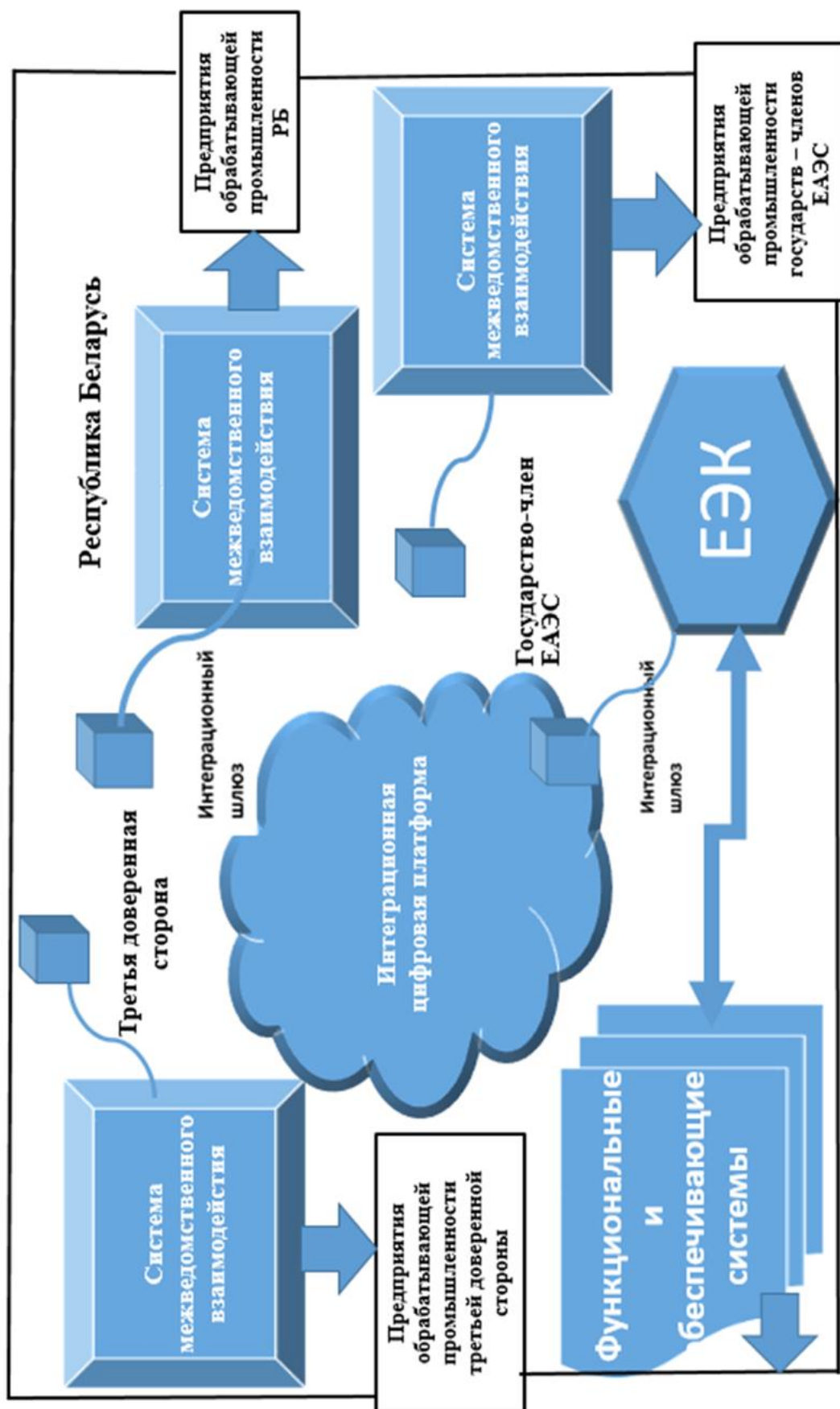

Рисунок 1 – Концептуальная модель организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь

Ключевыми внутренними факторами, оказывающими влияние на цифровую трансформацию обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, являются: противостояние внедрению передовых технико-технологических средств, такие как человеческий фактор, вопросы социальной безопасности, недостаточность финансирования и др.

Векторы развития и движущие силы организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности Республики Беларусь, источники изменения его целевых функций, а также контролируемые параметры субъектов и объектов ограничены системой принципов, взаимосвязанных и взаимодополняющих ценностей, разделяемых субъектами механизма. Так, основными принципами, которые положены в основу организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь являются:

- целенаправленность – соответствие механизма целям функционирования и развития отрасли, содействие устойчивому развитию национальной промышленности;
- системность – упорядочение и структурирование взаимодействия всех элементов организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности;
- адаптивность – быстрое реагирование на различные изменения внешней и внутренней среды;
- комплексность – согласование интересов всех субъектов организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности;
- инновационность – ориентация организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности на инновационное развитие экономики в целом.

С учетом результатов ранее проводившихся исследований процессов цифровой трансформации промышленности [7], при разработке поставлена главная цель - сформировать организационно-экономический механизм цифровой трансформации промышленности, реализация которого обеспечит долгосрочные конкурентные преимущества обрабатывающей промышленности Республики Беларусь как необходимого условия обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития национальной экономики в целом, а реализация стратегических целей и задач организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности определена принципом комплексности. Настоящим стоит отметить, что эффективность организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленности и согласование интересов субъектов экосистемы цифровой экономики с ее цифровой инфраструктурой находятся в корреляционной зависимости друг от друга, поскольку развитие приоритетных направлений национальной экономики и эффективность используемых в процессе реализации инструментов управления не действительны без создания благоприятных условий и формирования экономических стимулов цифровой трансформации промышленности.

Таким образом, в организационно-экономическом механизме цифровой трансформации обрабатывающей промышленности Республики Беларусь) предметное и первоочередное внимание уделено формированию и совершенствованию институциональной среды, которая обеспечивает цифровую трансформацию промышленности, методической, инструментальной компонентами, ключевыми целевыми экономическими показателями, а также параметрам результативности цифровой трансформации обрабатывающей промышленности. Так, предлагаемый организационно-экономический механизм цифровой трансформации обрабатывающей промышленности состоит из блоков: технико-технологического, управленческого, экономического, компетентностного.

Взаимодействия между ними реализуется посредством различных методов и инструментов. Методы сведены в группы по институциональным признакам: регулятивные (законодательные), финансово-экономические и организационно-управленческие. При этом основу организационно-экономического механизма цифровой трансформации

обрабатывающей промышленности составляют следующие институциональные инструменты: институт национальной промышленной политики на национальном уровне, функционально взаимодействующий с нормативно-правовым макро-институтом экосистемы цифровой трансформации промышленности в рамках интеграционного экономического объединения ЕАЭС на наднациональном уровне; финансово-инвестиционный институт, обеспечивающий привлечение в Республику Беларусь иностранных инвестиций и распределения их; организационно-управленческий институт цифровой трансформации промышленности, формирующий конкурентные преимущества обрабатывающей промышленности в долгосрочной перспективе путем цифровой трансформации промышленных предприятий на корпоративный уровень; экономический институт цифровой трансформации промышленности; институт генерирования и диффузии знаний и компетенций в области цифровой трансформации промышленности; институт кибербезопасности; институт социальной безопасности на наднациональном, национальном и корпоративном уровнях механизма.

Кроме этого, институциональные преобразования в обрабатывающей промышленности Республики Беларусь должны обеспечивать организацию рационального взаимодействия крупных, средних и малых хозяйствующих субъектов отрасли различных форм собственности, достигая единую цель, объединенные институтом промышленной политики, осуществляющего вышеописанные функции, в части:

координации действий субъектов, позволяющая снизить издержки развития обрабатывающей промышленности;

определение множества возможных действий, исключая из них те, выбор которых может повлечь санкции и величина ущерба от которых, превысит выгоду;

перераспределение ресурсов, издержек, прибылей, либо непосредственно по своему содержанию (например, правила налогообложения), либо косвенно – через ограничение возможных действий и их координацию.

проведения взвешенной политики создания крупных государственных предприятий цифровой промышленности, используя при этом уже имеющиеся традиционные структуры.

проведения в рамках интеграционного сотрудничества взаимодействия с ведущими индустриальными лидерами, применяющими технико-технологические средства четвертой промышленной революции в промышленном производстве,

формирования экспортной направленности, чему в значительной степени способствует диффузия компетенций, навыков и знаний технико-технологических средств цифровой трансформации промышленных предприятий.

Выводы. В заключении необходимо подчеркнуть, что развитие институциональной среды цифровой трансформации промышленности Республики Беларусь в текущих условиях, состояния внешнего и внутреннего окружения влияют на функционирование организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности, который разработан с целью формирования конкурентных преимуществ обрабатывающей промышленности Республики Беларусь в долгосрочной перспективе. Исходя из основной цели цифровой трансформации промышленности, а также текущих параметров состояния обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, приоритетная роль в развитии организационно-экономического механизма цифровой трансформации обрабатывающей промышленности на национальном уровне отводится институту национальной промышленной политики и разработанным стратегическим программам промышленного развития. Институт промышленной политики выполняет при этом интегрирующую функцию, обеспечивая, с одной стороны, реализацию ключевых целей отрасли промышленности, определяемых институтами

макроэкономического регулирования на наднациональном уровне. С другой стороны, задачами института национальной промышленной политики является установление обратной связи между отраслевыми рынками и институтами, относимыми к внешней части механизма. Таким образом, функционально ему отведена роль увеличения объемов экспорта конкурентоспособной высокотехнологичной национальной промышленной продукции на внешних промышленных рынках, составлении дорожной карты реализации цифровой трансформации промышленности и разработке стратегических целей устойчивого развития обрабатывающей промышленности Республики Беларусь.

Обратная связь обеспечивается посредством обобщенных модулей диагностики эффективности цифровой трансформации промышленности, оценки уровня реализации конкурентного преимущества, сформированного в стратегических целях, как субъектный анализ, а также сравнительного межстранового анализа конкурентоспособности промышленности по отношению к ключевым конкурентам.

Организационно-управленческий институт цифровой трансформации промышленности, руководствуясь национальной промышленной политикой, призван обеспечить развитие цифровой трансформации на промышленных предприятиях (корпоративный уровень) в соответствии с системой международных цифровых стандартов взаимодействия инновационного промышленного производственного оборудования, коммуникационных систем искусственного интеллекта, глобальных компьютерных сетей, и высокопрофессионального трудового ресурса, способного управлять большими объемами данных и обеспечить новые подходы к планированию организации промышленного производства.

Кроме этого, цифровая трансформация промышленных предприятий требует сильного руководства – только оно может быть драйвером киберфизических преобразований производственных процессов [30] с целью приоритетного увеличения экспортной компоненты в объемах реализации высокотехнологичной и наукоемкой промышленной продукции.

Таким образом предлагаемая в статье концепция организационно-экономического механизма цифровой трансформации промышленных предприятий Республики Беларусь может быть рассмотрена как методическая основа для определения и корректировки стратегических целей национальной промышленной политики, приоритетов внедрения технико-технологических средств четвертой промышленной революции в традиционные отрасли белорусской промышленности, для разработки и применения современных экономических качественных и количественных показателей роста экспорта высокотехнологичной и наукоемкой промышленной продукции, повышения конкурентоспособности белорусской промышленности, выполнения международных обязательств страны в рамках экономической интеграции, для расстановки приоритетов национальной безопасности и четких взаимосвязей цифровых национальных повесток Республики Беларусь с цифровыми повестками Евразийского экономического союза.

Список использованных источников

1. Шваб, К.М. Четвертая промышленная революция. – Москва: ООО «Издательство Э», 2016. – 317 с.
2. Мясникович, М.В. Актуальная повестка развития Белорусской экономики в условиях интеграции/ М.В. Мясникович. – Минск: Белорусская наука, 2017. – 278 с.
3. Солодовников, С. Ю. Кризис наноиндустрии и новая структурная политика / С. Ю. Солодовников // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов : сб.матер. XI Международной научн.-практ. конф., 23 ноября 2017 г. : в 2 т. /

Белорусский нац. техн. университет, Факультет технологий управления и гуманитаризации, Кафедра "Экономика и право"; пред. редкол. С. Ю. Солодовников. - Минск : БНТУ, 2017. - Т. 1. - 2017. - С. 34-39.

4. Ковалев, М. М. Цифровая экономика-шанс для Беларуси / Ковалев, М. М., Г. Г. Головенчик – Минск, Бел. гос. ун-т, 2018. - 299с.

5. Нехорошева, Л. Н. Глобальные вызовы в контексте четвертой промышленной революции: новые требования к национальной экономике и угроза возникновения «технологической пропасти» / Л. Н. Нехорошева // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. ст. в 4 ч. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск, 2017. – ч. 1. – С. 951–110.

6. Проект стратегии «Наука и технологии 2018-2040, подготовленный во исполнение поручений Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 7.04.2017г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 24.09.2018.

7. Зубрицкая, И.А. Концепция «Индустрия 4.0» и предпосылки ее применения в отечественной промышленности./ И.А. Зубрицкая //Наука и инновации: научно-практический журнал // -2018, №7 – С.38.

8. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук в 3 т., т. 1, с.452

9. Кульман А. Экономические механизмы./ Анри Кульман ; Пер. с фр. Е. П. Островской; Общ. ред. Н. И. Хрустальной. - Москва: Издат. группа «Прогресс»; «Универс», 1993. – С.12.

10. Райзберг, Б.А., Курс экономики: учебник: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим и неэкономическим специальностям / Б. А. Райзберг, Е. Б. Стародубцева. – Москва : Инфра-М, 2017. – 5-е изд. – 684с.

11. Современный социоэкономический словарь / Б. А. Райзберг. – Москва: Инфра-М, 2009. – 628 с.

12. Абалкин Л.И., Хозяйственный механизм общественных формаций /Л. И. Абалкин, А. П. Бакалов, Э. А. Быстрицкая и др. - Москва: Мысль, 1986. - 268 с.

13. Абалкин, Л. И. Что такое хозяйственный механизм? – Москва: Мысль, 1980. – 76 с.

14. Осипов Ю.М., Неодирижизм и модернизация российской экономики: коллективная

монография / Ю. М. Осипов - Москва: Прспект, 2016. - 172 с.

15. Осипов, Ю. М. Антология современной философии хозяйства в 2 томах/ Ю. М. Осипов – Москва: Моск. гос. ун - т им. М. В. Ломоносова, 2010 – 660 с.

16. Градов, А.П. Национальная экономика: для студентов, обучающихся по специальности "Национальная экономика" и другим экономическим специальностям / А. П. Градов - Санкт-Петербург: Питер пресс, 2007. – 2-е изд. – 233 с

17. Удальцова, Н.Л., Организационно-экономический механизм функционирования отрасли национальной экономики. / Н.Л. Удальцова – Москва: Фин. ун-т при правит. Рос. Фед. 2012. С.94-98, (Серия «Экономика и управление» вып. 6).

18. Зорина, Т.Г. Организационно-экономические условия развития электроэнергетики в Беларуси / Т.Г. Зорина // Наука и инновации: науч.-практ. журнал / учредитель Национальная академия наук Беларуси. – 2016. – № 6. – С. 41–46

19. Бородин, А. И. Состав и структура организационно-экономического механизма стратегического развития предприятия / А. И. Бородин - Томск: Том.политех. ун-т. 2003. С.124-126, (Изв. Том. политех. ун-та Т. 306. вып 4).

20. Бычкова, А. Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение / А. Н. Бычкова - Омск: Омский гос. ун-т. 2010. С. 37–43, (Серия «Экономика» ; вып. 4).

21. Опекун, Е.В. Инструменты организационно-экономического механизма инновационного развития предприятия / Е.В. Опекун // Экономика и управление. – 2014. – № 4. – С. 34–37.

22. Горбацевич, С.Л. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности продукции предприятий Республики Беларусь: дис. канд. экон. наук : 08.00.05 / С.Л. Горбацевич,– Минск, 2002. – 190 с.

23. Шутилин, В. Ю. Конкурентный потенциал машиностроительного комплекса Республики Беларусь: теория, методология, инструменты измерения, механизм формирования: дис. докт. экон. наук : 08.00.05 / В. Ю. Шутилин,– Минск, 2017. – 338 с.

24. Зубрицкий, А.Ф. Научное обеспечение новейших технологических укладов в Республике Беларусь. / А.Ф. Зубрицкий, Н.Ф. Зень-

чук, И.А. Зубрицкая // Новости науки и технологий: научно-практический журнал// – 2017, № 4. – С. 35-41.

25. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза, Евразийская экономическая комиссия Департамент промышленной политики. Информационно-аналитический отчет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%2013.02.2017.pdf - Дата доступа: 10.09.2018.

26. Якушенко, К.В. Формирование единого информационного пространства международных экономических объединений: опыт ЕАЭС/ К.В. Якушенко // Женщины-ученые Беларуси и Казахстана: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 марта 2018 г. / редкол.: И. В. Казакова [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 367-370.

27. Данильченко, А. В. Перспективы развития интеграционных процессов в ЕАЭС / А. В. Данильченко, Е. А. Семак // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. ст. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск, 2017. – ч. 1. – С.57-62.

28. Солодовников, С. Ю. Цели и инструменты промышленной политики в Республике Беларусь / С. Ю. Солодовников, А. Ш. Маргарян // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов: сборник мат. XII Междунар. науч.-практ. конф., 15 марта 2018 г. / Белорусский нац. техн. ун-т ; пред. редкол. С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2018. – С. 225-226.

29. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2012 г. N 622 Об утверждении Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-prinjata-programma-razvitiya-promyshlennogo-kompleksa-na-period-do-2020-goda-86770-2012>// Дата доступа: 12.09.2018.

30. Зубрицкая, И. А. Киберфизические системы и искусственный интеллект в управлении промышленными предприятиями Республики Беларусь в рамках четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) / Зубрицкая И.А. // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. ст. в 4 ч. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск, 2017. – ч. 4. – С. 45.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2019 года

CONCEPTUAL MODEL OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF DIGITAL TRANSFORMATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. A. Zubritskaya

zubritskaya@tut.by

Senior lecturer of the department "Marketing"

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus.

The article presents a conceptual model of the organizational and economic mechanism of digital transformation of the manufacturing industry of the Republic of Belarus. Institutional features of digital transformation of manufacturing industry, interrelations of subjects of organizational and economic mechanism of its development, regulatory methods and tools of their interactions are revealed.

Keywords: *scale digital transformation, intensity, efficiency, cyclic model of identification of digital transformation of industry.*

References

1. Shvab, K.M. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. – Moskva: OOO «Izdatelstvo E», 2016. – 317 s.
2. Myasnikovich, M.V. Aktualnaya povestka razvitiya Belorusskoj ekonomiki v usloviyah integracii/ M.V. Myasnikovich.-Minsk: Belorusskaya nauka, 2017.-278 s.
3. Solodovnikov, S. Yu. Krizis nanoindustrii i novaya strukturnaya poli-tika / S. Yu. Solodovnikov // Modernizaciya hozyajstvennogo mehanizma skvoz prizmu ekonomicheskikh, pravovyh, socialnyh i inzhenernyh podhodov : sb.mater. XI Mezhdunarodnoj nauchn.-prakt. konf., 23 noyabrya 2017 g. : v 2 t. / Belorusskij nac. tehn. universitet, Fakultet tehnologij upravleniya i gumani-tarizacii, Kafedra "Ekonomika i pravo" ; pred. redkol. S. Yu. Solodovnikov. - Minsk : BNTU, 2017. - T. 1. - 2017. - S. 34-39.
4. Kovalev, M. M. Cifrovaya ekonomika-shans dlya Belarusi / Kovalev, M. M., G. G. Golovenchik – Minsk, Bel. gos. un-t, 2018. - 299s.
5. Nehorosheva, L. N. Globalnye vyzovy v kontekste chetvortoj promysh-lennoj revolyucii: novye trebovaniya k nacionalnoj ekonomike i ugroza vzniknoveniya «tehnologicheskoy propasti» / L. N. Nehorosheva // Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy: sb. st. v 4 ch. / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut ekonomiki NAN Belarusi ; redkol.: V. I. Belskij [i dr.]. – Minsk, 2017. – ch. 1. – S. 951–110.
6. Proekt strategii «Nauka i tehnologii 2018-2040, podgotovlennyy vo ispolnenie poruchenij Prezidenta Respubliki Belarus A. G. Lukashenko ot 7.04.2017g. [El-ektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Data dostupa: 24.09.2018.
7. Zubrickaya, I.A. Konceptciya «Industriya 4.0» i predposylki ee primeneniya v otechestvennoj promyshlennosti./ I.A. Zubrickaya //Nauka i innovacii: nauchno-prakticheskij zhurnal // - 2018, № 7 – C.38.
8. Gegel, G. Enciklopediya filosofskih nauk v 3t., t. 1, s.452
9. Kulman A. Ekonomicheskie mehanizmy./ Anri Kulman ; Per. s fr. E. P. Os-trovskoj; Obsh. red. N. I. Hrustalevoj. - Moskva: Izdat. gruppа «Progress»; «Univers», 1993. – S.12.
10. Rajzberg, B. A. Kurs ekonomiki: ucheb-nik: dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushihhsya po ekonomicheskim i neekonomicheskim specialnostyam / B. A. Rajzberg, E. B. Starodubceva. - Moskva : Infra-M, 2017. - 5-e izd.- 684s.
11. Sovremennyy socioekonomicheskij slovar / B. A. Rajzberg. - Moskva: Infra-M, 2009. – 628 s.
12. Abalkin L.I., Hozyajstvennyj mehanizm obshestvennyh formacij /L. I. Abal-kin, A. P. Bakalov, E. A. Bystrickaya i dr. - Moskva: Mysl, 1986. - 268 s.
13. Abalkin, L. I. Chto takoe hozyajstvennyj mehanizm? – Moskva: Mysl, 1980. – 76 s.
14. Osipov Yu.M., Neodirizhizm i modernizaciya rossijskoj ekonomiki: kollektivnaya monografiya / Yu. M. Osipov - Moskva: Prospekt, 2016. - 172 s.
15. Osipov, Yu. M. Antologiya sovremennoj filosofii hozyajstva v 2 tomah/ Yu. M. Osipov - Moskva: Mosk. gos. un - t im. M. V. Lomono-sova, 2010 – 660 s.
16. Gradov, A.P. Nacionalnaya ekonomika: dlya studentov, obuchayushihhsya po specialnosti "Nacionalnaya ekonomika" i drugim ekonomicheskim special-nostyam / A. P. Gradov - Sankt-Peterburg: Piter press, 2007. - 2-e izd. - 233 s
17. Udalcova, N.L. Organizacionno-ekonomicheskij mehanizm funkcionirovaniya otrasli nacionalnoj ekonomiki. / N.L. Udalcova – Moskva: Fin. un-t pri pravit. Ros. Fed. 2012. S.94-98, (Seriya «Ekonomika i upravlenie» vyp. 6).
18. Zorina, T.G. Organizacionno-ekonomicheskie usloviya razvitiya elektro-energetiki v Belarusi / T.G. Zorina // Nauka i innovacii: nauch.-prakt. zhurnal / uchreditel Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi. – 2016. – № 6. – S. 41–46.
19. Borodin, A. I. Sostav i struktura organizacionno-ekonomicheskogo mehanizma strategicheskogo razvitiya predpriyatiya / A. I. Borodin - Tomsk: Tom.politeh. un-t. 2003. S.124-126, (Izv. Tom. polit. un-ta T. 306. vyp 4).
20. Bychkova, A. N. Ekonomicheskij mehanizm: opredelenie, klassifikaciya i primeneniye / A. N. Bychkova - Omsk: Omskij gos. un-t. 2010. S. 37–43, (Seriya «Ekonomika» ; vyp. 4).
21. Opekun, E.V. Instrumenty organizacionno-ekonomicheskogo mehanizma innovacionnogo razvitiya predpriyatiya / E.V. Opekun // Ekonomika i upravlenie. – 2014. – № 4. – S. 34–37.
22. Gorbacevich, S.L. Organizacionno-ekonomicheskij mehanizm obespecheniya konkurentosposobnosti produkcii predpriyatij Respubliki

Belarus: dis. kand. ekon. nauk : 08.00.05 / S. L. Gorbacevich, – Minsk, 2002. – 190 s.

23. Shutilin, V. Yu. Konkurentnyj potencial mashinostroitel'nogo kompleksa Respubliki Belarus: teoriya, metodologiya, instrumenty izmereniya, mehanizm formirovaniya: dis. dokt. ekon. nauk : 08.00.05 / V. Yu. Shutilin, – Minsk, 2017. – 338 s.

24. Zubrickij, A.F. Nauchnoe obespechenie novejsih tehnologicheskikh ukla-dov v Respublike Belarus. / A.F. Zubrickij, N.F. Zenchuk, I.A. Zubrickaya // Novosti nauki i tehnologij: nauchno-prakticheskij zhurnal// – 2017, № 4, S. 35-41.

25. Analiz mirovogo opyta razvitiya promyshlennosti i podhodov k cifrovoj transformacii promyshlennosti gosudarstv-chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza, Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya Departament promyshlennoj politiki. Informacionno-analiticheskij otchet. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: //http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%2013.02.2017.pdf// - Data dostupa: 10.09.2018.

26. Yakushenko, K.V. Formirovanie edinogo informacionnogo prostranstva mezhdunarodnyh ekonomicheskikh obedinenij: opyt EAES/ K.V. Yakushenko // Zhenshiny-uchenye Belarusi i Kazahstana: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 1–2 marta 2018 g. / redkol.: I. V. Kazakova [i dr.]. – Minsk: RIVSh, 2018. – S. 367-370.

27. Danilchenko, A. V. Perspektivy razvitiya integracionnyh processov v EAES / A. V. Danil-

chenko, E. A. Semak // Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy: sb. st.. / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut ekonomiki NAN Belarusi ; redkol.: V. I. Belskij [i dr.]. – Minsk, 2017. – ch. 1. – S.57-62.

28. Solodovnikov, S. Yu. Celi i instrumenty promyshlennoj politiki v Respublike Belarus / S. Yu. Solodovnikov, A. Sh. Margaryan // Modernizaciya hozyajstvennogo mehanizma skvoz prizmu ekonomicheskikh, pravovyh, socialnyh i inzhenernyh pod-hodov: sbornik mat. XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 15 marta 2018 g. / Belorusskij nac. tehn. un-t ; pred. redkol. S. Yu. Solodovnikov. – Minsk : BNTU, 2018. – S. 225-226.

29. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus ot 5 iyulya 2012 g. N 622 Ob utverzhdenii Programmy razvitiya promyshlennogo kompleksa Res-publiki Bela-rus na period do 2020 goda. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-prinjata-programma-razvitija-promyshlennogo-kompleksa-na-period-do-2020-goda-86770-2012/> Data dostupa: 12.09.2018.

30. Zubrickaya, I. A. Kiberfizicheskie sistemy i iskusstvennyj intellekt v uprav-lenii promyshlennymi predpriyatiami Respubliki Belarus v ramkah chetvertoj promyshlennoj revolyucii (Industriya 4.0) / Zubrickaya I.A. // Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy: sb. st. v 4 ch. / Nacionalnaya akademiya nauk Belarusi, Institut ekonomiki NAN Belarusi ; redkol.: V. I. Belskij [i dr.]. – Minsk, 2017. – ch. 4. – S. 45.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей
«Экономическая наука сегодня»

Регистрационные формы и статьи принимаются в формате в виде файла **MSWord (.doc)** по email: ek.nauka.today@mail.ru.

При оформлении статьи необходимо **строго следовать нижеуказанным правилам и рекомендациям по подготовке статей**, в противном случае редакционный совет оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы. Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, а также ответственность за несоблюдение авторских прав.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ФОРМА АВТОРА СТАТЬИ

1	Фамилия, имя, отчество (полностью)	
2	Место работы	
3	Должность	
4	Ученая степень	
5	Ученое звание	
6	Почтовый адрес для переписки (с почтовым индексом)	
7	Контактный телефон	
8	E-mail	
9	Название статьи	
10	Дата предоставления статьи в редакцию	

Технические требования к оформлению статей

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию статью: объемом до 40 000 знаков (с пробелами) для доктора наук и объемом от 15 500 до 20 000 знаков (с пробелами) для кандидата наук и соискателя.

Разметка страницы:

Поля. Верхнее – 2 см. Нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Ориентация Книжная.

Размер бумаги А4 (210x297 мм).

Шрифт Times New Roman размером 12 пт. для всех элементов статьи (в таблицах допускается уменьшение шрифта до 10 пт.)

Абзац – 1 см:

Отступ:

перед – 0 см

после – 0 см

первая строка – 1 см.

Интервал:

перед – 0 см

после – 0 см

Междустрочный интервал – одинарный.

Запрет висячих строк.

Разметка страницы→**Расстановка переносов**→**Параметры расстановки переносов**

✓ Автоматическая расстановка переносов

Ширина зоны переноса слов – 0,63 см.

Макс. число последовательных переносов – 4.

Заголовки, наименование должности, названия таблиц и рисунков не переносятся.

Страницы не нумеруются.

УДК указывается слева в верхнем углу обычным шрифтом.

ББК указывается здесь же на следующей строке.

Заголовки, аннотация, ключевые слова и информация об авторах указывается на двух языках – английском и русском. Слева с отступом 1 см жирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи. Ниже справа жирным шрифтом строчными буквами – инициалы и фамилия автора, ниже обычным шрифтом – его e-mail, статус, занимаемая должность для каждого автора, полное наименование организации учебы или работы автора, город, страна. Через интервал ниже наклонным шрифтом обычными буквами (выравнивание по ширине) печатается аннотация – до 10 строк. На следующей строке наклонным шрифтом (выравнивание по ширине) печатаются ключевые слова – до 10.

Далее через интервал следует текст статьи, разделенный на структурные части (введение, результаты и их обсуждение, выводы, список использованных источников), название которых печатается жирным шрифтом.

В разделе «Введение» должен быть дан краткий обзор литературы по данной проблеме, указаны не решенные ранее вопросы, сформулирована и обоснована цель работы и, если необходимо, указана ее связь с важными научными и практическими направлениями. Во введении следует избегать специфических понятий и терминов. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором статьи научных достижений в соответствующей области. В этой связи обязательными являются ссылки на работы других авторов. Должны присутствовать ссылки на публикации последних лет, включая зарубежные публикации в данной области.

Основная часть статьи «Результаты и их обсуждение» должна содержать описание методологии, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками) и содержать анализ последних публикаций, посвященных решению вопросов, относящихся к данным подразделам.

В разделе «Выводы» должны быть в сжатом виде сформулированы основные полученные результаты с указанием их новизны, преимуществ и возможностей применения. При необходимости должны быть также указаны границы применимости полученных результатов.

Далее через интервал приводится список использованных источников. Ниже указываются данные (наименование статьи, информация об авторе, аннотация, ключевые слова) на английском языке.

Иллюстрации, таблицы, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. Иллюстрации и таблицы отражаются только после их упоминания в тексте.

Таблица 1 – Название таблицы (Times New Roman, размер шрифта 12, строчные буквы, выравнивание по ширине, одинарный интервал, обычный шрифт)

Текст (кегель 12, допускается уменьшение до 10)
--

Источник: <...>.

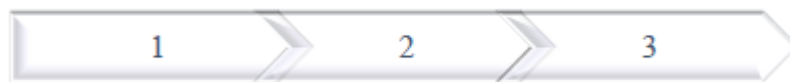

Рисунок 1 – Название рисунка (Times New Roman, размер шрифта 12, строчные буквы, выравнивание по центру, одинарный интервал, обычное начертание, рисунок выполняется в черно-белом формате, рисунки, выполненные в MS Excel, должны быть продублированы исходным файлом с соблюдением требований по цвету, ссылка на источник информации)

Источник: <...>.

(Пробел)

Правила научного цитирования должны быть строго соблюдены. При написании научной статьи автор должен руководствоваться п. 16 Постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28.02.2014 г. № 3 [«Об утверждении инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы \(диссертации\) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации»](#), в частности, делать «ссылки на источники <...>, из которых он заимствует материалы или отдельные результаты. **Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек**» (п. 16 указанного Постановления). В случае нарушений автором правил научного цитирования редакция оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Список использованных источников оформляется на русском языке (а также в романском алфавите (латинице)) в соответствие с документом [«Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате»](#), утвержденным Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 25.07.2014 г. № 159 (в редакции Приказа Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 08.09.2016 г. № 206). Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2, с. 36], [3; 4]).

Исключения возможны по решению редакционного совета. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей. Рецензии по присылаемым статьям авторам не предоставляются.

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей

Выпуск 9

Ответственный за выпуск *Т. В. Сергеевич*
Компьютерная верстка *Т. В. Сергеевич*

Подписано в печать 27.06.2019. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 32,55. Уч.-из. л. 12,73. Тираж 100. Заказ 415.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.